ДОСОКРАТИКИ.

Первые греческіе мыслители въ ихъ твореніяхъ, въ свидѣтельствахъ древности и въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій.

Историко-критическій обзоръ и переводъ фрагментовъ, доксографическаго и біографическаго матеріала

Александра Маковельскаго,
Приватъ-доцента Казанскаго Университета.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Элеатовскій періодъ).

КАЗАНЬ.
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА М. А. ГОЛУБЕВА.
1915.

ДОСОКРАТИКИ.

Первые греческіе мыслители въ ихъ твореніяхъ, въ свидѣтельствахъ древности и въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій.

Историко-критическій обзоръ и переводъ фрагментовъ, доксографическаго и біографическаго матеріала

Александра Маковельскаго,

Приватъ-доцента Казанскаго Университета.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Элеатовскій періодъ).

КАЗАНЬ.
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА М. А. ГОЛУБЕВА.
1915.

Оглавленіе.

ОПЕЧАТКИ.

Страница	*Строка*	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
4	1 снизу	прстымъ	пустымъ
59	23 сверху	медленнаго	медлительнаго
64	14 снизу	у Брошара	у Брошара, Ноэля
66	7 снизу	однородности	равномощности
67	14 и 15 сверху	однородными	равномощными
118	11 сверху	„единаго, т. е. состоянія“	„единаго“, т. е. состоянія
131	4 снизу	Діогенъ XIII	Діогенъ VIII
186, сноска 2	3 снизу	свѣтилъ	свѣтитъ

Предисловіе.

Вторая часть „Досократиковъ“ выходитъ въ свѣтъ позже, чѣмъ предполагалось первоначально. Обработанный для печати матеріалъ былъ утраченъ переводчикомъ, котораго историческій день 19 іюля 1914 г. засталъ въ Берлинѣ. Пришлось произвести всю работу вторично, но при этомъ не удалось возстановить книгу въ первоначальной полнотѣ (вслѣдствіе невозможности использовать нѣкоторыя изслѣдованія за отсутствіемъ ихъ въ библіотекахъ Россіи). Къ счастію, сохранился черновикъ перевода матеріала, относящагося къ Зенону и Мелиссу, который былъ сдѣланъ мной совмѣстно съ К. И. Сотонинымъ. Что касается утеряннаго моего перевода фрагментовъ Эмпедокла, то читатель будетъ болѣе чѣмъ вознагражденъ параллельнымъ приведеніемъ взамѣнъ его переводовъ проф. Э. Л. Радлова, и пр.-доц. Г. И. Якубаниса. Превосходный переводъ проф. Э. Л. Радлова, несмотря на то, что сдѣланъ 25 лѣтъ тому назадъ, еще до появленія критическаго изданія Г. Дильса, во многихъ отношеніяхъ не утратилъ своего значенія и понынѣ. Г. И. Якубанисъ уже полагаетъ въ основу перевода изданіе текстовъ Дильса, и его переводъ отличается величайшей тщательностью выполненія и вдумчивостью отношенія къ изучаемому матеріалу (стихотворный же переводъ часто отличается художественностью). Однако, въ своемъ пониманіи философіи Эмпедокла (и отдѣльныхъ мѣстъ его поэмы) мы стоимъ ближе къ проф. Э. Л. Радлову, такъ какъ Г. И. Якубанисъ слишкомъ идеализируетъ агригентинскаго мыслителя, въ противоположность трезвому и болѣе критическому отношенію къ нему проф. Э. Л. Радлова. Въ виду крайне медленной работы типографіи стихотворный переводъ Г. И. Якубаниса будетъ помѣщенъ въ третьей части „Досократиковъ“.

А. Маковельскій.

им. Михайловка
Симбирской губ. и уѣзда
1 іюля 1915 г.

Изъ новѣйшихъ работъ по философіи элеатовъ, кромѣ упомянутыхъ во „Введеніи“ къ первой части „Досократиковъ“, заслуживаютъ вниманія слѣдующія работы:

V. Sanders. Der Idealismus des Parmenides 1910. Сандерсъ старается доказать, что Парменидъ—идеалистъ. Бытіе Парменида совершенно идеально („durchaus ideel“, стр. 70), оно отнюдь не пространственно-матеріальная масса; эта умопостигаемая сущность совершенно лишена чувственнаго содержанія. Парменидъ первый отрицаетъ существованіе міра (а не учитъ о бытіи единаго міра). Онъ признаетъ лишь существованіе единаго Бога (его бытіе = Богъ). Если Парменидъ сравниваетъ бытіе съ шаромъ, то это онъ дѣлаетъ не для того, чтобы приписать ему опредѣленную форму. Сравненіе съ шаромъ указываетъ лишь на совершенство бытія (подобно тому какъ Фихте сравниваетъ Я съ кругомъ). Понятіе пустого пространства Пармениду еще неизвѣстно, оно впервые появляется у Мелисса, который, отожествляя пустоту съ небытіемъ, отрицаетъ ее. Впервые у Парменида выступаетъ важное въ исторіи научной мысли ученіе, что ничто не можетъ возникнуть изъ ничего (ex nilo nil). Въ своемъ „Мнѣніи“ Парменидъ полемизируетъ съ Гераклитомъ и его послѣдователями (особенно съ псевдо-Гиппократомъ, сочиненіе котораго de victu было написано, по мнѣнію Сандерса, раньше поэмы Парменида; между ними можно-де указать тѣсную связь). Ученіе о мірообразованіи, предлагаемое „Мнѣніемъ“ Гераклита, анаксимандро-гераклитовское; Парменидъ вовсе не даетъ собственной космологической системы, но лишь объединяетъ съ полемической цѣлью мнѣнія прежнихъ философовъ. Такимъ образомъ въ пониманіи второй части поэмы С. примыкаетъ къ Дильсу и Патину. Указывая, что Парменидъ называетъ истину свѣтомъ, С. усматриваетъ здѣсь вліяніе Парменида на христіанское ученіе оби истинѣ, какъ свѣтѣ. Однако, сравненіе истины со свѣтомъ слишкомъ просто, оно напрашивается само собой и нѣтъ надобности возводить его къ Пармениду.

H. Slonimsky. Heraklit und Parmenides 1912. Изслѣдованіе ведется съ точки зрѣнія Марбургской школы. Въ центрѣ всей досократической философіи стоитъ, по мнѣнію автора, элеатовская система, которая превосходитъ все остальное изъ этого періода, какъ значительностью содержанія, такъ и вліяніемъ на послѣдующее развитіе философской мысли. Система Парменида возникла изъ Гераклитовской, какъ оппозиція противъ тѣхъ положеній послѣдней, которыя въ своихъ слѣдствіяхъ вели къ полному уничтоженію возможности познанія. Заслуга Гераклита—въ томъ, что онъ подвергъ уничтожающей критикѣ понятіе вещи и первый пришелъ къ понятію всеобщей закономѣрности. Милетскіе мыслители искали вещную субстанцію вселенной; уже въ самой этой постановкѣ проблемы заключался наполовину отвѣтъ; Гераклитъ и нападаетъ на такую постановку проблемы. Критикуя милетцевъ, онъ спрашиваетъ: „Есть ли вообще основаніе выдѣлять одно какое-либо вещество изъ прочихъ? Всѣ вещества переходятъ другъ въ друга, всѣ они равноцѣнны. Слѣдовательно,

ни одно вещество не слѣдуетъ считать *перво*-веществомъ. Взаимно переходя другъ въ друга, всѣ вещи уничтожаются; ergo, нѣтъ вещей, есть только *становленіе* (бываніе). Остается познавать лишь *отношеніе* между преходящими вещами". И здѣсь философія Гераклита открываетъ *единый всеобщій законъ*, господствующій всегда надъ всѣмъ. Однако, въ философіи Гераклита было заложено внутреннее противорѣчіе. Чистый процессъ, изъ котораго исключено все пребывающее, въ сущности уничтожалъ возможность господства закона. Становленіе и господство закона—два момента въ философіи Гераклита, которые на самомъ дѣлѣ несовмѣстимы. Анализъ Гераклитовской философіи былъ исходнымъ пунктомъ для Парменида. Послѣдній усматриваетъ, что становленіе, исключающее всякое бытіе, тѣмъ самымъ уничтожаетъ и свое собственное бытіе, а вмѣстѣ уничтожаетъ и возможность познанія. Такое слѣдствіе вызываетъ въ Парменидѣ отрицательное отношеніе ко всей системѣ Гераклита. Вопросъ о возможности познанія былъ такимъ образомъ движущей силой въ полемикѣ Парменида противъ Гераклита. Отожествленіе мышленія и бытія у Парменида имѣло чисто логическій смыслъ. Здѣсь Парменидъ впервые въ исторіи мысли высказываетъ идею трансцендентальной дедукціи: источникъ объективнаго предмета—въ мышленіи, мышленіе порождаетъ бытіе. Парменидъ впервые открываетъ основную функцію познанія: въ его системѣ впервые мышленіе открывается самому себѣ и получаетъ верховное господство надъ природой. Парменидъ, а не Гераклитъ,—истинный отецъ ученія о Логосѣ (хотя онъ почти не употребляетъ этого термина). Что касается второй части поэмы Парменида, то она не имѣетъ никакого положительнаго значенія, это—просто резюме всей прежней физики до Парменида, сдѣланное имъ для того, чтобы отмежеваться отъ нея. Однако, понятіе бытія у Парменида двойственно и противорѣчиво Въ первомъ, болѣе чистомъ пониманіи бытіе у Парменида есть совокупность всѣхъ мысленныхъ опредѣленій, и, слѣдовательно, чистое созданіе мышленія; во второмъ пониманіи оно есть нѣчто наглядное, воззрительное,—plenum continuum. Первое пониманіе бытія дѣлаетъ Парменида родоначальникомъ идеализма, вслѣдствіе же наличности у него второго пониманія онъ кажется почти матеріалистомъ Бытіе, которое въ первомъ пониманіи есть чистая система закономѣрности, во второмъ случаѣ мыслится, какъ чистая матерія, субстратъ всего тѣлеснаго. Такимъ образомъ бытіе получаетъ наглядный образъ, какъ непрерывная, недѣлимая матерія, а небытіе становится пустымъ пространствомъ. „Такъ затихаетъ могучая мысль Парменида, переходя въ бѣдный мотивъ воззрительности" (стр. 51). Ко второму пониманію бытія примыкаетъ, углубляя его, Демокритъ; первое пониманіе развиваетъ далѣе Платонъ У элеатовъ—абсолютное соотвѣтствіе бытія и мышленія. И такъ какъ для нихъ *движеніе немыслимо* (или скорѣе, какъ скажетъ Платонъ, такъ какъ *ихъ мышленіе неподвижно*), то и *бытіе* у нихъ *неподвижно.* Ихъ ученіе о неподвижности бытія имѣетъ свой корень въ ихъ понятіи о мышленіи, содержаніемъ

котораго можетъ быть только неизмѣнно пребывающее. Для дальнѣйшаго прогресса необходимо было углубленіе понятія мышленія, такъ какъ основнымъ заблужденіемъ элеатовъ было ихъ понятіе о мышленіи, какъ о чемъ-то застывшемъ, неподвижномъ. Новаго понятія о мышленіи ищутъ Демокритъ и Платонъ. Демокритъ ставитъ вопросъ, изъ какихъ элементовъ мышленія получается являющаяся природа, изъ какихъ факторовъ слагается бытіе природы. Онъ побѣждаетъ Парменида въ этомъ вопросѣ и строитъ раціональное естествознаніе. Но Демокритъ упускаетъ при этомъ изъ виду вторую, болѣе глубокую проблему, которая у Парменида была связана съ той,—проблему отношенія бытія мышленія къ бытію вещей. Это—вопросъ о возможности познанія, и здѣсь побѣдитель Парменидъ. Итакъ, Парменидъ выставляетъ основное положеніе: единственный источникъ всей закономѣрности (и, слѣд., всякаго познанія)—мышленіе. Затѣмъ слѣдуетъ *второй шагъ*, особый вопросъ: участвуетъ ли предметъ (природа) въ закономѣрности мышленія? Этотъ второй вопросъ Парменидъ рѣшаетъ невѣрно (относительно движенія и всей природы). „Трансцендентальная заслуга" Парменида—онъ выдвинулъ проблему: соотвѣтствуетъ ли природа мышленію? (причемъ самъ онъ далъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ).

С. А. Богомоловъ. Аргументы Зенона Элейскаго при свѣтѣ ученія объ актуальной безконечности (оттискъ изъ *„Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія"* за 1915 г.). Превосходная статья, основанная на широкомъ знакомствѣ съ философской литературой, ставитъ своей цѣлью освѣтить вопросъ съ математической точки зрѣнія. Авторъ даетъ слѣдующую оцѣнку аргументамъ Зенона: „Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій ученые скорѣе отмахивались отъ этихъ досадныхъ парадоксовъ, чѣмъ старались ихъ разрѣшить, и Гегель имѣлъ полное основаніе сказать, что зенонова діалектика матеріи донынѣ не опровергнута. Лишь въ новое время ученіе о совокупностяхъ, разработанное Г. Канторомъ, выяснило до конца спорныя понятія континуума и безконечности и дало ключъ къ пониманію названныхъ выше аргументовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно показало, какимъ глубокимъ и проницательнымъ мыслителемъ былъ древній философъ"... Рѣшеніе апорій Зенона авторъ статьи находитъ въ понятіи объ актуальной безконечности и раскрываетъ свою точку зрѣнія слѣдующимъ образомъ. „Совокупности или классы можно задавать двояко: *по объему* и *по содержанію*. Первый способъ состоитъ въ прямомъ перечисленіи всѣхъ членовъ класса, второй—въ указаніи общаго имъ признака... Двѣ совокупности называются *равномощными*, если между ихъ элементами возможно установить одно—однозначное соотношеніе, такъ что каждому элементу одной совокупности отвѣчаетъ одинъ и только одинъ элементъ другой... Одна совокупность является *частью* другой, если любой элементъ первой входитъ въ составъ второй, причемъ эта послѣдняя содержитъ элементы, не принадлежащіе первой". Далѣе авторъ доказываетъ, что существуютъ совокупности, равномощныя съ одной изъ своихъ

частей; это и есть актуально-безконечныя совокупности. Такой актуально-безконечный классъ нельзя задать по объему (ибо онъ былъ бы конечнымъ, если бы можно было перечислить всѣ его члены). Доказавъ существованіе актуально-безконечныхъ совокупностей, авторъ далѣе указываетъ, какъ разрѣшаются апоріи Зенона при свѣтѣ ученія объ актуальной безконечности. Попутно онъ выясняетъ тѣсную связь математическихъ антиномій Канта съ апоріями Зенона, примыкая въ оцѣнкѣ этого ученія Канта къ Гегелю („антиноміи Канта не идутъ дальше того, что въ этой области сдѣлалъ уже Зенонъ") и Салингеру (Salinger. Kants Antinomien und Zenons Beweise gegen die Bewegung въ Archiv f. Gesch. d. Phil., Bd. 19). Исключая явно невѣрныя утвержденія Зенона (какъ, напримѣръ, что „вполнѣ опредѣленная совокупность должна быть конечной"), аргументы Зенона противъ множественности рѣшаются съ точки зрѣнія ученія объ актуальной безконечности благодаря введенію новаго понятія о континуумѣ („протяженная величина, обладающая безконечной дѣлимостью, слагается изъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ элементовъ"). Особенно подробно авторъ останавливается на аргументахъ Зенона противъ движенія. Ошибку „стрѣлы" онъ видитъ въ незнаніи Зенономъ того, что „изъ отдѣльныхъ вполнѣ опредѣленныхъ положеній возникаетъ движеніе, котораго предикатомъ является именно непрерывная перемѣна мѣста" (авторъ исходитъ изъ „статической" теоріи движенія: „въ движеніи—говоритъ онъ—мы видимъ только установленіе извѣстнаго непрерывнаго соотвѣтствія между моментами времени и точками пространства"). Что касается „стадія", то „при одномъ пониманіи онъ содержитъ явную ошибку, при другомъ—борется съ явно ошибочнымъ утвержденіемъ". При первомъ пониманіи ошибка аргумента въ примѣненіи различныхъ способовъ въ измѣреніи пройденнаго пути; при второмъ пониманіи (Таннери) „Зенонъ въ сущности борется съ допущеніемъ въ пространственныхъ и временныхъ континуумахъ элементовъ, непосредственно слѣдующихъ за данными. Такое допущеніе съ современной точки зрѣнія совершенно ошибочно, такъ какъ задолго до полнаго анализа понятія континуума ему уже приписывали свойство, по которому между каждыми двумя его элементами имѣются еще элементы, такъ что нельзя говорить объ элементѣ, непосредственно слѣдующемъ за даннымъ". Разрѣшеніе „дихотоміи"—въ возможности существованія ряда, не имѣющаго перваго члена. Понятіе объ актуально-безконечныхъ совокупностяхъ доказываетъ законность рядовъ, не имѣющихъ начала („отсутствіе перваго члена въ такъ называемомъ открытомъ ряду содержало бы въ себѣ противорѣчіе лишь въ случаѣ конечнаго числа членовъ"). Если „дихотомія" основана на особенностяхъ актуально-безконечныхъ рядовъ, въ силу которыхъ у нихъ можетъ и не быть *перваго* члена, то въ „Ахиллѣ" выступаетъ на первый планъ возможное отсутствіе *послѣдняго* члена. Такимъ образомъ „противорѣчія, которыя Зенонъ видѣлъ въ понятіи движенія, цѣликомъ сводятся къ свойствамъ безконечныхъ совокупностей, присущимъ исключительно имъ въ отличіе

отъ совокупностей конечныхъ". Такъ. до конца разрѣшаются всѣ апоріи Зенона при помощи ученія объ актуальной безконечности. При изложеніи второй формы „стрѣлы" (см. у насъ стр. 62 и 82) авторомъ привлечены двѣ работы, которыми мы не имѣли возможности воспользоваться (Dunan. Les arguments de Zénon d'Elée contre le mouvement 1884 и Hamelin. Sur un point du troisième argument de Zénon contre le mouvement въ L'année philosophique, t. 17). Излагая аргументъ „стадій", авторъ скорѣе склоненъ примкнуть къ Таннери („Зенонъ взялъ дискретные ряды отдѣльныхъ массъ, тогда какъ если бы онъ не имѣлъ въ виду перехода изъ одного положенія въ непосредственно за нимъ слѣдующее, то могъ бы просто взять три непрерывныхъ тѣла одинаковой длины, изобразивъ ихъ, напр., въ видѣ трехъ равныхъ отрѣзковъ").

Дополненія.

Къ сноскѣ 4 стр. 17: Плутархъ мѣстопребываніемъ богини считаетъ планету Венеру (исходя изъ того, что эта богиня—мать Эроса Афродита.

Къ стр. 60: G. Noël устанавливаетъ слѣдующую связь между „дихотоміей" и „Ахиллесомъ". „Дихотомія" доказала, что движеніе не можетъ начаться. Остается еще одна возможность: движеніе всеобще и вѣчно. Для преодолѣнія этой точки зрѣнія предлагается „Ахиллесъ". *Его смыслъ*: Если всѣ тѣла находятся въ движеніи, то всякое движеніе относительно и должны быть только относительныя скорости; но послѣднее понятіе противорѣчиво.

17. Аминій.

Пиѳагореецъ Аминій, учитель Парменида, *см. ниже Діогенъ IX 21 (стр. 20).*

18. Парменидъ.

Парменидъ Великій [1]), „диво глубокомыслія“ [2]), „пророкъ истины сдѣланный изъ желѣза“ [3]), основатель одной изъ вліятельнѣйшихъ философскихъ школъ древности, былъ родомъ изъ города Элеи (въ Великой Греціи). Вся древность высоко чтила его, какъ великаго мыслителя и какъ образецъ высоконравственной жизни („Парменидовскій образъ жизни“ вошелъ въ поговорку). Относительно времени его жизни мы имѣемъ два противорѣчивыхъ свидѣтельства. Аполлодоръ и Діогенъ Лаэрцій относятъ его акме къ 69 олимпіадѣ (около 500 г.). Съ другой стороны, Платоновскіе діалоги (Теэтетъ 183е, Парменидъ 127b, Софистъ 217с; см. А 5) говорятъ о встрѣчѣ юнаго Сократа съ 65-лѣтнимъ Парменидомъ. Эта встрѣча должна была произойти около 450 г., и, слѣдовательно, рожденіе Парменида должно пасть на 515 г., акме же на 475 г. Дату Аполлодора принимаютъ Э. Целлеръ, Ф. Ибервегъ, Г. Арнимъ, Дж. Магаффи, П. Дейссенъ и др., Платону слѣдуютъ В. Виндельбандъ, П. Таннери, Дж. Бернетъ и кн. С. Трубецкой. Въ сущности, Аполлодоръ и Платонъ одинаково произвольно обращаются съ хронологіей: Аполлодоръ вслѣдствіе усвоеннаго имъ неточнаго метода установки датъ, Платонъ вслѣдствіе подчиненія историческаго матеріала художественнымъ цѣлямъ. Однако, думается намъ, въ данномъ случаѣ дата Аполлодора ближе къ истинѣ: въ противномъ случаѣ и безъ того поразительно короткій срокъ, въ который совершила свою эволюцію греческая мысль отъ Парменида до Сократа,

---

[1]) Такъ называетъ Парменида Платонъ (Soph. 237 A, см. В 7).

[2]) По выраженію А. Галича. И Платонъ называетъ его мыслителемъ „дѣйствительно необыкновенной глубины“ (Theaet. 183 E, см. А 5).

[3]) По выраженію Фр. Ницше, который противополагаетъ Парменида, какъ логика („изъ желѣза“), интуитивному мыслителю Гераклиту („изъ огня“).

сокращается на цѣлую треть [1]). Изъ обстоятельствъ жизни Парменида мы знаемъ лишь то, что онъ происходилъ изъ богатаго и знатнаго рода, вначалѣ принималъ участіе въ государственной жизни своей родины, для которой составилъ законы, но впослѣдствіи подъ вліяніемъ пиѳагорейца Аминія посвятилъ себя всецѣло философіи.

Свое міровоззрѣніе Парменидъ изложилъ въ дидактической поэмѣ: „О природѣ“, которая состоитъ изъ введенія и двухъ глубоко различныхъ по содержанію частей: „Истины“, или ученія о бытіи, и „Мнѣнія“, или ученія о кажущемся мірѣ. Введеніе представляетъ собой художественное описаніе путешествія къ богинѣ, отъ лица которой излагаются всѣ даваемыя въ поэмѣ ученія [2]). Такимъ образомъ источникомъ познанія объявляется божественное откровеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ познаніе характеризуется не какъ чисто интеллектуальный процессъ, но какъ могучее эмоціональное переживаніе, выраженію котораго и служатъ поэтическіе образы введенія [3]). Въ первой части поэмы богиня совѣтуетъ не довѣрять чувствамъ и зоветъ на путь логическаго мышленія. И дѣйствительно, приводимыя далѣе доказательства ведутся по методу строгой дедукціи. Можетъ быть, это—самые ранніе въ исторіи мысли, за исключеніемъ математическаго знанія, образчики дедукціи. По крайней мѣрѣ, Эвдемъ [4]) говоритъ, что до Парменида философы высказывали свои мнѣнія „безъ логическихъ доказательствъ“. Философскій методъ Парменида весьма оригиналенъ [5]). Онъ заключается въ слѣдующемъ: Парменидъ задается вопросомъ, каковы основныя предпосылки всѣхъ мыслимыхъ міровоззрѣній, и находитъ, что всевозможныя міросозерцанія покоятся на одной изъ слѣдующихъ трехъ предпосылокъ: 1) только бытіе есть, небытія нѣтъ; 2) не только бытіе, но и небытіе существуетъ; 3) бытіе и небытіе тожественны. Далѣе Парменидъ изслѣдуетъ каждую изъ этихъ предпосылокъ. Основное положеніе истиннаго міровоззрѣнія: „бытіе есть, небытія нѣтъ“ доказывается выведеніемъ изъ понятія бытія мыслимыхъ въ немъ признаковъ: тожества, неизмѣнности, внѣвременности, нераздѣльнаго единства и законченности въ себѣ. Однако, мысль перваго діалектика весьма часто не въ состояніи достигнуть полнаго осуществленія своихъ стремленій и ей не удается

---

[1]) С. Карстенъ и Ф. Ріо стараются примирить свидѣтельства Діогена и Платона. Приравнивая акме философа ко времени его славы, они не находятъ затрудненій допустить, что Парменидъ пользовался извѣстностью уже въ возрастѣ 19—20 лѣтъ. Поэтому Парменидъ могъ въ старости встрѣтиться съ юнымъ Сократомъ.

[2]) О. Гильбертъ (Die δαίμων des Parmenides, Archiv f. Gesch. d. Philos. XX, 1907) вопреки обычному взгляду доказываетъ, что у Парменида рѣчь идетъ не о путешествіи въ область свѣта, но о поѣздкѣ въ подземное царство.

[3]) K. Joël. D. Ursprung d. Naturphilosophie aus d. Geiste d. Mystik, 1902, стр. 34. Также A. Croiset (Histoire de la littérature grecque II ed., 1898. t. II. стр. 526) говоритъ, что Парменидъ философствуетъ „avec toute son âme“.

[4]) Цит. у Симплиція, см. А 28.

[5]) Срв. J. Burnet. Early Greek Philosophy, II ed. 1908, стр. 205.

строго провести тѣ опредѣленія, которыя она развиваетъ [1]). Тожество и неизмѣняемость бытія влекутъ за собою отсутствіе у Парменидова бытія какого бы то ни было качественнаго и количественнаго разнообразія (бытіе—совершенно однородно; не можетъ быть бытія въ одномъ мѣстѣ больше, въ другомъ меньше), а также отрицаніе у бытія движенія. Безвременность бытія выражается въ отрицаніи у него прошедшаго и будущаго и стоитъ въ самой тѣсной связи съ его абсолютнымъ тожествомъ и неподвижностью. Все это совершенно исключаетъ изъ понятія бытія всякую мысль о возникновеніи и уничтоженіи. Здѣсь кстати замѣтить, что въ той цѣпи доказательствъ, которыя выясняютъ понятіе бытія, наиболѣе мастерски проведеннымъ съ логической точки зрѣнія является, на нашъ взглядъ, доказательство нелѣпости допущенія существованія рожденія и смерти (*см. начало В 8*), которое заканчивается слѣдующимъ выразительнымъ стихомъ: „Такимъ образомъ рожденіе погасло и смерть пропала безъ вѣсти“ (В 8, 21) [2]). Раскрывая нераздѣльное единство бытія, Парменидъ утверждаетъ его непрерывность (бытіе непосредственно соприкасается съ бытіемъ; нѣтъ ничего, что преграждало бы бытію доступъ къ бытію), признаетъ бытіе недѣлимымъ, неразложимымъ, непроницаемымъ (бытіе—абсолютная полнота) и отрицаетъ у него всякую множественность частей. Наконецъ, законченность бытія въ себѣ (его совершенство) говоритъ намъ, что оно самодовлѣетъ: въ немъ все и ничего внѣ его [3]); изъ этого совершенства бытія выводится его шаровидная форма [4]) и, наконецъ, его единственность (наряду съ бытіемъ нѣтъ другого бытія) [5]). Однако, если, съ одной стороны, нельзя отказать великому элейцу въ неустрашимой смѣлости мысли, не останавливающейся передъ самыми парадоксальными слѣдствіями, то,

---

[1]) На несоотвѣтствіе подлинныхъ утвержденій Парменида съ его тенденціями указываетъ Dauriac. Les origines logiques de la doctrine de Parménide (Revue Philosophique, t. XV, 1883, стр. 533 слѣд.). См. также H. Diels. Parmenides Lehrgedicht, стр. 56.

[2]) Ходъ аргументаціи въ доказательствѣ невозможности возникновенія и уничтоженія изслѣдуетъ М. И. Мандесъ (Элеаты 1911, стр. 120 слѣд.) Нѣкоторые историки находили здѣсь пробѣлъ: показано лишь, что сущее не можетъ возникнуть изъ не сущаго, но не показано, что оно не можетъ возникнуть изъ другого сущаго; равнымъ образомъ не показано, что нѣтъ исчезновенія. М. Мандесъ замѣтилъ, что Пармениду и не было надобности давать подобныя доказательства. Вмѣсто частныхъ доказательствъ онъ ставитъ весь вопросъ на принципіальную почву. Общія основныя положенія его таковы: Всякое утвержденіе, допускающее бытіе небытія, не истинно. Возникновеніе есть переходъ отъ небытія къ бытію, уничтоженіе—переходъ отъ бытія къ небытію. Слѣдовательно, ничто не возникаетъ, ничто не погибаетъ. Только при наличности понятія небытія возможны и понятія о настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.

[3]) Оно—самосущее, ни отъ чего не зависящее.

[4]) Представленіе древнихъ о шарѣ см. Досократики, ч. I, стр. 92. О томъ, что Парменидъ ставитъ шаровидную форму въ связь съ совершенствомъ, мы умозаключаемъ изъ сопоставленія В 8, 42 слѣд. со свидѣтельствомъ Аристотеля phys. Г 6. 207 а 9 (см. А 27).

[5]) Единственность и ограниченность бытія доказываютъ невозможность движенія для бытія, какъ цѣлаго.

съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить исторически обусловленное несовершенство ея силы абстракціи. Бытіе мыслится Парменидомъ, какъ имѣющая форму шара масса вещества, лежащая неподвижно, а безвременность бытія у него приводится къ формулѣ: бытіе всегда цѣликомъ во всей своей совокупности присутствуетъ въ настоящемъ. Нельзя не видѣть, что въ этомъ представленіи не осуществлены во всей чистотѣ всѣ тѣ признаки, которые открываетъ мысль Парменида въ понятіи бытія (самъ Парменидъ этого несоотвѣтствія, конечно, не замѣчаетъ). Вмѣсто того, чтобы исключить изъ бытія всѣ временныя и пространственныя свойства, Парменидъ останавливается на полпути: онъ говоритъ о бытіи въ настоящемъ времени и приписываетъ бытію пространственную форму шара. Уже Платонъ (Софистъ 244 е) отмѣтилъ, что въ такомъ случаѣ бытіе Парменида не является совершеннымъ единствомъ, но имѣетъ середину и концы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, оно не оказывается абсолютно однороднымъ, тожественнымъ и недѣлимымъ.

Переходя къ двумъ другимъ предпосылкамъ („путямъ заблужденія"), Парменидъ опровергаетъ ихъ указаніемъ на неосуществимость въ мысли противорѣчія [1]). Когда мы говоримъ: „небытіе существуетъ" или „бытіе и небытіе тождественны", то мы дѣлаемъ небытіе бытіемъ. Между тѣмъ весь смыслъ понятія небытія заключается въ томъ, что оно *не есть бытіе*. Слѣдовательно, небытія нельзя ни помыслить, ни высказать, такъ какъ, осуществляя его въ мысли или въ словѣ, мы незаконно и незамѣтно для себя подмѣняемъ его бытіемъ [2]). Поэтому небытіе у Парменида является, по остроумному выраженію М. Мандеса, „вспомогательнымъ понятіемъ, однимъ изъ тѣхъ математическихъ символовъ, которые вводятся только для проведенія доказательства". Однако, понятіе небытія у Парменида служитъ не только рычагомъ аргументаціи, но имѣетъ и нѣкоторое позитивное значеніе. А именно, подобно тому какъ понятіе бытія у него совпадаетъ съ матеріальной массой (непроницаемымъ плотнымъ шаромъ), такъ понятіе небытія онъ отождествляетъ съ прстымъ пространствомъ [3]).

---

[1]) Парменидъ аппелируетъ къ логической аксіомѣ (Симплицій phys. 117, 2, см. B 6) F. Ueberweg (System d. Logik 1857) приписываетъ Пармениду открытіе логическихъ законовъ тожества и противорѣчія, хотя еще въ несовершенной формѣ, такъ какъ они у него имѣютъ скорѣе метафизическое, чѣмъ логическое значеніе (стр 16, 18, 175, 190). М. Троицкій (Учебникъ логики, кн. II, стр. 85, 92, 95) находитъ у Парменида первые слѣды ученія объ аксіомахъ логики, а именно, въ формулѣ Парменида: „Что есть, то есть" онъ видитъ указаніе на начало тожества; путь же къ заблужденію—„что есть, того нѣтъ" (?). I. Ремке говоритъ: „Парменидъ знаетъ уже законъ противорѣчія, какъ основное положеніе изслѣдующаго мышленія".

[2]) G. W. Fr. Hegel (Vorlesungen über d. Gesch. d. Phil., I Bd. 1833, стр. 294= Werke, XIII Bd.): „Ничто, когда оно мыслится или говорится, превращается, на самомъ дѣлѣ, въ нѣчто. Мы говоримъ нѣчто, мыслимъ нѣчто, если хотимъ мыслить или говорить ничто".

[3]) Dauriac (соч. цит., стр. 533) отожествляетъ небытіе Парменида не только съ пустотой, но и съ безконечностью, и полагаетъ, что для Парменида понятіе безконечнаго противорѣчиво.

Такъ какъ Парменидъ отрицаетъ существованіе пустого пространства, а бытіе считаетъ протяженнымъ, то правъ П. Таннери, называющій бытіе Парменида картезіанской матеріей [1]). Отрицаніе пустого пространства служитъ у Парменида новымъ подтвержденіемъ неподвижности бытія, неосуществимости движенія.

Уже теперь мы можемъ видѣть, насколько силенъ историческій элементъ въ поэмѣ Парменида. Г. Дильсъ [2]) полагаетъ, что у Парменида можно усмотрѣть древнѣйшую исторію философіи, но онъ имѣетъ въ виду вторую часть поэмы, которую понимаетъ, какъ испытаніе ученій предшественниковъ Парменида. Однако, какъ мы видимъ, скорѣе въ первой части дана общая оцѣнка доэлеатовской философіи въ ея главнѣйшихъ направленіяхъ. Милетскую философію Парменидъ критикуетъ, повидимому, въ лицѣ ея завершителя Анаксимена. По крайней мѣрѣ, онъ нападаетъ на теорію разрѣженія и сгущенія первовещества, введенную Анаксименомъ (см. В 2). Милетская философія, съ точки зрѣнія Парменида, есть непослѣдовательный монизмъ: если вскрыть ея предпосылки, то она окажется замаскированнымъ дуализмомъ. Явно дуалистическимъ является пиѳагорейское міровоззрѣніе. Такимъ образомъ милетское и пиѳагорейское міровоззрѣнія Парменидъ объединяетъ въ одной формулѣ: не только бытіе, но и небытіе существуетъ; различіе между ними лишь въ томъ, что пиѳагореизмъ сознательно принимаетъ и развиваетъ эту предпосылку, которая въ скрытой и неразвитой формѣ лежала въ основѣ философіи милетцевъ [3]). Другое ученіе, опровергаемое Парменидомъ, ученіе о тожествѣ бытія и небытія является сознательной предпосылкой міровоззрѣнія Гераклита и его приверженцевъ. Въ сущности, гераклитизмъ стоитъ въ такомъ же отношеніи къ пиѳагореизму, въ какомъ пиѳагореизмъ къ милетской философіи. Онъ выявляетъ, проясняетъ и развиваетъ то, что безсознательно лежало въ основѣ пиѳагорейской философіи. Ученіе о бытіи небытія покоится на скрытой предпосылкѣ тожества бытія и небытія. Такова историко-философская схема Парменида: милетская философія (монизмъ, покоющійся на дуалистической предпосылкѣ), пиѳагореизмъ (ученіе о бытіи небытія) и гераклитизмъ (ученіе о тожествѣ бытія и небытія) —три ступени, изъ которыхъ каждая послѣдующая является какъ бы самосознаніемъ и углубленіемъ предыдущей. Послѣднее слово всего этого развитія—философія Гераклита и его приверженцевъ. На нихъ яростно обрушивается Парменидъ, называя ихъ людьми „о двухъ головахъ“, „пустоголовымъ племенемъ, у котораго во всемъ имѣется обратный путь“.

---

[1]) I. Ремке говоритъ, что бытіе Парменида есть міръ *чистаго пространства;* пространство же для него есть „полное“.

[2]) H. Diels. Ueber die ältesten Philosophenschulen d. Griechen (Philosoph. Aufsätze, Ed. Zeller gewidmet, 1887, стр. 252 слѣд.). См. также его Parmenides Lehrgedicht 1897, стр. 63.

[3]) О тѣсной связи древнѣйшей пиѳагорейской космологіи съ ученіемъ Анаксимена см. Досократики, ч. I, стр. 64.

Итакъ, мы видимъ, что въ первой части своей поэмы Парменидъ, подобно Аристотелю въ первой книгѣ „Метафизики“, оцѣниваетъ съ точки зрѣнія своихъ категорій всѣ предшествовавшія ученія о сущемъ.

Весьма важное значеніе для пониманія Парменидова бытія имѣетъ стихъ: „Мышленіе и бытіе—одно и то же“ (В 5), въ которомъ резюмируется онтологическая теорія познанія Парменида въ противоположность его эмпирической теоріи познанія, данной во второй части поэмы (В 16). Это изреченіе уже въ древности (напримѣръ, Платонъ и Аристотель, см. В 7) склонны были понимать въ смыслѣ: единственно возможное содержаніе мышленія есть чистое бытіе. Изслѣдованію этого положенія посвящаетъ Платонъ свои діалоги: „Софистъ“ и „Парменидъ“, въ которыхъ показываетъ, что строгая дедукція понятія чистаго бытія должна дать иные результаты по сравненію съ тѣми, какіе мы находимъ у историческаго Парменида: понятіе чистаго бытія, какъ таковое, исключаетъ не только прошедшее и будущее, движеніе, множественность, дѣлимость, всякое качественное и количественное различіе, но равнымъ образомъ и тожество, покой, всякую временность и пространственность, и даже единство и недѣлимость. Чистое бытіе совершенно непостижимо и невыразимо. Однимъ словомъ, Платонъ вскрываетъ, что основоположеніе Парменида; „нѣтъ ничего, кромѣ самого бытія“, при строгомъ проведеніи его, ведетъ не къ монизму и сингуляризму [1]), какъ думалъ Парменидъ, но къ нигилизму (о чистомъ бытіи нельзя даже сказать, что оно едино, такъ какъ понятіе единства есть нѣчто *другое* по сравненію съ понятіемъ бытія). Платонъ доказываетъ, что мышленіе не можетъ имѣть своимъ содержаніемъ *одно* понятіе (будь то понятіе бытія, или единства, или какое-либо другое), что мышленіе всегда совершаетъ переходъ отъ одного понятія къ другому и что небытіе должно быть признано въ нѣкоторомъ отношеніи существующимъ.

Однако, историческій Парменидъ не совпадаетъ съ тѣмъ „исправленнымъ“ Парменидомъ, съ которымъ полемизируетъ Платонъ: его бытіе, хотя и на счетъ несовершенства діалектическаго развитія мысли, богаче содержаніемъ. На самомъ дѣлѣ, Парменидово бытіе не только надѣлено цѣлымъ рядомъ умопостигаемыхъ признаковъ (какъ тожество, единство и т. п.), но оно даже пространственно и вещественно. Поэтому, ученіе Парменида о тожествѣ мышленія и бытія заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ положеній: 1) бытіе есть предметное содержаніе мышленія, 2) нѣтъ мышленія, которое не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ бытіемъ, 3) логически значимому соотвѣтствуетъ подлинная дѣйствительность, 4) существуетъ лишь то, что мыслится, 5) субъектъ и объектъ мышленія совпадаютъ (мысль познаетъ въ сущности самое себя), 6) мысль пространственно-протяженна [2])

---

[1]) О значеніи термина „сингуляризмъ“ см. Кюльпе. Введеніе въ философію, р.. п. Струве стр. 144.

[2]) Парменидъ называетъ истину „хорошо закругленной“ (В 1, 29), такъ какъ, по его ученію, мысль кругла.

и матеріально-вещественна, 7) тожественны слѣдующія четыре утвержденія: бытіе существуетъ, мысль существуетъ, бытіе мыслится, мысль мыслитъ себя.

Здѣсь кажется умѣстнымъ остановиться на вопросѣ, можно ли называть Парменида первымъ идеалистомъ или правильнѣе вмѣстѣ съ Дж. Бернетомъ считать его отцомъ матеріализма. Гегель [1]), Брандисъ, Риттеръ, Швеглеръ, Е. Дюрингъ, Наторпъ [2]), Кинкель, П. Дейссенъ и др. признаютъ Парменида чистымъ идеалистомъ, относя всѣ неудобныя для ихъ пониманія выраженія Парменида на счетъ образности его поэтическаго языка. Боймкеръ, Целлеръ, Дильсъ, А. Дерингъ, Гильбертъ (не говоря о другихъ) не находятъ у Парменида имматеріальности бытія. А по мнѣнію Джона Бернета, весь матеріализмъ зависитъ отъ Парменидовской точки зрѣнія на реальность (въ частности атомы Демокрита обладаютъ именно Парменидовскимъ бытіемъ). Имѣя въ виду конкретность міровоззрѣнія Парменида, Дж. Бернетъ требуетъ, чтобы, говоря объ ученіи Парменида, избѣгали термина „бытіе“ и употребляли вмѣсто него описательное выраженіе „то, что существуетъ“.

При рѣшеніи указаннаго спорнаго вопроса мы поставлены въ трудное положеніе подвести ученіе древняго мыслителя подъ современныя философскія категоріи, притомъ далеко не установившіяся, колеблющіяся въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой философской школѣ. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ представители марбургской школы научный матеріализмъ въ лицѣ Демокрита относятъ къ идеалистическому направленію, понимая атомы Демокрита, какъ геометрическія фигуры, надѣленныя непроницаемостью, тяжестью и движеніемъ, усматривая во всѣхъ упомянутыхъ свойствахъ атомовъ не чувственныя качества, но созданія ума, для другихъ историковъ философіи (напримѣръ, для Целлера) достаточно одной пространственности бытія для того, чтобы исключить какого-либо мыслителя изъ ряда идеалистовъ. Съ другой стороны, одни считаютъ матеріализмомъ уже примитивное міровоззрѣніе, другіе признаютъ, что матеріалистическая точка зрѣнія на міръ впервые была открыта Левкиппомъ и Демокритомъ, Дж. Бернетъ видитъ основателя матеріализма въ Парменидѣ и считаетъ его послѣдователями Эмпедокла, Анаксагора, Левкиппа и Демокрита, а Дёрингъ съ трудомъ оты-

---

[1]) G. W. Fr. Hegel (цит. соч., стр. 296—297) говоритъ, что система Парменида является началомъ философіи въ собственномъ смыслѣ: здѣсь впервые достигается область идеальнаго.

[2]) М. Мандесъ сочувствуетъ взгляду Наторпа, по которому сущее Парменида есть „такое существованіе, которое лежитъ за предѣлами всѣхъ отношеній пространства и времени“, и вмѣстѣ съ нимъ находитъ у Парменида лишь сравненіе бытія съ шаромъ. Сверхъ того, М. Мандесъ (стр. 151 ц. с.) предлагаетъ новое доказательство въ пользу этого положенія. Міръ „мнѣнія“ у Парменида есть шаръ и, стало быть, это неправда. На это можно возразить: Міръ „мнѣнія“ ограниченъ, слѣдуетъ ли отсюда, что истинно сущее не ограничено? Объ отношеніи истиннаго бытія къ міру мнѣнія см. у насъ ниже.

скиваетъ одного единственнаго матеріалиста въ древности—Гиппона. Несомнѣнно, что въ каждомъ изъ указанныхъ случаевъ имѣется въ виду особое пониманіе матеріализма. Въ нашу задачу здѣсь не входитъ разсмотрѣніе того, какъ понимаетъ категоріи идеализма и матеріализма тотъ или другой историкъ философіи. Мы полагаемъ, что названіе матеріализма болѣе всего заслуживаетъ такая философская система, которая принимаетъ въ качествѣ первоосновы всего существующаго мертвое вещество, лишенное всякой органической и психической жизни,—система, въ которой жизнь разсматривается, какъ нѣчто несущественное, вторичное и производное. Равнымъ образомъ идеалистической мы назовемъ такую систему, гдѣ все сводится къ мысли и выводится изъ нея. Подводя міровоззрѣніе Парменида подъ эти категоріи, мы открываемъ здѣсь единственный въ своемъ родѣ случай, когда крайній идеализмъ совпадаетъ съ крайнимъ матеріализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, его вещество безжизненно (не обладаетъ даже движеніемъ) и не надѣлено никакими психическими свойствами (оно тожественно съ мыслью, но мысль не есть его свойство). Съ другой стороны, Парменидъ сводитъ все къ мысли, отрѣшенной какъ отъ индивидуальнаго субъекта, такъ и отъ другихъ сторонъ духовной жизни (особенно отъ ирраціональнаго начала); эти черты и являются наиболѣе характеристичными для идеализма. Послѣднее слово ученія Парменида заключается въ абсолютномъ отожествленіи мысли и вещества; мы войдемъ въ строго монистическій строй мышленія Парменида только въ томъ случаѣ, если уяснимъ себѣ, что для него мысль и вещество не двѣ стороны или два проявленія одного и того же, не одна сущность, разсматриваемая съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, но они абсолютно тожественны [1]).

Метафизическую позицію всѣхъ мыслителей до Парменида можно охарактеризовать, какъ гилозоизмъ. Дерингъ [2]) правильно отмѣчаетъ, что Парменидъ первый порываетъ съ этой точкой зрѣнія. Какимъ же образомъ онъ это дѣлаетъ? Отрицаніемъ у вещества жизни, движенія и качественнаго разнообразія, удаленіемъ изъ области духа всего, за исключеніемъ логическаго мышленія, сфера котораго притомъ ограничивается лишь однимъ единственнымъ понятіемъ бытія, и, наконецъ, тѣмъ абсолютнымъ отожествленіемъ, какое онъ дѣлаетъ между чистымъ веществомъ и безсубъектнымъ мышленіемъ. Шаръ чистой матеріи, съ одной стороны, и понятіе чистаго бытія, съ другой, соединенные знакомъ равенства, вотъ все, что осталось въ результатѣ.

Въ первой части поэмы Парменидъ приглашаетъ совершенно отрѣшиться отъ чувственнаго опыта. „Не вращай безцѣльно глазами, не слу-

---

[1]) H. Diels (Parmenides Lehrgedicht 1897, стр. 64—65): „...die zu Grunde liegende Vorstellungen des Parmenides, dass Denken und Sein nicht bloss Correlate, sondern zusammenfallende Begriffe sind“.

[2]) A. Döring, Gesch. d. griech. Philosophie, I Bd., 1903, стр. 127. Напротивъ, по мнѣнію Т. Гомперца, единое сущее Парменида „одновременно и всевещество и вседухъ“.

шай ушами, въ которыхъ раздается (*только*) шумъ, и не болтай (*праздно*) языкомъ, но разумомъ изслѣдуй высказанное мною доказательство", говоритъ богиня (B 1, 35—37). Псевдо-Плутархъ (см. A 22) сообщаетъ, что Парменидъ „ощущенія изгоняетъ изъ области истины". Свидѣтельства же Аристотеля противорѣчивы: говоря объ элеатахъ вообще, онъ то упрекаетъ ихъ въ томъ, что они „оставили безъ вниманія ощущеніе и совершенно пренебрегли имъ, такъ какъ-де должно слѣдовать разуму", и считаетъ такое отношеніе къ фактамъ „похожимъ на сумасшествіе" (de gen. et corr. A 8, 325a 13, см. A 25), то утверждаетъ, что сущимъ они признавали только чувственный міръ (metaph. Г 5. 1010a 1), то, наконецъ, говоритъ, что Парменидъ отличалъ знаніе „согласно разуму" отъ мнѣнія „согласно ощущенію" (metaph. A 5. 986 b 18, см. A 24) Можетъ быть, противорѣчивость сообщеній Аристотеля зависитъ отъ того, что въ одномъ случаѣ онъ говоритъ о стремленіяхъ элейской философіи, въ другомъ же даетъ оцѣнку достигнутыхъ ею результатовъ съ своей собственной точки зрѣнія. Подобнымъ образомъ и Т. Гомперцъ [1]) говоритъ: „Парменидъ, повидимому, чистосердечно вѣрилъ, что ему удалось изгнать изъ своей концепціи міра все, порожденное воспріятіями чувствъ и, по истинѣ, мы не можемъ ему поставить въ укоръ то, что онъ заблуждался въ этомъ отношеніи и, подобно И. Канту, проглядѣлъ чувственное происхожденіе пространственныхъ представленій". Т. Гомперцъ находитъ въ шаровидной формѣ Парменидова бытія отношеніе къ небесному своду, А. Бэнъ—къ формѣ земли. Однако, по нашему мнѣнію, форму Парменидова бытія скорѣе слѣдуетъ поставить въ связь съ представленіемъ древнихъ о шарѣ, какъ самомъ совершенномъ, самодовлѣющемъ тѣлѣ, носящемъ въ самомъ себѣ свое опредѣленіе.

Оригинально рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи эмпирически-чувственнаго и идеалистически-умопостигаемаго въ системѣ Парменида К. Боймкеръ [2]). Методъ Парменида совершенно идеалистиченъ (П. повсюду апеллируетъ къ логическому умозрѣнію), но объектъ его умозрѣнія—бытіе не идеалистическое (міръ мыслей), но пространственное и тѣлесное. Пармениду совершенно чужда основная предпосылка идеалистическаго пониманія: различеніе умопостигаемаго и чувственнаго міровъ, какъ двухъ совершенно различныхъ объектовъ. Для Парменида объектъ умозрѣнія тожественъ съ объектомъ чувственнаго воспріятія, только не всѣ опредѣленія, какія находитъ въ этомъ объектѣ чувственное воспріятіе, сохраняются мышленіемъ (не всѣ эти опредѣленія мышленіе признаетъ истинными); равнымъ образомъ, найденная въ мысли истинная природа сущаго не цѣликомъ доступна чувственному воспріятію. Сущее Парменида не есть лежащее надъ міровымъ цѣлымъ царство мысли, но оно—это самое міро-

---

[1]) Греческіе мыслители, т. I, стр. 153—154 р. п.

[2]) C. Bäumker. Die Einheit d. Parmenideischen Seienden, въ Jahrb. f. Philol., Bd. 133.

вое цѣлое, поскольку послѣднее постигается мышленіемъ. Парменидъ не принималъ еще никакой трансцендентальной области наряду съ чувственно-воспринимаемымъ міромъ. Каждое изъ этихъ утвержденій Боймкера. взятое въ отдѣльности, правильно, но вся его концепція Парменидовой философіи совершенно ошибочна вслѣдствіе того, что имъ не учтенъ лежащій въ основѣ всего Парменидова хода мыслей монизмъ, исключающій всякую возможность дуализма истинно сущаго и являющагося и отвергающій всякое отношеніе бытія ко множественности явленій. Вслѣдствіе этого философія Парменида въ изложеніи Боймкера сводится въ концѣ концовъ къ простому утвержденію, что существуетъ только одинъ міръ, который неподвиженъ, какъ цѣлое, между тѣмъ какъ отдѣльныя части его находятся въ движеніи. Совершенно непонятнымъ является преклоненіе Платона и другихъ передъ такой плоской философіей.

Вторая часть поэмы имѣетъ своей задачей объясненіе явленій чувственнаго міра. Самъ авторъ смотритъ на излагаемое имъ здѣсь ученіе, какъ на несоотвѣтствующее истинѣ, видитъ въ немъ не болѣе, какъ „рабочую гипотезу". „Мы имѣемъ, говоритъ М. Мандесъ (стр. 109 ц. с.), странный, быть можетъ, единственный въ своемъ родѣ случай. Одинъ и тотъ же мыслитель строитъ двѣ системы, другъ друга исключающія, изъ которыхъ одна ложна, другая истинна,—единственный, быть можетъ, случай, когда сильный мыслитель создаетъ цѣлую сложную и гармоническую, полную глубокихъ наблюденій и оригинальныхъ мыслей, полную еще не утратившихъ значенія открытій систему—и все это только для того, чтобы объявить ее ложной".

По М. Мандесу, „Мнѣніе" Парменида является для автора его самой лучшей изъ ложныхъ теорій. Постараемся найти объясненіе этой загадкѣ („странному случаю"). То, противъ чего Парменидъ столь энергично возставалъ въ первой части поэмы, вводится имъ и какъ бы до извѣстной степени реабилитируется во второй. Самъ авторъ оказывается такимъ образомъ мыслителемъ „о двухъ головахъ"; оказывается, что и у него „имѣется обратный путь". Такимъ представляется онъ тѣмъ историкамъ, которые не видятъ между обѣими частями Парменидовой философіи никакой связи (А. Швеглеръ) или полагаютъ, что вторая часть показываетъ колебаніе философа въ своемъ ученіи (Т. Гомперцъ). Съ другой стороны, тотъ страстный тонъ, съ какимъ Парменидъ обрушивается въ первой части своей поэмы на основы ученія второй части, побудили нѣкоторыхъ историковъ (Э. Целлеръ, Г. Дильсъ) принять, что вторая часть излагаетъ ложныя гипотезы противниковъ. Такъ, Э. Целлеръ [1]) говоритъ, что цѣлью второй части поэмы является „представленіе чужихъ, а не собственныхъ мнѣній", хотя чужіе взгляды и представлены въ болѣе развитомъ и улучшенномъ видѣ сравнительно съ исторически подлинными ученіями. Подобно Платону, Парменидъ показываетъ, какія ученія онъ далъ бы, если

[1]) E. Zeller I[1] стр. 581—584.

бы сталъ на точку зрѣнія своихъ противниковъ. По мнѣнію Г. Дильса, Парменидъ во второй части своей поэмы предлагаетъ критическое обозрѣніе мнѣній предшествующихъ мыслителей („доксографію"), даетъ резюме всей исторіи философіи до него. Онъ сводитъ всѣ прежнія системы къ одной контрарной противоположности и доказываетъ ея несоединимость съ законами мышленія. Ошибку всей физики до него Парменидъ видѣлъ въ дуалистическомъ проведеніи мысли объ единствѣ, въ неспособности избѣжать антиномій, и считалъ философію Гераклита наиболѣе яркимъ и законченнымъ выраженіемъ всего этого научнаго теченія, такъ какъ въ ней противорѣчіе возведено въ принципъ. Новую точку зрѣнія на отношеніе между первой и второй частями поэмы открываетъ Фр. Ницше, который различаетъ въ философскомъ развитіи Парменида два періода: анаксимандровскій, памятникомъ котораго является вторая часть поэмы, и періодъ образованія собственной самостоятельной системы. Дж. Бернетъ (стр. 211 цит. соч.), указывая, что Парменидъ вначалѣ держался пиѳагорейскаго міровоззрѣнія (какъ послѣдователь Аминія), отъ котораго позже отказался, понимаетъ поэму, какъ отреченіе Парменида отъ прежнихъ взглядовъ, которые и изложены во второй части, послѣ того какъ показана вся ихъ несостоятельность. Дѣйствительно, вторая часть поэмы Парменида есть, по вѣрному опредѣленію кн. С. Трубецкого, „ранняя пиѳагорейская переработка системы Анаксимандра" и лучше всего можетъ быть объяснена, какъ изложеніе первоначальнаго credo Парменида. Видѣть въ ней просто „каррикатуру" на прежнія философскія ученія, подобно пародіямъ Ксенофана, препятствуетъ та тщательность, съ какой здѣсь объясняются явленія чувственнаго міра подъ угломъ единой строго проведенной точки зрѣнія, а также еще болѣе то обстоятельство, что предлагаемыя здѣсь ученія представляютъ собой дѣйствительный прогрессъ научнаго знанія въ различныхъ отношеніяхъ (въ противоположность не имѣющимъ никакого серьезнаго значенія космологическимъ ученіямъ Ксенофана). Итакъ, вторая часть поэмы содержитъ въ себѣ пиѳагорейскую систему, развитую Аминіемъ и Парменидомъ (какъ мы увидимъ, на ней отразилась печать оригинальнаго мышленія Парменида). Впослѣдствіи же, придя къ новому міровоззрѣнію, Парменидъ сохраняетъ свое прежнее ученіе въ качествѣ „рабочей гипотезы", такъ какъ его онтологія не только не даетъ ключа къ объясненію чувственнаго міра, но прямо отказывается отъ этой задачи, утверждая, что о чувственномъ мірѣ не можетъ быть истиннаго знанія. Истинное знаніе познаетъ лишь истинное бытіе, чувственный міръ для него просто не существуетъ. Ложная же видимость, показываемая обманчивыми чувствами, можетъ быть объясняема лишь ложнымъ ученіемъ („мнѣніемъ"), которое постулируетъ существованіе несуществующаго [1]). Такимъ образомъ мы усматриваемъ между первой и

---

[1]) Какъ справедливо говоритъ А. Патинъ (Parmenides im Kampfe gegen Heraklit 1899, стр. 500 слѣд.), „Мнѣніе" имѣетъ свой особый міръ, свою особую область наряду съ „Истиной". Ея міръ — всеобщая и необходимая иллюзія.

второй частями поэмы тѣсную связь (онѣ дополняютъ другъ друга), объясняемую отсутствіемъ всякой связи между объектами ихъ изслѣдованія: истиннымъ бытіемъ, съ одной стороны, и кажущейся видимостью, съ другой. Бытіе не есть сущность, лежащая въ основѣ кажущагося чувственнаго міра, учитъ Парменидъ, сущностью этой видимости скорѣе является небытіе (ирраціональное начало); поэтому нѣтъ перехода отъ бытія къ видимости и отъ онтологіи къ космологіи.

Намъ извѣстна въ исторической литературѣ лишь одна попытка установить связь между бытіемъ и видимостью въ міровоззрѣніи Парменида. Она принадлежитъ Медикусу [1]), доказывающему, что физика Парменида есть миѳъ, который можно сравнить съ миѳами Платона. Парменидъ знаетъ, что есть вопросы, на которые можетъ отвѣчать только поэтъ таковъ именно вопросъ о сущности кажущагося міра. Всѣ образы, которыми пользуется Парменидъ во второй части своей поэмы, имѣютъ лишь символическое значеніе. Ни богини, правящей міромъ, ни свѣта, ни тьмы, выступающихъ въ роли элементовъ, не существуетъ на самомъ дѣлѣ. Каково же содержаніе того миѳа, которымъ является физика Парменида? Загадка отношенія единаго къ многому, или бытія къ видимости, есть, согласно этому миѳу, загадка любви, полового совокупленія и рожденія. Возникновеніе каждой вещи есть рожденіе и должно быть понимаемо по аналогіи съ рожденіемъ людей. Человѣкъ, который любитъ, чувствуетъ, что онъ самъ по себѣ не есть законченное цѣлое, но лишь часть подлинно цѣлаго, такъ какъ онъ нуждается въ восполненіи. Въ половомъ же совокупленіи представлено первоначальное единство. Половое совокупленіе— такой процессъ въ мірѣ видимости, анализъ котораго можетъ дать объясненіе связи между истинно сущимъ и просто кажущимся: здѣсь человѣкъ ближе къ сущности нераздѣльнаго бытія, чѣмъ когда-либо въ другое время, здѣсь переживаетъ онъ самовозвышеніе, восполненіе своей неполноты. Въ половомъ актѣ люди поднимаются надъ своимъ тѣнеподобнымъ полусуществованіемъ, становятся единствомъ и впервые достигаютъ истиннаго существованія. Половое стремленіе есть страстное желаніе истиннаго существованія. Парменидъ стоитъ въ началѣ того ряда философовъ, которые въ качествѣ послѣдняго отвѣта на послѣдній метафизическій вопросъ говорятъ слово: „любовь“ (Платонъ, Аристотель, Плотинъ, Спиноза, Фихте, Шеллингъ). Кажущійся міръ есть для него призрачное видѣніе любовнаго опьянѣнія. Въ міровоззрѣніи Парменида былъ заложенъ въ скрытой безсознательной формѣ такой ходъ мысли: совершенство бытія требуетъ, чтобы бытіе сознавало свое совершенство, а гдѣ есть знаніе о чемъ-либо совершенномъ, тамъ есть и любовь. Мышленіе и Бытіе въ ихъ взаимопроникновеніи представляютъ абсолютное единое Бытіе; изъ этого ихъ единства рождается новое третье начало: Любовь. Изъ Любви же возникаетъ міръ явленій.

---

[1]) F. Medicus. Zur Physik d. Parmenides (Philosophische Abhandlungen f. Max Heinze, 1906, стр. 137 слѣд.).

Такъ понимаетъ Медикусъ физику Парменида. Нельзя отрицать, что имъ усмотрѣны нѣкоторыя стороны Парменидова ученія, которыхъ обычно не замѣчаютъ, однако, онъ придаетъ имъ чрезмѣрное значеніе, не соотвѣтствующее ихъ дѣйствительной роли въ системѣ Парменида. Дѣйствительно, эротическій элементъ весьма силенъ въ поэмѣ Парменида, какъ это ранѣе указалъ Іоэль [1]), и возникновеніе міра (какъ и каждой вещи въ немъ) онъ понимаетъ по аналогіи съ рожденіемъ. Достойно вниманія, что въ физикѣ Парменида міромъ правитъ богиня любви, что прежде всѣхъ боговъ она создала Эроса, и, наконецъ, что послѣдній—единственное мужское существо (кромѣ самого поэта) въ поэмѣ Парменида, изображающей путешествіе къ богинѣ истины въ сопровожденіи дѣвъ солнца (даже везутъ его къ ней *αἳ ἵπποι*, т. е. кобылицы). Однако, усматривать метафизическій смыслъ въ половомъ актѣ, а въ любви мостъ отъ чувственнаго міра къ истинному бытію, это значитъ платонизировать Парменида. Выводить же любовь изъ взаимопроникновенія мышленія и бытія значитъ влагать въ поэму Парменида еще болѣе позднія ученія.

Переходимъ къ содержанію физическихъ ученій, данныхъ во второй части поэмы Парменида. Въ качествѣ высшихъ началъ здѣсь принимаются два матеріальныхъ элемента (Парменидъ называетъ ихъ „формами“) и особая дѣятельная сила (богиня любви). Такимъ образомъ Парменидъ первый отдѣляетъ движущую причину отъ причины матеріальной, и уже въ этомъ отношеніи его физика имѣетъ важное значеніе для послѣдующаго развитія философской мысли. Матеріальными началами у Парменида являются „свѣтъ“ (или огонь) и „ночь“ (или мракъ). Аристотель и доксографы отожествляютъ „свѣтъ“ Парменида съ началомъ огненнымъ, тонкимъ, теплымъ и легкимъ, и приписываютъ ему роль дѣйствующей причины; „ночь“ же Парменида они отожествляютъ съ землей, началомъ плотнымъ, холоднымъ и неподвижнымъ, и придаютъ ей роль матеріальной причины. Перипатетическое пониманіе Парменидова „свѣта“, какъ активнаго начала, и его „ночи“, какъ пассивной матеріи, приходится отвергнуть въ виду того, что Парменидъ вводитъ особое творческое начало—богиню любви. Болѣе пріемлемымъ является сопоставленіе матеріальныхъ началъ физики Парменида съ пиѳагорейскими „предѣломъ“ и безпредѣльнымъ“, хотя Парменидъ не допускаетъ безконечности и въ мірѣ „мнѣнія“. Между тѣмъ какъ П. Таннери полагаетъ, что у Парменида свѣтъ соотвѣтствуетъ безпредѣльному, ночь предѣлу (въ этомъ онъ усматриваетъ расхожденіе Парменида съ Пиѳагоромъ), Дж. Бернетъ думаетъ, что свѣтъ Парменида слѣдуетъ отожествить съ предѣломъ пиѳагорейцевъ (огнемъ Гиппаса) и его ночь съ ихъ безпредѣльнымъ, и видитъ въ физикѣ Парменида первую грубую форму позднѣйшаго пиѳагорейскаго ученія о предѣлѣ и безпредѣльномъ. Въ связи съ этимъ споромъ стоитъ вопросъ, соотвѣтствуютъ ли физическіе элементы

---

[1]) K. Ioel, цит. соч., стр. 64—65.

Парменида его онтологическимъ понятіямъ бытія и небытія. Этотъ вопросъ изслѣдуетъ В. Овчинниковъ [1]), который, выступая вмѣстѣ съ П. Таннери противъ Аристотеля, Брандиса, Риттера, Целлера и кн. С. Трубецкого, оспариваетъ параллелизмъ физическихъ стихій съ онтологическими сущностями у Парменида. „Парменидъ лишь хотѣлъ изобразить контрастъ двухъ міровъ, различно постигаемыхъ человѣкомъ, а между тѣмъ въ его поэмѣ хотятъ видѣть еще и отраженіе одного изъ этихъ міровъ въ другомъ", говоритъ онъ. [2]) Мы позволимъ себѣ не согласиться съ уважаемымъ авторомъ, такъ какъ думаемъ, что допущеніе существованія небытія наряду съ бытіемъ отнюдь не служитъ „отраженію" истинно сущаго въ мірѣ кажущемся и нисколько не нарушаетъ контраста между ними. Скорѣе наоборотъ; по крайней мѣрѣ, какъ старается доказать самъ Парменидъ въ первой части своей поэмы. Не согласенъ я и съ другимъ мнѣніемъ В. Овчинникова, который говоритъ: „Какъ будто два человѣка работали надъ двумя частями поэмы: такъ различны здѣсь методы изученія у нашего элейца: абстрактный въ онтологіи и эмпирическій въ физикѣ и гносеологическомъ ученіи". [3]) Скорѣе правъ Фр. Ницше, который находитъ, что склонность Парменида къ абстрактно-логическому методу отразилась и на его физикѣ, а именно, она сказалась въ сведеніи всего къ противоположностямъ свѣта и тьмы, причемъ послѣдняя есть отрицаніе перваго. Эмпирическій міръ имѣетъ позитивныя свойства: свѣтлое, теплое, огненное, тонкое, мужское („бытіе") и свойства отрицательныя, которыя суть лишь отсутствіе положительныхъ („небытіе").

Итакъ, мы полагаемъ, Аристотель правъ, утверждая, что свѣтъ Парменида соотвѣтствуетъ его бытію, ночь небытію. Конечно, это не значитъ, что между этими понятіями ставится знакъ равенства. Небытія нельзя выразить никоимъ образомъ, бытіе же постигается лишь мышленіемъ и не можетъ быть представлено въ чувственномъ образѣ. Физическіе элементы—лишь „мнимыя" бытіе и небытіе. Поэтому М. Мандесъ идетъ слишкомъ далеко, когда на основаніи указаннаго соотвѣтствія приписываетъ Пармениду мнѣніе· „огонь есть нѣчто, земля ничто", „въ основѣ міра лежитъ свѣтъ", и такимъ образомъ дѣлаетъ физику Парменида монистической. [4])

Достойно вниманія, что въ физической плоскости бытіе отражается въ видѣ эѳирнаго огня, небытіе въ видѣ плотной земли. Признавъ небытіе (пустое пространство) непредставимымъ и невыразимымъ, Парменидъ вводитъ въ своей физикѣ въ качествѣ замѣстителя небытія начало

---

[1]) „О натурфилософіи Парменида" (въ ΧΑΡΙΤΕΣ проф. Е. А. Боброву).

[2]) ΧΑΡΙΤΕΣ стр. 27.

[3]) Тамъ же стр. 36.

[4]) Рядъ странныхъ выводовъ, которые получаетъ М. Мандесъ изъ подобнаго соединенія Парменидова ученія объ истинѣ съ его „мнѣніемъ", см. „Элеаты" стр. 162—163. Параллелизмъ не даетъ еще права на переходъ изъ одной области въ другую.

мрачное, холодное, косное, какимъ представлялась ему земля. Въ признаніи *двухъ* матеріальныхъ началъ Парменидъ слѣдуетъ Ксенофану съ той лишь разницей, что, между тѣмъ какъ космологія Ксенофана признавала элементами землю и воду, физика Парменида принимаетъ въ качествѣ элементовъ землю и огонь.

Физика Парменида учитъ, что міръ единъ (въ противоположность іонійскому и пиѳагорейскому ученіямъ о множественности міровъ) и неподвиженъ (Таннери, Мильо и Боймкеръ полагаютъ, что элейское отрицаніе движенія имѣло въ виду лишь міръ, какъ цѣлое). Парменидъ считаетъ вселенную состоящей изъ ряда концентрическихъ „вѣнцовъ“, вращающихся вокругъ центра. Это представленіе родственно ученію Анаксимандра о небесныхъ кольцахъ и пиѳагорейской теоріи сферъ. Ученіе Парменида о вѣнцахъ извѣстно намъ изъ небольшого отрывка поэмы (В 12) и изъ сбивчиваго, частью явно ошибочнаго, сообщенія доксографіи (А 37). Естественно, это ученіе не можетъ быть возстановлено такъ, чтобы не вызывать сомнѣній и разногласій. Считая вопросъ открытымъ въ виду того, что наши источники слишкомъ скудны, чтобы возможно было притти къ твердому рѣшенію, мы для характеристики положенія вопроса приведемъ главнѣйшіе отвѣты. Между тѣмъ какъ Эд. Целлеръ считаетъ вѣнцы Парменида шарами, А. Патинъ называетъ ихъ сегментами мірового шара и П. Таннери признаетъ ихъ вложенными другъ въ друга цилиндрами. Г. Дильсъ даетъ слѣдующую реконструкцію этого ученія. Вѣнцы, т. е. міровыя кольца, бываютъ двухъ видовъ: 1) кольца изъ чистаго огня и изъ чистой земли и 2) кольца, представляющія собою смѣсь огня и земли. Міровыя кольца перваго вида („чистые“) являются двойными: рядомъ съ болѣе широкимъ кольцомъ изъ одного элемента помѣщается болѣе узкое кольцо изъ другого элемента (это мнѣніе о двойныхъ вѣнцахъ впервые было высказано Крише). Міровыхъ колецъ перваго вида всего четыре; изъ нихъ два окружаютъ вселенную и два образуютъ ея центръ. Окружаютъ вселенную два вѣнца: 1) крайній олимпъ, твердь изъ земли, болѣе широкое кольцо, и 2) прилегающій къ нему эѳирный огонь, болѣе узкое кольцо. Центръ вселенной образуютъ также два вѣнца: 1) земная кора, болѣе широкое кольцо изъ чистой земли, и 2) внутренность земли, вулканическій огонь, болѣе узкое кольцо. Итакъ, изъ четырехъ чистыхъ вѣнцовъ (міровыхъ колецъ перваго вида)—два периферическихъ и два центральныхъ, два болѣе широкихъ и два болѣе узкихъ, два изъ огня и два изъ земли. Между периферическими и центральными чистыми кольцами расположены кольца второго вида, т. е. вѣнцы, представляющіе собою смѣсь огня и земли. Такими смѣшанными вѣнцами являются млечный путь, солнце, луна и планеты. О. Гильбертъ (цит. с., стр. 39 слѣд.) возстанавливаетъ ученіе Парменида слѣдующимъ образомъ: Центръ міра образуетъ шарообразная земля, нижнюю поверхность которой объемлетъ огонь (это—не огненный „вѣнецъ“, но подземное царство богини Дике). Верхній міровой вѣнецъ состоитъ изъ тонкаго элемента, прилегающій къ землѣ—изъ плотнаго,

вѣнцы же, лежащіе между ними—смѣшанные. Ни внутри земного шара, ни вокругъ его нѣтъ огненнаго вѣнца (учитъ онъ противъ Г. Дильса и Ф. Зуземиля).

Ученіе о двойныхъ чистыхъ вѣнцахъ принимаетъ вмѣстѣ съ Дильсомъ Фр. Зуземиль, [1]) который слѣдующимъ образомъ рисуетъ мірозданіе у Парменида. Есть два двойныхъ вѣнца: внѣшній и внутренній. Внѣшній двойной вѣнецъ, окружающій вселенную, состоитъ изъ верхняго темнаго полаго шара и лежащаго подъ нимъ свѣтлаго. Напротивъ, внутренній двойной вѣнецъ, образующій самый центръ вселенной, состоитъ изъ темнаго ядра (земля съ ея воздушной атмосферой) и окружающаго его огненнаго шара. Между обоими свѣтлыми полыми шарами (нижнимъ внѣшнимъ и верхнимъ внутреннимъ) расположены смѣшанные вѣнцы. По мнѣнію Г. Бергера [2]), мірозданіе у Парменида состоитъ изъ двухъ шаровъ: мірового („объемлющее“) и земного („самое среднее“) и расположенныхъ между ними вѣнцовъ, которые являются не полыми шарами, но кольцеобразными поясами (небесными зонами). Есть два огненныхъ пояса, изъ которыхъ одинъ непосредственно прилегаетъ къ міровому шару, другой—къ земному, сливаясь съ жаркой земной зоной. Между этими огненными поясами расположены смѣшанные вѣнцы (круги планетъ). А. Дерингъ [3]) излагаетъ Парменидово ученіе о вѣнцахъ слѣдующимъ образомъ. Вселенную, состоящую изъ пяти сферъ, окружаетъ твердая оболочка. Міровыя сферы расположены въ такомъ порядкѣ: 1) самая крайняя, лежащая наиближе къ міровой оболочкѣ, чистая огненная сфера (эѳиръ), 2) сфера солнца, смѣшанная съ преобладаніемъ огня, 3) млечный путь, сфера самаго тѣснаго и самаго равномѣрнаго смѣшенія обоихъ элементовъ, и 4) сфера земли (земля съ окружающимъ ее воздухомъ), чистая сфера изъ темнаго элемента, лежащая въ центрѣ міра. П. Таннери [4]) приписываетъ Пармениду слѣдующее ученіе о вѣнцахъ. Вселенную окружаетъ, на подобіе стѣны, темный плотный сводъ; темнымъ и плотнымъ является также ея центральное ядро (наша земля). Вѣнцы, которые Аэцій называетъ огненными, П. Таннери считаетъ состоящими не изъ чистаго огня, но представляющими смѣсь двухъ элементовъ лишь съ преобладаніемъ огня. Такихъ вѣнцовъ два. Одинъ изъ нихъ непосредственно прилегаетъ къ темному своду вселенной (это—млечный путь), другой окружаетъ центральное ядро вселенной (атмосфера, или, по крайней мѣрѣ, ея свѣтлая часть). Между этими огненными вѣнцами помѣщаются вѣнцы, представ-

---

[1]) Fr. Susemihl. Zum zweiten Theile d. Parmenides (Philologus, Bd. 58, II Heft, 1899).

[2]) H. Berger. Die Zonenlehre d. Parmenides (Berichte über d. Verhandl. d. k. Sächs. Gesellsch. d. Wiss. z. Leipzig, 1895), стр. 66 слѣд.

[3]) A. Döring. Das Weltsystem d. Parmenides (Zeitschr. f. Philosophie u. Philosophische Kritik, N. F., 104 Bd.) и Ein Wort pro domo etc. (тамъ же, 111 Bd.).

[4]) P. Tannery. La physique de Parménide (Revue philosophique XVIII, 1884, стр. 280 слѣд.) и П. Таннери. Первые шаги древне-греческой науки, р. п. 1902, стр. 224 слѣд.

ляющіе собою смѣсь изъ двухъ элементовъ, но съ преобладаніемъ темнаго (между ними есть и совсѣмъ темные). Эти промежуточные вѣнцы соотвѣтствуютъ (считая отъ земли) орбитамъ луны, солнца и пяти планетъ. Другіе изслѣдователи склонны въ ученіи о вѣнцахъ видѣть не космологическую теорію, изображающую современное устройство вселенной, а отдѣлъ изъ космогоніи Парменида. Такъ, I. Буле [1]), полагаетъ, что теорія вѣнцовъ рисуетъ первоначальное положеніе вселенной, представлявшее собой рядъ концентрическихъ круговъ: самый высшій кругъ чистаго огня, затѣмъ кругъ воздуха, далѣе кругъ воды, самый средній кругъ земли. Равнымъ образомъ А. Патинъ [2]) считаетъ теорію вѣнцовъ космогоническимъ ученіемъ и излагаетъ ее такъ: Вселенная -- шаръ, вѣнцы—сегменты его (естественно, крайніе сегменты уже среднихъ, лежащихъ у діаметра); у верхняго полюса вселенной—чистый огонь; за нимъ первая смѣсь съ преобладаніемъ огня; за ней вторая смѣсь, въ которой огонь и ночь соединены равномѣрно; далѣе третья смѣсь съ преобладаніемъ ночи, и, наконецъ, въ самомъ низу вселенной земля (плоскій дискъ). Оригинально возстановляетъ Парменидову теорію вѣнцовъ М. Мандесъ [3]), относящій ее также къ космогоніи. Міровую сферу объемлетъ твердая оболочка (крайній Олимпъ), въ центрѣ вселенной лежитъ сфера земная. Между этими двумя шарами рядъ вѣнцовъ (полые шары). Есть всего два чистыхъ вѣнца: одинъ изъ огня, другой изъ ночи; первый расположенъ подъ стѣной, окружающей міръ (пылающій небесный сводъ), второй вокругъ земли (холодный, темный, густой слой, это — область воздуха). Чѣмъ ближе къ наружной стѣнкѣ вселенной, тѣмъ больше свѣта и тепла; чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ больше тьмы и холода. За самымъ высшимъ и самымъ широкимъ кругомъ чистаго огня слѣдуетъ рядъ болѣе узкихъ (по діаметру) круговъ; это—вѣнцы, смѣшанные изъ огня и ночи; за ними слѣдуютъ самые узкіе вѣнцы, наполненные ночью.

Спорнымъ является также вопросъ о мѣстопребываніи богини—правительницы міра. Богиню любви, правящую всѣмъ въ мірѣ, Парменидъ помѣщаетъ въ центрѣ; однако, неясно, о какомъ центрѣ идетъ здѣсь рѣчь: о центрѣ ли міровыхъ вѣнцовъ (т. е. о среднемъ изъ вѣнцовъ,—мнѣніе Θеофраста, принимаемое Карстеномъ) или о центрѣ вселенскаго шара (мнѣніе Ямвлиха и Симплиція, принимаемое Крише) [4]). Въ этомъ

---

[1]) I. Buhle. Lehrbuch d. Geschichte d. Philosophie, I Th., 1796, стр. 296.

[2]) A. Patin. Parmenides im Kampfe gegen Heraklit, 1899, стр. 622- 625 (см. чертежъ на стр. 624).

[3]) „Элеаты“, см. чертежъ на стр. 186.

[4]) Еще болѣе разногласій получается при попыткахъ болѣе точнаго опредѣленія мѣстопребыванія богини. О. Гильбертъ помѣщаетъ ее въ огнѣ, облегающемъ нижнюю поверхность земли, Ф. Зуземиль—въ верхней свѣтлой части внутренняго вѣнца (онъ полагаетъ, что міровымъ центромъ мыслился весь внутренній двойной вѣнецъ), Г. Бергеръ помѣщаетъ богиню на солнцѣ, какъ на источникѣ жизни, А. Дерингъ—на млеч-

ученіи о богинѣ въ центрѣ вселенной есть нѣкоторое сходство съ пиѳагорейскимъ ученіемъ о Гестіи, матери боговъ [1]).

Физика Парменида представляетъ собой значительный научный прогрессъ по сравненію съ прежними ученіями. Кромѣ упомянутаго уже отдѣленія дѣятельной силы отъ вещества, мы находимъ здѣсь увеличеніе числа небесныхъ колецъ, измѣненіе ихъ порядка, лучшее представленіе о движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, признаніе земли шаромъ и ея внутренности огненной, отожествленіе утренней и вечерней звѣзды, ученіе о томъ, что луна свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ, и такъ далѣе. П. Таннери находитъ у Парменида теорію самосвѣтящейся атмосферы, по которой наша дневная атмосфера свѣтится сама собой и только перемѣщается вслѣдъ за солнцемъ; она есть огненное кольцо. Аналогичныя представленія о дневномъ свѣтѣ встрѣчаются позже у Эмпедокла и Филолая. По аналогіи съ астрономическими зонами [2]) Парменидъ дѣлитъ поверхность земли на пять климатическихъ поясовъ, вслѣдствіе чего часть земли, отнесенная къ жаркому климату (сожженная, и потому необитаемая), является у него слишкомъ большой по сравненію съ умѣренными и холодными поясами земли. Впрочемъ, нѣкоторые приписываютъ это ученіе о физико-географическихъ зонахъ Пиѳагору.

Физика Парменида, изображая возникновеніе вселенной, говоритъ, что первымъ изъ всѣхъ дѣлъ созидавшей міръ богини было рожденіе Эроса. Повидимому, далѣе описывалось, какъ родились прочіе боги. Теогонія у Парменида сливалась съ космогоніей, такъ какъ образы народныхъ боговъ онъ сводилъ къ тѣламъ и силамъ природы (см. А 20), являясь предшественникомъ стоиковъ въ раціоналистическомъ истолкованіи народной религіи.

Ученіе Парменида о человѣкѣ образуетъ слѣдующій рядъ положеній. Человѣкъ, подобно каждой вещи въ мірѣ, состоитъ изъ двухъ элементовъ. И душа человѣка состоитъ изъ огня и земли. Въ ученіи о возникновеніи живыхъ существъ на землѣ Парменидъ является предшественникомъ Эмпедокла (см. А 51). Эмбріологія Парменида ставитъ полъ людей, ихъ внѣшній видъ и разнообразіе характеровъ въ зависимость отъ условій зарожденія. Женщины, учитъ Парменидъ въ противоположность Эмпедоклу, заключаютъ въ себѣ больше теплоты, чѣмъ мужчины. Отношеніе тепла къ холоду въ организмѣ человѣка опредѣляетъ, по мнѣ-

---

номъ пути (такъ какъ здѣсь оба элемента смѣшаны самымъ тѣснымъ образомъ и наиболѣе равномѣрно). Само собой напрашивается помѣщеніе богини во внутренности земли (центральномъ огнѣ).

[1]) Это гармонируетъ съ общей пиѳагорейской окраской физики Парменида. Изъ изслѣдователей одинъ только Е. Апельтъ (Parmenidis et Empedoclis doctrina de mundi structura, 1857) совершенно отрицаетъ пиѳагорейскій элементъ въ физикѣ Парменида.

[2]) H. Berger (цит. соч., стр. 106) доказалъ, что основанное Парменидомъ ученіе о физически-географическихъ зонахъ возникло изъ изслѣдованія отношенія, существующаго между земнымъ и небеснымъ шарами.

нію Парменида, образъ мыслей человѣка. Физика Парменида считаетъ ощущеніе и мышленіе тожественными. Ощущенія тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше въ организмѣ теплоты. Теорія ощущеній Парменида основывается на принципѣ: подобное познается подобнымъ. И мертвые ощущаютъ, но, такъ какъ въ трупѣ нѣтъ теплоты, то мертвецъ ощущаетъ лишь холодъ и тьму. Зрѣніе Парменидъ объясняетъ (подобно пиѳагорейцамъ) исхожденіемъ лучей изъ глаза человѣка. У Парменида находимъ также пиѳагорейское ученіе о душепереселеніи.

Введеніе поэмы Парменида заключаетъ въ себѣ заимствованія у Гезіода, Эпименида и орфиковъ [1]), первая часть поэмы (ученіе о бытіи) обнаруживаетъ вліяніе Ксенофана (въ своемъ содержаніи) [2]) и вліяніе пиѳагорейской математики (въ методѣ аргументаціи), вторая же часть (физика) опирается на Анаксимандра и пиѳагорейскую космологію.

Парменидъ оставилъ послѣ себя только одно сочиненіе—дидактическую поэму „О природѣ", отрывки которой дошли до насъ главнымъ образомъ благодаря цитатамъ у Симплиція [3]). Платонъ сообщаетъ (см. А 5), что Парменидъ излагалъ свои ученія также въ прозаической формѣ „посредствомъ вопросовъ" (устное діалогическое изложеніе).

Оцѣнка Парменида, какъ поэта, въ древности и въ новое время часто была невысокой (см. А 15, 16, 17 и 18). Такъ, Плутархъ затрудняется причислить стихи Парменида къ поэзіи и порицаетъ технику ихъ. Проклъ называетъ его темнымъ и считаетъ его рѣчь „скорѣе прозаической, чѣмъ поэтической". Филонъ (см. 11 А 26) съ грустью отмѣчаетъ, что Парменидъ, подобно Ксенофану и Эмпедоклу, не былъ истиннымъ поэтомъ. Цицеронъ (см. 11 А 25) считаетъ стихи Парменида посредственными. И Г. Дильсъ находитъ, что стихи Парменида по формѣ часто шероховаты, а по содержанію представляютъ собой самую сухую прозу. Исключеніе составляетъ введеніе поэмы [4]). Однако, встрѣчается и иная оцѣнка поэзіи Парменида. Такъ, Дж. Магаффи [5]) говоритъ, что въ поэмѣ Парменида „поразительный блескъ фантазіи соединяется съ глубиной мысли" и находитъ въ ней мѣста, отличающіяся „замѣчательнымъ

---

[1]) См. Parmenides Lehrgedicht von H. Diels, 1897, стр. 11 слѣд.

[2]) Болѣе спорнымъ является вліяніе Гераклита. Во всякомъ случаѣ, трудно принять основную мысль работы Патина (цит. соч. стр. 534 слѣд.), что на собственное ученіе Парменида наиболѣе повліялъ Гераклитъ, котораго Парменидъ неоднократно будто бы прямо цитируетъ. Парменидъ-де слѣдуетъ Гераклитову ученію объ единствѣ сущаго, отбрасывая его многообразіе.

[3]) По предположенію Г. Дильса, отъ первой части поэмы („Истина") сохранилось приблизительно девять десятыхъ, отъ второй („Мнѣніе") одна десятая. Поэму Парменида имѣлъ еще въ рукахъ Симплицій, который, однако, указываетъ, что это сочиненіе уже въ его время считалось рѣдкостью.

[4]) И Riaux (цит. соч., стр. 24) находитъ, что введеніе поэмы Парменида „n'est pas sans charme".

[5]) Исторія классическаго періода греческой литературы, т. I, стр. 113—144 р. п. (1882).

полетомъ фантазіи и истиннымъ поэтическимъ огнемъ". И дѣйствительно, хотя сочиненіе Парменида и нельзя причислить къ шедеврамъ поэзіи, однако, ему нельзя отказать въ энергіи и силѣ выраженій, а порой въ богатствѣ воображенія и въ истинно поэтическомъ вдохновеніи.

Поэма Парменида переведена на латинскій языкъ Виссаріономъ (XV в., только частично, въ стихахъ), Ватке и Муллахомъ, на франц. яз. Ріо и Таннери, на нѣмецк. яз. Дильсомъ и Нестле, на англ. яз. Фербанксомъ и Бернетомъ, на русск. яз. кн. С. Н. Трубецкимъ (частично) и Г. Церетели.

Спеціальное сочиненіе противъ Парменида написалъ Аристотель. Хотя оно не сохранилось, однако, изъ другихъ сочиненій Аристотеля намъ извѣстно, къ чему сводилась Аристотелева критика Парменида. На этомъ вопросѣ подробно останавливается М. Мандесъ („Элеаты" въ отдѣлѣ: „Вмѣсто введенія"). Также Ксенократу приписываютъ сочиненіе: „Объ ученіяхъ Парменида". [1])

Вліяніе онтологіи Парменида на послѣдующее развитіе философской мысли было громаднымъ: едва ли можно найти какого-либо крупнаго мыслителя, жившаго послѣ Парменида, котораго бы не коснулось это вліяніе такъ или иначе. Кромѣ основанной имъ элейской школы, вліяніе Парменида особенно сказалось на Эмпедоклѣ, Анаксагорѣ, атомистахъ, софистахъ. мегарской школѣ, Платонѣ, Аристотелѣ и Плотинѣ. Изъ философовъ новѣйшаго времени можно упомянуть Гербарта, который находитъ противорѣчивыми понятія измѣненія, движенія и множественности свойствъ вещей (однако, сохраняетъ множественность простыхъ реальныхъ сущностей).

Историческую оцѣнку философіи Парменида, дѣлаемую П. Дейссеномъ, см. у насъ „Досократики", часть I, стр. XXXVII.

А. Жизнь и ученіе.

Жизнь.

1. *Діогенъ IX 21—23.* (*21*) Элеецъ Парменидъ, сынъ Пирета, былъ слушателемъ Ксенофана (о послѣднемъ Ѳеофрастъ въ „Сокращеніи" говоритъ, что онъ былъ ученикомъ Анаксимандра). Однако, хотя, дѣйствительно, онъ учился и у Ксенофана, но послѣдователемъ его не сталъ. По свидѣтельству Сотіона, онъ былъ также ученикомъ пиѳагорейца

[1]) I. Bidez (Observations sur quelques fragments d'Empédocle et de Parménide, въ Archiv f. Gesch. d. Phil., Bd. IX, 1896) находитъ критику Парменида въ поэмѣ Эмпедокла.

[2]) Riaux, цит. соч., стр. 103—179.

Аминія, сына Діохайта [1]), мужа хотя и бѣднаго, но бывшаго воплощеніемъ всѣхъ совершенствъ. Скорѣе его-то послѣдователемъ былъ Парменидъ; происходя изъ рода знатнаго и богатаго, онъ послѣ смерти Аминія соорудилъ въ честь его, какъ героя, святилище. (Итакъ), Аминій, а не Ксенофанъ, обратилъ Парменида къ спокойной жизни созерцателя [2]). Онъ первый объявилъ, что земля имѣетъ форму шара и покоится въ центрѣ. И (по его мнѣнію) стихій (*элементовъ*) двѣ—огонь и земля, и первая изъ нихъ играетъ творческую роль, вторая же—роль матеріи.

(*22*) Люди вначалѣ [3]) возникли изъ солнца [4]). Оно же (?) [5]) есть теплое и холодное *(начала)*, изъ которыхъ всѣ (вещи) образовались. Душа и умъ (по его мнѣнію) тожественны, какъ упоминаетъ и Ѳеофрастъ, излагающій въ „Физикахъ" ученія почти всѣхъ (*философовъ*). Онъ сказалъ, что философій двѣ, одна—сообразно истинѣ, другая сообразно мнѣнію. Поэтому онъ и говоритъ какъ-то (*цит. В 1, 28—50*). И онъ самъ излагаетъ свою философію въ стихотворной формѣ, подобно Гезіоду, Ксенофану и Эмпедоклу. Критеріемъ же (истины) онъ призналъ разумъ. И ощущенія не точны (по его мнѣнію). По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ (*цит. В 1, 34—36*).

(*23*) Поэтому-то и говоритъ о немъ Тимонъ:

„И не слѣдующій мнѣнію толпы [6]), могучій, надменный Парменидъ, который, по истинѣ, освободилъ мышленіе отъ обмана воображенія". [7])

На него и Платонъ написалъ діалогъ: „Парменидъ", озаглавивъ послѣдній: „или объ идеяхъ". Акме же его было въ 69 олимпіаду (*504—501*). И, кажется, онъ первый открылъ, что вечерняя и утренняя звѣзды тожественны; такъ сообщаетъ Фаворинъ въ пятой изъ своихъ „Записокъ". Другіе же приписываютъ это (*открытіе*) Пиѳагору [8]). Каллимахъ же говоритъ, что сочиненія его [9]) не существуетъ. Говорятъ также, что онъ (*Парменидъ*) издалъ законы для согражданъ; такъ сообщаетъ Спевсиппъ въ сочиненіи: „О философахъ". И онъ первый далъ въ діалогической формѣ разсужденіе, называемое „Ахиллесомъ". Былъ еще другой Парменидъ, ораторъ, писавшій объ (ораторскомъ) искусствѣ.

2. Свида. Парменидъ, сынъ Пирета, элейскій философъ, бывшій ученикомъ Ксенофана Колофонскаго, согласно же Ѳеофрасту—Анакси-

---

[1]) До разъясненія Г. Дильса (Hermes 35) обычно понимали это мѣсто такъ: „былъ ученикомъ пиѳагорейцевъ Аминія и Діохайта".

[2]) Спокойная жизнь созерцателя противополагается полной тревогъ государственной дѣятельности.

[3]) Въ противоположность позднѣйшимъ стадіямъ развитія. Срв. 18 A 51 и 21 A 72.

[4]) Срв. В 12, 3 слѣд. По другому чтенію: изъ ила или грязи.

[5]) Текстъ испорченъ. „Оно" здѣсь не можетъ относиться къ солнцу.

[6]) Намекъ на В 1, 30. 34; 8, 51 и т. п.

[7]) Срв. В 8, 52.

[8]) Срв. Діогенъ VIII 14 (18 A 40a).

[9]) То-есть Пиѳагора.

мандра Милетскаго. Преемниками же его были Эмпедоклъ, философъ и врачъ, и элеатъ Зенонъ. Написалъ же онъ физіологію (*т. е. ученіе о природѣ вещей*) въ стихахъ и нѣкоторыя другія сочиненія въ прозѣ, о которыхъ упоминаетъ Платонъ (*Софистъ 237 А; срв. В 7*) (*Сообщеніе Свиды заимствовано у Діогена за исключеніемъ конца*).

3. Діогенъ II 3 Анаксименъ, сынъ Эвристата, милетецъ, былъ ученикомъ Анаксимандра; нѣкоторые же говорятъ, что онъ былъ также ученикомъ Парменида.

4. Ямвлихъ V. Pyth. 166 (изъ Никомаха). Всѣ тѣ, которые дѣлаютъ какое-либо упоминаніе о физикахъ, обыкновенно на первомъ мѣстѣ приводятъ Эмпедокла и элеата Парменида (*Ямвлихъ говоритъ это, чтобы доказать вліяніе Пиѳагора на культуру Италіи*).

Проклъ in Parm. I p. 619, 4 Итакъ, во время этого праздника какъ мы сказали, прибыли въ Аѳины Парменидъ и Зенонъ; Парменидъ былъ учителемъ, Зенонъ же ученикомъ (его); оба—элеаты, при томъ же оба—члены пиѳагорейскаго союза, какъ гдѣ-то и Никомахъ сообщаетъ.

Фотій bibl. c. 249 (Жизнь Пиѳагора) p. 439 a 36 Элеаты Зенонъ и Парменидъ. И они принадлежали къ пиѳагорейскому союзу.

5. Платонъ Theaet. 183 E. Парменидъ мнѣ (*Сократу*) кажется, пользуясь выраженіями Гомера, (мужемъ) достойнымъ глубокаго уваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйнаго удивленія. Дѣло въ томъ, что я, право, лично имѣлъ бесѣду съ этимъ мужемъ; я (въ то время былъ) весьма юнымъ, онъ совершеннымъ старикомъ; и на меня онъ произвелъ впечатлѣніе мыслителя дѣйствительно необыкновенной глубины. *Sophist., 217 C* Посредствомъ вопросовъ, подобно тому какъ нѣкогда пользовался (*этимъ пріемомъ*) и Парменидъ при изложеніи (своихъ) прекрасныхъ ученій въ моемъ присутствіи; я въ то время былъ юнъ, между тѣмъ какъ онъ уже былъ весьма старъ. *Parm. 127 A* Итакъ, Антифонъ сказалъ, что Пиѳодоръ [1]) разсказывалъ, какъ нѣкогда пришли на великія панаѳинеи Зенонъ и Парменидъ. И вотъ Парменидъ былъ уже совершенно сѣдымъ, настоящимъ старикомъ, обладалъ прекрасной и благообразной наружностью и имѣлъ, самое большое, около 65 лѣтъ. Зенону же было въ то время приблизительно сорокъ лѣтъ; онъ (отличался) высокимъ ростомъ и пріятной наружностью. И о немъ говорили, будто онъ былъ предметомъ любви Парменида. Они остановились, сказалъ (Антифонъ), у Пиѳодора за городской стѣной въ Керамикѣ. Итакъ, туда пришелъ Сократъ и съ нимъ многіе другіе, съ намѣреніемъ послушать сочиненій Зенона. Дѣло въ томъ, что послѣднія тогда впервые были принесены ими, Сократъ же въ то время былъ весьма юнъ. *Напротивъ: Атеней XI 505 F* А именно, къ Пармениду на бесѣды и притти-то съ

---

[1]) Пиѳодоръ—сынъ Исолоха, бывшій аѳинскимъ стратегомъ въ 425 г. и изгнанный въ 424 г.

трудомъ позволяетъ возрастъ Платонову Сократу, не говоря уже о томъ, чтобы высказать или выслушать такія рѣчи. Но что всего ужаснѣе и всего лживѣе, это—сказать безъ всякой настоятельной надобности, будто предметомъ любви Парменида былъ согражданинъ его Зенонъ. *Діогенъ IX 25* Элеатъ Зенонъ. Аполлодоръ въ „Хроникахъ" говоритъ, что онъ—родной сынъ Телевтагора, усыновленный Парменидомъ (Парменидъ же—сынъ Пирета)... Итакъ, Зенонъ былъ ученикомъ Парменида и предметомъ его любви.

6. *Аристотель Metaph. A. 5. 986 b 22* Ибо говорятъ, что Парменидъ былъ ученикомъ его *(Ксенофана; срв. 11 A 30).*

7. *Александръ in Metaphys. A 3. 984 b 3* О Парменидѣ и мнѣніи его также Өеофрастъ въ первой книгѣ „О физикахъ" говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Слѣдовавшій же за нимъ" (то-есть за Ксенофаномъ) „элеатъ Парменидъ, сынъ Пирета, пошелъ по обѣимъ дорогамъ. А именно, онъ доказываетъ вѣчность вселенной и (въ то же время) старается объяснить возникновеніе сущаго, причемъ сужденія его о томъ и другомъ (предметѣ) не одинаковаго порядка, но онъ полагаетъ, что по истинѣ вселенная едина, безначальна и шаровидна; согласно же мнѣнію толпы, для объясненія возникновенія, онъ принимаетъ два начала кажущагося (міра): огонь и землю, одно—въ качествѣ матеріи, другое же—въ качествѣ дѣйствующей причины. *Симплицій phys. 22, 27...* Ксенофанъ Колофонскій, учитель Парменида (*изъ Өеофраста*).

8. *Симплицій phys. 28, 4* (*Өеофрастъ Phys. Opin. fr. 8. D. 483, 11*) Левкиппъ же элеатъ или милетецъ (ибо о немъ говорятъ и то и другое), пріобщившись философіи Парменида, пошелъ (въ ученіи) о сущемъ не по одной дорогѣ съ Парменидомъ и Ксенофаномъ, но, какъ кажется, по противоположной. А именно, между тѣмъ какъ тѣ считали вселенную единой, неподвижной, невозникшей и ограниченной и не позволяли даже искать небытія, онъ предположилъ атомы (*недѣлимыя частицы*)—безконечное число всегда движущихся элементовъ.

9. *Діогенъ VIII 55* Өеофрастъ же (*Phys. Op. fr. 3. D. 477*) говоритъ, что онъ (Эмпедоклъ) былъ поклонникомъ Парменида и подражалъ ему въ своихъ сочиненіяхъ. Ибо и тотъ изложилъ свое ученіе о природѣ въ стихахъ.

10. *Симплицій phys. 25, 19* Эмпедоклъ Агригентинскій, младшій современникъ Анаксагора, поклонникъ и ученикъ Парменида и еще болѣе пиѳагорейцевъ (*изъ Өеофраста*; *срв. A 9*).

11. *Евсевій Chron. a*) *Іеронимъ* Эмпедоклъ и Парменидъ философы, занимавшіеся изслѣдованіемъ природы, пользовались извѣстностью *къ 1561 г. отъ Авраама*; *армян. Ол. 81, 1 (456)*; *b*) Въ то время пользовался извѣстностью Демокритъ изъ Абдеры, философъ, занимавшійся изслѣдованіемъ природы, а также Эмпедоклъ изъ Агригента, философы Зенонъ и Парменидъ, и Гиппократъ Косскій *армян. Іеронимъ къ 1581 г. отъ*

Авраама (436). Срв. Chronic. Henzenian. (Inscr. Sic. et It. n. 1297, 30) между Ксерксомъ и Пелопоннесской войной; цыфра неразборчива: Послѣ того философъ Сократъ, Гераклитъ Эфесскій, Анаксагоръ, Парменидъ и Зенонъ въ году...

12. Страбонъ VI 1 p. 252 Обогнувши другой, рядомъ лежащій заливъ, въ которомъ находится городъ; основавшіе (этотъ городъ) фокейцы (назвали его) Гіелей, другіе же (называли его) Элей по имени нѣкоего источника, наши же современники называютъ Элеей. Оттуда были родомъ пиѳагорейцы Парменидъ и Зенонъ. Какъ мнѣ кажется, (этотъ городъ) имѣлъ хорошіе законы благодаря имъ, да и раньше еще (*срв. A 1). Плутархъ adv. Col. 32 p. 1126 A* Парменидъ же свое собственное отечество привелъ въ порядокъ отличнѣйшими законами, такъ что власти ежегодно заставляли гражданъ давать клятву остаться вѣрными законамъ Парменида.

Поэзія *(срв. A 1. 2).*

13. Діогенъ I 16 Другіе же (оставили послѣ себя) по одному сочиненію: Мелиссъ, Парменидъ, Анаксагоръ.

14. Симплицій de caelo 556, 25 „О природѣ“ озаглавили свои сочиненія и Мелиссъ и Парменидъ... И, конечно, въ самихъ сочиненіяхъ они говорили не только о сверхъестественныхъ (предметахъ), но и объ естественныхъ и вслѣдствіе этого, можетъ быть, они не отказывались давать имъ заглавіе: „О природѣ“.

15. Плутархъ Quomodo adul. poet. aud. deb. 2 p. 16 C Стихотворенія же Эмпедокла и Парменида, а также „О дикихъ звѣряхъ“ Никандра и „Собранія изреченій“ Ѳеогнида суть сочиненія, пользующіяся для избѣжанія прозы стихотворнымъ размѣромъ и высокопарностью слога, заимствуя какъ бы колесницу у поэтическаго искусства *(Срв. 1 B 1).*

16.——De audiendo 13 p. 45 B. Пожалуй, можно побранить содержаніе (сочиненій) Архилоха, стихотворство Парменида, простоту Фокилида, болтовню Эврипида, неровность Софокла. *Срв. 11 A 25 слѣд.*

17. Проклъ in Tim. I 345, 12 Diehl. По крайней мѣрѣ, Парменидъ, хотя онъ и теменъ вслѣдствіе стихотворнаго способа выраженія, тѣмъ не менѣе онъ самъ, доказывая это, говоритъ....

18.——in Parm. I p. 665, 17. Самъ Парменидъ въ стихотворной формѣ. Хотя, конечно, уже самая стихотворная форма заставляла его пользоваться переносными значеніями именъ, фигурами и тропами, однако онъ любилъ лишенный прикрасъ, сухой и ясный способъ изложенія. Это обнаруживается въ такихъ (*мѣстахъ*) (*цит. B. 8, 25. 5. 44. 45*) и все прочее въ такомъ родѣ. Такимъ образомъ рѣчь (его), повидимому, скорѣе прозаическая, чѣмъ поэтическая.

19. Симплицій phys. 36, 25. Такъ какъ мы услышимъ Аристотеля, опровергающаго мнѣнія прежнихъ философовъ, и до Аристотеля Платонъ, оказывается, это дѣлаетъ и раньше ихъ обоихъ Парменидъ и Ксенофанъ,

то должно знать, что они, заботясь о поверхностныхъ слушателяхъ, опровергаютъ то, что кажется (имъ) нелѣпымъ въ ученіяхъ предшественниковъ, между тѣмъ какъ древніе имѣли обыкновеніе высказывать свои мнѣнія въ формѣ загадокъ.

20. — — 146, 29. Не удивляйся, если онъ говоритъ, что единое сущее „подобно массѣ совершенно правильнаго шара". (В 8, 43). Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе поэтическаго способа выраженія онъ также прибѣгаетъ къ нѣкоторому миѳическому образу. Какая, въ самомъ дѣлѣ, разница сказать это или такъ, какъ сказалъ Орфей: „серебристое яйцо"? *Менандръ (правильнѣе Генетлій) rhet. I 2, 2.* Относящіеся къ природѣ (гимны), какіе сочинили Парменидъ и Эмпедоклъ со своими послѣдователями *(срв. 21 А 23). Тамъ же I 5, 2.* Существуютъ же такіе (гимны), когда произнося гимнъ Аполлона, мы говоримъ, что онъ есть солнце и ведемъ рѣчь о солнцѣ природы, и о Герѣ (говоримъ), что она—воздухъ, и Зевсъ (есть для насъ) теплота. А именно, такіе гимны относятся къ изслѣдованію природы. И такимъ пріемомъ пользуются подробно Парменидъ и Эмпедоклъ....

Дѣло въ томъ, что Парменидъ и Эмпедоклъ даютъ (*въ этой формѣ*) пространныя толкованія, Платонъ же дѣлаетъ (*въ такихъ случаяхъ*) упоминанія въ самыхъ краткихъ словахъ.

21. Симплицій phys. 144. 25.

И если бы никому я не казался мелочнымъ, то я съ удовольствіемъ бы присоединилъ къ этимъ запискамъ стихи Парменида объ единомъ сущемъ, которые притомъ немногочисленны; (*я поступилъ бы такъ*) для подтвержденія правильности сказаннаго мною и вслѣдствіе рѣдкости сочиненія Парменида.

Ученіе (*Срв. А. 1*).

Филонъ in phys. 65. 23 Vit. Говорятъ, что онъ (*Аристотель*) написалъ особую книжку, направленную противъ мнѣнія Парменида.

22. (Плутархъ) Strom. 5 (Евсевій P. E. I 8, 5. D. 580). Элеатъ Парменидъ, пріятель Ксенофона, одновременно и присвоилъ себѣ мнѣніе послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ противоположную точку зрѣнія. А именно, онъ объявляетъ, что, согласно истинному положенію вещей, вселенная вѣчна и неподвижна. И дѣйствительно, онъ говоритъ, что она..... *(цит В 8, 4).* Возникновеніе же относится къ области кажущагося, согласно ложному мнѣнію, бытія. И ощущенія онъ изгоняетъ изъ области истины. Онъ говоритъ, что, если что-нибудь существуетъ сверхъ бытія, то оно не есть бытіе. Небытія же во вселенной нѣтъ. Вотъ такимъ-то образомъ онъ оставляетъ бытіе безъ возникновенія. Онъ же говоритъ, что земля образовалась вслѣдствіе стеченія плотнаго воздуха (*изъ Ѳеофраста, какъ и ниже А 23. 28 слѣд.*).

23. Ипполитъ Ref. I 11 (D. 564).

(*1*). Дѣло въ томъ, что и Парменидъ считаетъ вселенную единой, вѣчной, невозникшей и шаровидной, но при этомъ онъ самъ, не будучи въ

состоянiи отрѣшиться отъ мнѣнiя толпы, называетъ огонь и землю началами вселенной, принимая землю въ качествѣ матерiи, огонь же въ качествѣ дѣятельной причины. Онъ сказалъ, что мiръ погибаетъ, но какимъ образомъ (это бываетъ), не сказалъ.

(2). Этотъ же самый (*мыслитель*) сказалъ, что вселенная вѣчна, безначальна, шаровидна и подобна (*себѣ*), что въ ней нѣтъ мѣста и (что она) неподвижна и ограничена.

24. Аристотель metaph. A 5. 986 b 18. А именно, какъ кажется, Парменидъ говорилъ объ умопостигаемомъ единомъ и т. д. *b 27* Парменидъ же кажется говоритъ какъ-то съ большей проницательностью. А именно, полагая, что наряду съ бытiемъ небытiя вовсе нѣтъ, онъ думаетъ, что по необходимости бытiе едино и нѣтъ ничего другого.... Чувствуя же себя вынужденнымъ сообразжаться съ кажущимся (мiромъ), онъ полагаетъ, что, согласно разуму, существуетъ единое, согласно же ощущенiю, есть множество (вещей), и опять принимаетъ двѣ причины и два начала: теплое и холодное, такъ какъ онъ называетъ (началами) огонь и землю. Изъ нихъ теплое (начало), по его мнѣнiю, соотвѣтствуетъ бытiю, другое же (начало) небытiю.

Г 5. 1010a 1 Они изслѣдовали истину о сущемъ, сущимъ же считали только чувственный мiръ.

25———de caelo Г. 298 b 14. А именно, нѣкоторые изъ нихъ совершенно отвергли возникновенiе и гибель. И дѣйствительно, они говорятъ, что ничто изъ сущаго ни возникаетъ, ни уничтожается, но (такъ) только кажется намъ. Такъ (учатъ), напримѣръ, Мелиссъ и Парменидъ со своими приверженцами. Если въ другихъ отношенiяхъ они и прекрасно разсуждаютъ, однако, по крайней мѣрѣ, должно признать, что они разсуждаютъ не соотвѣтственно природѣ (вещей). Ибо ученiе о томъ, что нѣкоторыя изъ сущихъ (вещей) не возникли и вообще неподвижны, относится скорѣе къ другому, болѣе принципiальному изслѣдованiю, чѣмъ къ физикѣ *de gen. et corr. A 8. 325 a 13.* Итакъ, на основанiи этихъ разсужденiй оставивъ безъ вниманiя ощущенiе и (совершенно) пренебрегши имъ, такъ какъ-де должно слѣдовать разуму, нѣкоторые утверждаютъ, что вселенная едина, неподвижна и безпредѣльна. Ибо граница граничила бы съ пустотой. Итакъ, нѣкоторые вотъ какимъ образомъ по указаннымъ причинамъ высказались объ истинѣ. Притомъ (хотя) на основанiи разсужденiй, кажется, (дѣйствительно) получаются эти результаты, но дѣлать такiя предположенiя по поводу фактическаго положенiя вещей похоже на сумасшествiе. *Филонъ къ этому мѣсту 157, 27.* Онъ порицаетъ приверженцевъ Парменида за ихъ мнѣнiе. будто не слѣдуетъ обращать никакого вниманiя на фактическую дѣйствительность, но только на послѣдовательность въ разсужденiяхъ.

26. Платонъ Theaet. 181 A. Если же кажется, что правильнѣе учатъ приверженцы неподвижности вселенной, то перебѣжимъ къ нимъ отъ тѣхъ, которые, съ своей стороны, и неподвижные (предметы) приводятъ въ движенiе.

Секстъ adv. math X 46. Нѣтъ движенія, учатъ приверженцы Парменида и Мелисса, которыхъ Аристотель (*въ одномъ изъ своихъ діалоговъ съ намекомъ на вышеприведенное мѣсто Платона*) назвалъ „неподвижниками и противоестественниками“ (*т. е. поборниками неподвижности вселенной и отрицателями природы*); (онъ назвалъ ихъ) неподвижниками отъ (слова) неподвижность, противоестественниками же—потому, что началомъ движенія является природа, которую они отвергли своимъ утвержденіемъ, что ничто не двигается.

27. Аристотель phys. Г 6. 207 а 9. А именно, цѣлому мы даемъ такое опредѣленіе: то, въ чемъ рѣшительно все есть, какъ, напримѣръ, цѣлый человѣкъ или ящикъ. Какъ каждая отдѣльная вещь, точно также и (цѣлое) въ собственномъ смыслѣ, то-есть то цѣлое, внѣ котораго нѣтъ ничего. А то, чему не хватаетъ чего-либо, не находящагося въ немъ, то не есть цѣлое, чего бы ему ни хватало. Цѣлое же и совершенное или рѣшительно одно и то же или весьма близки по природѣ. Совершеннымъ же не является ничто изъ того, что не имѣетъ конца. Конецъ же есть граница. Поэтому-то должно считать, что Парменидъ сказалъ лучше Мелисса. А именно, послѣдній называетъ безпредѣльное цѣлымъ, первый же говоритъ, что цѣлое ограничено, будучи „равноотстоящимъ отъ центра“ (*B 8, 44*).

28. Симплицій phys. 115, 11.

Ученіе Парменида, какъ сообщаетъ Александръ, слѣдующимъ образомъ излагаетъ Ѳеофрастъ въ первой книгѣ „Исторіи физики“ (*Phys. op. 7; D. 483*): „То, что сверхъ бытія, то не бытіе. Небытіе же—ничто. Слѣдовательно, бытіе едино“. Эвдемъ же (излагаетъ) такъ: „То, что сверхъ бытія, то—не бытіе, но бытіе высказывается въ одномъ только смыслѣ; слѣдовательно, бытіе едино“. Написалъ ли это прямо такимъ образомъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Эвдемъ, я не могу сказать. Въ „Физикахъ“ же онъ пишетъ о Парменидѣ слѣдующее, изъ чего, можетъ быть, и возможно вывести вышесказанное: „Кажется, Пармениду не удается доказательство, что бытіе едино, даже если согласиться съ нимъ, что бытіе высказывается въ одномъ только смыслѣ, за исключеніемъ лишь высказываемой о каждой вещи ея сущности, какъ (понятіе) человѣкъ (высказывается) о людяхъ. И если дать о каждомъ (понятіи) въ отдѣльности отчетъ, то окажется, что понятіе бытія находится во всѣхъ (вещахъ) одно и то же подобно тому, какъ понятіе животнаго въ животныхъ. Точно такъ же, если бы всѣ существующія (вещи) были прекрасными и ничего нельзя было бы найти, что не было бы прекраснымъ, то, правда, все было бы прекрасно, однако, прекрасное было бы не единымъ, но множественнымъ, ибо прекраснымъ былъ бы и (цвѣтъ и занятіе и все, что угодно). Такимъ-то образомъ и сущимъ будетъ все, но (оно не будетъ) ни единымъ, ни однимъ и тѣмъ-же. Ибо иная (вещь) есть вода, иная же огонь. Итакъ, пожалуй, можно не удивляться тому, что Парменидъ увлекся незаслуживающими довѣрія разсужденіями и былъ введенъ въ за-

блужденіе такими (предметами), которые тогда еще не были ясны. Ибо тогда еще никто не говорилъ о многихъ значеніяхъ (бытія), но впервые Платонъ ввелъ два значенія (бытія), и (не были еще извѣстны категоріи:) субстанція и акциденція. Повидимому, это ввело Парменида въ заблужденіе. Указанныя (положенія) были имъ усмотрѣны на основаніи разсужденій и противорѣчій, и (*къ нимъ его привели*) умозаключенія. Ибо онъ не принималъ бы ихъ, если бы это не казалось ему необходимымъ. Прежніе же (*до него мыслители*) высказывали свои мнѣнія безъ логическихъ доказательствъ".

29. Аэцій I 24, 1 (D. 320) Парменидъ и Мелиссъ отрицали возникновеніе и гибель своимъ мнѣніемъ о всеобщей неподвижности.

30. Аммоній interpr. p. 133, 16 Busse. Ибо, во-первыхъ, какъ научилъ насъ Тимей и какъ высказывается самъ Аристотель въ своемъ ученіи о богѣ и ранѣе ихъ Парменидъ не только у Платона *(p. 137 A)*, но и въ своихъ собственныхъ стихахъ, у боговъ нѣтъ вовсе ни прошлаго, ни будущаго, если только ни то, ни другое не существуетъ, (а именно, прошедшее) уже не существуетъ, (будущее) же еще не существуетъ, первое уже измѣнилось, второе же по самой своей природѣ измѣняется; а такого рода (свойства) никоимъ образомъ не могутъ соотвѣтствовать истинно сущему, не допускающему измѣненія даже въ мысли.

31. Аэцій I 7, 26 (D. 303) Парменидъ: богъ—неподвиженъ, коненъ и имѣетъ форму шара.

32.——I 25, 3 (D. 321) Парменидъ и Демокритъ: все существуетъ согласно необходимости. Судьба же, правда, провидѣніе и творецъ міра [1]) тожественны.

33. Климентъ protr. 5, 64. Элеецъ же Парменидъ ввелъ въ качествѣ боговъ огонь и землю.

34. Плутархъ adv. Colot. 13 p. 1114 D. Онъ же (Парменидъ) не отрицаетъ ни той, ни другой природы (т. е. ни умопостигаемаго міра, ни кажущагося), но, отдавая каждой изъ нихъ должное, сводитъ умопостигаемое (начало) къ идеѣ единаго сущаго, давъ ему названіе сущаго, такъ какъ оно—вѣчно и неуничтожимо, и названіе единаго вслѣдствіе того, что оно подобно самому себѣ и чуждо различія; чувственный же (міръ) онъ сводитъ къ безпорядочному движенію. Критерій, касающійся умопостигаемаго (міра), неизмѣнно находящагося въ одномъ и томъ же положеніи, можно усмотрѣть (въ слѣдующемъ стихѣ): „Недрожащее сердце хорошо закругленной истины" (*B 1, 29*), (критерій же, касающійся чувственнаго міра, въ стихѣ): „Мнѣнія смертныхъ, въ коихъ не заключается надежной истины", (*B 1, 30*) вслѣдствіе того, что они имѣютъ дѣло съ вещами, допускающими разнообразныя измѣненія, страданія и различія.

Симплицій phys. 39, 10. Итакъ, онъ называетъ это ученіе предположительнымъ и обманчивымъ не въ качествѣ просто ложнаго, но какъ

---

[1]) Өеодоритъ прибавляетъ „и божество", можетъ быть, изъ Аэція II 7, 1 (срв. A 37).

уклоняющееся отъ умопостигаемой истины въ являющійся и кажущійся чувственный (міръ).

Тамъ же p. 25, 15. Изъ считающихъ начала ограниченными нѣкоторые, какъ Парменидъ въ ученіи, относящемся къ мнѣнію, принимаютъ два начала: огонь и землю, или скорѣе свѣтъ и мракъ.

35. Аристотель de gen. et corr. В 3. 330 b 13. Тѣ, которые признаютъ прямо два начала, какъ Парменидъ огонь и землю, считаютъ промежуточныя (тѣла), какъ, напримѣръ, воздухъ и воду, смѣсью ихъ. *В 9. 336 а 3.* А именно, такъ какъ, по утвержденію ихъ, теплое по природѣ своей разлагаетъ, холодное же соединяетъ, каждая изъ остальныхъ (вещей) имѣетъ первое своей творческой причиной, второе же матеріальной, поэтому-то, говорятъ они, изъ нихъ и черезъ нихъ все прочее возникаетъ и уничтожается. *Цицеронъ Ac. II, 37, 118* Парменидъ (принимаетъ) огонь въ качествѣ движущаго начала и землю въ качествѣ устрояемаго имъ (матеріала) (*изъ Ѳеофраста Phys. opin.; срв. 18* А *23*).

36. Аэцій II 1, 2 (D. 327) Парменидъ, Мелиссъ... міръ единъ.

4, 11 (D. 332) Ксенофанъ, Парменидъ, Мелиссъ: міръ безначаленъ. вѣченъ и неуничтожимъ.

37——II 7, 1 (D. 335; срв. 18 В 12) Парменидъ: Существуютъ вѣнцы, обвивающіеся одинъ вокругъ другого, (непосредственно) прилегающіе другъ къ другу. Одинъ (вѣнецъ)—изъ тонкаго (элемента), другой—изъ плотнаго, а между ними другіе (вѣнцы). смѣшанные изъ свѣта и тьмы. Всѣхъ ихъ окружаетъ твердь на подобіе стѣны, и подъ ней находится огненный вѣнецъ. И въ самомъ центрѣ всѣхъ (вѣнцовъ) находится твердь, и подъ ней тоже огненный (вѣнецъ). Самый же средній изъ смѣшанныхъ вѣнцовъ является для всѣхъ (остальныхъ) началомъ и причиной движенія и возникновенія, и его-то онъ называетъ богиней-правительницей, владѣющей (вселенной) по жребію *(держащей ключи, если текстъ исправить согласно В 1, 14)*, Правдою и Необходимостью *(В 8, 30; 10, 6)*. Воздухъ есть выдѣленіе земли, превратившееся въ паръ вслѣдствіе слишкомъ сильнаго сжатія ея. Солнце же и млечный кругъ *(срв. В 11, 2)*—отдушины, изъ которыхъ выходитъ огонь. Луна же есть смѣсь двухъ (веществъ)· воздуха и огня. Выше всего лежитъ окружающій (все) эѳиръ, подъ нимъ находится та огненная (масса), которую мы называемъ небомъ, и подъ нимъ уже расположено то, что окружаетъ землю.

Цицеронъ de nat. deor. 1 12, 28. Ибо, что касается Парменида, то у него находимъ) какую-то выдумку: онъ сочиняетъ подобіе вѣнка (называетъ его „вѣнцомъ“), опоясывающій небо безпрерывно горящій кругъ изъ свѣта и его называетъ богомъ. Въ немъ невозможно предполагать ни божественнаго образа, ни ума. И много странныхъ вещей такого же рода (онъ высказываетъ), такъ какъ онъ дѣлаетъ божествомъ Войну, Раздоръ, Страсть *(В 13)* и прочее въ томъ же родѣ, что разрушается либо отъ болѣзни, либо отъ сна, либо вслѣдствіе забвенія, либо отъ старости. То же самое (онъ говоритъ) по поводу звѣздъ; мы уже высказали пори-

цаніе другому (мыслителю) за этотъ взглядъ и поэтому считаемъ возможнымъ опустить здѣсь (разборъ этого мнѣнія).

38 Аэцій II 11, 4 (D. 340) Парменидъ, Гераклитъ, Стратонъ, Зенонъ: небо изъ огня. *Срв. 11, 1.*

39. — II 13, 8 (D. 342) Парменидъ и Гераклитъ: свѣтила суть сгустки огня.

40 Анонимный византійскій авторъ ed. Treu p. 52, 19. Неподвижныхъ звѣздъ, вращающихся вмѣстѣ со вселенной, неизвѣстныхъ намъ безчисленное множество, какъ сказалъ физикъ Парменидъ; извѣстны же намъ неподвижныя звѣзды до шестой величины въ количествѣ тысячи, согласно Арату.

40a [1]. *Аэцій II 15, 4 (D 345)* Парменидъ помѣщаетъ на первомъ мѣстѣ въ эѳирѣ утреннюю звѣзду, которую онъ считаетъ тожественной съ вечерней звѣздой; за ней онъ помѣщаетъ солнце, а подъ нимъ звѣзды въ огненномъ (мѣстѣ), которое онъ называетъ небомъ *(B 10, 5). Діогенъ VIII 14 (Пиѳагоръ)* впервые сказалъ, что вечерняя и утренняя звѣзда одно и то же, какъ утверждаетъ Парменидъ [2]. *Срв. A 1 § 23.*

41. Аэцій II 20, 8 (D. 349) Парменидъ и Метродоръ: солнце—изъ огня.

42 — II 25, 3 (D. 356) Парменидъ (считаетъ) луну огненной. *26,2 (D. 357)* Парменидъ: луна равна солнцу и отъ него у нея свѣтъ. *28, 5 (D 358)* Ѳалесъ первый сказалъ, что (луна) освѣщается солнцемъ. Пиѳагоръ, Парменидъ... (учатъ) подобнымъ же образомъ. *Срв. B 21.*

43. — II 20, 8a (D. 349). По мнѣнію Парменида, солнце и луна отдѣлились отъ млечнаго круга, первое—изъ болѣе тонкой, то-есть теплой, смѣси, вторая—изъ болѣе плотной, то-есть холодной, смѣси.

43a. — III 1, 4 (D. 365. Млечный путь). По мнѣнію Парменида, его похожій на молоко цвѣтъ порожденъ смѣсью плотнаго и тонкаго.

44. Діогенъ VIII 48 (Пиѳагоръ). Однако, впервые назвалъ небо космосомъ, а землю круглой [3], согласно Ѳеофрасту *(Phys. Opin. 17)*, Парменидъ, согласно же Зенону Гезіодъ. *Срв. A 1. Аэцій III 15, 7 (D. 380)* Парменидъ, Демокритъ: Земля пребываетъ въ равновѣсіи вслѣдствіе равнаго разстоянія отовсюду, ибо нѣтъ причины, которая бы заставила ее скорѣе наклониться въ одну сторону, чѣмъ въ другую. Вслѣдствіе этого она можетъ лишь сотрясаться, но не двигаться.

---

[1] Разногласіе между свидѣтельствами Аэція и Діогена, приводимыми въ 40a, зависитъ, по мнѣнію Г. Дильса, отъ того, что поэма Парменида въ древности ходила и подъ именемъ Пиѳагора.

[2] Выраженіе: „какъ утверждаетъ Парменидъ", въ данномъ контекстѣ двусмысленно. Неясно, приписывается ли Пармениду свидѣтельство объ открытіи, сдѣланномъ Пиѳагоромъ, или говорится о тожествѣ взглядовъ Парменида и Пиѳагора. Въ послѣднемъ случаѣ точнѣе было бы: „какъ утверждаетъ *и* Парменидъ".

[3] „Круглой" здѣсь въ противоположность „плоской", какъ видно изъ термина „*στρογγύλην*", которымъ пользуется Діогенъ въ данномъ мѣстѣ.

Анатолій p. 30 Heib. Сверхъ того (*пиѳагорейцы*) говорили, что около центра четырехъ стихій (*элементовъ)* лежитъ нѣкій генадическій *(т. е. обладающій природой единицы)* огненный кубъ [1]), центральное положеніе котораго было извѣстно и Гомеру, такъ какъ онъ объ этомъ говоритъ: „(удаленный*)* настолько снизу отъ подземнаго царства, насколько небо отстоитъ отъ земли" *(VIII 16).* Повидимому, въ этомъ слѣдовали пиѳагорейцамъ Эмпедоклъ и Парменидъ со своими приверженцами и почти наибольшая часть древнихъ мудрецовъ, утверждавшихъ, что монадическая природа, на подобіе Гестіи *(богини очага)*, помѣщается въ центрѣ и вслѣдствіе равновѣсія сохраняетъ (всегда*)* одно и то же мѣстопребываніе.

44a. Ахиллъ Isag. 31. Впервые элеецъ Парменидъ положилъ начало ученію о зонахъ [2]*)*.

45. Макробій S. Sc. 1 14, 20 Парменидъ: душа состоитъ изъ земли и огня *Аэцій IV 3, 4* (*D. 388)* Парменидъ и Гиппасъ *(*считаютъ душу*)* огненной. *5, 5 (D. 391)* Парменидъ: первенствующая часть души *(*находится*)* во всей груди. *5, 12* (*D. 392)* Парменидъ, Эмпедоклъ и Демокритъ: душа и умъ одно и то же. По ихъ мнѣнію, не можетъ быть ни одного животнаго, которое было бы совершенно неразумнымъ.

46 Ѳеофрастъ de sensu 1 слѣд. (*D. 499)*. Объ ощущеніи есть много мнѣній, которыя образуютъ собой въ общемъ двѣ (основныхъ точки зрѣнія). А именно, одни (думаютъ, что ощущеніе) вызывается подобнымъ, другіе же—противоположнымъ. Парменидъ, Эмпедоклъ и Платонъ (полагаютъ, что ощущеніе вызывается*)* подобнымъ, Анаксагоръ же и Гераклитъ со своими послѣдователями (думаютъ, что оно порождается) противоположнымъ.

(*3*) И дѣйствительно, Парменидъ вообще не сказалъ ничего опредѣленнаго за исключеніемъ лишь того, что есть два элемента и познаніе зависитъ отъ преобладанія (того или другого изъ нихъ*)*. А именно, образъ мыслей дѣлается инымъ въ зависимости отъ преобладанія теплаго или холоднаго; лучшимъ и болѣе чистымъ (онъ становится) подъ вліяніемъ теплаго. Однако, и въ послѣднемъ случаѣ нужна нѣкоторая симметрія. Онъ говоритъ *(цит. В 16*). Дѣло въ томъ, что ощущеніе и мышленіе для него тожественны. Поэтому-то и источникъ памяти и забвенія, по его мнѣнію, находится въ смѣси теплаго и холоднаго. Если же они смѣшаны равномѣрно, то будетъ ли мышленіе или нѣтъ, и какое (будетъ въ этомъ случаѣ) умственное состояніе, *(*этого вопроса) онъ еще вовсе не опредѣлилъ. А что тому, что само по себѣ противоположно *(теплому)*, онъ

---

[1]) Центральный огонь пиѳагорейцевъ сравнивается здѣсь съ огненнымъ вѣнцомъ, находящимся въ серединѣ Парменидовскаго міра (см. A 37).

[2]) Ахиллъ говоритъ здѣсь о земныхъ поясахъ, а не о небесныхъ.

также приписываетъ ощущеніе, это очевидно (изъ тѣхъ его словъ), въ которыхъ онъ говоритъ, что трупъ не ощущаетъ свѣта, тепла и звука вслѣдствіе исчезновенія (*въ немъ*) огня, холодъ же, тишину и *(вообще все)* противоположное *(вышеуказанному)* ощущаетъ. И вообще все, что существуетъ, обладаетъ нѣкотораго рода познаніемъ. Такимъ-то образомъ, повидимому, онъ самъ раздѣлывается (простымъ) утвержденіемъ съ затрудненіями, которыя получаются вслѣдствіе (его) предположенія.

47. Аэцій IV 9, 6 (D. 397 b 1) Парменидъ, Эмпедоклъ, Анаксагоръ, Демокритъ, Эпикуръ, Гераклидъ: частныя ощущенія возникаютъ соотвѣтственно соразмѣрности поръ, причемъ каждому (ощущенію) соотвѣтствуетъ свой особый видъ воспринимаемыхъ *(объектовъ)*.

48. -- (?) IV 13, 9. 10 (D. 404) Гиппархъ говоритъ, что отъ обоихъ глазъ простираются лучи, которые своими концами, какъ бы прикосновеніемъ рукъ, касаются поверхности внѣшнихъ тѣлъ и (такимъ образомъ) производятъ воспріятіе ихъ сообразно зрительной (*способности*). Нѣкоторые приписываютъ это мнѣніе также Пиѳагору, какъ (мыслителю), утвердившему математическое знаніе, и, сверхъ того, Пармениду, высказывающему это (мнѣніе) въ своихъ произведеніяхъ.

49. Филодемъ Rhet fr. inc. 3, 7. Согласно Пармениду и Мелиссу, говорящимъ объ единствѣ вселенной и вслѣдствіе этого (утверждающимъ), что ощущенія ложны. *Аэцій IV 9,1 (D. 396, 12).* Пиѳагоръ, Эмпедоклъ, Ксенофанъ, Парменидъ: ощущенія ложны.

50. Аэцій IV 9, 14 (D. 398) Парменидъ, Эмпедоклъ: желаніе возникаетъ вслѣдствіе недостаточнаго питанія [1].

51. Цензоринъ 4, 7. 8. Эмпедоклъ... утверждаетъ нѣчто въ слѣдующемъ родѣ. Сперва изъ земли, бывшей какъ бы беременной, въ разныхъ мѣстахъ возникли отдѣльные члены, затѣмъ они соединились и образовали тѣло настоящаго человѣка, представляющее собой смѣсь огня и влаги. . Точно такое же мнѣніе, за исключеніемъ незначительныхъ уклоненій, находимъ и у Парменида изъ Веліи. *Срв. Аэцій V 19, 5 (21 A 72).*

52. Аристотель de part. anim. B 2. 648a 25. А именно, нѣкоторые утверждаютъ, что водяныя животныя теплѣе (животныхъ), живущихъ на сушѣ. Они говорятъ, что теплота природы водяныхъ животныхъ уравниваетъ холодность мѣста (ихъ пребыванія). И безкровныя (животныя, по ихъ мнѣнію, теплѣе животныхъ), имѣющихъ кровь, и самки (теплѣе) самцовъ Такъ, Парменидъ и нѣкоторые другіе говорятъ, что женщины теплѣе мужчинъ, полагая, что менструаціи происходятъ вслѣдствіе теплоты и обилія крови, Эмпедоклъ же (даетъ) противоположное (этому ученіе).

53. Аэцій V 7, 2 (D. 419 послѣ 21 A 81) Парменидъ (учитъ) противоположнымъ образомъ (*чѣмъ Эмпедоклъ*): Сѣверныя страны породили самцовъ (ибо онѣ въ большей степени причастны плотному началу),

[1]) „Потребность въ пищѣ была первой причиной нашихъ желаній" (Riaux, цит. соч., стр. 98).

южныя же страны произвели самокъ вслѣдствіе (своей) разрѣженности. *7, 4 (D. 420)* Анаксагоръ, Парменидъ: (*при зарожденіи самцовъ*) сѣмя съ правой стороны сбрасывается въ правую часть матки и сѣмя съ лѣвой стороны въ лѣвую (часть) матки. Если же произойдетъ скрещеніе частей при изверженіи (сѣмени), то рождаются самки. *Срв. Аристотель de gen. anim. Δ 1. 763 b 30 (46 A 107). Цензоринъ 5, 2* Итакъ, учителямъ мудрости неизвѣстно, откуда изливается сѣмя. Ибо Парменидъ былъ того мнѣнія, что оно появляется то справа, то слѣва. *Срв. 14 A 13.*

54. Аэцій V 11, 2 (D. 422) По мнѣнію Парменида, рождаются дѣти, похожіе на отцовъ, въ томъ случаѣ, если плодъ отдѣлился отъ правой части матки; и похожіе на матерей, если онъ отдѣлился отъ лѣвой части. *Цензоринъ 6, 8* Впрочемъ, мнѣніе Парменида таково: когда сѣмя вышло изъ правой части, тогда сыновья похожи на отца, когда изъ лѣвой, то на мать. *6, 5* Съ другой стороны, Парменидъ учитъ, что между женщинами и (ихъ) мужьями происходитъ состязаніе и чья сторона одержитъ верхъ, того свойства воспроизводятся (*въ ребенкѣ*). *Срв. Лактанцій de opif. 12, 12* Думаютъ также, что неодинаковыя (*физическія и душевныя*) свойства образуются слѣдующимъ образомъ: если какъ-нибудь сѣмя мужского рода попадетъ въ лѣвую часть матерняго чрева, то, думаютъ, хотя рождается мужской полъ, но, такъ какъ онъ былъ зачатъ въ женской части, онъ имѣетъ въ себѣ нѣчто женскаго въ большей степени, чѣмъ это допускаетъ мужская красота: либо особенную наружность, либо чрезмѣрную бѣлизну, либо гладкое тѣло, либо нѣжные члены, либо короткій ростъ, либо тонкій голосъ, либо робкую душу, либо нѣсколько изъ перечисленныхъ (свойствъ). Равнымъ образомъ если сѣмя женскаго рода вольется въ правую часть, то, хотя рождается женщина, но такъ какъ она была зачата въ мужской части, она имѣетъ въ себѣ нѣчто свойственнаго мужчинѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ это допускаетъ законъ пола: или сильные члены, или чрезмѣрную длину, или смуглый цвѣтъ, или шершавое лицо, или непристойныя черты лица, или грубый голосъ, или дерзкую душу, или нѣсколько изъ указанныхъ свойствъ *(срв. B 18).*

B. Фрагменты.

«О природѣ» Парменида.

1. *Секстъ VII 111 слѣд.* Пріятель же его (*Ксенофана*) Парменидъ заподозрилъ (истинность) предположительнаго ученія, то-есть (ученія), заключающагося въ безсильныхъ мнѣніяхъ, въ основу же положилъ научный, то-есть непогрѣшимый, критерій, причемъ онъ отказался также отъ довѣрія къ ощущеніямъ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ своего сочиненія: „О

природѣ“ онъ пишетъ слѣдующимъ образомъ (*цит. ниже приводимые ст. 1—30. 33—38*). *Далѣе въ §§ 112—114 слѣдуетъ ихъ объясненіе*: А именно, въ приведенныхъ (*стихахъ*) Парменидъ подъ несущими его конями разумѣетъ неразумныя стремленія и желанія души (*1*), путешествіемъ же по весьма извѣстной дорогѣ божества онъ называетъ умозрѣніе соотвѣтственно любящему мудрость разуму, который на подобіе божества-проводника указываетъ путь къ познанію всего (*2. 3*); дѣвами, идущими впереди его, (онъ называетъ) ощущенія (*5*), изъ которыхъ онъ намекаетъ на слухъ въ словахъ: „ибо движеніе ея ускорялось двумя искусно обточенными кругами“ (*7. 8*), то-есть кругами ушей, посредствомъ коихъ воспринимаютъ звукъ; органы-же зрѣнія онъ наименовалъ дѣвами Геліадами (*9*), покинувшими чертоги Ночи (*9*) „бросившимися къ свѣту“ (*10*) вслѣдствіе того, что безъ свѣта не бываетъ ихъ употребленія. Прибытіе же къ „строгой карательницѣ“ Правдѣ, обладающей „мѣняющимися ключами“, (*14*) означаетъ размышленіе, владѣющее прочнымъ постиженіемъ вещей. Принявшая его (*богиня*) возвѣщаетъ, что она откроетъ (ему) двѣ слѣдующія (вещи): „И недрожащее сердце легко убѣждающей (всѣхъ) истины“ (*29*), то-есть неподвижное сѣдалище науки, и, во-вторыхъ: „Мнѣнія смертныхъ, въ коихъ не заключается подлинной достовѣрности“ (*30*), то-есть все непрочное, лежащее во мнѣніи. И въ концѣ онъ еще яснѣе говоритъ, что не слѣдуетъ обращать вниманія на ощущенія, но (*только*) на разумъ (*33—36*). А именно, онъ говоритъ... (*цит. стихи 34—37*). Но онъ и самъ, какъ очевидно изъ вышесказаннаго, вышелъ изъ-подъ контроля ощущеній, провозгласивъ научный разумъ нормою истины въ сущемъ.

Симплицій cael. 557, 20. А тѣ (*извѣстные*) мужи признали два естества: одно—умопостигаемаго истинно сущаго, другое—рождающагося чувственнаго, которое, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ называть просто сущимъ, но мнимо существующимъ. Поэтому-то они говорятъ, что о сущемъ есть истина, о рождающемся же (*только*) мнѣніе. По крайней мѣрѣ, Парменидъ говоритъ... (*цит. ст. 28—32*).

„Кобылицы, которыя (*обычно*) несутъ меня, поскольку простирается мое желаніе [1]), (*на этотъ разъ*) увлекали (*меня помимо моей воли*), такъ какъ онѣ вступили со мной на весьма извѣстную дорогу богини, которая повсюду [2]) ведетъ знающаго мужа. По этой-

---

[1]) Если согласиться съ Г. Штейномъ и Гегелемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о желаніи кобылицъ, то устраняется противоположеніе описываемой поѣздки обычнымъ.

[2]) Лучшая рукописная традиція „κατὰ πάντ᾽ ἄστη“—„по всѣмъ городамъ“. „Которая“ грамматически можетъ быть отнесено и къ дорогѣ и къ богинѣ. П. Дейссенъ, читая αὐτή вмѣсто ἄστη, переводитъ: „Путь богини, которая затѣмъ сама дальше ведетъ повсюду понимающаго ее мужа“. Г. Германнъ, читающій также αὐτή, переводитъ: „которая, одна и та же, ведетъ любого мудреца“. Дильсъ изъ всѣхъ приводимыхъ имъ 13 конъектуръ этого мѣста отдаетъ предпочтеніе поправкѣ Г. Германна, но считаетъ необходимымъ измѣнить

то дорогѣ я мчался. Дѣло въ томъ *(повторяю)*, что по ней несли меня многоумныя [1]) кобылицы, дѣвы же указывали *(имъ)* путь [2]).

Ось, накаляясь въ ступицѣ, испускала шипящій звукъ свирѣли (ибо движеніе ея ускорялось двумя искусно обточеными [3]) кругами съ обѣихъ сторонъ), такъ какъ къ свѣту торопились дѣвы Солнца, покинувъ чертоги Ночи и сбросивъ руками покрывала со (своихъ) головъ.

Тамъ *(находятся)* ворота, которыми раздѣляются пути Ночи и Дня. Притолока и каменный порогъ окружаютъ *(ихъ сверху и снизу)*. Самыя же ворота—изъ эѳира [4]) и замыкаются огромными створками. Мѣняющимися [5]) ключами отъ нихъ владѣетъ строгая карательница Правда [6]).

Къ ней-то съ нѣжными [7]) словами обратились дѣвы и мудрой рѣчью [8]) упросили ее немедленно столкнуть для нихъ желѣзный засовъ съ воротъ. Ворота же *(раскрывшись)* образовали громадное отверстіе (на мѣстѣ) створокъ, (причемъ отворяясь) они заставили мѣдные стержни, прикрѣпленные гвоздями и шпиньками, по очереди повернуться въ гнѣздахъ. Сюда-то по широкой [9]) дорогѣ прямо черезъ ворота направили дѣвы колесницу и лошадей.

И богиня [10]) меня благосклонно приняла, взяла *(своей)* рукой *(мою)* правую руку и обратилась ко мнѣ со слѣдующей рѣчью: „Юноша, оберегаемый безсмертными возницами, ты, являющійся въ нашъ домъ на несущихъ тебя кобылицахъ, радуйся! Дѣло въ

смыслъ ея такъ: „божественный путь, который одинъ только повсюду ведетъ знающаго мужа“. Намъ кажется удачной конъектура Карстена „κατὰ πάντ᾽ ἀδαῆ“: „котор. вводитъ во всѣ тайны“.

[1]) „Обученныя“ П. Таннери.

[2]) Нѣсколько иначе понимаетъ начало поэмы U. v. Wilamowitz-Möllendorff (Hermes, 34 Bd., II Heft, 1899): Лошади всегда везутъ поэта, повинуясь его желанію. Хорошо имѣть такихъ лошадей! И на этотъ разъ онѣ везутъ его къ богинѣ по его желанію. Смыслъ: такъ далеко заѣхать по пути къ истинѣ позволило ему не только откровеніе, но и сила собственной души. Правда, безъ помощи дѣвъ онъ не нашелъ бы дороги къ истинѣ.

[3]) „Вертящимися“ Г. Дильсъ.

[4]) „Сверкающія“ В. Нестле.

[5]) То отпирающими, то запирающими.

[6]) Въ утвержденіи, что Правда хранитъ ключи къ истинѣ, П. Дейссенъ видитъ указаніе на то, что только черезъ справедливость (нравственную жизнь) лежитъ путь къ истинѣ.

[7]) Льстивыми“ Г. Дильсъ.

[8]) „Искусно“ Дж. Бернетъ.

[9]) „По наѣзженной дорогѣ“ Г. Церетели.

[10]) Эту богиню Г. Дильсъ отличаетъ отъ богини, правительницы вселенной; О. Гильбертъ, напротивъ, высказывается за тожество ихъ.

томъ, что не злой рокъ руководилъ твоей поѣздкой по этой дорогѣ [1]) (ибо, въ самомъ дѣлѣ, далека она отъ стези людей), но законъ и правда. Должно тебѣ все узнать: и недрожащее сердце хорошо закругленной Истины, и мнѣнія смертныхъ, въ коихъ не заключается подлинной достовѣрности. Но, во всякомъ случаѣ, узнаешь ты и то, въ какомъ видѣ должны предстать кажущіяся явленія при всестороннемъ проведеніи единой гипотезы [2]).

Однако, отъ этого пути изслѣдованія удерживай (свою) мысль, и пусть не толкаетъ тебя насильно на этотъ путь привычка, *(являющаяся результатомъ)* продолжительнаго опыта. Не вращай безцѣльно глазами, не слушай ушами, въ которыхъ раздается *(только)* шумъ, и не болтай *(праздно)* языкомъ, но разумомъ изслѣдуй высказанное мною доказательство [3]). Остается лишь отважиться *(вступить на новый)* путь"...

---

[1]) Пути введенія М. Мандесъ отличаетъ отъ путей самой поэмы. Первые олицетворяютъ методы въ собственномъ смыслѣ, вторые суть указатели отправныхъ точекъ изслѣдованія. Три пути введенія: 1) путь чувствъ, 2) путь слова и 3) путь разума. Три пути поэмы: 1) бытіе есть, небытія нѣтъ, 2) бытіе есть и небытіе есть, 3) бытіе и небытіе тожественны.

[2]) Послѣдняя фраза истолковывается весьма различно. У. Виламовицъ—Меллендорфъ (цит. соч., стр. 204—205) понимаетъ ее, какъ указаніе на то, что рядомъ съ истиной есть послѣдовательная, замкнутая въ себѣ гипотеза, въ которой каждое положеніе доказывается всей системой, причемъ этой гипотезѣ принадлежитъ въ нѣкоторомъ родѣ реальность. М. Мандесъ (цит. соч., стр. 118), соединяя пониманія Виламовица и Лорцинга, предлагаетъ такое толкованіе: Ты узнаешь, каковы кажущіяся явленія будутъ въ томъ случаѣ, если мы заставимъ ихъ войти въ одну систему, въ которой одно основное, конечно, ошибочное предположеніе, будетъ проходить „насквозь" черезъ все. Мы примыкаемъ къ толкованію М. Мандеса. K. Lincke (Zu Parmenides περὶ φύσεως въ Philologus, 65 Bd., 1906 стр. 473) переводитъ: „Ты узнаешь также, что видимость должна быть чѣмъ то (такимъ), что проникаетъ вообще каждую вещь". A. Patin (Parmenides im Kampfe gegen Heraklit 1899 стр. 504): „Ты узнаешь также, какъ видимость, послѣдовательно проникая все, должна проходить черезъ цѣлое". По мнѣнію Патина, Парменидъ здѣсь говоритъ о необходимости кажущагося міра: такъ *кажется*, такъ *должно казаться*, такъ какъ это правильная видимость въ противоположность противорѣчивой ложной видимости. П. Дейссенъ переводитъ: „Все же ты долженъ ознакомиться и съ этимъ; вѣдь кто хочетъ изслѣдовать все во всемъ, тотъ долженъ познавать кажущееся кажущимся образомъ". J. Bidez (цит. соч., стр. 204): „Ты узнаешь въ совершенствѣ также эти мнѣнія, ибо должно изслѣдовать, какъ слѣдуетъ, кажущееся, проникая во всѣ детали каждой вещи". По мнѣнію Бидэ, Парменидъ здѣсь приписываетъ себѣ всезнаніе. Riaux (ц. с., стр. 84): „И ты узнаешь, какимъ образомъ, проникая во все, ты долженъ будешь разсудительно судить о всемъ". Г. Дильсъ: „Но, несмотря на это, узнаешь ты и то, какъ при всестороннемъ изслѣдованіи надлежало бы принять, что такое представляетъ собой та мнимая сущность". Штейнъ: „Однако, ты научишься также тому, какое надлежащее рѣшеніе относительно чистыхъ предположеній долженъ принять желающій основательно все изслѣдовать".

[3]) По мнѣнію В. Нестле и П. Дейссена, языкъ здѣсь приводится, какъ органъ вкуса. В. Нестле понимаетъ фразу, какъ требованіе не довѣрять „блуждающему взору, шуму ушей и вкусу": вопросъ долженъ быть рѣшенъ чистымъ разумомъ безъ участія

Стихи 22—32 въ пер. кн. С. Трубецкого:

Богиня меня приняла благосклонно и, взявши десницу,
Такъ обратилась ко мнѣ и рѣчь мнѣ такую держала:
Радуйся, юноша! Ты, сопричтенный къ безсмертнымъ возницамъ,
Ты, что несомый конями, приблизился къ нашему дому,
Здравствуй! Не злая судьба сей путь тебѣ указала
(Ибо далекъ этотъ путь отъ путей остальныхъ человѣковъ),
Судъ и Правда вели тебя. Все тебѣ должно увѣдать:
Истины твердое сердце въ кругѣ ея совершенномъ
И мнѣніе смертныхъ людей, въ которомъ нѣтъ истинной правды.
Но и его совершенно познай, т. е. мнѣнье, какъ ложное мнѣнье,
Должно тебѣ вполнѣ испытать, изслѣдуя все всесторонне.

Стихи 1—38 въ пер. Г. Церетели:

Кони, что несутъ меня вдаль согласно моему желанію, мчались неудержимо, лишь только вынесли меня на многославный путь богини, тотъ путь, который одинъ только ведетъ повсюду мудраго мужа.

По этому пути несся я, ибо по нему мчали меня многоумные кони, катя колесницу, а дѣвы указывали мнѣ дорогу.

Ось нагрѣвалась въ ступицѣ и издавала звуки свирѣли, ибо съ обѣихъ сторонъ подгоняли ее два подвижныхъ круга, а дѣвы Геліады, оставивъ чертоги Ночи, торопили бѣгъ колесницы къ свѣту, откинувъ съ головы рукой покрывало.

Вотъ предо мною вздымаются ворота, черезъ которыя пролегаютъ пути Дня и Ночи, ворота съ высокой притолокой, съ каменнымъ порогомъ; высоко въ эѳиръ уходятъ они, замыкаясь громадными створками, а ключи отъ нихъ хранитъ у себя неумолимая Дике.

Съ нѣжною рѣчью обратились къ ней дѣвы и разумнымъ словомъ убѣдили ее снять для нихъ, не медля, окованный желѣзомъ засовъ, замыкающій ворота. И вотъ, раскрывъ зіяющее жерло, распахнулись двери, повернувъ въ гнѣздахъ одинъ за другимъ обитые мѣдью стержни, что держались при помощи гвоздей и шпиньковъ.

Прямо черезъ ворота по наѣзженной дорогѣ направили дѣвы мою колесницу и коней.

Милостиво приняла меня богиня, своей десницей коснулась она моей правой руки и съ такимъ словомъ обратилась ко мнѣ: „Юноша, дружный съ безсмертными проводниками, привѣтъ тебѣ, достигшему нашихъ чертоговъ, куда примчали тебя быстрые кони. Вѣдь не злой рокъ руководилъ тобою по этой дорогѣ, ибо далеко внѣ людской тропы пролегаетъ она, но право и справедливость. Поэтому долженъ познать ты и безтрепетное сердце совершенной Истины и чуждыя безусловной достовѣрности мнѣнія смертныхъ.

чувствъ. Смыслъ стиховъ по М. Мандесу: Не руководись плохо попадающимъ въ цѣль окомъ, полнымъ своего (мѣшающаго слышать) звука ухомъ, не руководись также языкомъ, т. е. не рѣшай вопроса словомъ. Остается еще одинъ путь, и онъ будетъ правильный. Это—путь разума.

И тѣмъ не менѣе ты познаешь ихъ и (поймешь), какъ должно провѣрять эти (мнѣнія), изслѣдуя ихъ одно за другимъ.

Но въ сторонѣ отъ подобныхъ изысканій держи ты свои мысли и да не увлекаетъ тебя противъ твоего желанія на этотъ путь слѣпая привычка, давая волю твоимъ безцѣльно глядящимъ очамъ, твоему притупленному слуху и языку,—нѣтъ, съ помощью разума обсуди ты предложенный мною спорный вопросъ. Остается еще одинъ одухотворенный путь.

2. *Климентъ Strom. 5, 15 (послѣ Эмпедокла, см. 21 В 17, 21)* Но и Парменидъ въ своемъ произведеніи говоритъ о надеждѣ въ формѣ загадки слѣдующее *(цит. ниже приводимые стихи)*, такъ какъ и тотъ, кто надѣется, подобно вѣрующему, видитъ умомъ умопостигаемое и будущее. Итакъ, если мы утверждаемъ, что есть нѣчто справедливое, а также прекрасное, то и истиной мы называемъ нѣчто *(существующее).* Но никогда ничего подобнаго мы не видѣли глазами, но только однимъ умомъ.

„Однако, смотри, какъ отсутствующее прочно находится [1]) въ *(твоемъ)* умѣ [2]). И дѣйствительно, *(въ мысли невозможно)* выполнить такого раздѣленія, чтобы бытіе не соприкасалось *(непосредственно)* съ бытіемъ. *(Это неосуществимо)* ни такимъ образомъ, чтобы *(бытіе)* по своему строенію разсѣялось совершенно повсюду, ни такимъ образомъ, чтобы оно собралось *(сгустилось)*“ [3]).

То же въ пер. Г. Церетели:

„Взирай безъ колебанія умственными очами на то, чего нѣтъ передъ ними, какъ на то, что есть, ибо нельзя выдѣлить изъ бытія бытіе, которое согласно міровому порядку не можетъ не разойтись совершенно, ни соединиться“.

3. *Проклъ in Parm. I p. 708, 16 (послѣ В 8, 25):*

„Для меня безразлично, откуда бы ни начать, ибо я снова вернусь къ исходному пункту“ [4]).

Примѣчаніе. Г. Дильсъ и В. Нестле понимаютъ данный фрагментъ, какъ повторное указаніе на непрерывность бытія, чуждаго какихъ бы то ни было перерывовъ пустотой. Иначе понимаютъ смыслъ фрагмента Г. Церетели и П. Дейссенъ, которые видятъ здѣсь указаніе на постоянныя повторенія у Парменида (для богини „безразлично, откуда ни начать свою рѣчь“, такъ какъ она снова вернется къ тому, съ чего начала).

---

[1]) „Далекое близко“ В. Нестле.

[2]) „Настойчиво созерцай эти вещи, которыя присутствуютъ въ умѣ, хотя ихъ нѣтъ (для чувствъ)“ Ріо.

[3]) Г. Дильсъ видитъ здѣсь полемику, направленную противъ Гераклита 12 В 91. Однако, опровергаемая здѣсь теорія разрѣженія и сгущенія восходитъ къ Анаксимену.

[4]) Срв. Гераклитъ 12 В 103.

4. *Проклъ in Tim. t. I 345, 18 Diehl послѣ В 1, 30 цитуетъ ниже приводимые стихи Парменида.*

Симплицій Phys. 116, 25 Если же кто-нибудь желаетъ выслушать самого Парменида, высказывающаго эти положенія, одно (изъ которыхъ) гласитъ, что то, что сверхъ бытія, то не существуетъ и есть ничто, каковая мысль равносильна утвержденію, что бытіе высказывается въ одномъ только значеніи, тотъ найдетъ (это) въ слѣдующихъ извѣстныхъ стихахъ:

„Итакъ, если угодно, я скажу (ты же внимательно выслушай мою рѣчь), какіе пути изслѣдованія единственно мыслимы. Первый *(путь изслѣдованія заключается въ томъ)*, что *(бытіе)* есть и не можетъ не существовать [1]). Это—путь *(богини)* Убѣжденія, ибо онъ слѣдуетъ за Истиной. Другой путь: есть небытіе и *(это)* небытіе необходимо существуетъ [2]). Послѣдній путь (объявляю я тебѣ) совершенно непригоденъ для познанія. Ибо небытія невозможно ни познать (вѣдь оно непостижимо), ни высказать".

5. *Климентъ Strom. VI 23* Аристофанъ сказалъ: „Мышленіе равносильно дѣланію", и раньше его элеецъ Парменидъ сказалъ: „вѣдь мышленіе и бытіе одно и то же".

Плотинъ Enn. V 1, 8 Итакъ, къ такого рода мнѣнію раньше приходилъ Парменидъ, поскольку онъ бытіе и мысль свелъ къ одному и тому же и бытіе полагалъ не въ чувственномъ мірѣ. А именно, говоря: „вѣдь мышленіе и бытіе одно и то же", онъ считаетъ бытіе неподвижнымъ и, хотя приписываетъ ему мышленіе, (однако) отрицаетъ у него всякое тѣлесное движеніе.

„Вѣдь мышленіе и бытіе одно и то же" (*Стихъ примыкаетъ къ В 4). Тотъ же стихъ въ пер. кн. С. Трубецкого*: „Одно и то же есть мысль и то, о чемъ она мыслитъ". *Въ пер. Г. Церетели*: „Мыслить и быть одно и то же". *Въ пер. Г. Дильса:* „Ибо мыслить *(сущее)* и существовать одно и то же. *Въ пер. Дж. Бернета:* „Ибо одно и то же то, что можетъ мыслиться, и то, что можетъ быть".

6. *Симплицій phys. 117, 2 (послѣ В 4)* А что противорѣчіе не соотвѣтствуетъ истинѣ, *(это)* онъ говоритъ въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ порицаетъ сводящихъ противоположности къ тожеству. А именно, сказавъ: „Ибо бытіе есть, небытія же нѣтъ... Я повелѣваю тебѣ обдумать это. А именно, я предостерегаю тебя отъ этого пути изслѣдованія", онъ прибавляетъ... (*цит. ниже приводимые стихи 4—9) 78, 2* И дѣйствительно, высказавъ порицаніе тѣмъ, которые соединяютъ бытіе и небытіе въ умопостигаемомъ мірѣ (*цит. В 6, 8. 9*) и отказавшись отъ пути исканія небытія (*цит. В 7, 2)*, онъ прибавляетъ (*цит. В 8, 1 слѣд.*).

---

[1]) „Бытіе есть, а небытія нѣтъ" П. Таннери и Г. Церетели.

[2]) „Бытія нѣтъ, а небытіе должно быть" П. Таннери и Г. Церетели.

Должно говорить и мыслить, что (*только*) бытіе существуетъ. Ибо бытіе есть, небытія же нѣтъ [1]). Я повелѣваю тебѣ (*хорошенько*) обдумать это. А именно, я предостерегаю тебя прежде всего отъ (*выше*) указаннаго пути изслѣдованія. А затѣмъ (*совѣтую тебѣ также беречься и*) того (*пути изслѣдованія*) [2]), который измышляютъ ничего не знающіе смертные о двухъ головахъ. Ибо безпомощность управляетъ въ груди ихъ блуждающимъ умомъ [3]). Они же шатаются глухіе и вмѣстѣ слѣпые, (*точно*) ошеломленные (*чѣмъ-то*), пустоголовое племя, у котораго бытіе и небытіе признаются тожественными и не тожественными и для котораго во всемъ имѣется обратный путь".

7. *Платонъ Soph. 237 A* Парменидъ же Великій, о юноша, въ дни нашей юности отъ начала и до конца защищалъ этотъ (взглядъ), высказываясь всегда такимъ образомъ и въ прозѣ [4]) и въ стихахъ. Онъ говоритъ (*цит. ниже приводимые стихи*).

Аристотель Metaph. N 2. 1089 a 2 И въ самомъ дѣлѣ, ихъ мнѣніемъ было, что все сущее придется признать единымъ, (а именно) самимъ бытіемъ, если никто не выступитъ противъ ученія Парменида (*цит. ниже приводимые стихи*) и не опровергнетъ его, но необходимо доказать, что небытіе существуетъ.

„Ибо никогда не можетъ быть доказано, что несуществующее существуетъ. Но ты оберегай свою мысль отъ этого пути изслѣдованія" (*Можетъ быть, эти стихи примыкали къ B 6*).

8. *Симплицій phys. 144, 29 (послѣ 18 A 21)* Послѣ того какъ отвергнуто небытіе, положеніе вещей представляется въ слѣдующемъ видѣ (*цит. ниже приводимые стихи 1—52*). *Онъ же 78, 5 (послѣ B 7, 2)* (Парменидъ) прибавляетъ (*цит. стихи 1—3*) и излагаетъ признаки истинно сущаго (*цит. ст. 3—14*). Высказывая именно это объ истинно сущемъ, онъ ясно доказываетъ, что это бытіе не возникло. Ибо оно не (произошло) изъ бытія, такъ какъ раньше (его) не было другого бытія. Не (возникло оно) также изъ небытія, ибо небытія нѣтъ. Да и вслѣдствіе чего ему было возникнуть какъ разъ въ то именно время, а не раньше или позже? Но не (*могло также оно возникнуть*) и изъ того, что отчасти существуетъ, отчасти же не существуетъ, подобно тому какъ возникаетъ (*все*) рожденное (*неоплатоновское представленіе*). Ибо то, что отчасти существуетъ, отчасти же не существуетъ, не можетъ су-

---

[1]) „Ибо только существованіе (бытія) возможно, существованіе же небытія невозможно" (Г. Дильсъ). „Необходимо должно существовать то, что можетъ мыслиться и высказываться. Ибо возможно существовать ему, и невозможно существовать тому, что есть ничто" (Дж. Бернетъ).

[2]) Имѣются въ виду приверженцы Гераклита.

[3]) Передъ поэтомъ носится образъ корабля въ морѣ, управляемаго неопытнымъ кормчимъ.

[4]) Въ устныхъ бесѣдахъ.

ществовать раньше истинно сущаго, но возникло послѣ него. *Климентъ Strom. V 113* Парменидъ же... какъ-то слѣдующимъ образомъ пишетъ о богѣ (*цит. ст. 3—4*). *Платонъ Theaet. 180 D* Другіе же, со своей стороны, высказали противоположное этому (*цит. ст. 38*), и все остальное, что утверждаютъ Мелиссы и Паремниды, оспаривая все это. *Къ ст. 39 срв Мелиссъ 20 B 8* Ибо если существуетъ земля и вода... и все прочее, существованіе чего люди считаютъ истиннымъ. *Къ ст. 42 Симплицій phys. 147, 13* Если, въ самомъ дѣлѣ, единое есть „все, взятое въ своей совокупности“ (5) и есть „послѣдняя граница“. *Къ ст. 43—45 Платонъ Soph. 244 E* Итакъ, если вселенная, какъ и Парменидъ говоритъ, есть... (*цит. ст. 43—45*), то, будучи именно таковымъ, бытіе имѣетъ середину и концы. *Эвдемъ у Симплиція phys. 143, 4* Такимъ образомъ то, что говорится у него, и къ небу не подходитъ, какъ думали, согласно сообщенію Эвдема, нѣкоторые, выслушавъ его стихъ (*43*). Ибо небо нельзя (считать) ни недѣлимымъ, ни подобнымъ шару, но оно есть самый точный изъ встрѣчающихся въ природѣ шаровъ. *Къ ст. 44 Аристотель phys. Г 6. 207 a 15* Должно считать, что Парменидъ сказалъ лучше Мелисса. А именно, послѣдній называетъ безпредѣльное цѣлымъ, первый же говоритъ, что цѣлое ограничено, будучи „равноотстоящимъ отъ центра“. *Къ ст. 50—61 Симплицій phys. 38, 28* А именно, закончивъ ученіе объ умопостигаемомъ (*мірѣ*), Парменидъ прибавляетъ слѣдующее (*цит. ст. 50—61*). *Къ ст. 50—59 Симплицій phys. 30, 13* Парменидъ, сдѣлавъ въ слѣдующихъ словахъ (*цит. ст. 50—52*) переходъ отъ умопостигаемаго (*міра*) къ чувственному, или, какъ онъ самъ выражается, отъ истины къ мнѣнію, тоже призналъ начала рожденныхъ (*вещей*) принадлежащими къ стихіямъ (*элементамъ*) и построилъ (изъ нихъ) первую противоположность, которую онъ называетъ свѣтомъ и мракомъ, или огнемъ и землею, или плотнымъ и тонкимъ, или тожественнымъ (*себѣ*) и различнымъ; а именно, вслѣдъ за вышеприведенными стихами онъ говоритъ (*цит. ст. 53—59*) *Къ ст. 52 Симплицій phys. 147, 28* Строй стиховъ, посвященный мнѣніямъ смертныхъ, онъ называетъ обманчивымъ. *Къ ст. 53—59 Симплицій phys. 179, 31* Ибо онъ въ стихахъ, относящихся къ мнѣнію, „дѣлаетъ началами теплое и холодное; ихъ онъ называетъ огнемъ и землей“ (*цит. Аристотель*), а также свѣтомъ и ночью, или мракомъ. И дѣйствительно, вслѣдъ за ученіемъ объ истинѣ онъ говоритъ (*цит. ст. 53—59*). *Согласно Симплицію, весь ниже приводимый отрывокъ примыкаетъ къ В 7.*

„Остается еще только сказать о пути (*изслѣдованія, признающемъ*), что (*только бытіе*) есть. На этомъ пути находится весьма много признаковъ [1]), указывающихъ, что сущее не возникло и не подвержено гибели, что оно закончено въ себѣ, однородно, неподвижно и не имѣетъ конца [2]). Оно никогда не существовало и не

---

[1]) „Доказательствъ“ П. Таннери.

[2]) „Конца“ во временномъ смыслѣ.

будетъ существовать, такъ какъ оно (*всегда*) находится въ настоящемъ цѣликомъ во всей своей совокупности, единое и непрерывное [1]). Ибо какое начало станешь искать для него? Какъ и откуда ему вырости? [2]) *** Я не позволю тебѣ ни говорить, ни мыслить, чтобы (*оно могло возникнуть*) изъ небытія. Ибо несуществованіе бытія невыразимо (*въ словахъ*) и непредставимо въ мысли. Да и какая нужда могла бы его заставить раньше или позже родиться, если вначалѣ оно было ничѣмъ (*его вовсе не было*)? [3]) Такимъ образомъ оно должно или подлинно существовать или вовсе не существовать [4]).

Равнымъ образомъ (*логическая*) сила доказательства никогда не позволитъ (*признать*), чтобы изъ небытія возникало что-нибудь иное по сравненію съ нимъ самимъ [5]). Поэтому Правда не выпустила изъ своихъ оковъ рожденія и смерти, но (*крѣпко*) держитъ ихъ [6]). Рѣшеніе же нашего вопроса сводится къ слѣдующей (*альтернативѣ*): бытіе или небытіе? Но, разумѣется, (*нами уже*) рѣшено, какъ (*диктуетъ*) необходимость, оставить путь (*изслѣдованія*) немыслимый и невыразимый (ибо это—не истинный путь) и (вступить) на другой путь, который существуетъ и (*притомъ*) истинно существуетъ. Какимъ же образомъ сущее могло бы существовать въ будущемъ и какимъ образомъ оно могло бы (*когда-либо*) возникнуть? Вѣдь оно не обладаетъ (*истиннымъ*) бытіемъ, если оно возникло или если ему нѣкогда предстоитъ существовать. Такимъ образомъ возникновеніе погасло и гибель пропала безъ вѣсти.

Равнымъ образомъ (бытіе) недѣлимо, такъ какъ оно все однородно; и нигдѣ (*не оказывается бытія*) ни чуточку больше, ни

---

[1]) „Для него нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, ибо оно во всей своей полнотѣ живетъ въ настоящемъ, единое, нераздѣльное" Г. Церетели.

[2]) Г. Дильсъ дѣлаетъ здѣсь слѣдующую вставку: „Не могло оно возникнуть изъ сущаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ до него существовало бы другое бытіе".

[3]) „Какое начало найдешь ты для сущаго? Какъ и откуда могло бы оно возрасти? Не дозволю тебѣ утверждать или думать, что оно произошло изъ не-сущаго, ибо невыразимо и немыслимо не-сущее. И ради какой нужды могло оно быть призвано къ жизни именно въ такое-то время, а не въ иное?" Т. Гомперцъ.

[4]) „Слѣдовательно, бытіе должно или быть всегда, или никогда" Г. Церетели.

[5]) „И сила истины не допуститъ, чтобы что-нибудь произошло изъ того, что не существуетъ, за исключеніемъ его самого", Дж. Бернетъ (то-есть, изъ несуществующаго не можетъ возникнуть ничего, кромѣ несуществующаго).

[6]) А. Патинъ (цит. соч., стр. 552—553) отмѣчаетъ слѣдующія ступени развитія пониманія Правды (Δίκη) въ досократической философіи: 1) несправедливое рожденіе съ послѣдующимъ болѣе или менѣе продолжительнымъ индивидуальнымъ существованіемъ искупается позже наступающей гибелью (Анаксимандръ); 2) несправедливое рожденіе, приводящее лишь къ кажущемуся мгновенному существованію, искупается немедленной одновременной гибелью (Гераклитъ); 3) полное отрицаніе всякаго рожденія и гибели во имя вѣчно ненарушимой Правды. Парменидъ отвергаетъ возникновеніе и гибель не только вслѣдствіе несоотвѣтствія ихъ требованіямъ мысли, но и во имя Дике.

чуточку меньше, (*чѣмъ въ другомъ мѣстѣ*), что могло бы препятствовать его связности, но все (*въ одинаковой мѣрѣ*) наполнено бытіемъ [1]). Поэтому все оно непрерывно. Вѣдь бытіе плотно примыкаетъ къ бытію.

А лежитъ оно неподвижно въ предѣлахъ великихъ оковъ, не имѣя ни начала, ни конца, такъ какъ возникновеніе и гибель откинуты отъ него весьма далеко истиной (*логическаго*) доказательства. И пребывая само по себѣ (*неизмѣнно*) однимъ и тѣмъ же, оно покоится въ одномъ и томъ же положеніи и такимъ образомъ остается неизмѣнно на томъ же самомъ мѣстѣ. Ибо могучая Необходимость держитъ его въ оковахъ границы, охватывающей [2]) его со всѣхъ сторонъ. Поэтому бытіе не можетъ быть безконечнымъ. Вѣдь оно не имѣетъ (*ни въ чемъ*) недостатка. А если бы у него не было (*конца*), то ему недоставало бы всего.

Одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется. Ибо нельзя отыскать мысли безъ бытія, въ которомъ осуществлена (эта мысль) [3]) Вѣдь не существуетъ и не будетъ существовать ничего другого, кромѣ бытія, такъ какъ Судьба связала бытіе съ законченностью въ себѣ и неподвижностью. Поэтому пустымъ звукомъ будетъ все то, существованіе чего согласно своему убѣжденію сочли истиннымъ смертные, (а именно): возникновеніе и гибель, бытіе совмѣстно съ небытіемъ, перемѣна мѣста и мѣняющійся, бросающійся въ глаза цвѣтъ.

Но такъ какъ есть послѣдній предѣлъ, то (*бытіе*) ограничено со всѣхъ сторонъ; оно—подобно [4]) массѣ совершенно правильнаго шара, повсюду равноотстоящей отъ центра. И, въ самомъ дѣлѣ, бытія не можетъ быть ни чуточку больше, ни чуточку меньше въ одномъ мѣстѣ, нежели въ другомъ. Ибо нѣтъ ничего, что преграждало бы ему доступъ къ такому же (*бытію)*, и невозможно, чтобы

---

[1]) А. Патинъ доказываетъ, что здѣсь мыслится двоякая возможность дѣлимости: дѣлить бытіе могла бы или разрывающая его сила или промежутокъ, лежащій между его частями. Меньшее есть вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе слабое (χειρότερον), и раньше или позже оно могло бы быть побѣждено болѣе сильнымъ. Сущее недѣлимо, такъ какъ 1) въ немъ нѣтъ никакого различія, вслѣдствіе чего нельзя сказать: здѣсь кончается одно и начинается другое, и 2) нѣтъ въ немъ раздѣляющей силы. М. Мандесъ указываетъ, что сущему приписывается двоякаго рода недѣлимость: 1) оно есть пространственное continuum (сплошное), и 2) у него нѣтъ отличныхъ одна отъ другой частей, которыя бы могли быть „выдѣлены".

[2]) „Потому что" М. Мандесъ.

[3]) „Вещь, которая можетъ мыслиться, и то, ради чего мысль существуетъ, одно и то же. Ибо нельзя найти мысли безъ чего-либо существующаго, какъ цѣли ея высказыванія" Дж. Бернетъ. Смыслъ: мы можемъ называть вещи по своему желанію, но не можетъ быть ни одной мысли, соотвѣтствующей имени, которое не было бы именемъ чего-либо реальнаго. М. Мандесъ предлагаетъ толкованіе: Безъ сущаго, о которомъ высказана мысль, не можетъ быть и мысли.

[7]) „Подобно" въ смыслѣ „равно".

бытіе было то больше, то меньше бытія [1]), такъ какъ оно все ненарушимо. Вѣдь (*центръ*), равно отстоящій отовсюду, находится въ одинаковомъ отношеніи ко (*всѣмъ своимъ*) границамъ.

На этомъ мѣстѣ я кончаю (свое) достовѣрное ученіе и размышленіе объ истинѣ. Узнай затѣмъ мнѣнія смертныхъ, слушая обманчивый строй [2]) моихъ стиховъ.

Дѣло въ слѣдующемъ: у людей установился взглядъ, что (должно) признавать [3]) двѣ формы. Одну изъ нихъ (имъ) не слѣдовало бы признавать [4]). Въ этомъ (именно) они заблуждаются. (Эти формыо они сочли противоположными по виду и (*совершенно*) отдѣлили ихъ признаки другъ отъ друга: (*а именно*), въ одномъ мѣстѣ (*они полагаютъ*) эѳирный огонь пламени, нѣжный (тонкій [5])), весьма легкій, всюду подобный себѣ, но отличный отъ (*всего*) иного. Съ другой стороны, (*ими принимается*) прямая противоположность (этому огню)—темная ночь, плотная и тяжелая по внѣшнему виду. Теперь я разскажу тебѣ все кажущееся устройство (вещей), чтобы ни одно мнѣніе смертныхъ не обогнало [6]) тебя.

Схолій къ ст. 56—59 Симплицій phys. 31, 3 Въ настоящее время вставляютъ среди стиховъ нѣкое выраженьице въ прозаической формѣ, какъ будто принадлежащее самому Пармениду, гласящее слѣдующимъ образомъ. Въ первомъ (*т. е. огнѣ*) заключается тонкое, теплое, свѣтъ, мягкое и легкое, плотнымъ же названо холодное, мракъ, твердое и тяжелое. Дѣло въ томъ, что оба эти ряда отдѣлены (и стоятъ) каждый особо.

Ст. 34—52 въ пер. кн. С. Трубецкого:

Одно и то же есть мысль и то, о чемъ она мыслитъ:

---

[1]) Въ данномъ (*восьмомъ*) фрагментѣ Парменидъ уже въ третій разъ говоритъ о непримѣнимости понятій „больше и меньше" къ бытію. М. Мандесъ вычитываетъ въ этихъ мѣстахъ фрагмента слѣдующія мысли: 1) нѣтъ такого сущаго, которое существовало бы скорѣе, чѣмъ какое-нибудь другое сущее; 2) нѣтъ такого сущаго, которое бы было въ одномъ мѣстѣ скорѣй, чѣмъ въ другомъ (нѣтъ больше шансовъ сущему быть въ одномъ мѣстѣ, чѣмъ въ другомъ); 3) сущее не можетъ быть въ одномъ мѣстѣ большимъ, чѣмъ въ другомъ, такъ какъ сущее—шаръ, на которомъ нѣтъ ни впадинъ, ни холмовъ.

[2]) „Гармонію" Ріо.

[3]) Собственно „называть". Парменидъ отличаетъ ложное „наименованіе" вещей отъ правильнаго научнаго пользованія именами.

[4]) Иначе М. Мандесъ (ц. соч., стр. 157): „Изъ нихъ одного не слѣдуетъ тоже, конечно, называть". По другому пониманію, относящему эту фразу къ мнѣнію смертныхъ, а не къ критикѣ его: „Не слѣдуетъ-де признавать (только) одну изъ нихъ". Г. Дильсъ. Мы слѣдуемъ въ своемъ переводѣ Э. Целлеру и А. Патину.

[5]) Глосса схоліаста; кромѣ этой глоссы у Симплиція сохранился еще схолій къ ст. 56—59, приводимый ниже.

[6]) Т. е. не опередило въ состязаніи. Переводъ Э. Целлера и Г. Церетели („не ускользнуло") неточенъ (см. М. Мандесъ, стр. 117).

Безъ сущаго мысль не найти—она изрекается въ сущемъ.
Иного не будетъ и нѣтъ: ему же положено рокомъ—
Быть неподвижнымъ и цѣлымъ. Все прочее—только названья:
Смертные ихъ сочинили, истиной ихъ почитая,—
„Быть" и вмѣстѣ „не быть", „рождаться" и вмѣстѣ „кончаться",
Цвѣтъ, окраску мѣнять и двигаться съ мѣста на мѣсто.
Сущее все замыкается въ кругъ предѣломъ конечнымъ,
Массой своей подобно оно совершенному шару,
Коего центръ отъ окружности всюду равно отстоитъ,
Части же всюду равны—ни больше, ни меньше другъ друга;
Нѣтъ въ бытіи пустоты, небытья, чѣмъ единство его бъ нарушалось,
И сущаго нѣтъ въ немъ такого, чтобъ больше иль менѣе было
Сущаго здѣсь или тамъ: оно нерушимо и цѣло,
Все отовсюду равно до самыхъ предѣловъ отъ центра.
Здѣсь я кончаю тебѣ достовѣрное слово и думу
Объ истинѣ. Смертное *мнѣнье* отселѣ познай,
Прикрасамъ обманчивымъ рѣчи моей твоимъ слухомъ внимая.

То же въ пер. Г. Церетели: Одно и то же мысль и предметъ мысли, ибо безъ бытія, въ которомъ выражена мысль, ты не найдешь мысли. Вѣдь нѣтъ и не будетъ ничего (другого) кромѣ бытія, такъ какъ судьба приковала его къ цѣлому и неподвижному существованію. Поэтому выдумкой оказывается все, къ чему пришли люди, увѣренные въ истинѣ своихъ доводовъ, (а именно): возникновеніе, гибель, бытіе и небытіе, перемѣна мѣста и измѣненіе цвѣта.

Но такъ какъ существуетъ конечная, предѣльная граница, то бытіе —подобно массѣ со всѣхъ сторонъ округленной сферы, одинаково отстоящей повсюду отъ своего центра. И дѣйствительно, бытіе не должно быть въ одномъ мѣстѣ бóльшимъ, въ другомъ—меньшимъ, ибо нѣтъ ни небытія, которое мѣшало бы его цѣльности, ни бытія, которое было бы въ одномъ мѣстѣ большимъ, въ другомъ меньшимъ, чѣмъ бытіе. Вѣдь бытіе какъ цѣлое, неуязвимо, ибо, если оно со всѣхъ сторонъ одинаково, то пребываетъ одинаковымъ въ своихъ границахъ.

Этимъ заканчиваю я свою точную рѣчь, свои размышленія объ истинѣ. Учись теперь мнѣніямъ смертныхъ, прислушиваясь къ льстивому строю моихъ рѣчей.

9. *Симплицій phys. 180, 8 (послѣ B 8, 59)* И немного далѣе онъ снова говоритъ (*цит. ниже приводимые стихи*). Но, если угодно, словами: „ни одно не причастно другому" показывается, что началъ два и что они противоположны.

„Но такъ какъ все именуется свѣтомъ и ночью и эти названія прилагаются къ тѣмъ или инымъ *(вещамъ)* соотвѣтственно своему значенію [1]),

[1]) „Сообразно силамъ сущностей" Г. Церетели.

то. (*оказывается*), все полно одновременно свѣта и темной ночи, причемъ перевѣса не имѣетъ ни то, ни другое, такъ какъ ни одно (изъ нихъ) не причастно другому“ [1]).

10. *Климентъ Strom. V 138*. Итакъ, пришедшій къ истинному ученію (*Христа*), если желаетъ, пусть выслушаетъ обѣщаніе элейца Парменида *(цит. ниже приводимые стихи). Срв. Плутархъ adv. Col. 1114 B (о Парменидѣ)* Онъ изложилъ *(въ своемъ сочиненіи)* даже строеніе міра и, допуская смѣшеніе свѣтлаго и темнаго элементовъ, изъ нихъ и черезъ нихъ онъ выводитъ всѣ (вещи) кажущагося міра. А именно, онъ сказалъ многое о землѣ, небѣ, солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, а также разсказываетъ о возникновеніи людей. И ни одной изъ главныхъ *(темъ)* онъ не обошелъ молчаніемъ; въ этомъ отношеніи онъ не составляетъ исключенія изъ древнихъ мужей, имѣвшихъ обыкновеніе, разъ они выступили авторами особаго сочиненія, коснуться всего въ своемъ ученіи о природѣ вещей.

„Ты узнаешь и природу эѳира, и всѣ свѣтила въ эѳирѣ, и разрушительныя дѣла чистаго свѣтлаго солнечнаго факела, и откуда возникло *(все это)*; узнаешь также природу круглоокой луны и дѣла ея странствій; равнымъ образомъ будешь знать, откуда выросло окружающее (*насъ*) небо и какимъ образомъ управляющая имъ Необходимость заставила его блюсти границы свѣтилъ“ [2]).

Тотъ же отрывокъ въ пер. кн. С. Трубецкого:

„Теперь ты познаешь эѳиръ и всѣ знаменья въ эѳирѣ.
Яснаго солнца блистающій свѣтъ и дѣйствія солнца
Познаешь, откуда они, постигнешь дѣла и природу
Бродячей царицы ночей, луны круглолицей. И небо
Также увѣдаешь ты, которое все окружаетъ.
Узнаешь, откуда оно, и какъ оно связано рокомъ
Держать всѣ предѣлы свѣтилъ.

11. *Симплицій cael. 559, 20* Парменидъ же говоритъ, что онъ началъ рѣчь о чувственномъ (*мірѣ такъ*):

„Какъ начали возникать земля, солнце, луна, вездѣсущій эѳиръ, небесный млечный путь, крайній Олимпъ и горячая сила звѣздъ“,

и излагаетъ возникновеніе *(всего)* рождающагося и гибнущаго вплоть до членовъ тѣлъ животныхъ.

12. *Къ ст. 1—3 Симплицій phys. 39, 12* (*послѣ В 8, 61*): Сказавъ о двухъ элементахъ, немного дальше онъ опять прибавляетъ, говоря о творческой *(причинѣ)* слѣдующее *(цит. ст. 1—3). Къ ст. 2—6 тамъ*

---

[1]) „Ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ пустоты“, пер. Карстенъ.

[2]) „И какъ непоколебимый законъ Необходимости заставилъ его держать бѣгъ свѣтилъ въ прочныхъ границахъ“ В. Нестле.

же 31, 10: Что творческая причина *(касается)* не только тѣлъ, находящихся въ рожденіи, но и безтѣлесныхъ *(существъ)*, дополняющихъ (собой) рожденіе, этому Парменидъ ясно учитъ въ слѣдующихъ словахъ (*цит. ст. 2—6*). *Къ ст. 4 тамъ же 34, 14:* И творческой причиной, единой, общей (*для всего*), онъ считаетъ богиню, возсѣдающую въ центрѣ вселенной и являющуюся виновницей всякаго рожденія. *Срв. А 37.*

„Ибо болѣе узкіе (*вѣнцы*) наполнены безпримѣснымъ огнемъ, слѣдующіе за ними—мракомъ, а между *(тѣми и другими)* разстилается *(область, которая лишь)* частично наполнена огнемъ [1]). Въ центрѣ же вселенной (находится) богиня, которая всѣмъ управляетъ. Это она во всемъ вызываетъ совокупленіе и *(какъ слѣдствіе)* ужасные роды, посылая женщину совокупиться съ мужчиной и, обратно, *(толкая)* мужчину къ женщинѣ.

13. *Аристотель Metaph. А 4 р. 984 а 23 (пер. Розанова-Первова)* Можно подозрѣвать, что Гезіодъ первый выразилъ подобное (мнѣніе), даже если бы кто другой положилъ въ основу всего сущаго любовь или страсть, какъ это сдѣлалъ и Парменидъ. Ибо послѣдній, изображая происхожденіе вселенной, говоритъ: „Раньше всѣхъ боговъ онъ насадилъ любовь“. *Плутархъ Amat. 13 р. 756 F* Поэтому-то Парменидъ объявляетъ Эроса старѣйшимъ изъ дѣлъ Афродиты, (*а именно*) онъ пишетъ въ своей космогоніи (*цит. ниже приводимый стихъ*). *Симплицій phys. 39, 18 (послѣ В 12, 3)* Онъ утверждаетъ, что она является также виновницей (*рожденія*) боговъ, (а именно), онъ говоритъ (*цит. тотъ же стихъ*) Также онъ утверждаетъ, что она посылаетъ души то изъ видимаго (міра) въ невидимый, то обратно.

„Раньше всѣхъ боговъ она создала Эроса“.

14. *Плутархъ Colot. 15 р. 1116 А* Ибо не говоря, что воспламененное желѣзо есть огонь или что луна (есть) солнце, но, слѣдуя Пармениду, *(сказавшему о лунѣ):*

„Свѣтящій ночью, блуждающій вокругъ земли, заимствованный свѣтъ“,

онъ отрицаетъ годность желѣза (*для указанной цѣли*) или (*такую*) природу луны.

15. *Плутархъ de fac. lun. 16, 6 р. 929 А* Изъ столь значительнаго числа небесныхъ свѣтилъ одна только *(луна)* совершаетъ круговое движеніе вслѣдствіе того, что нуждается въ чужомъ свѣтѣ, по (ученію) Парменида:

„Постоянно глядя на лучи солнца“.

---

[1]) „Затѣмъ (снова) наступаетъ очередь огня“ пер. П. Таннери и Г. Церетели. Г. Бергеръ относитъ этотъ отрывокъ не къ небеснымъ сферамъ, а къ поясамъ земли.

15a. *Схоліи Василія* (*къ фразѣ*: Если принять, что вода является основаніемъ земли) Парменидъ въ поэтической рѣчи назвалъ землю „имѣющей начало въ водѣ“.

16. *Аристотель Metaph. Г 5. 1009 b 21 срв. А 46:*

„Ибо въ какомъ состояніи всякій разъ находится у людей смѣсь [1]) (теплаго и холоднаго) [2]) въ (ихъ) весьма измѣнчивыхъ членахъ, соотвѣтственно этому измѣняется у людей и умъ. Ибо у людей, у всѣхъ и каждаго, мыслитъ одно и то же; природа ихъ членовъ. А именно, мысль есть то, что преобладаетъ (*въ нихъ*)“ [3]).

То же въ пер. Г. Церетели: „Человѣческій разумъ находится постоянно въ зависимости отъ качества своихъ заблуждающихся органовъ. Ибо у людей, какъ у всѣхъ, такъ и у каждаго въ отдѣльности, мыслитъ одно и тоже, а именно, качество органовъ, причемъ мыслью является то, что преобладаетъ.

17. *Галенъ in Epid. VI 48* Однако, и другіе изъ древнѣйшихъ мужей говорятъ, что зачатіе (дѣтей) мужского пола происходитъ въ правой части матки. И дѣйствительно, Парменидъ сказалъ такъ:

„Направо мальчики, налѣво дѣвочки“.

18. *Целій Авреліанъ Morb. chron. IV 9 p. 116 Sichard* Парменидъ въ книгахъ, написанныхъ имъ о природѣ, говоритъ, что въ зависимости отъ условій зачатія иногда рождаются люди податливые и кроткіе. Такъ какъ ему принадлежитъ греческое стихотвореніе, то и я передамъ это стихами. Дѣло въ томъ, что во избѣжаніе смѣшенія разныхъ языковъ, я составилъ, насколько сумѣлъ, латинскіе стихи такого же размѣра (*слѣдуютъ ниже приводимые стихи*). Ибо онъ держится того мнѣнія, что въ сѣмени кромѣ вещества заключаются силы и что если послѣднія смѣшаются такимъ образомъ, что [4]) образуютъ единство въ одномъ и томъ же тѣлѣ, то онѣ порождаютъ (*въ рождающемся ребенкѣ*) склонность, соотвѣтствующую (*его*) полу. Если же, по смѣшеніи вещества сѣмени, силы останутся раздѣленными, то результатомъ будетъ присутствіе въ тѣхъ, которые родятся, стремленія къ двумъ видамъ половой любви.

„Если женщина и мужчина смѣшаютъ вмѣстѣ сѣмя Любви, то сила, образующая въ жилахъ изъ различной крови (*плодъ*), при соблюденіи надлежащей мѣры (*въ смѣси*), производитъ хорошо сложенныя тѣла. Но [5]), если въ смѣшавшемся сѣмени силы борются и

---

[1]) Читаю „κρᾶσις“ вмѣсто „κρᾶσιν“.

[2]) По Ѳеофрасту

[3]) Послѣднюю фразу иногда (Риттеръ, Виндельбандъ) переводятъ: „Ибо полное есть мысль“. То же мѣсто въ пер. Дж. Льюиса: „Высшая степень организаціи даетъ высшую мысль“.

[4]) Читаю „ut“ вмѣсто „et“.

[5]) Читаю „at“ вмѣсто „nam“.

не образуютъ въ смѣшавшемся веществѣ никакого единства, то онѣ сдѣлаютъ несчастный плодъ гермафродитомъ".

19. *Симплицій cael. 558, 8* Изложивъ же устройство чувственнаго (міра), онъ снова добавилъ:

„Такъ, въ самомъ дѣлѣ, согласно мнѣнію *(людей)*, *(все)* это *(нѣкогда)* возникло, нынѣ существуетъ, будетъ расти въ будущемъ и затѣмъ погибнетъ. Каждой же изъ этихъ *(вещей)* люди положили имя, являющееся ея отличительнымъ знакомъ".

Сомнительные фрагменты.

20. *Ипполитъ Ref. V 8 p. 115, 76* Малыми же мистеріями, говоритъ *(одинъ гностикъ)*, являются мистеріи подземной Персефоны. Объ этихъ мистеріяхъ и о пути, ведущемъ туда, который является широкимъ и просторнымъ и по которому умирающіе приходятъ къ Персефонѣ... поэтъ говоритъ:

„А подъ нимъ находится страшная, грязная дорога, лежащая въ долинѣ между горами. По ней наилучше дойти въ прелестную рощу многопочитаемой Афродиты".

Неподлинные фрагменты.

21. *Аэцій II 30, 4 (D. 361 b 24)* О видѣ луны: почему она кажется землистой?... Парменидъ: вслѣдствіе того, что темное примѣшано къ окружающему ее огненному. Поэтому онъ называетъ ее свѣтиломъ „съ ложнымъ свѣтомъ". *Срв. В 14. На самомъ же дѣлѣ, это выраженіе идетъ отъ Θеофраста, см. 46 А 77.*

22. *Свида см. слово ὣς въ смыслѣ „весьма"*. Парменидъ: „удивительно какъ стоекъ въ мнѣніи"=*Платонъ Parm. p. 135 A.*

23. — *см. слово „Острова блаженныхъ"*: (такъ назывался) въ старину акрополь Θивъ, что въ Беотіи, какъ (говоритъ) Парменидъ.

24. *Светоній (Miller Mél. 417)* Тельхины... нѣкоторые утверждаютъ, что они—дѣти моря, Парменидъ же (говоритъ), что они произошли изъ собакъ Актеона, превращенныхъ Зевсомъ въ людей.

25. *Стобей Ecl. I 144, 19 Wachsm.* Но онъ былъ равнымъ со всѣхъ сторонъ и т. д.=*Эмпедоклъ фр. 28 (21 В 28).*

---

19. Зенонъ.

Зенонъ изъ Элеи—ученикъ, пріемный сынъ и „предметъ любви" Парменида, „элейскій Паламедъ", по выраженію Платона [1]), „изобрѣтатель діалектики", по Аристотелю [2]), „двуязычный порицатель всѣхъ", по Тимону [3]). Аполлодоръ относитъ акме его къ 79 олимпіадѣ (464—460 г. до Р. Хр.); П. Таннери и Дж. Бернетъ полагаютъ, что онъ родился около 489 г. (принимая сообщеніе Платона, что въ возрастѣ 40 лѣтъ онъ читалъ свое сочиненіе Сократу, и относя эту встрѣчу Зенона съ Сократомъ къ 449 г.). Зенонъ—не только великій умъ, но и сильный характеръ, какъ свидѣтельствуетъ его поведеніе, когда былъ раскрытъ заговоръ, который онъ составилъ противъ элейскаго тиранна. О силѣ его воли свидѣтельствуютъ также приписываемыя ему изреченія (см. A 18 и A 19). Платонъ превозноситъ его, какъ политическаго дѣятеля, отдавая ему предпочтеніе передъ Перикломъ. Зенонъ первый сталъ брать плату за ученіе (плата была довольно высокой: сто минъ, см. A 4) и въ этомъ отношеніи онъ является предшественникомъ софистовъ. Его называютъ учителемъ Перикла, Протагора, Пиѳодора, Каллія и др.

Зенонъ является послѣдователемъ Парменидова ученія о всеединствѣ: цѣлью, которую преслѣдовали его сочиненія, была защита этого ученія. Различіе между Парменидомъ и Зенономъ Платонъ усматриваетъ лишь въ томъ, что Парменидъ доказывалъ существованіе единаго, Зенонъ же—несуществованіе многаго. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей находятъ у Зенона не только защиту, но и дальнѣйшее развитіе ученія Парменида [4]). Такъ, М. Мандесъ [5]) говоритъ: „Зенонъ, какимъ его изображаетъ Платонъ, нѣсколько излишне скромничаетъ. Его трудъ есть „помощь" для Парменида не только въ томъ смыслѣ, что онъ даетъ новые аргументы, которыхъ не далъ Парменидъ; нѣтъ, давши глубокій анализъ тѣхъ основныхъ понятій, на которыхъ покоится зданіе Парменидовой онтологіи, онъ не только углубляетъ, но и расширяетъ ихъ, раскрываетъ то, что было неясно для творца, дѣлаетъ послѣдніе выводы и вызываетъ изъ скрытаго состоянія рядъ проблемъ, которыя были только намѣчены у основателя элеатскаго ученія". Е. Дюрингъ [6]) говоритъ, что въ дока-

---

[1]) Soph. 215 A и Phaedr. 261 D См. A 1 и A 13. Вообще *остроту* мысли Зенона сопоставляютъ съ *глубиной* мысли Парменида.

[2]) См. A 1 и A 10.

[3]) См. A 1. Тимонъ называетъ Зенона двуязычнымъ вслѣдствіе его обыкновенія выводить изъ одной посылки два противорѣчивыхъ слѣдствія. Другое объясненіе прозвища см. A 15.

[4]) Противоположный взглядъ, высказываемый въ ученой литературѣ: элейское ученіе было неспособно къ дальнѣйшему развитію и послѣ Парменида дѣятельность элейцевъ свелась къ опроверженію ученій другихъ школъ.

[5]) Ц. с., стр. 219.

[6]) E. Dühring. Kritische Geschichte d. Philosophie 1869, стр. 34.

зательствахъ Зенона элейская философія достигаетъ наивысшаго развитія, и находитъ въ нихъ такую степень абстракціи, какой греческая мысль никогда не въ состояніи была вновь не только достигнуть, но даже вполнѣ понять.

Зенонъ защищалъ ученіе Парменида доказательствомъ отъ противнаго: въ своихъ сочиненіяхъ онъ показывалъ, что допущеніе существованія многихъ вещей и движенія ведетъ къ противорѣчіямъ. Ему приписываютъ открытіе діалектическаго метода [1]). Хотя и раньше встрѣчались образчики діалектическаго искусства (у Эпихарма и Парменида), однако, впервые Зенонъ положилъ прочное основаніе этому искусству: онъ первый сталъ исходить отъ предпосылокъ своихъ противниковъ, выводя изъ нихъ рядъ логическихъ слѣдствій и вскрывая такимъ образомъ заложенныя въ нихъ противорѣчія. Древніе приписывали Зенону [2]) 40 доказательствъ для защиты Парменидова ученія о всеединствѣ (противъ множественности вещей) и 5 доказательствъ неподвижности сущаго (противъ движенія). Изъ этихъ доказательствъ Зенона дошло до насъ всего девять (у Аристотеля сохранилось 5, у Симплиція 3 и у Діогена 1). К. Прантль, Г. Риттеръ и П. Таннери полагаютъ, что сочиненіе Зенона было написано въ діалогической формѣ, Теннеманъ и Шнейдеръ вносятъ къ этому поправку, говоря, что Зенонъ, вѣроятно, не выводилъ разныхъ бесѣдующихъ лицъ, но просто онъ облекалъ свои мысли въ форму вопросовъ и отвѣтовъ.

Относительно характера аргументовъ Зенона существуетъ разногласіе: одни называютъ ихъ софизмами, другіе паралогизмами (иногда дѣлая исключеніе для того или иного изъ нихъ) [3]), третьи считаютъ ихъ серьезными аргументами, имѣвшими значеніе въ той исторической обстановкѣ, въ которой они появились, наконецъ, четвертые признаютъ ихъ неопровержимыми доказательствами, сохраняющими свою силу и въ наше время. Между тѣмъ какъ Ренувье и Брошаръ находятъ, что четыре аргумента противъ движенія тѣсно связаны между собой и образуютъ одно цѣлое, Т. Гомперцъ полагаетъ, что различные аргументы Зенона совершенно исключаютъ другъ друга, покоятся на непримиримыхъ между собой точкахъ зрѣнія и въ сущности взаимно опровергаютъ другъ друга. Такъ, напримѣръ, по его мнѣнію, въ одномъ аргументѣ противъ движенія Зенонъ соединяетъ непрерывность пространства съ отдѣльными единицами времени, въ другомъ же, наоборотъ, непрерывность времени съ отдѣльными единицами пространства. Тѣмъ не менѣе онъ находитъ у Зенона „серьезно

---

[1]) См. А 9 и 10.

[2]) См. А 15.

[3]) П. Дейссенъ считаетъ ошибочными всѣ аргументы, Дж. Льюисъ дѣлаетъ исключеніе только для „стрѣлы“; Dunan, считая „дихотомію“ безупречной, признаетъ „Ахиллеса“ софизмомъ; Noël считаетъ „дихотомію“ и „Ахиллеса“ паралогизмами (petitio principii), „стрѣлу“ же и „стадій“ безукоризненными доказательствами.

продуманную, не безплодную критику существовавшаго тогда и отчасти державшагося еще и понынѣ понятія матеріи". Гегель говоритъ, что Зенонова діалектика матеріи „не опровергнута до сегодняшняго дня" (ist bis auf heutigen Tag unwiderlegt) [1]). Вл. Соловьевъ [2]) пишетъ: „Аргументы Зенона не суть софизмы, а указываютъ на дѣйствительныя противорѣчія въ понятіи вещества, пространства и времени". Кн. С. Трубецкой [3]) полагаетъ, что съ аргументами Зенона „приходится считаться до сихъ поръ, такъ какъ они раскрываютъ... дѣйствительныя противорѣчія, связанныя съ нашими понятіями величины, множества, движенія, времени и пространства". Выступаетъ въ защиту Зенона также Б. Рессель [4]), который, называя аргументы Зенона „тонкими и глубокими", говоритъ: „Грубость послѣдующихъ философовъ объявила всѣ его аргументы софизмами, а его самого просто искуснымъ фокусникомъ (a mere ingenious juggler). Спустя два тысячелѣтія эти софизмы были возстановлены и сдѣлались основаніемъ математическаго возрожденія", благодаря работамъ математика Вейерштрасса, показавшаго, что мы живемъ въ неизмѣняющемся мірѣ и что стрѣла въ каждый моментъ своего движенія, дѣйствительно, находится въ покоѣ. И В. Брошаръ считаетъ доказательства Зенона „безукоризненными".

Доказательствъ противъ множественности вещей въ тѣсномъ смыслѣ слова дошло до насъ два. Это—такъ называемыя *первая и вторая антиноміи*. Первая антиномія [5]) сводится къ слѣдующему. Если допустить существованіе многихъ вещей, то окажется, что 1) онѣ вовсе не имѣютъ величины (тезисъ) и 2) онѣ безконечны по величинѣ (антитезисъ). Первая антиномія учитъ, что вещи, если ихъ много, по занимаемому ими пространственному протяженію равны одновременно и 0 и ∞ („и *безконечно малы* и безконечно велики" не вполнѣ точно передаетъ большинство историковъ). Аргументируетъ Зенонъ слѣдующимъ образомъ. *Тезисъ:* Множества вещей не было бы, если бы каждая вещь не была единицей, такъ какъ множество есть ничто иное, какъ совокупность единицъ. Однако, истинной единицы въ мірѣ не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое единица? Истинная единица есть то, что недѣлимо Если единица недѣлима, то она есть точка, которая, будучи прилагаема, не увеличиваетъ и, будучи отнимаема, не уменьшаетъ, то-есть она не имѣетъ величины. А то, что не имѣетъ вовсе величины, плотности и объема, есть ничто. Итакъ, единица—ничто и сумма единицъ тоже ничто. *Антитезисъ:* Каждая изъ множества существующихъ вещей имѣетъ опредѣленную величину и разстояніе отъ другой вещи. То же самое придется сказать и о всякой дру-

---

[1]) Ц. с., стр. 312. Также Ф. Шнейдеръ (Philologus, 1876, стр. 641): „Зеноновы проблемы еще и теперь не нашли своего полнаго рѣшенія".

[2]) Статья о Зенонѣ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза.

[3]) Исторія древней философіи, ч. I, стр. 110.

[4]) B Russel. The principles of mathematics, v. I, 1903, стр. 347.

[5]) См. A 21 и B 1.

гой вещи, лежащей передъ предыдущей. Какую бы вещь мы ни брали, она не будетъ послѣдней, такъ какъ въ понятіе вещи включена необходимость отстоянія отъ другой вещи. Въ какомъ бы направленіи мы ни двигались, указанное свойство вещей будетъ повторяться до безконечности и такимъ образомъ никогда мы не сможемъ дойти до предѣла, за которымъ болѣе не было бы вещей (это невозможно въ силу неотъемлемаго свойства вещей, логически неразрывно связаннаго съ ихъ множественностью). Итакъ, вещей безконечное число (ибо нѣтъ *послѣдней* вещи), а вслѣдствіе того, что каждая изъ нихъ отстоитъ отъ другой на нѣкоторомъ разстояніи, онѣ должны занимать безконечное пространство [1]).

Уже Эвдемъ замѣтилъ софистическій моментъ въ первой антиноміи (см. А 21). Въ тезисѣ Зенонъ ставитъ существованіе множественности въ зависимость отъ существованія единаго и опровергаетъ первое отрицаніемъ второго. Также Сенека указываетъ (см. тамъ же), что, если вѣрить Пармениду, то не существуетъ ничего, кромѣ одного; если Зенону, то не существуетъ даже одного, нѣтъ ничего. Дѣйствительно, эта аргументація столь же задѣваетъ противниковъ, сколько и основоположеніе самого элейскаго ученія. Софистическій моментъ антитезиса заключается въ отрицаніи у бытія предѣла, вопреки элейскому ученію.

Пытаясь исключить софистическій моментъ изъ доказательства Зенона, П. Таннери [2]) возстанавливаетъ первую антиномію иначе. Онъ полагаетъ, что Зенонъ отрицаетъ здѣсь не единое вообще, но единое, какъ результатъ дѣленія [3]). „Зенонъ вовсе не доказываетъ, чтобы вещи были одновременно безконечно велики и безконечно малы. Въ дѣйствительности онъ приводитъ своего собесѣдника къ дилеммѣ: Допустивъ возможность безконечнаго дѣленія (дихотомическаго), какъ очевидную, онъ легко устанавливаетъ, что это дѣленіе будетъ давать постоянно части все болѣе и болѣе малыя, такъ что уменьшенію не будетъ предѣла. А потому, если есть конечный элементъ, онъ не имѣетъ абсолютно никакой величины. Это подтверждается еще и тѣмъ, что только въ такомъ случаѣ послѣдующее дѣленіе невозможно, такъ какъ въ элементѣ уже нѣтъ отдѣльныхъ частей. Онъ окончательно приведенъ къ одной точкѣ. Сложеніе этихъ не имѣю-

---

[1]) Нѣсколько иначе излагаетъ антитезисъ Б. Баухъ (Das Substanzproblem in d. griech. Philosophie bis zur Blütezeit, 1910, стр. 54—55), по мнѣнію котораго удареніе въ доказательствѣ падаетъ на „разстояніе между вещами". Между однимъ бытіемъ и другимъ, чтобы они могли быть отличаемы другъ отъ друга, должно находиться нѣчто третье, равнымъ образомъ между этимъ третьимъ и тѣми, и такъ далѣе до безконечности. Поэтому, если бытіе множественно, то оно безконечно велико. Однако, это доказательство—антитезисъ второй антиноміи, который Б. Баухъ ошибочно соединяетъ съ тезисомъ первой антиноміи.

[2]) Стр. 244.

[3]) Такое пониманіе происхожденія этихъ не имѣющихъ величины единицъ у Зенона впервые далъ Порфирій. Противъ этого F. Schneider. Zeno aus Elea (Philologus, 1876, стр. 616).

щихъ величины элементовъ, сколько бы ихъ ни было, можетъ дать только не имѣющую величины сумму. Однако (вторая часть дилеммы), противникъ можетъ утверждать, что дѣленіе будетъ постоянно давать части, имѣющія нѣкоторую величину, а потому и конечный элементъ будетъ ее имѣть. Но такъ какъ дѣленіе безконечно, то безконечно и число элементовъ, а потому дѣлимая вещь безконечно велика. Въ общемъ Зенонъ неопровержимо доказываетъ, что цѣлое (т. е. дѣлимое до безконечности) нельзя понимать какъ сумму недѣлимыхъ элементовъ по усвоенному пиѳагорейцами ходячему мнѣнію. Ибо, если эти элементы не имѣютъ величины, сумма ихъ не можетъ ея имѣть. Напротивъ, если они имѣютъ величину, то сумма ихъ безконечно велика, такъ какъ число ихъ безконечно". Такимъ образомъ П. Таннери предполагаетъ, что какъ тезисъ, такъ и антитезисъ первой антиноміи исходятъ изъ (дихотомическаго) дѣленія, о чемъ, однако, наши источники прямо не говорятъ.

Вл. Соловьевъ при изложеніи этого доказательства въ сущности отбрасываетъ тезисъ и развиваетъ антитезисъ въ антиномію. А именно, онъ приписываетъ Зенону слѣдующую антиномію. Каждая изъ частей сущаго оказывается заразъ и безконечно-малой и безконечно-великой. А именно, *имѣя внѣ себя* безконечное множество всѣхъ прочихъ частей, она составляетъ безконечно-малую частицу всего; но, съ другой стороны, *слагаясь сама* изъ безконечнаго множества частицъ, она представляетъ величину безконечно-великую. Примыкая отчасти къ Вл. Соловьеву, кн. С. Трубецкой даетъ слѣдующую остроумную реконструкцію первой антиноміи. Если вещей много, то онѣ вмѣстѣ безконечно малы и безконечно велики. „Всякая вещь состоитъ изъ частей, всякая часть изъ другихъ частей, и такъ далѣе до безконечности. При этомъ каждая часть отдѣлена чѣмъ-то „сущимъ" отъ другихъ". Какія же слѣдствія вытекаютъ отсюда? Во-первыхъ, вещей безконечное множество (такъ какъ сущее дѣлимо до безконечности), и, во-вторыхъ, каждая вещь занимаетъ безконечное пространство (вслѣдствіе безконечности своихъ частей). Каждая вещь (какъ и любая часть ея) оказывается безконечно великой по протяженію, сущее же, какъ совокупность всѣхъ вещей, будетъ безконечнымъ множествомъ безконечно большихъ пространственныхъ величинъ. Съ другой стороны, каждая частица безконечно мала, такъ какъ она отдѣлена отъ всякой другой частицы безконечнымъ множествомъ частицъ. Если отдѣлить ее отъ всѣхъ другихъ частицъ, то она сама вовсе не будетъ имѣть частей и величины.

П. Дейссенъ „исправляетъ" первую антиномію Зенона слѣдующимъ образомъ. Тѣло, состоящее изъ множества частицъ, было бы 1) безконечно-малымъ и 2) безконечно-большимъ Оно было бы безконечно-малымъ, такъ какъ его можно дѣлить до безконечности: оказывается, что тѣло состоитъ изъ суммы безконечно-малыхъ частицъ; сумма же безконечно малыхъ частицъ можетъ дать лишь безконечно-малое. Тѣло было бы безконечно-большимъ, такъ какъ при безпрерывномъ дѣленіи мы получимъ, наконецъ, безконечно много частицъ; если изъ послѣднихъ мы станемъ

слагать тѣло, то, сколько бы ихъ мы ни взяли, всегда будетъ оставаться еще безконечное множество ихъ; такимъ образомъ вслѣдствіе того, что число ихъ неисчерпаемо, мы можемъ увеличивать тѣло до безконечной величины. По Дейссену, Зенонъ здѣсь изолируетъ моменты, которые неразрывно связаны между собой: возрастающую малость и возрастающее количество частей.

Переходимъ ко *второй антиноміи* Если допустить существованіе многихъ вещей, то окажется, что 1) вещей конечное число (тезисъ) и 2) вещей безконечное число (антитезисъ) Ходъ аргументаціи сводится къ слѣдующему. *Тезисъ*: Если существуетъ множество вещей, то ихъ столько, сколько есть, не больше и не меньше. Слѣдовательно, онѣ существуютъ въ опредѣленномъ (ограниченномъ) количествѣ. *Антитезисъ:* Если вещей много, то ихъ должно быть безконечное число. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ существованіе только *двухъ* вещей. Между двумя вещами необходимо должна лежать какая-либо третья вещь, ихъ раздѣляющая, между послѣдней и первыми опять новыя вещи, и такъ далѣе до безконечности. Въ противномъ случаѣ, двѣ смежныя вещи слились бы въ единство, образовывали бы одну вещь (а не двѣ). Такимъ образомъ двухъ не существуетъ безъ трехъ, трехъ безъ пяти, пяти безъ девяти и такъ далѣе до бозконечности (такъ какъ число раздѣляющихъ вещей оказывается равнымъ безконечному ряду 1, 2, 4, 8, 16 и т. д) [1]).

Въ первой и второй антиноміи Зенонъ разсматриваетъ понятія единицы, конечнаго количества и количественной безконечности. Діалектика числа у Зенона даетъ слѣдующіе результаты: единица=нулю, нуль = безконечности, конечное количество (два) = безконечному, часть = цѣлому. Такимъ образомъ понятіе числа противорѣчиво, его примѣненіе незакономѣрно съ точки зрѣнія разума, число должно быть отнесено къ области мнѣнія и иллюзіи. О первой антиноміи говоритъ Т. Гомперцъ [2]): „Предпосылки этой аргументаціи не такъ ужъ произвольны, какъ это кажется на первый взглядъ... Первая часть доказательства опирается на предпосылку абсолютной единицы, вторая на предпосылку абсолютной множественности“. Ошибку Зенона онъ видитъ въ томъ, что Зенонъ относительныя понятія единства и множественности считалъ понятіями абсолютными.

Въ первой антиноміи Зенона понятіе числа (единицы и безконечности) разсматривается въ связи съ пространствомъ. Хотя наши источники ничего не говорятъ, однако, въ духѣ Зенона можетъ быть сдѣланъ также переводъ ариѳметическихъ понятій второй антиноміи на геометрическіе термины. Если первая антиномія учила, что сущее не имѣетъ вовсе пространственнаго протяженія и въ то же время безконечно-велико по про-

---

[1]) Антитезисъ второй антиноміи не точно излагаетъ Л. Штрюмпель: Чтобы быть множественнымъ, сущее должно быть разложимымъ на части. Дѣленіе же идетъ въ безконечность. Однако, въ нашемъ антитезисѣ рѣчь идетъ не о дѣлимости сущаго, а о раздѣльности вещей, которыя сами по себѣ разсматриваются какъ цѣлыя единицы.

[2]) Стр. 175—176.

тяженію, то вторая антиномія могла бы сказать, что сущее обладаетъ одновременно и конечнымъ и безконечнымъ протяженіемъ [1]). Конечный результатъ этой діалектики пространства: пространственный нуль (точка) =безконечно большому пространству = конечному пространству. Такимъ образомъ діалектика Зенона разрушаетъ понятіе пространства наравнѣ съ понятіемъ числа. Въ этомъ опять мы видимъ софистическій моментъ его аргументовъ. „Основныя идеи элейцевъ, понятія единства, протяженности, реальности, сами были поколеблены или, лучше сказать, разрушены этой критикой“, справедливо говоритъ Т. Гомперцъ (стр. 179) объ аргументахъ Зенона.

Противъ пространства Зенонъ даетъ и спеціальное доказательство. Все существующее находится гдѣ-нибудь, то-есть въ пространствѣ. А если такъ, то и само пространство, чтобы существовать, тоже должно находиться гдѣ-нибудь, т. е. въ другомъ пространствѣ. Это второе пространство въ свою очередь должно находиться въ третьемъ пространствѣ, третье въ четвертомъ и такъ далѣе. Такимъ образомъ получимъ пространство пространства и т. д. до безконечности. Слѣдовательно, приходится или признать безконечное число пространствъ, заключенныхъ одно въ другомъ, или же совсѣмъ отрицать существованіе пространства. В. Виндельбандъ и Дж. Бернетъ находятъ въ этомъ доказательствѣ отрицаніе лишь пустого пространства, а не пространственнаго бытія вообще. Дѣйствительно, приведенный аргументъ отвергаетъ только существованіе пространства, какъ чего-то отличнаго отъ заключенной въ немъ матеріи, между тѣмъ Парменидъ отожествлялъ матерію и пространство. Однако, этотъ аргументъ легко можетъ быть обращенъ и противъ элейской точки зрѣнія съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ этомъ случаѣ вмѣстѣ съ пространствомъ будетъ отвергнуто и существованіе матеріи [2]).

Какъ аргументъ противъ пространства, такъ и аргументъ противъ истинности чувственнаго воспріятія implicite заключаютъ въ себѣ опроверженіе множественности вещей. Аргументъ противъ реальности чувственнаго воспріятія извѣстенъ подъ названіемъ „*пшеннаго зерна*“. Въ бесѣдѣ съ Протагоромъ Зенонъ указываетъ, что между тѣмъ какъ ни одно цѣлое зерно, ни одна десятитысячная часть зерна при паденіи не издаютъ звука, медимнъ пшена падая производитъ шумъ. *Такъ кажется намъ* согласно свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ; однако, разумъ требуетъ, чтобы мы приняли что-либо одно: или и одно зерно и одна десятитысячная часть зерна при паденіи тоже издаютъ звукъ, или и медимнъ пшена не производитъ шума. Вѣдь, въ противномъ случаѣ, мы получимъ, что сумма нулей равна не нулю, а нѣкоторой положительной величинѣ [3]).

---

[1]) П. Таннери прямо понимаетъ вторую антиномію геометрически (см. ниже В 1).

[2]) Возраженія противъ этого доказательства Аристотеля и Эвдема мы приводимъ ниже въ переводѣ (см. А 24).

[3]) Такимъ образомъ по способу аргументаціи это доказательство напоминаетъ тезисъ первой антиноміи.

М. Мандесъ исправляетъ аргументъ „пшеннаго зерна“, дѣлая его иллюстраціей первой антиноміи. Онъ излагаетъ его слѣдующимъ образомъ. Если любая часть зерна звучитъ, то совокупность звуковъ, производимыхъ медимномъ зерна, будетъ безконечно великой; если же ни зерно, ни десятитысячная часть зерна не звучатъ, то не будетъ звучать и медимнъ.

Аргументъ „пшеннаго зерна“ опровергаетъ Аристотель въ „Физикѣ“ [1], говоря, что одно зерно не въ состояніи привести въ движеніе того количества воздуха, которое приводится въ движеніе паденіемъ цѣлаго медимна пшена.

Наибольшей извѣстностью пользовались всегда Зеноновы доказательства противъ движенія, которыхъ до насъ дошло пять: 1) доказательство общаго характера, 2) „дихотомія“, 3) „Ахиллесъ“, 4) „стрѣла“ и 5) „стадій“. Первое доказательство противъ движенія [2]) весьма кратко: „Движущійся предметъ не движется ни въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится, ни въ томъ, гдѣ его нѣтъ“. На вопросъ, гдѣ происходитъ движеніе, должно отвѣтить: нигдѣ, такъ какъ тѣло не можетъ двигаться тамъ, гдѣ его нѣтъ; съ другой стороны, занимая всегда пространство, равное своему объему, оно не можетъ двигаться въ этомъ мѣстѣ, но покоится въ немъ.

Сущность доказательства, извѣстнаго подъ названіемъ „*дихотоміи*“, сводится къ признанію невозможности движенія на томъ основаніи, что движущійся предметъ, прежде чѣмъ достигнуть какого-либо мѣста, долженъ предварительно пройти половину пути, половину половины и такъ далѣе до безконечности. Невозможно пройти безконечное въ конечное время. Какъ указываетъ М. Мандесъ, аргументація здѣсь обрывается, далѣе можно продолжать двояко. Въ самомъ дѣлѣ, доказательство въ своей полной формѣ могло говорить или 1) что движеніе *не можетъ закончиться* (никогда не будетъ достигнутъ конечный пунктъ, такъ какъ, сколько бы къ нему ни приближаться, всегда будетъ какой-либо остатокъ: проходя послѣдовательно половину пути половину оставшейся половины и т. д. до безконечности, движущійся предметъ будетъ послѣдовательно отстоять отъ цѣли движенія на $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$, $^1/_{16}$, $^1/_{32}$ .... $^1/_{2n}$ первоначальнаго разстоянія, но конечный пунктъ будетъ оставаться всегда недостижимымъ) или 2) движеніе *не можетъ начаться*, такъ какъ предметъ не можетъ достигнуть никакого пункта, не пройдя предварительно безконечнаго числа промежуточныхъ мѣстъ (чтобы пройти весь путь, онъ долженъ сначала пройти половину его; чтобы пройти эту половину, ему необходимо сперва пройти четверть; вообще прохожденіе $^1/_4$, $^1/_8$, $^1/_{16}$, ... $^1/_n$ пути требуетъ предварительнаго преодолѣнія $^1/_8$, $^1/_{16}$, $^1/_{32}$ ... $^1/_{2n}$ пути) [3]).

---

[1]) См. А 29.

[2]) См. В 4.

[3]) E. Dühring (Krit. Geschichte d. Philos., 1869, стр. 46—47) говоритъ, что „дихотомія“ безъ всякаго измѣненія могла бы быть использованной элеатами для доказатель-

Аристотель [1]) усматриваетъ ошибку этого доказательства въ смѣшеніи безконечно-дѣлимаго съ безконечно-большимъ. И время, возражаетъ онъ, тоже безконечно-дѣлимо. Конечное, но безконечно-дѣлимое пространство проходится въ конечный безконечно-дѣлимый промежутокъ времени. Доказательство, по мнѣнію Аристотеля, построено на предпосылкѣ невозможности въ конечное время пройти безконечное пространство, и Аристотель, не отвергая этой предпосылки, указываетъ лишь, что, хотя пространство безконечно-дѣлимо *въ возможности*, однако, *въ дѣйствительности* оно въ каждомъ своемъ отрѣзкѣ не состоитъ изъ безконечнаго числа частей, съ другой же стороны время столь же безконечно дѣлимо, какъ и пространство, такъ что безконечная дѣлимость времени покрываетъ собой безконечную дѣлимость пространства (въ этомъ видитъ рѣшеніе проблемы также Лейбницъ). И въ наше время многіе считаютъ критику Аристотеля справедливой и вмѣстѣ съ нимъ видятъ основную ошибку доказательства въ отожествленіи безконечной дѣлимости и безконечной величины. Такъ, по поводу приведеннаго доказательства Т. Гомперцъ говоритъ, что безконечная дѣлимость и безконечная величина—два совершенно различныхъ понятія: конечная величина можетъ быть дѣлимой до безконечности; Зенонъ-де выдвигаетъ проблему отношенія безконечнаго ряда къ конечной величинѣ. Также ф. Арнимъ говоритъ, что Зенонъ смѣшиваетъ количественную безконечность съ дистрибутивной. И П. Дейсенъ присоединяется къ мнѣнію Аристотеля.

Однако, эта критика не затрагиваетъ существа Зенонова доказательства. Послѣднее (какъ и рядъ другихъ его аргументовъ) покоится на *невозможности представить себѣ законченной безконечность*. Пусть время и пространство одинаково безконечно дѣлимы: переходъ отъ одного пункта къ другому дѣлается черезъ это *вдвойнѣ* неосуществимымъ. Мы получаемъ безконечное количество пространственныхъ точекъ, съ одной стороны, моментовъ времени, съ другой. Но мысль не можетъ представить себѣ *законченность безконечнаго*: непонятно, какъ можетъ быть осуществлено безконечное число актовъ движенія, какъ можетъ быть послѣдовательно быть занятымъ безконечное число положеній въ пространствѣ и какъ можетъ, наконецъ, притти къ концу безконечное число моментовъ времени. Поэтому, разсматриваемое нами доказательство Зенона скорѣе лишь упрощаетъ условія реализаціи движенія, выдвигая лишь одинъ моментъ—безконечную дѣлимость пространства.

Съ другой точки зрѣнія критикуетъ возраженіе Аристотеля П. Бейль [2]),

---

ства несуществованія времени: невозможенъ переходъ отъ одного момента времени къ другому, ихъ раздѣляетъ такая же пропасть, какая лежитъ между двумя точками пространства.

[1]) См. А 25.

[2]) P. Bayle. Dictionnaire, t. IV, стр. 1264 слѣд.

который называетъ это возраженіе „жалкимъ“ [1]), доказательство же Зенона считаетъ вполнѣ правильнымъ. Онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Во всякомъ движеніи есть terminus a quo (отправной пунктъ) и terminus ad quem (конечный пунктъ). Эти два термина отдѣлены пространствомъ, заключающимъ въ себѣ безконечное число частей. Итакъ, чтобы достигнуть конечнаго пункта, необходимо послѣдовательно пройти безконечное число мѣстъ. Ихъ можно было бы пройти лишь въ безконечное число моментовъ времени. Однако, сущность времени, въ отличіе отъ пространства, заключается въ томъ, что никакія части его *не могутъ сосуществовать*. Между тѣмъ какъ футъ матеріи безконечно дѣлимъ (и, слѣдовательно, *дѣйствительно* содержитъ въ себѣ безконечное число частей), часъ времени (годъ, столѣтіе и т. п.) конеченъ, такъ какъ, если бы въ часѣ времени было безконечное число частей, онъ никогда не могъ бы ни начаться, ни окончиться [2]).

Софистическій моментъ въ этомъ доказательствѣ Зенона заключается въ томъ, что тѣмъ же самымъ умозаключеніемъ опровергается и самая возможность бозконечнаго дѣленія конечной величины. Невозможно, чтобы въ конечномъ заключалось безконечно-многое,—это положеніе, во имя котораго признается недопустимымъ результатъ, есть, однако, предпосылка всего построенія.

Наибольшей славой пользовался всегда третій аргументъ противъ движенія—„Ахиллесъ“ [3]). Самое быстрое никогда не нагонитъ самаго медленнаго. Быстроногій Ахиллесъ не можетъ догнать черепахи, такъ какъ каждый разъ, когда онъ достигаетъ занимаемаго ею мѣста, черепаха успѣваетъ нѣсколько подвинуться впередъ. Такимъ образомъ, чтобы настичь черепаху, Ахиллесу необходимо занять безконечное множество мѣстъ, которыя занимала черепаха. По мнѣнію Аристотеля, этотъ аргументъ есть иная форма перваго аргумента (различіе онъ усматриваетъ лишь въ способѣ дѣленія, которое въ „Ахиллесѣ“ не дихотомическое). Э. Целлеръ различіе ихъ видитъ въ томъ, что въ первомъ аргументѣ конечный пунктъ

---

[1]) Еще рѣзче Е. Дюрингъ, который говоритъ, что возраженіе Аристотеля, не давая дѣйствительнаго опроверженія, обнаруживаетъ лишь недостатокъ надлежащаго пониманія аргументовъ Зенона.

[2]) Это разсужденіе П. Бейля о природѣ времени повторяетъ B. Petronievics. Zenos Beweise gegen die Bewegung (Archiv f. Gesch. d. Philos., XX Bd., 1907, стр. 58), который разсматриваетъ всѣ Зеноновы аргументы противъ движенія съ точки зрѣнія финитизма (отрицанія безконечной дѣлимости пространства и времени) и предлагаетъ доктрину дуалистическаго финитизма (время и пространство состоятъ изъ точекъ двоякаго рода—реальныхъ, или наполненныхъ, и ирреальныхъ, или пустыхъ).

[3]) Этотъ аргументъ Діогенъ Лаэрцій приписываетъ самому Пармениду (см. 18 A 1). По поводу этого доказательства напомнимъ, что и Лейбницъ считалъ понятіе болѣе быстраго движенія противорѣчивымъ. Вообще аргументъ „Ахиллесъ“ всегда привлекалъ къ себѣ наибольшее вниманіе. C. Ruelle (L'argument d'Achille въ Revue de philologie 1907) приводитъ комментарій къ нему Ѳеодора Метохита (XIV в.) и первое математическое рѣшеніе проблемы, которое далъ въ XVII в. Григорій de Saint-Vincent.

остается неизмѣннымъ, во второмъ же онъ подвиженъ. Большинство полагаетъ, что „Ахиллесъ“ основанъ на томъ же, что и „дихотомія“: оба эти аргумента доказываютъ, что, если есть движеніе, то движущійся предметъ долженъ въ конечное время овладѣть безконечнымъ пространствомъ. Такъ, Аристотель даетъ критику „Ахиллеса“, тожественную съ критикой „дихотоміи“: Зенонъ-де смѣшиваетъ безконечную дѣлимость съ безконечной величиной; безконечная дѣлимость времени покрываетъ собой безконечную дѣлимость пространства. И въ новое время многіе присоединяются къ критикѣ Аристотеля: такъ, Т. Гоббсъ, Дж. Ст. Милль [1]) и Дж. Льюисъ также видятъ ошибку Зенона въ отожествленіи безконечной дѣлимости съ безконечной величиной.

Анализируя доказательство „Ахиллесъ“ и вышеприведенный отвѣтъ на него, Ибервегъ [2]) находитъ, что и то и другое логически несостоятельно, потому что оба они доказываютъ *слишкомъ мало* въ сравненіи съ тѣмъ, что хотятъ доказать. Что касается отвѣта на Зеноновъ аргументъ, то недостаточно простой ссылки на параллелизмъ безконечной дѣлимости пространства и времени. Вѣдь Зенонъ могъ бы отвѣтить, что *какъ разъ въ силу этого параллелизма Ахиллесъ не догонитъ черепахи ни въ какое время и ни въ какомъ мѣстѣ*. Съ другой стороны, и аргументъ Зенона доказываетъ слишкомъ мало: онъ доказываетъ только, что, если обѣ скорости относятся, какъ n : 1, то встрѣча не можетъ произойти внутри слѣдующаго ряда частей времени и частей пути: $1+\frac{1}{n}+\frac{1}{n^2}+\frac{1}{n^3}+\frac{1}{n^4}+\ldots$ Между тѣмъ вмѣсто: „внутри этого ряда“ Зенонъ говоритъ: „никогда и нигдѣ“. Право на это Зенонъ имѣлъ бы только въ томъ случаѣ, если бы раньше онъ доказалъ, что сумма этого ряда безконечна. Но этого доказать невозможно, такъ какъ ложно то, что требуется доказать. Напротивъ, съ математическою точностью можно доказать противоположное, а именно что сумма этого ряда—и при безконечномъ продолженіи его—не превыситъ опредѣленной конечной величины (именно $\frac{n}{n-1}$). О математической сторонѣ вопроса мы выскажемся ниже, здѣсь же замѣтимъ, что Ибервегъ справедливо указываетъ на неудовлетворительность ходячаго возраженія на аргументъ „Ахиллесъ“, видящаго въ немъ alter ego аргумента „дихотоміи“. На самомъ же дѣлѣ, въ отличіе отъ „дихотоміи“ „Ахиллесъ“ предполагаетъ одинаково безконечно-дѣлимыми какъ пространство, такъ и время [3]): онъ поднимаетъ ту же проблему, но въ болѣе *усложненномъ*

---

[1]) Дж. Ст. Милль дважды возвращается къ этому вопросу въ „Системѣ Логики“ (стр. 743—744, пер. В. Ивановскаго, II изд.) и въ Examination of SWH's philosophy (стр. 533).

[2]) Fr. Ueberweg, System d. Logik, I Aufl., S. 409—411.

[3]) Если бы время не было безконечно-дѣлимымъ, то былъ бы положенъ предѣлъ движенію черепахи; скорѣе въ безконечной дѣлимости времени—суть аргумента „Ахиллесъ“.

видѣ. На это усложненіе вопроса обращаетъ вниманіе Шнейдеръ (стр. 625 ц. с.), который говоритъ, что, вводя два движущихся тѣла, Зенонъ хотѣлъ указать новую трудность. То, что движется безпрерывно, *должно подвинуться и въ самый малый промежутокъ времени.* Ахиллесу нужно нѣкоторое время, чтобы пройти разстояніе, опредѣляющее его отъ черепахи, но, такъ какъ черепаха движется безпрерывно, то ему опять нужно будетъ нѣкоторое время для преодолѣнія новаго разстоянія, и такъ далѣе до безконечности, такъ какъ вслѣдствіе безостановочнаго движенія черепахи разстояніе между ними никогда не станетъ нулемъ. Ахиллъ смогъ бы настигнуть черепаху только въ томъ случаѣ, если бы ему удалось пробѣжать въ безконечно-малый промежутокъ времени не безконечно-малое разстояніе. Дѣйствительно, главная трудность аргумента „Ахиллесъ" заключается въ непонятности, какъ возможно преодолѣніе того безконечно-малаго пространства, которое всегда будетъ отдѣлять Ахиллеса и черепаху, и, какъ справедливо указываетъ Шнейдеръ, рѣшеніе вопроса требуетъ нарушенія параллелизма безконечно-дѣлимыхъ пространства и времени: Ахиллесъ настигнетъ черепаху, если въ безконечно-малый промежутокъ времени онъ пройдетъ не безконечно-малое разстояніе. Но это противорѣчитъ нашему убѣжденію, что движеніе требуетъ времени. Итакъ, остается выборъ между *безвременнымъ движеніемъ* и *движеніемъ безконечнымъ.*

Четвертое доказательство противъ движенія — „*стрѣла*" утверждаетъ: Летящая стрѣла покоится [1]). Въ основѣ этого доказательства лежала предпосылка, что время есть сумма моментовъ, а пространство—сумма точекъ. Это доказательство могло имѣть двоякую форму, смотря по тому, указывалось ли на то, что стрѣла постоянно находится *въ одномъ мѣстѣ* или *въ одномъ моментѣ времени* (первую форму съ различными видоизмѣненіями принимаютъ Θемистій, Целлеръ, Шнейдеръ, Дильсъ, Ренувье, вторую Брошаръ) [2]).

Первая форма. Въ каждомъ пунктѣ пути летящая стрѣла занимаетъ одно опредѣленное мѣсто, равное своему объему. Двигаться же невозможно, если занимать равное себѣ мѣсто (ибо для движенія предметъ нуждается въ пространствѣ, большемъ себя). Если же въ каждомъ пунктѣ пути тѣло находится въ покоѣ, то движеніе тѣла слагается исключительно изъ состояній покоя. Итакъ, рядъ состояній покоя вмѣстѣ образуютъ движеніе (сумма нѣсколькихъ, такъ сказать, нулей движенія даетъ нѣкоторую положительную величину) [3]).

---

[1]) См. А 27. Этому аргументу посвятилъ статью В. П. Сватковскій („Парадоксъ Зенона о летящей стрѣлѣ въ Ж. М. Н. Пр. 1888, апрѣль), который прилагаетъ къ своему изслѣдованію синоптическую таблицу всѣхъ относящихся сюда текстовъ.

[2]) Форма доказательства, предложенная Брошаромъ, предпочтительнѣе, такъ какъ при ней текстъ Аристотеля остается неприкосновеннымъ, между тѣмъ какъ общепринятая первая форма требуетъ внесенія въ текстъ поправокъ.

[3]) Этотъ нелѣпый выводъ устраняется, если вмѣстѣ съ Лейбницемъ считать покой лишь безконечно-малымъ движеніемъ.

Вторая форма. Летящая стрѣла покоится, такъ какъ она всегда находится въ одномъ какомъ-нибудь (настоящемъ каждый разъ) моментѣ времени. Моментъ времени недѣлимъ, и потому въ теченіе его стрѣла не можетъ измѣнить своего положенія: въ противномъ случаѣ, моментъ времени оказался бы раздѣленнымъ соотвѣтственно двумъ положеніямъ стрѣлы въ этотъ моментъ. А такъ какъ время состоитъ только изъ отдѣльныхъ моментовъ, то движущійся предметъ всегда находится въ покоѣ.

Аристотель ошибку этого доказательства видитъ въ допускаемой предпосылкѣ, что время слагается изъ отдѣльныхъ недѣлимыхъ моментовъ, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, время—величина непрерывная. Аристотелю возражаетъ П. Бейль, который излагаетъ аргументъ Зенона слѣдующимъ образомъ. Стрѣла заразъ и покоится и движется: въ каждый отдѣльный моментъ времени она покоится, въ нѣсколько же такихъ моментовъ она передвинулась. Слѣдовательно, движеніе противорѣчиво. Съ одной стороны, тѣло не можетъ одновременно находиться въ двухъ мѣстахъ; съ другой стороны, двѣ части времени не могутъ сосуществовать совмѣстно. Вся сила Зенонова доказательства въ правильномъ, по мнѣнію Бейля, положеніи, что нѣтъ ни малѣйшей части времени, которая могла бы сосущестовать съ другой его частью; отсюда-де слѣдуетъ, что время не можетъ быть дѣлимо до безконечности, но оно слагается изъ недѣлимыхъ моментовъ.

Съ иной, нежели Аристотель, точки зрѣнія возражаетъ Зенону Эвелленъ. Если пустого пространства не существуетъ, то элементарное движеніе должно сильно отличаться отъ видимаго нами эмпирическаго движенія. Движущееся тѣло не раньше уходитъ изъ одного пункта пространства и не затѣмъ прибываетъ въ слѣдующій пунктъ, но то и другое совершается одновременно безо всякаго промежутка времени между ними. При переходѣ съ одного мѣста на другое „уйти отсюда", „прибыть туда" и „находиться тамъ" суть лишь различныя обозначенія абсолютно одного и того же факта, а не различныхъ моментовъ его (поскольку, конечно, дѣло касается элементарнаго движенія). Для состоянія же покоя нужны, по крайней мѣрѣ, два момента пребыванія на одномъ мѣстѣ.

Интересное рѣшеніе проблемы предлагаетъ Дюрингъ. Слѣдуетъ отличать математическую точку, не имѣющую вовсе протяженія, отъ имѣющей измѣренія точки (въ несобственномъ смыслѣ слова) пространства; равнымъ образомъ необходимо отличать временную точку, какъ не имѣющую вовсе длительности границу времени, отъ весьма малой частицы времени. Наконецъ, должно отъ понятій покоя и движенія отличать нейтральное (индифферентное) состояніе. Точка *покоится*, если она въ теченіе нѣкотораго времени находится на одномъ и томъ же мѣстѣ. Покой есть *длящееся* пребываніе на одномъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ временная длительность является необходимой предпосылкой для понятія движенія (такъ какъ при движеніи точка занимаетъ различныя мѣста). Если же мы возьмемъ мгновенное состояніе тѣла, т. е. состояніе безвременное (безъ всякой дли-

тельности), то оно будетъ одинаковымъ какъ для движущейся, такъ и для покоющейся точки. Математической временной точкѣ соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленная ситуація и конфигурація всѣхъ точекъ пространства, находятся ли онѣ въ состояніи покоя или движенія (въ этомъ доказательство Зенона правильно). Это нейтральное состояніе имѣетъ всякая точка во всякое время, но это не есть нѣчто третье наряду съ состояніями покоя и движенія, но оно находится *надъ* ними или *въ* нихъ. Ошибка Зенона въ томъ, что онъ отожествляетъ это нейтральное состояніе съ покоемъ и считаетъ его несовмѣстимымъ съ движеніемъ.

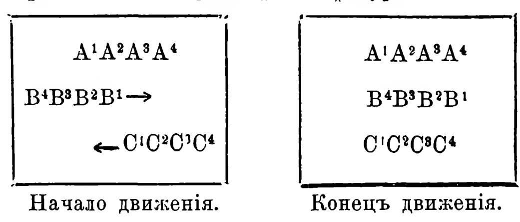
В. Сватковскій считаетъ неудовлетворительнымъ обычное пониманіе аргумента „стрѣлы", по которому здѣсь рѣчь идетъ о многихъ моментахъ времени: въ каждый отдѣльный моментъ стрѣла находится неподвижно на равномъ себѣ мѣстѣ, такъ какъ-де малѣйшее передвиженіе потребовало бы нѣкотораго перемѣщенія будущаго въ прошедшее (даннаго момента было бы уже недостаточно). По мнѣнію В. Сватковскаго, Зенонъ здѣсь не становится на общепринятую точку зрѣнія, но имѣетъ въ виду лишь *единый безвременный мигъ*, единое непрерывное настоящее элейской школы. Это настоящее *есть всегда*, и потому движущійся предметъ всегда неподвиженъ. Однако, если согласиться съ В. Сватковскимъ, то аргументъ Зенона не дастъ ничего новаго въ сравненіи съ тѣмъ отрицаніемъ движенія, которое находится въ поэмѣ Парменида.

Отмѣтимъ еще пониманіе аргумента, предлагаемое Гегелемъ. Летящая стрѣла находится всегда въ опредѣленномъ „*теперь*" и „*здѣсь*". „Теперь", какъ таковое, равно себѣ; равно себѣ также „здѣсь", какъ таковое. Если же во всѣхъ „теперь" (и во всѣхъ „здѣсь") нѣтъ никакого различія, то летящая стрѣла находится въ состояніи, чуждомъ различій, т. е. покоится.

Пятое возраженіе противъ движенія—„стадій" [1]). Съ противоположныхъ сторонъ движутся по параллельнымъ линіямъ съ равною скоростью равныя массы и проходятъ мимо неподвижной третьей массы такой же длины. Оказывается, что одна и та же точка, движущаяся съ одной и той же скоростью, пробѣгаетъ одно и то же разстояніе не въ одинаковое время, но и въ половинное время и въ двойное, смотря по тому, съ какого пункта мы будемъ наблюдать это движеніе. Такимъ образомъ получаемъ нелѣпое слѣдствіе: половина равна цѣлому. Т. Гомперцъ, переводя

---

[1]) См. А 28. Приводимъ для оріентировки фигуры:

Начало движенія. Конецъ движенія.

аргументъ на современный языкъ, излагаетъ его слѣдующимъ образомъ: „На трехъ параллельныхъ путяхъ находятся три поѣзда одинаковой длины. Первый (A) находится въ движенiи; второй (B) стоитъ неподвижно; третiй (C) движется въ противоположномъ направленiи съ такой же быстротой, какъ A. Ясно, что время, которое нужно A для того, чтобы дойти до конца B, будетъ вдвое длиннѣе по сравненiю съ тѣмъ, что ему нужно, чтобы дойти до конца одинаково длиннаго C". Конечный результатъ: „Движущаяся масса проходитъ одинъ и тотъ же путь и въ продолженiи всего, и въ продолженiи половины даннаго времени".

Противъ „стадiя" Аристотель возражаетъ, указывая на различiе единицы измѣренiя: одинъ разъ разстоянiе отмѣривается на покоющемся пространствѣ, другой разъ на движущемся. Во всякомъ случаѣ, аргументъ Зенона вскрываетъ относительность движенiя. Иначе представляется положенiе вещей, если смотрѣть на движенiе каждаго тѣла въ отдѣльности, и иначе, если наблюдать ихъ движенiя вмѣстѣ относительно другъ друга. Затрудненiе, которое вскрываетъ Зенонъ, было бы избѣгнуто, если бы наряду съ матерiей допустить существованiе пустого пространства и считать движенiе измѣненiемъ мѣста въ этомъ абсолютномъ пространствѣ (дефиницiя Ньютона): въ этомъ случаѣ величина пройденнаго разстоянiя не измѣрялась бы на тѣлахъ, мимо которыхъ прошло движущееся тѣло. Однако, Зенонъ могъ считать существованiе пустого абсолютнаго пространства опровергнутымъ въ данномъ имъ спецiальномъ аргументѣ противъ пространства [1]). Аргументъ „стадiй", по справедливому указанiю Шнейдера, показываетъ противорѣчiя чувственно воспринимаемаго движенiя (въ отличiе отъ предшествующихъ, гдѣ доказывалась невозможность движенiя для мысли).

Однако, „стадiй" можетъ доказывать невозможность движенiя и для мысли, если въ основанiе его положить предпосылку прерывности времени и пространства, состоящихъ изъ недѣлимыхъ единицъ. Такое пониманiе „стадiя" мы находимъ у Брошара и Таннери. Двѣ равныя серiи точекъ (соприкасающихся, но не сливающихся) движутся съ одинаковой скоростью навстрѣчу другъ другу, проходя мимо третьей равной имъ неподвижной серiи точекъ. Точки—абсолютные элементы пространства; моментъ—абсолютный элементъ времени. Допустимъ, что движенiе совершилось въ одинъ моментъ. Въ одно и то же время крайнiя точки каждой изъ движущихся серiй пройдутъ мимо всѣхъ точекъ другой движущейся серiи и въ то же время только мимо половины точекъ покоющейся серiи. Но если при одной и той же скорости времена движенiя должны быть пропорцiональны проходимымъ пространствамъ, то оказывается, что недѣлимый моментъ времени вдвое больше самого себя: онъ долженъ расшириться такъ, чтобы содержать въ себѣ два элемента того же измѣренiя. Такимъ образомъ моментъ, предположенный недѣлимымъ, оказывается дѣлимымъ.

---

[1]) См. B. Petronievics, ц. с., стр. 71.

По мнѣнію Таннери, „стадій“ имѣетъ въ виду противника, утверждающаго, что „моментъ соотвѣтствуетъ не опредѣленному положенію стрѣлы, по переходу отъ каждаго даннаго положенія къ слѣдующему“. Зенонъ возражаетъ, что, если при переходѣ изъ одного положенія въ другое всегда проходитъ моментъ, а всѣ моменты равны между собой, то не можетъ быть двойной скорости. Однако, примѣръ „стадія“ показываетъ, что необходимо или допустить существованіе двойной скорости или признать, что половина можетъ быть равна цѣлому. Конечный результатъ: переходъ отъ точки къ точкѣ не можетъ соотвѣтствовать моменту. Толкованіе „стадія“ у Таннери интересно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ несостоятельность данной Т. Гомперцомъ критики „стрѣлы“. А именно, послѣдній возражаетъ Зенону: „Постоянно движущееся тѣло занимаетъ и въ самую малѣйшую частицу времени не одну часть пространства—оно находится въ постоянномъ передвиженіи отъ одной части пространства къ другой“.

Эвелленъ открываетъ въ примѣрѣ „стадія“ еще слѣдующее противорѣчіе между чувственнымъ созерцаніемъ и мышленіемъ. Точка B^1 нашего рисунка, находившаяся влѣво отъ точки C^1, послѣ движенія очутилась вправо отъ нея. Такъ какъ движеніе совершилось въ одинъ недѣлимый моментъ, то, хотя при сравненіи прежняго и новаго положенія этихъ точекъ видно, что произошло ихъ перекрещиваніе, однако, *встрѣча ихъ не могла произойти ни въ какое время и ни въ какомъ мѣстѣ.* Онѣ прошли мимо другъ друга, но для ихъ встрѣчи не оказывается мѣста ни въ пространствѣ, ни во времени.

Связь между четырьмя аргументами противъ движенія устанавливаютъ Ренувье [1]) и Брошаръ [2]). „Дихотомія“, „Ахиллесъ“, „стрѣла“ и „стадій“ образуютъ слѣдующую дилемму. Если время и пространство имѣютъ части, то одно изъ двухъ: или эти части дѣлимы до безконечности, или онѣ состоятъ изъ недѣлимыхъ элементовъ. „Дихотомія“ и „Ахиллесъ“ исходятъ изъ предположенія, что пространство и время дѣлимы до безконечности, и опровергаютъ его выведеніемъ изъ него нелѣпыхъ слѣдствій; „стрѣла“ и „стадій“ исходятъ изъ предположенія, что пространство и время состоятъ изъ недѣлимыхъ элементовъ и равнымъ образомъ доказываютъ несостоятельность этого предположенія. Эти четыре аргумента образуютъ симметрическую систему: I и IV разсматриваютъ движеніе въ данныхъ границахъ, II и III—безъ нихъ; I и III ставятъ задачу осуществленія движенія для одного тѣла и находятъ, что даже начало движенія невозможно; II и IV сравниваютъ два движущихся тѣла и доказываютъ, что, если бы даже движеніе началось, оно не могло бы продолжаться. I и II устанавливаютъ невозможность движенія вслѣдствіе природы про-

---

[2]) Renouvier. Logique, p. 67.

[1]) Brochard. Les arguments de Zénon d'Elée contre le mouvement (Etudes de philos. ancienne, p. 4—5).

странства, которое предполагается непрерывнымъ наравнѣ съ временемъ; въ III и IV невозможность движенія доказывается на основаніи природы времени, которое предполагается прерывнымъ наравнѣ съ пространствомъ. Наконецъ, второй аргументъ покоится на томъ же принципѣ, что и первый; а четвертый—на одномъ принципѣ съ третьимъ. Аргументы расположены въ логическомъ порядкѣ: наиболѣе простые раньше, болѣе сложные за простѣйшими.

Также Дж. Бернетъ находитъ въ каждомъ послѣдующемъ аргументѣ усложненіе предыдущаго: въ „Ахиллесѣ" усложнена „дихотомія" введеніемъ другого движущагося объекта; дальнѣйшее усложненіе представляетъ стрѣла: движущійся предметъ разсматривается, какъ имѣющій длину; „стадій"—усложненіе „стрѣлы": вводится вторая движущаяся линія.

П. Таннери также находитъ связь между четырьмя аргументами Зенона о движеніи: они, по его мнѣнію, образуютъ двойную дилемму [1]).

Обратимся теперь къ математической сторонѣ вопросовъ, поднятыхъ аргументами Зенона противъ движенія. Б. Рессель [2]) переводитъ доказательства Зенона на языкъ ариѳметики. *Дихотомія:* Нѣтъ движенія, такъ какъ движущійся предметъ долженъ постоянно (безконечное число разъ) достигать половины своего пути, прежде чѣмъ достигнетъ конца. На ариѳметическомъ языкѣ это значитъ: числа отъ 0 до 1 предполагаютъ числа отъ 0 до $^1/_2$, послѣднія предполагаютъ числа отъ 0 до $^1/_4$ и т. д. (безконечный прогрессъ въ понятіи безконечнаго цѣлаго). Рѣшеніе проблемы Рессель находитъ въ различеніи или двухъ видовъ безконечнаго регресса или двухъ видовъ цѣлаго, въ одномъ изъ которыхъ части одинаковой сложности съ цѣлымъ не имѣютъ логическаго пріоритета передъ цѣлымъ. *Ахиллесъ:* Проблема, поднимаемая этимъ аргументомъ съ ариѳметической точки зрѣнія сводится къ взаимному отношенію двухъ безконечныхъ классовъ. Напримѣръ, возьмемъ $1+2x$ и $2+x$, и допустимъ, что x лежитъ между 0 и 1. Для каждаго значенія $1+2x$ есть одно и только одно значеніе $2+x$ и vice versa. Когда x возрастетъ отъ 0 до 1, тогда оба эти значенія сравняются. Однако, $1+2x$ отправляется отъ 1 и кончается 3, между тѣмъ какъ $2+x$ начинается 2-мя и кончается 3.

„Ахиллесъ" затрагиваетъ и другую интересную математическую проблему: вопросъ объ однородности (similarity) цѣлаго и части. Если здравый смыслъ (common-sense) не можетъ допустить возможности того, чтобы цѣлое и часть могли имѣть одно и то же число терминовъ, то „Ахиллесъ" Зенона доказываетъ, что противоположная точка зрѣнія также приводитъ къ слѣдствіямъ, непріемлемымъ для здраваго смысла. Здравый смыслъ оказывается въ весьма плачевномъ состояніи: ему приходится выбирать между парадоксомъ Зенона и парадоксомъ Кантора, между

---

[1]) Проведеніе этой точки зрѣнія у Таннери см. стр. 246—247 р. п. его основной работы.

[2]) B. Russel. The principles of mathematics, v. I, 1903, стр. 347 слѣд.

„Ахиллесомъ“ и „Тристрамомъ Шенди“ (Tristram Shandy) [1]). Тристрамъ Шенди потратилъ два года своей жизни на написаніе исторіи двухъ первыхъ дней своей жизни и горевалъ, что при такой скорости матеріалъ будетъ накопляться быстрѣе, нежели онъ будетъ въ состояніи его погашать. Такимъ образомъ біографія никогда не придетъ къ концу. Однако, если предположимъ, что Тристрамъ Шенди будетъ жить вѣчно, что жизнь его будетъ столь же богата приключеніями и онъ будетъ постоянно писать свою автобіографію, то ни одна часть послѣдней не останется не написанной: въ самомъ дѣлѣ, въ одинъ годъ онъ описываетъ событія одного дня; событія n-аго дня будутъ написаны въ n-ый годъ; какъ описываемые дни, такъ и соотвѣтствующіе имъ годы писанія автобіографіи никогда не прекращаются; слѣдовательно, ни одна часть біографіи не останется не написанной. Такимъ образомъ „Ахиллесъ“ полагаетъ, что цѣлое и часть не могутъ быть однородными (similar), „Тристрамъ Шенди“ признаетъ цѣлое и часть однородными. Съ ариѳметической точки зрѣнія „Ахиллесъ“ долженъ быть отвергнутъ, „Тристрамъ Шенди“ принятъ. Указанная однородность (similarity) невозможна для *конечнаго* цѣлаго: числа въ обыденной жизни показываютъ невозможность однородности цѣлаго и части; однако, это не доказательно для безконечныхъ цѣлыхъ. *Стрѣла*: этотъ аргументъ съ математической точки зрѣнія выражаетъ очень важную истину, а именно, что „всякое возможное значеніе перемѣнной есть константъ (постоянное)“. Если x перемѣнная величина, которая можетъ принимать всѣ значенія отъ 0 до 1, то всѣ значенія, какія только она можетъ имѣть, суть опредѣленныя числа, какъ, напримѣръ, $^1/_2$ или $^1/_3$, которыя всѣ представляютъ собой абсолютные константы. *Стадій:* этотъ аргументъ, касающійся проблемы измѣренія и исходящій изъ представле-

[1]) „Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди“, соч. Стерна, 6 томовъ (рус. пер. 1804—1807). Шанди описываетъ всѣ событія своей жизни, даже самыя незначительныя. Жизнь его весьма богата разными приключеніями, преимущественно несчастными. Со дня рожденія онъ „не переставалъ быть игрушкой той женщины, которую свѣтъ называетъ фортуною“: на всякомъ шагу жизни эта неумолимая богиня не перестаетъ дарить его „такими горестными приключеніями, такими странными случаями, какихъ другой не переносилъ за всю свою жизнь“. Несчастія преслѣдуютъ его, еще до появленія его на свѣтъ. Во время зачатія глубокомысленныя думы его отца прервала жена вопросомъ: „Не забылъ ли ты завести часовъ?“ и это отразилось пагубно на зародышѣ. Весь первый томъ посвященъ событіямъ до вступленія въ свѣтъ Ш., второй томъ описываетъ цѣлый рядъ приключеній, сопровождавшихъ актъ рожденія (ребенокъ родился съ изуродованнымъ носомъ), въ третьемъ томѣ описывается крещеніе (отецъ хотѣлъ дать ему имя Трисмегистъ, но священникъ по ошибкѣ назвалъ его Тристрамомъ,—именемъ, къ которому отецъ его питалъ наибольшее отвращеніе изъ всѣхъ именъ). Ш. излагаетъ свою жизнь весьма обстоятельно. „Историкъ не можетъ, говоритъ онъ, такъ гнать свою исторію, какъ извозчикъ гонитъ лошадей—все впередъ... Историкъ вынужденъ разъ пятьдесятъ сворачивать съ прямой дороги за тѣмъ или за другимъ, чего ни подъ какимъ видомъ пропустить нельзя... Что до меня касается, то я объявляю, что сижу надъ этимъ шесть недѣль, спѣшу изо всей мочи—а еще по сю пору не родился“...

нія трехъ сложенныхъ изъ точекъ параллельныхъ линій, изъ которыхъ одна остается на мѣстѣ, а двѣ другія передвинулись одновременно въ одинъ недѣлимый моментъ, Рессель считаетъ совершенно основательнымъ съ чисто ариѳметической точки зрѣнія (пока не включается никакой эмпирическій вопросъ); но въ геометріи, кинематикѣ и динамикѣ этотъ аргументъ получаетъ иную оцѣнку.

Математики обычно опровергаютъ Зенонову „дихотомію", доказывая, что сумма безконечнаго ряда дробей $\frac{1}{2}+\frac{1}{4}+\frac{1}{8}+\ldots$ не превышаетъ конечной величины 1; „Ахиллесъ" же опровергается у нихъ точнымъ вычисленіемъ времени, когда Ахиллесъ нагонитъ черепаху [1]). Однако, какъ указалъ Брошаръ, этотъ способъ опроверженія, усвоенный математиками, начиная съ Декарта, заключаетъ въ себѣ логическую ошибку *μετάϑεσις εἰς ἄλλο γένος*: рѣшается иная проблема, а не та, которая поставлена. А именно, спрашивается, *какимъ образомъ* безконечный рядъ $\frac{1}{2}+\frac{1}{4}+\frac{1}{8}+\ldots$ достигаетъ конечной величины 1 и *какимъ образомъ* разстояніе между черепахой и Ахиллесомъ становится равнымъ нулю.

По господствующему въ исторической литературѣ мнѣнію, аргументы Зенона были направлены противъ убѣжденія всѣхъ смертныхъ въ реальности движенія и множественности вещей. Противъ этого мнѣнія выступилъ П. Таннери, который полагаетъ, что аргументы Зенона были направлены только противъ пиѳагорейцевъ. Парменидово ученіе объ единствѣ, сплошности и неподвижности вселенной противорѣчило пиѳагорейскому ученію, по которому точка есть единица пространства. Геометрическое тѣло, учили пиѳагорейцы, есть сумма точекъ (равнымъ образомъ и физическое тѣло, такъ какъ въ то время еще не дѣлали различія между геометрическимъ и физическимъ тѣлами). Зенонъ даетъ этому пиѳагорейскому ученію формулировку: „вещи суть множественность" и опровергаетъ его. „Объясненные въ этомъ смыслѣ аргументы Зенона, даже тѣ, въ которыхъ видятъ простые паралогизмы, являются ясными, убѣдительными и неопровержимыми", говоритъ Таннери.

Мильо (Milhaud) и Боймкеръ, слѣдуя Таннери, также видятъ въ доказательствахъ Зенона критику пиѳагорейскаго ученія, по которому тѣло состоитъ изъ точекъ, и съ этой точки зрѣнія признаютъ цѣнность всѣхъ аргументовъ Зенона (они превосходно выполняютъ свое назначеніе, которымъ является опроверженіе пиѳагореизма). Къ этому мнѣнію присоединяется и Т. Гомперцъ (стр. 177), который, отмѣчая возникшій въ пиѳагорейскихъ кругахъ взглядъ, что „дѣлимости матеріи не преступить

---

[1]) Геометрическая прогрессія $a(1+\frac{1}{n}+\frac{1}{n^2}+\frac{1}{n^3}+\ldots)$, гдѣ a есть первоначальное разстояніе между Ахиллесомъ и черепахой и n отношеніе ихъ скоростей, не превышаетъ конечной величины, если n больше 1.

нѣкоторой, хотя и очень отдаленной границы: дальнѣйшему безконечному дѣленію препятствуютъ мельчайшія зерна, которыя по величинѣ можно сравнить съ концомъ иглы или съ солнечной пылью", прибавляетъ: „Неоспоримая заслуга Зенона заключается въ томъ, что онъ указалъ на противорѣчивость этого представленія". Мнѣніе Таннери раздѣляетъ также Дж. Бернетъ (стр. 362), который изображаетъ историческую позицію Зенона слѣдующимъ образомъ: сперва выступаетъ Парменидъ, затѣмъ его противники пиѳагорейцы - плюралисты, утверждающіе, что пространство (и тѣло) состоитъ изъ раздѣльныхъ единицъ, наконецъ, Зенонъ, дающій критику этого плюралистическаго ученія. Противъ мнѣнія Таннери, Мильо, Боймкера, Т. Гомперца и Дж. Бернета дѣлаетъ возраженіе Брошаръ (стр. 19 ц. с.), обращающій вниманіе на то, что Платонъ [1]) противополагаетъ элейское ученіе не пиѳагорейскому, но іонійскимъ и сицилійскимъ музамъ (т. е. Гераклиту и Эмпедоклу). И дѣйствительно, мы имѣемъ идущее отъ древности сообщеніе, что Зенонъ написалъ сочиненіе, посвященное Эмпедоклу, которое, по мнѣнію Г. Дильса, должно было быть полемическаго содержанія. Сверхъ того, безконечная дѣлимость пространства, задѣваемая критикой Зенона, скорѣе всего можетъ быть поставлена въ связь съ ученіемъ Анаксагора [2]). Наконецъ, высказывался взглядъ, что аргументы Зенона были направлены противъ Левкиппа. Несомнѣнно, что аргументы Зенона различными своими сторонами не могли не коснуться всѣхъ современныхъ имъ ученій и не могли не повліять на послѣдующія философскія построенія. Мы не видимъ необходимости ставить эти аргументы въ исключительную связь съ пиѳагорейскимъ атомизмомъ [3]); какъ показываетъ уже самое число аргументовъ Зенона (до 50, изъ которыхъ до насъ дошло около 10,—вѣроятно, тѣ, которые показались наиболѣе значительными Аристотелю и Симплицію), они должны были имѣть въ виду всѣхъ возможныхъ противниковъ не только существующихъ, но и мыслимыхъ (согласно завѣщанію Парменида. см. 18 В 8, 61). Мы полагаемъ, что аргументы Зенона, будучи всѣ объединены одной цѣлью—защитить ученіе Парменида, были направлены противъ различныхъ противниковъ этого ученія: они опровергали какъ обыденный взглядъ на міръ, основанный на показаніяхъ внѣшнихъ чувствъ, такъ и современныя Зенону философскія ученія (въ частности пиѳагорейскій атомизмъ); сверхъ того, вѣроятно, Зенонъ въ силу своего діалектическаго таланта самъ строилъ мыслимыя возраженія, отыскивалъ воображаемыхъ противниковъ

---

[1]) „Софистъ" 242 d.

[2]) Взглядъ Штальбаума, высказанный имъ въ изданіи Платоновскаго „Парменида", стр. 25 сл.

[3]) Генетической связи элеатизма съ пиѳагореизмомъ, конечно, отрицать нельзя; самъ Парменидъ первоначально былъ пиѳагорейцемъ и на элейскую школу въ древности смотрѣли, какъ на вѣтвь пиѳагорейскаго союза (Страбонъ). Въ извѣстномъ смыслѣ элейская школа является сектой, отдѣлившейся отъ пиѳагореизма. См. J. Burnet, стр. 358.

(можетъ быть, такимъ путемъ имъ были предвосхищены предпосылки міровоззрѣній Анаксагора и Левкиппа).

Если по мнѣнію Таннери, Зенонъ доказывалъ, „что тѣло не есть сумма точекъ, что время не есть сумма моментовъ, что движеніе не есть сумма простыхъ переходовъ отъ точки къ точкѣ“ (стр. 248), то по мнѣнію Эвеллена, аргументы Зенона, напротивъ, доказываютъ несуществованіе непрерывныхъ величинъ. Брошаръ полагаетъ, что доказательства Зенона были направлены не противъ существованія, но противъ состава непрерывной величины: существуютъ лишь непрерывныя величины, но онѣ—такого рода, что исключаютъ всякую множественность; число для Зенона есть „чистая видимость и иллюзія“ (pure apparence et illusion), оно должно быть изгнано изъ подлинной науки.

Однако, разрушая понятіе числа (единства, множества, безконечности), діалектика Зенона устремляется затѣмъ на основныя геометрическія понятія (пространство и точка) и далѣе на главныя понятія физики (матерія, время, движеніе, скорость), и повсюду эта діалектика дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ. Она разрушаетъ понятіе матеріи, доказывая, что матерія не состоитъ ни изъ математическихъ точекъ, ни изъ физическихъ, ни изъ частей, дѣлимыхъ до безконечности (нѣсколько нулей пространства не составятъ пространства, слѣдовательно, математическія точки не образуютъ матеріи; дѣлимость до безконечности дѣлаетъ часть равной цѣлому; физическія точки—атомы заключаютъ въ себѣ противорѣчіе: съ одной стороны, онѣ имѣютъ протяженіе, а именно, верхъ и низъ, правую и лѣвую сторону и потому дѣлимы до безконечности, съ другой стороны, ставится требованіе мыслить ихъ недѣлимыми (то-есть, въ понятіи атома мы должны мыслить недѣлимой дѣлимую до безконечности величину). То, во имя чего производитъ свою разрушительную работу діалектика Зенона,—непрерывная матерія, чуждая какой бы то ни было множественности и потому исключающая всякую дѣлимость, является понятіемъ, которому приходится отказать въ логической ясности.

По мнѣнію Таннери (стр. 237), Зенонъ „вовсе не отрицалъ движенія, но лишь доказывалъ несовмѣстимость его со множественностью вещей“. Однако, знаменитое возраженіе циниковъ на аргументы Зенона доказываетъ, что въ древности эти аргументы понимались именно въ смыслѣ отрицанія возможности движенія вообще. Извѣстно, что, выслушавъ аргументы Зенона противъ движенія, Антисѳенъ, не сказавъ ни слова, поднялся и *сталъ ходить* (см. А 15). Въ сущности, возраженіе циниковъ считаетъ правильнымъ П. Дейссенъ (ц. с., стр. 88 слѣд.), такъ какъ онъ полагаетъ, что аргументы Зенона покоятся на разногласіи, существующемъ между мышленіемъ и чувственнымъ созерцаніемъ. А именно, по мнѣнію П. Дейссена, Зенонъ злоупотребляетъ мышленіемъ въ ущербъ правамъ чувственнаго созерцанія: дѣйствительность, данная намъ въ созерцаніи, непрерывна (continuum), между тѣмъ какъ мышленіе разрываетъ эту дѣйствительность, проводя въ послѣдней чуждыя ей границы; время и про-

странство—непрерывныя величины и только мышленіе дѣлаетъ ихъ суммой отдѣльныхъ моментовъ и точекъ; суть вопроса въ томъ, что мышленіе является несовершеннымъ орудіемъ для пониманія дѣйствительности. Наилучшимъ опроверженіемъ взгляда П. Дейссена могутъ служить работы математика Г. Кантора, который показалъ, что понятіе непрерывной величины можетъ быть построено независимо отъ данныхъ намъ въ чувственной интуиціи времени и пространства, что, отправляясь отъ понятія прерывной величины, можно при помощи чистой логической конструкціи достигнуть понятія непрерывной величины [1]). Непрерывная величина не является чѣмъ-то недоступнымъ нашему мышленію. Тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, существуетъ глубокое различіе между математическимъ (абсолютно однороднымъ) пространствомъ и пространствомъ психологическимъ (эмпирическимъ), но это различіе иного рода и этотъ вопросъ у Зенона еще не затронутъ [2]).

Общее историческое значеніе Зенона заключается въ его громадномъ вліяніи на развитіе греческой математики [3]), въ его критикѣ понятія матеріи, которая подготовила позже возникшій идеализмъ, и въ его діалектическомъ методѣ, проложившемъ путь позднѣйшей софистикѣ [4]). Самъ Зенонъ не былъ ни математикомъ, ни физикомъ-идеалистомъ, ни софистомъ, но онъ далъ сильнѣйшій толчокъ развитію основныхъ математическихъ и физическихъ понятій, а также сильно способствовалъ возникновенію идеалистическаго міровоззрѣнія и софистическихъ пріемовъ (особенно его вліяніе сказалось на Горгіи).

Свида (см. А 2) приписываетъ Зенону нѣсколько сочиненій: „Споры“, „Изъясненіе ученій Эмпедокла“ (не экзегетическаго, но полемическаго содержанія, по мнѣнію Г. Дильса), „Противъ философовъ“ [5]) и „О природѣ“. Діогенъ (см. А 14) говоритъ, будто Зенонъ первый сталъ писать діалоги. Полагая, что Зенонъ писалъ въ діалогической формѣ, Таннери считаетъ

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ P. Tannery. Le concept scientifique du continu. Zénon d'Élée et Georg Cantor (Revue philosophique, XX, 1885).

[2]) Выясненію этого различія посвящены статьи Э. Маха: „Пространство физіологическое и метрическое“ (въ „Познаніи и заблужденіи“), „Біологически-телеологическій взглядъ на пространство“ (въ „Анализѣ ощущеній“) и нѣкоторыя другія. Э. Махъ показываетъ, какъ сильно пространство нашего чувственнаго воззрѣнія (система нашихъ пространственныхъ ощущеній) отличается отъ абстрактнаго пространства эвклидовой геометріи, которое имѣетъ повсюду во всѣхъ мѣстахъ и по всѣмъ направленіямъ одни и тѣ же свойства, безпредѣльно и безконечно.

[3]) H. Hankel. Zur Geschichte d. Mathematik 1874, стр. 117. M. Cantor. Vorlesungen über Geschichte d. Mathematik, стр. 168—170. П. Таннери, р. п., стр. 236.

[4]) Въ самомъ дѣлѣ, та характеристика метода Зенона, которую даетъ Платонъ въ „Федрѣ“ (Phaedr. 216 D, см. А 13), можетъ безъ всякихъ измѣненій служить выраженіемъ сущности метода софистовъ. Псевдо-Галенъ считаетъ Зенона скептикомъ и эристикомъ. Также пирроновцы признавали Зенона скептикомъ (см. В 4).

[5]) Т. е. противъ пиѳагорейцевъ, по мнѣнію Дж. Бернета.

дошедшіе до насъ отрывки неподлинными (такъ какъ въ нихъ не сохранилось слѣда діалогической формы).

Аристотель написалъ специальное сочиненіе: „Противъ ученій Зенона"; посвятилъ также Зенону книгу Гераклидъ Понтійскій.

Изъ философскихъ системъ новаго времени любопытныя параллели аргументамъ Зенона представляютъ, съ одной стороны, космологическія антиноміи Канта (а именно, двѣ первыя, математическія антиноміи) и ученіе Ренувье объ антиномической формѣ категорій [1]), съ другой стороны, системы Тренделенбурга и Бергсона, которыя обѣ построены на принципѣ движенія, но самое движеніе считаютъ не поддающимся опредѣленію. Тренделенбургъ говоритъ, что „движеніе можно только созерцать и указывать, а отнюдь не истолковывать и не опредѣлять" [2]) и вслѣдствіе простоты движенія считаетъ ошибочными „всѣ попытки поставить пространство и время независимо, какъ моменты, предшествующіе движенію и его обусловливающіе". Пространство и время „выдѣляются и для представленія только изъ движенія, какъ изъ общаго своего источника". Ошибку аргументовъ Зенона [3]) онъ видитъ въ томъ, что въ нихъ нарушено данное въ созерцаніи движенія единство времени и пространства и они противопоставлены враждебно другъ другу, какъ совсѣмъ чуждые между собой элементы. Бергсонъ даетъ остроумную критику аргументовъ Зенона противъ движенія съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ своей философіи. Сущность ошибки, допущенной въ нихъ, онъ видитъ въ томъ, что дѣлимость пути движенія переносится на самое движеніе. Аргументы Зенона предполагаютъ, что то, что вѣрно относительно пути, вѣрно и относительно самого движенія. „Такъ, напримѣръ, линія можетъ быть подраздѣлена на сколько угодно частей какой угодно величины, и все же это будетъ одна и та же линія. Отсюда дѣлается выводъ, что мы имѣемъ право, когда угодно, расчленять движеніе, и все же это будетъ то же самое движеніе. Такимъ образомъ получается рядъ нелѣпостей, вытекающихъ изъ одной и той же основной нелѣпости... Когда Ахиллесъ гонится за черепахой, то каждый его шагъ долженъ разсматриваться, какъ нѣчто нераздѣльное. То же самое относится и къ шагу черепахи. Это совершенно очевидно. Если вы хотите далѣе подраздѣлить оба эти движенія, то различите въ пути Ахилла и въ пути черепахи *меньшія части* шага каждаго изъ нихъ, но непремѣнно считайтесь съ естественнымъ единствомъ обоихъ путей... Пріемъ Зенона состоитъ въ томъ, что движенія Ахилла составляются по другому, произвольно выбранному закону" [4]). Итакъ, Бергсонъ видитъ общую ошибку всѣхъ аргументовъ Зенона въ томъ, что „движеніе накладывается на свою

---

[1]) Ch. Renouvier. Essais de critique générale, I essai 1854, таблица на стр. 104 и резюме на стр. 273.

[2]) А. Тренделенбургъ. Логическія изслѣдованія, I часть, стр. 137 р. п.

[3]) Тамъ же, стр. 196—200.

[4]) А. Бергсонъ. Творческая эволюція, II изд. р. п., стр. 276—277.

траекторію и произвольно разлагается на части подобно ей". „Въ сущности, говоритъ онъ, ошибка объясняется тѣмъ, что *однажды выполненное* движеніе оставило на своемъ пути неподвижную траекторію, на которой можно насчитать сколько угодно неподвижныхъ точекъ. А отсюда дѣлается выводъ, что и совершающееся движеніе въ каждый моментъ оставляетъ за собой нѣкоторое положеніе, съ которымъ оно совпадало. При этомъ упускается изъ виду, что траекторія создается однимъ ударомъ, хотя для этого, конечно, нужно извѣстное время; что если однажды созданную траекторію можно подраздѣлять на какія угодно части, то никакъ нельзя подраздѣлять самый процессъ ея созданія, такъ какъ это именно—процессъ, а не предметъ. Предполагать же, что движущееся тѣло *находится* въ какой-либо точкѣ своего пути, это значитъ разрѣзать путь на двѣ части и замѣнить двумя траекторіями ту единую траекторію, которая разсматривалась спачала. Это значитъ различать два послѣдовательныхъ акта тамъ, гдѣ по предположенію имѣется только одинъ. Наконецъ, это значитъ переносить на самый полетъ стрѣлы все то, что относится къ пройденному ею промежутку, то есть a priori допустить ту нелѣпость, что движеніе совпадаетъ съ неподвижными состояніями" [1]).

Въ заключеніе лишь упомянемъ о той роли, какую играетъ проблема отношенія между непрерывнымъ и прерывнымъ въ міровоззрѣніи Г. Геффдинга (въ гносеологической, психологической, космологической и этически-религіозной областяхъ) [2]).

А. Жизнь и ученіе.

Жизнь.

1. *Діогенъ IX 25 слѣд.* (25) Элеецъ Зенонъ. Аполлодоръ въ „Хроникахъ" говоритъ, что онъ—родной сынъ Телевтагора, усыновленный Парменидомъ (Парменидъ же—сынъ Пирета). О немъ и Мелиссѣ Тимонъ говоритъ слѣдующее:

> „Великая, неистощимая сила двуязычнаго Зенона, порицателя всѣхъ, и Мелиссъ возвышаются надъ многими призраками и только немногимъ (изъ нихъ) подчиняются".

Итакъ, Зенонъ былъ ученикомъ Парменида и предметомъ его любви. Онъ былъ высокаго роста, какъ говоритъ Платонъ въ „Парменидѣ" *(127 B; срв. A 11)*. Онъ же въ „Софистѣ" *(p. 215 A)* [и въ „Федрѣ" онъ упоминаетъ его *(p. 261 D)*] называетъ его элейскимъ Паламедомъ. Аристо-

[1]) Тамъ же.

[2]) Г. Геффдингъ. Философскія проблемы.

тель же *(fr. 65; срв. A 10)* говоритъ, что онъ былъ изобрѣтателемъ діалектики, подобно тому какъ Эмпедоклъ—реторики.

(*26*) Онъ былъ мужемъ весьма выдающимся и въ философіи и въ государственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что его книги полны большой учености. Когда онъ возымѣлъ намѣреніе свергнуть тиранна Неарха (согласно другимъ, Діомедона), то былъ схваченъ, какъ сообщаетъ Гераклитъ въ „Сокращеніи Сатира". Тогда на допросѣ относительно соучастниковъ и оружія, привезеннаго имъ въ Липару, онъ указалъ на всѣхъ друзей тиранна, желая, чтобы тотъ лишился (всѣхъ ихъ). Затѣмъ онъ сказалъ, что имѣетъ нѣчто сказать ему на ухо относительно нѣкоторыхъ (изъ нихъ), и, вцѣпившись въ ухо зубами, не отпустилъ до тѣхъ поръ, пока его не закололи; (такимъ образомъ) онъ подвергся той же участи, что и тираннoубійца Аристогитонъ.

(*27*) Димитрій же въ „Омонимахъ" говоритъ, что онъ откусилъ (царю) носъ. Антисѳенъ же въ „Смѣнахъ" говоритъ, что послѣ того какъ онъ указалъ друзей тираннъ спросилъ, нѣтъ ли еще кого-нибудь, онъ же сказалъ: „Ты—государственный преступникъ", и, обратившись къ присутствовавшимъ, промолвилъ: „Удивляюсь я вашей трусости, если вы служите тиранну изъ страха подвергнуться тому, что я нынѣ терплю", и, наконецъ, откусивъ (свой) языкъ, выплюнулъ его (въ лицо) тиранну; поощренные же (этимъ поступкомъ) граждане тотчасъ побили тиранна камнями. Почти то же самое болтаетъ большинство (авторовъ). Гермиппъ же говоритъ, что онъ былъ брошенъ въ ступу и изрубленъ на мелкія части (*срв. 59 A 13*).

(*28*) И на него мы сказали такъ *(Слѣдуетъ эпиграмма Діогена).*

И въ остальныхъ отношеніяхъ Зенонъ былъ хорошъ, но притомъ онъ, подобно Гераклиту, презиралъ (все) болѣе значительное. И въ самомъ дѣлѣ, свой родной городъ, бывшій фокейской колоніей, называвшійся сначала Гіэлой, а позже Элеей, городъ ничтожный, умѣвшій лишь воспитывать хорошихъ мужей, онъ предпочиталъ надменнымъ Аѳинамъ. Онъ ни разу не бывалъ у аѳинянъ, но жилъ на родинѣ. *(29)* Онъ первый выступилъ съ разсужденіемъ, которое называется Ахиллесомъ. Впрочемъ, Фаворинъ говоритъ *(ср. выше стр. 21)*, что Парменидъ и многіе другіе (раньше его).

Мнѣнія же его таковы [1]). Существуютъ міры и нѣтъ пустоты. Природа всѣхъ (вещей) произошла изъ теплаго, холоднаго, сухого и влажнаго, когда они стали переходить одно въ другое. Люди произошли изъ земли; душа есть смѣсь изъ вышеупомянутыхъ (элементовъ) такого рода, что ни одинъ изъ нихъ не преобладаетъ. Передаютъ, что, когда его бра-

---

[1]) Приводимыя далѣе мнѣнія принадлежатъ, вѣроятно, Эмпедоклу; къ послѣднему относится и приводимое здѣсь изреченіе, какъ видно изъ 21 A 20. Если эти мнѣнія дѣйствительно принадлежали Зенону, то они свидѣтельствуютъ, что Зенонъ такъ же, какъ Парменидъ, счелъ нужнымъ дать и „мнимое ученіе" (δόξα).

нили, онъ обнаружилъ недовольство; когда же кто-то поставилъ ему это въ вину, онъ сказалъ: „Если брань меня не тронетъ, то и похвалъ я не почувствую".

О томъ, что было восемь (извѣстныхъ) лицъ, носившихъ имя Зенона, объ этомъ мы сказали, когда говорили о Зенонѣ Китійскомъ *(VII 35)*. Акме нашего (Зенона) пришлось на (семьдесятъ) девятую олимпіаду *(464—461)*.

2. Свида. Зенонъ, сынъ Телевтагора, элейскій философъ изъ числа близкихъ по времени къ Пиѳагору и Демокриту, ибо онъ жилъ въ 78 олимпіаду *(468—465)*, ученикъ Ксенофана или Парменида. Онъ написалъ (слѣдующія сочиненія): „Споры", „Изъясненіе ученій Эмпедокла" [1]), „Противъ философовъ", „О природѣ" *(изъ Гезихія)*.

3. Евсевій Chron. къ олимпіадѣ 81, 1—3 (456—454) Было акме Зенона и Гераклита Темнаго. *Срв. 18 A 11 и 29 A 1a.*

4. (Платонъ) Алкивіадъ I p. 119 A А изъ остальныхъ аѳинянъ или чужеземцевъ укажи раба или свободнаго, который бы сталъ мудрѣе благодаря общенію съ Перикломъ, подобно тому какъ я *(Сократъ)* могу тебѣ назвать Паѳодора, сына Исолоха *(къ 18 A 5)*, и Каллія, сына Калліада, которые оба стали мудрыми и славными благодаря общенію съ Зенономъ, за что заплатили ему по сто минъ (каждый).

Схоліи къ этому мѣсту. Элеецъ Зенонъ, ученикъ Парменида, философъ, занимавшійся изслѣдованіемъ природы. и государственный мужъ въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Поэтому-то онъ и сравнивается съ Перикломъ, мнимымъ государственнымъ мужемъ. Его слышалъ Пиѳодоръ, который удостоенъ упоминанія также въ „Парменидѣ" въ качествѣ лица, сообщившаго Антифону содержаніе извѣстной бесѣды; у него-то научившись сталъ Кефалъ Клазоменскій учителемъ (другихъ).

Плутархъ Pericl. 4, 3 Периклъ слушалъ также элейца Зенона, занимавшагося, подобно Пармениду, изученіемъ природы и выработавшаго (въ себѣ) нѣкоторую способность опровергать (противника) и посредствомъ возраженій ставить его въ затруднительное положеніе. *Срв. 18 A 12.*

5. Аристотель Rhet. A 12. 1372 b 3 И, напротивъ, тѣ, для которыхъ несправедливые поступки въ нѣкоторомъ родѣ похвальны, оставляются безъ защиты, какъ, напримѣръ, если вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось отомстить за отца или мать, подобно Зенону.

6. Діодоръ X 18, 2 Когда отечество подпало подъ жестокую тираннію Неарха, онъ составилъ заговоръ противъ тиранна. Когда онъ былъ уличенъ и Неархъ подъ пыткой допрашивалъ его, кто были соучастниками его, (Зенонъ) сказалъ: „О если бы, подобно тому какъ я господинъ надъ своимъ языкомъ, точно такъ же я управлялъ бы и своимъ тѣломъ!" Когда же тираннъ значительно усилилъ пытки, то Зенонъ (вначалѣ) до

---

[1]) Сочиненіе полемическаго содержанія.

нѣкоторыхъ поръ выдерживалъ (мученія), затѣмъ же, стараясь освободиться когда-либо отъ пытки и вмѣстѣ съ тѣмъ отомстить Неарху, надумалъ нѣчто въ слѣдующемъ родѣ. Во время наивысшаго усиленія пытокъ онъ, притворившись, будто вслѣдствіе мукъ предаетъ душу, воскликнулъ: „Освободите! Я скажу всю правду“. Когда же его освободили, онъ высказалъ желаніе, чтобы тираннъ выслушалъ его наединѣ. Дѣло-де въ томъ, что изъ того, что онъ намѣренъ сказать, многое слѣдуетъ сохранять въ тайнѣ. Когда же тираннъ съ радостью подошелъ и приблизилъ къ его устамъ свое ухо, Зенонъ, разинувъ ротъ, впился въ царское ухо зубами. Быстро прибѣжали слуги и стали всячески оказывать помощь испытывавшему мученіе (тиранну), чтобы вырвать его изъ зубовъ Зенона, послѣдній же все болѣе впивался. Наконецъ, не будучи въ силахъ побѣдить отважнаго мужа, они, чтобы разжать ему зубы, прикололи его. И посредствомъ такого рода хитрости онъ освободился отъ страданій и (вмѣстѣ съ тѣмъ) по мѣрѣ возможности отомстилъ тиранну.

7. Плутархъ adv. Colot. 32 p. 1126 D Итакъ, Зенонъ, пріятель Парменида, устроивъ покушеніе на тиранна Демила и потерпѣвъ неудачу въ (этомъ) дѣлѣ, показалъ ученіе Парменида, какъ бы чистое и неподдѣльное золото въ огнѣ, и доказалъ на дѣлѣ, что великому мужу постыдно быть трусливымъ, страданій же боятся дѣти, женщины и имѣющіе женскія души мужчины. Дѣло въ томъ, что, откусивъ себѣ языкъ, онъ выплюнулъ его въ лицо тиранну.

8. Климентъ Strom. IV 57 Не только эсопіи, македоняне и лакедемоняне, будучи подвергаемы пыткамъ, переносили ихъ съ твердостью, какъ говоритъ Эратосѳенъ въ сочиненіи: „О добрѣ и злѣ“, но также элеецъ Зенонъ, котораго заставляли высказать нѣкую тайну, выдержалъ пытки, ни въ чемъ не признавшись, а въ концѣ концовъ, откусивъ (себѣ) языкъ, плюнулъ имъ въ тиранна, котораго одни называютъ Неархомъ, другіе Демиломъ. *Срв. 19 A 1 и 19 A 19.*

9. Филостратъ V. Apoll. Tyan. VII 2 Итакъ, элеецъ Зенонъ (кажется, онъ положилъ начало діалектикѣ), пытаясь уничтожить тираннію Неарха Мизійскаго [1]), былъ схваченъ и, будучи подвергнутъ пыткѣ, не выдалъ своихъ соучастниковъ, но наговорилъ на тѣхъ, которые были вѣрны тиранну, будто они ему невѣрны. Послѣдніе были казнены, какъ будто въ самомъ дѣлѣ были виновны. Онъ же (такимъ образомъ) сдѣлалъ мизянъ свободными, ниспровергнувъ тираннію въ лицѣ ея приверженцевъ.

10. Діогенъ VIII 57 (срв. A 1) Аристотель же въ „Софистѣ“ говоритъ, что Эмпедоклъ первый изобрѣлъ риторику, Зенонъ же діалектику.

Секстъ adv. math. VII 6 Повидимому, Парменидъ былъ весьма свѣдущъ въ діалектикѣ, такъ какъ тотъ же Аристотель призналъ начинателемъ діалектики его пріятеля Зенона.

---

[1]) Очевидно, смѣшеніе Элеи съ Элайей.

Сочиненіе.

11. Платонъ Parm. 127 A B Итакъ, Антифонъ сказалъ, что Пиѳодоръ разсказывалъ, какъ нѣкогда пришли на великія панаѳинеи Зенонъ и Парменидъ. И вотъ Парменидъ былъ уже совершенно сѣдымъ, настоящимъ старикомъ, обладалъ прекрасной и благообразной наружностью и имѣлъ, самое большее, около 65 лѣтъ отъ роду. Зенону же было въ то время приблизительно сорокъ лѣтъ; онъ былъ высокаго роста и пріятной наружности. И о немъ говорили, будто онъ былъ предметомъ любви Парменида. Они остановились, сказалъ (Антифонъ), у Пиѳодора за городской стѣной въ Керамикѣ. Итакъ, туда пришелъ Сократъ и съ нимъ много другихъ (лицъ) съ намѣреніемъ послушать сочиненій Зенона. Дѣло въ томъ, что послѣднія тогда впервые были принесены ими. Сократъ же въ то время былъ весьма юнъ. Читалъ имъ самъ Зенонъ, Парменида же въ то время не было дома. И уже изъ разсужденій, которыя читались, очень немного оставалось (дочитать), какъ вошли въ домъ, сказалъ Пиѳодоръ, самъ онъ и съ нимъ Парменидъ и Аристотель, ставшій (позже) однимъ изъ тридцати (тиранновъ), и кое-что немногое изъ сочиненія еще услышали и т. д. *Срв. стр. 22. Напротивъ Атеней 505 f.* Но что всего ужаснѣе и всего лживѣе, это—сказать безъ всякой настоятельной надобности, будто предметомъ любви Парменида былъ согражданинъ его Зенонъ.

12. Платонъ Parm. 128 B „Да, Сократъ", сказалъ Зенонъ: „однако, истинный смыслъ сочиненія ты понялъ не совсѣмъ, хотя, подобно лакедемонскимъ щенкамъ, отлично преслѣдуешь и отыскиваешь по слѣдамъ (содержаніе) изложеннаго. Но, во-первыхъ, отъ твоего вниманія ускользнуло то обстоятельство, что (мое) сочиненіе вовсе не такъ ужъ превозноситъ себя, чтобы оно могло быть написано съ тою цѣлью, какую ты ему приписываешь, (а именно), чтобы, утаивая отъ людей (свое истинное значеніе, дѣлало видъ), будто производитъ нѣчто великое. А (то, что) ты привелъ въ качествѣ одного изъ слѣдствій (сочиненія), это именно и есть истинная цѣль этого сочиненія, (а именно), оно есть своего рода защита ученія Парменида противъ пытающихся осмѣивать его (и утверждающихъ), что, если (принять положеніе, что) существуетъ единое, то ученію придется страдать (допущеніемъ) множества смѣшныхъ (нелѣпостей) и противорѣчій самому себѣ. Итакъ, это сочиненіе возражаетъ признающимъ (существованіе) многаго, и воздаетъ имъ той же монетой и еще большимъ, ставя себѣ задачей показать, что, если досконально изслѣдовать, то ихъ положеніе о существованіи многаго, пожалуй, окажется болѣе смѣшнымъ, чѣмъ утвержденіе о бытіи единаго. Въ цѣляхъ такого-то соревнованія оно было написано мною въ юности; и только что оно было написано, какъ кто-то его (у меня) похитилъ, такъ что (мнѣ) даже не пришлось рѣшать, слѣдуетъ ли выпустить его въ свѣтъ или нѣтъ. Итакъ, Сократъ, вотъ это-то обстоятельство тебѣ неизвѣстно и ты (ошибочно) думаешь, будто сочиненіе было написано не по причинѣ свойственнаго юношѣ задора, но

изъ честолюбія болѣе зрѣлаго возраста. Дѣйствительно, тому, что я сказалъ, ты нашелъ весьма удачное сравненіе.

13. — Phaedr. 261 D Итакъ, развѣ мы не знаемъ, что элейскій Паламедъ говоритъ такъ искусно, что слушателямъ одно и то же кажется подобнымъ и неподобнымъ, единымъ и многимъ, пребывающимъ въ покоѣ и, съ другой стороны, находящимся въ движеніи?

14. Аристотель Soph. el. 10. 170 b 19 [1]) Если бы, въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ имя имѣетъ нѣсколько значеній, какъ спрашивающій, такъ и вопрошаемый думали, что оно имѣетъ одно значеніе. Такъ, напримѣръ, на самомъ дѣлѣ бытіе или единое имѣютъ много значеній; однако, Зенонъ задалъ вопросъ, полагая, что у нихъ одно значеніе, и въ *(дальнѣйшихъ)* своихъ вопросахъ и отвѣтахъ *(онъ держится этого мнѣнія)* [2]) Разсужденіе ведется объ единствѣ всего и эта бесѣда направлена противъ значенія слова или противъ *(самой)* мысли вопрошаемаго.

Срв. Платонъ Soph. 217 C. Отсюда Діогенъ III 48 Итакъ, говорятъ, что діалоги первый сталъ писать Зенонъ Элейскій, Аристотель же въ первой (книгѣ своего сочиненія): „О поэтахъ“ (считаетъ авторомъ первыхъ діалоговъ) Алексамена Стирскаго или Тейскаго. *Срв. A 10.*

15. Проклъ in Parm. p. 694, 23 (къ Платону p. 127 D) Послѣ того какъ Зенонъ высказалъ большое число разсужденій, а именно всего сорокъ, Сократъ, выбравъ одно изъ первыхъ (его разсужденій), недоумѣваетъ по поводу его... Если сущее множественно, то одно и то же сущее подобно и неподобно; однако, невозможно, чтобы одно и то же было подобнымъ и неподобнымъ; слѣдовательно, сущее не множественно.

Эліасъ in categ. p. 109, 6 Busse Зенонъ Киттійскій, а не Элейскій (онъ же парменидовецъ)... Послѣдній былъ прозванъ двуязычнымъ не вслѣдствіе того, что онъ, подобно киттійцу, былъ діалектикомъ и одно и то же отрицалъ и утверждалъ, но потому, что онъ былъ діалектикомъ въ жизни: иное говорилъ, иное думалъ. А именно, какъ-то на вопросъ тиранна, кто главнымъ образомъ злоумышляетъ противъ его власти, указалъ на (его) тѣлохранителей. Тотъ же, повѣривъ, приказалъ схватить ихъ и казнить. Дѣло въ томъ, что Зенонъ счелъ хорошимъ (дѣломъ) солгать ради сверженія тиранна. Въ другой разъ какъ-то для своего учителя Парменида, говорившаго, что сущее едино по существу, по видимости же множественно, онъ составляетъ изъ сорока эпихеремъ (доказательство того), что сущее едино; это онъ сдѣлалъ изъ убѣжденія, что поступитъ хорошо, если окажетъ помощь своему учителю. И еще въ другой разъ какъ-то выступивъ въ защиту того же самаго учителя, говорившаго, что сущее неподвижно, онъ подкрѣпляетъ ученіе о неподвижности сущаго пятью эпихеремами. Будучи не въ состояніи отвѣтить на нихъ, циникъ Антисѳенъ всталъ и началъ ходить, полагая, что доказательство дѣйствіемъ сильнѣе всякаго словеснаго возраженія.

---

[1]) О запутанности мѣста см. М. Мандесъ, стр. 199—200.

[2]) Мы примыкаемъ въ пониманіи текста къ Ф. Шнейдеру (ц. с., стр. 612) противъ К. Прантля.

Апофтегматика.

16. Эвдемъ phys. fr. 7 (Симплицій phys. 97, 12) Передаютъ, что Зенонъ говорилъ, что если бы кто-нибудь отвѣтилъ ему, что такое единое, то онъ могъ бы сказать, что такое сущее.

17. Плутархъ Pericl. 5 Тѣхъ, кто называлъ важность Перикла (въ обращеніи) честолюбіемъ и самомнѣніемъ, Зенонъ приглашалъ самимъ стать честолюбивыми въ такомъ же родѣ; онъ полагалъ, что уже само притязаніе на хорошія качества незамѣтно вселяетъ нѣкоторое подражаніе (имъ) и (затѣмъ) привычку (къ нимъ).

18. Филонъ quod omn. prob. lib. 14 По поводу такихъ мнѣній и изреченій не слѣдуетъ ли привести слѣдующее (изреченіе) Зенона: „Легче погрузить (въ воду) наполненный воздухомъ мѣхъ, чѣмъ принудить какого-либо нравственнаго (человѣка) сдѣлать противъ воли что-либо нехорошее". *Изреченіе, можетъ быть, принадлежитъ Зенону стоику, а не элейцу.*

19. Тертулліанъ apologetic. 50 Элеецъ Зенонъ на вопросъ Діонисія, что же доставляетъ философія, отвѣтилъ: „Презрѣніе къ смерти". Послѣ этого тираннъ подвергъ его (сѣченію) плетьми; Зенонъ же, оставаясь равнодушнымъ, продолжалъ отстаивать свое мнѣніе до самой смерти.

20. Стобей flor. (III) t. 7, 37 H. Элеецъ Зенонъ, будучи пытаемъ тиранномъ, (желавшимъ принудить его) назвать сообщниковъ, сказалъ: „Вѣдь если бы они были, то развѣ ты властвовалъ бы?".

Ученіе.

Срв. Сочиненіе Аристотеля: „Противъ ученій Зенона" одна книга (Діогенъ V 25) и Гераклида Понтійскаго „Противъ ученія Зенона" одна книга (Діогенъ V 87).

21. Аристотель Metaph. B 4. 1001 b 7 Далѣе, если само единое недѣлимо, то, по ученію Зенона, оно было бы ничѣмъ. А именно, онъ говоритъ, что то, что ни увеличиваетъ, ни уменьшаетъ, прилагать ли его или отнимать, не принадлежитъ къ числу существующихъ (вещей), такъ какъ-де очевидно, что бытіе есть величина. А если оно—величина, то оно тѣлесно. Ибо оно существуетъ во всѣхъ (*трехъ*) измѣреніяхъ. Изъ остальныхъ же (вещей) нѣкоторыя, а именно, поверхность и линія, увеличатъ, если ихъ прилагать однимъ способомъ, и нисколько не увеличатъ, (если ихъ прилагать) другимъ способомъ. Точка же и единица никоимъ образомъ (не могутъ увеличить).

Симплицій phys. 97; 13 (изъ Эвдема fr. 7 послѣ A 16) Онъ получаетъ апорію, повидимому, вслѣдствіе того, что о каждой изъ чувственныхъ (вещей) говорится, какъ о множественной въ отношеніи ея

свойствъ и въ смыслѣ дѣлимости (ея), точка же не дѣлаетъ даже единицы. Ибо онъ полагалъ, что то, что, будучи прилагаемо, не увеличиваетъ и, будучи отнимаемо, не уменьшаетъ, не принадлежитъ къ сущему.

Тамъ же 99, 10 Здѣсь же, какъ говоритъ Эвдемъ, *(Зенонъ)* отвергаетъ (существованіе) единаго (ибо онъ говоритъ о точкѣ, какъ объ единицѣ), существованіе же многаго признаетъ. Однако, Александръ думаетъ, что и здѣсь Эвдемъ приводитъ Зенона въ качествѣ *(мыслителя)*, отрицавшаго (существованіе) многаго. „Ибо, какъ сообщаетъ Эвдемъ (говоритъ онъ), пріятель Парменида Зенонъ старался доказать, что сущее не можетъ быть множественнымъ вслѣдствіе того, что въ сущемъ вовсе нѣтъ единицы, множество же есть совокупность единицъ“. Что Эвдемъ упоминаетъ здѣсь Зенона не въ качествѣ (лица), отрицавшаго (существованіе) многаго, ясно изъ его собственныхъ словъ. Я же (съ своей стороны) полагаю, что и въ книжкѣ Зенона эта эпихерема не приводилась, вопреки утвержденію Александра.

Филопонъ phys. 42, 9 Элеецъ Зенонъ, выступая противъ осмѣивавшихъ мнѣніе его учителя Парменида, утверждавшее единство сущаго, и защищая (это) мнѣніе учителя, старался доказать, что въ сущемъ не можетъ быть множества. Ибо если, говоритъ онъ, есть множество, то, такъ какъ множество образуется изъ многихъ единицъ, необходимо существованіе многихъ единицъ, изъ которыхъ составилось множество. Итакъ, если мы докажемъ невозможность существованія многихъ единицъ, то станетъ очевиднымъ невозможность существованія множества. Ибо множество (состоитъ) изъ единицъ. Если же существованіе множества невозможно, а между тѣмъ должно существовать или единое или множество, множество же не можетъ существовать, то остается (признать), что существуетъ единое и т. д.

Сенека ep. 80, 44 Парменидъ утверждаетъ, что изъ кажущихся явленій вообще ничего не существуетъ; элеецъ Зенонъ разрушилъ все до тла [1]); онъ утверждаетъ, что нѣтъ ничего... *45* Если (повѣрить) Пармениду, то нѣтъ ничего, кромѣ одного; если Зенону, то не существуетъ даже (этого) одного. *Исократъ 10, 3 (см. 76 B 1).*

22. (Аристотель) de lin. insec. 968 a 18 Далѣе, по ученію Зенона, необходимо, чтобы была нѣкая недѣлимая величина, если только (*правильно слѣдующее разсужденіе*): въ ограниченное время невозможно овладѣть безконечнымъ *(пространствомъ)*, достигая отдѣльно каждой *(изъ безконечнаго числа его частей)*, необходимо же, чтобы движущійся (предметъ) сперва дошелъ до половины (пути), у того же, что не является совершенно недѣлимымъ, имѣется половина.

Аристотель phys. A 3, 187 a 1 Нѣкоторые же сдѣлали уступки обоимъ ученіямъ: одному, что все едино... другому же, признавъ недѣлимыя величины, получаемыя посредствомъ дихотоміи *(дѣленія на два)*.

---

[1]) Точнѣе: „выбросилъ все изъ вселенной“.

Симплицій къ этому мѣсту 183, 3 Второе же ученіе о *(полученіи недѣлимыхъ величинъ)* дихотомическимъ дѣленіемъ принадлежитъ, по словамъ Александра, Зенону... Къ этому же ученію, говоритъ онъ (*Александръ*), относительно дихотоміи примкнулъ Ксенократъ Халкедонскій, принявшій, что все дѣлимое множественно (ибо часть есть нѣчто иное, чѣмъ цѣлое)... А именно, существуютъ нѣкоторыя недѣлимыя линіи, относительно которыхъ утвержденіе, что онѣ множественны, совершенно ложно.

23. Симплицій phys. 134, 2 (къ Аристотелю А 3. 187 а 1) Онъ говоритъ, что нѣкоторые примкнули къ обоимъ ученіямъ—и къ вышеупомянутому ученію Парменида и къ ученію Зенона. Послѣдній хотѣлъ помочь ученію Парменида противъ пытавшихся осмѣивать его, полагавшихъ, что если (принять положеніе, что) существуетъ единое, то ученію приходится высказывать множество смѣшныхъ (нелѣпостей) и противорѣчій самому себѣ. (Вотъ противъ нихъ-то) Зенонъ доказываетъ, что ихъ положеніе, гласящее: „существуетъ многое“, если изслѣдовать его надлежащимъ образомъ, окажется еще смѣшнѣе ученія о существованіи единаго.

(Плутархъ) Strom. 5 (D. 581 за сообщеніемъ о Парменидѣ) Элеецъ же Зенонъ не далъ никакого собственнаго ученія, но еще болѣе находилъ апорій, связанныхъ съ этими (вопросами). *Аэцій IV 9, 1. Срв. 18 А 49.*

24. Аристотель phys. Δ 3. 210 b 22 Нетрудно разрѣшить то, что приводило въ затрудненіе Зенона, а именно: „Если мѣсто есть нѣчто (существующее), то въ чемъ оно будетъ находиться?“ Вѣдь ничто не препятствуетъ первому мѣсту находиться въ другомъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ въ первомъ мѣстѣ (находится что-либо) и т. д. *1. 209 а 23* А именно, апорія Зенона изслѣдуетъ нѣкоторое понятіе. Ибо, если все сущее (находится) въ пространствѣ, то очевидно, что будетъ и пространство пространства, и это пойдетъ въ безконечность.

Эвдемъ phys. fr. 42 (Симплицій phys. 563, 17) Къ тому же самому, кажется, ведетъ и апорія Зенона. А именно, онъ полагаетъ, что все сущее находится гдѣ-либо. Если же пространство принадлежитъ къ числу существующихъ (вещей), то гдѣ оно могло бы быть? Очевидно, въ другомъ пространствѣ, другое въ третьемъ и такъ далѣе... Мы возразимъ Зенону, что (слово) „гдѣ“ употребляется во многихъ значеніяхъ. Итакъ, если онъ держится мнѣнія, что *(все)* сущее находится въ пространствѣ, то его мнѣніе неправильно. Ибо ни о здоровьѣ, ни о храбрости, ни о безчисленномъ множествѣ другихъ (вещей) нельзя сказать, чтобы они находились въ пространствѣ. Конечно, и пространство не таково, какъ о немъ выше сказано. Если же (брать слово) „гдѣ“ въ другомъ смыслѣ, то и пространство, пожалуй, будетъ находиться „гдѣ-нибудь“. Дѣло въ томъ, что граница тѣла есть его „гдѣ“. Ибо это—конецъ (его).

25. Аристотель phys. Z 9. 239 b 9 У Зенона есть четыре разсужденія о движеніи, которыя заключаютъ въ себѣ не легко разрѣшимыя

трудности. Первое (разсужденіе)—о невозможности движенія вслѣдствіе того, что движущійся (предметъ) долженъ дойти до половины прежде, чѣмъ достигнетъ конца (пути). Это (разсужденіе) мы разсмотрѣли въ предыдущихъ частяхъ (нашего) сочиненія, *именно 2. 231 а 21:* Поэтому и разсужденіе Зенона принимаетъ ложную посылку, будто невозможно въ конечное время пройти безконечное или овладѣть каждой изъ безконечнаго числа частей. Дѣло въ томъ, что длина, время и вообще все непрерывное называется безконечнымъ въ двухъ значеніяхъ: или въ отношеніи дѣленія или относительно своихъ границъ. И вотъ безконечнымъ по величинѣ нельзя овладѣть въ конечное время, безконечнымъ же по дѣленію можно. Ибо и самое время безконечно въ этомъ смыслѣ. Такимъ образомъ оказывается, что безконечное (пространство) проходится въ безконечное, а не въ конечное (время), и безконечнымъ (числомъ частей пространства) овладѣваютъ въ безконечное, а не въ конечное (число частей времени). *Перифразъ этого мѣста у Симплиція 947, 3 слѣд.). Топика Θ 8. 160 b 7* Мы имѣемъ много разсужденій, противорѣчащихъ *(общепринятымъ)* мнѣніямъ; таково (разсужденіе) Зенона, что невозможно двигаться и пройти даже стадій.

26. Аристотель phys. Z 9. 239 b 14 Второе (разсужденіе)—такъ называемый „Ахиллесъ". Оно заключается въ томъ, что самое медленное во время бѣга не будетъ настигнуто самымъ быстрымъ. Ибо то, которое преслѣдуетъ, должно сначала притти туда, откуда отправилось преслѣдуемое (имъ), такъ что болѣе медленное всегда должно быть нѣсколько впереди. Имѣется у него еще точно такое же разсужденіе, (проведенное) посредствомъ дихотоміи, различіе же (между ними) заключается въ томъ, что (въ первомъ) овладѣваемую величину не дѣлятъ на двѣ части.

27. Аристотель phys. Z 9. 239 b 30 Третье же (разсужденіе), только что упомянутое нами, состоитъ въ томъ, что движущаяся стрѣла покоится. Этотъ выводъ получается вслѣдствіе того, что онъ принимаетъ время за сумму моментовъ. Ибо, если этого не дано, то не будетъ логическаго умозаключенія. *Срв. 239 b 5* Зенонъ строитъ (слѣдующее) ложное умозаключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, если все всегда или покоится или движется, когда занимаетъ равное себѣ мѣсто, движущійся же предметъ всегда находится въ *(одномъ)* моментѣ, то движущаяся стрѣла неподвижна. *Такъ гласитъ текстъ Аристотеля безъ внесенія въ него поправокъ Г. Дильса; въ такомъ видѣ онъ соотвѣтствуетъ нашей второй формѣ доказательства, принимаемой Брошаромъ. Тотъ же текстъ съ поправками Дильса (первая форма доказательства):* Зенонъ строитъ (слѣдующее) ложное умозаключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, если все всегда или покоится или движется, (ничто же не движется), когда занимаетъ равное себѣ мѣсто [1]), движущійся же пред-

[1]) Г. Дильсъ указываетъ, что согласно Аристотелю phys. 239 a 26, „находиться въ покоѣ" для тѣла значитъ, что „и оно само (какъ цѣлое) и каждая изъ его частей

метъ всегда находится въ *(одномъ)* моментѣ, (все же занимаетъ равное себѣ мѣсто въ одинъ моментъ), (слѣдовательно), движущаяся стрѣла неподвижна.

28. Аристотель phys. Z 9. 239 b 33 Четвертое разсужденіе—относительно движущихся по ристалищу съ противоположныхъ сторонъ по параллельнымъ линіямъ равныхъ массъ [1]) съ равною скоростью. Однѣ (изъ нихъ движутся) отъ конца ристалища, другія—отъ середины (его). Въ этомъ случаѣ, думаетъ онъ, оказывается, что половина (промежутка) времени равна (времени) вдвое большему. Паралогизмъ же заключается въ положеніи, будто равныя величины, движущіяся съ равною скоростью, проходятъ въ равное время вдоль одной и той же величины, независимо отъ того, покоится ли она или движется. А это невѣрно. Такъ, напримѣръ, допустимъ, что покоющіяся равныя массы находятся тамъ, гдѣ *AA*; другія же, равныя первымъ по числу и по величинѣ, пусть стоятъ тамъ, гдѣ *BB*, начиная съ середины мѣста, занятаго массами *A*, третьи же—тамъ, гдѣ *ΓΓ*, отъ послѣдняго *B* [2]), будучи по числу и по величинѣ равны вышеупомянутымъ массамъ, по скорости же равныя массамъ *B*. Итакъ, когда онѣ начнутъ двигаться однѣ мимо другихъ, то на концѣ очутятся одновременно первое *B* и первое *Γ*. Получается также, что (первое) *Γ* прошло мимо всѣхъ *B* и мимо половины (массъ) *A* [3]). Такимъ образомъ половинный (промежутокъ) времени равенъ вдвое большему времени. Ибо и то и другое (время) равно (при движеніи) мимо каждой (массы). Вмѣстѣ съ тѣмъ получается, что массы *B* прошли мимо всѣхъ массъ *Γ*. Ибо одновременно будутъ первое *Γ* и первое *B* на противоположныхъ концахъ, причемъ въ теченіе равнаго времени происходитъ движеніе мимо какъ каждой изъ *B*, такъ и (каждой) изъ *A*, какъ онъ утверждаетъ вслѣдствіе того, что и тѣ и другія бываютъ въ теченіе равнаго времени возлѣ (массъ) *Γ* [4]).

Симплицій 1019, 32 Итакъ, это разсужденіе весьма глупо, какъ говоритъ Эвдемъ, вслѣдствіе того, что оно заключаетъ въ себѣ явный паралогизмъ... Дѣло въ томъ, что (массы), движущіяся съ равной ско-

---

находится въ одномъ и томъ же (мѣстѣ) нѣкоторое время", или „въ одинъ и въ другой моментъ". Выраженіе: „κατὰ τὸ ἴσον εἶναι" переводится различно, а именно, Тренделенбургъ: „одинаково къ себѣ относиться"; Прантль: „находиться въ одномъ и томъ же отношеніи (ко всему остальному)"; Бейль, Бартелеми С. Илеръ, В. Кузенъ: „находиться въ равномъ себѣ пространствѣ", Целлеръ: „находиться въ одномъ и томъ же равномъ себѣ пространствѣ".

1) „Массы" въ смыслѣ „рядъ точекъ".

2) Читаю „ἀπὸ τοῦ ἐσχάτου B", такъ какъ безъ вставки здѣсь B текстъ не будетъ соотвѣтствовать ниже приводимой фигурѣ Александра.

3) Въ виду очевидной нелѣпости смысла, даваемаго здѣсь текстомъ Г. Дильса, вмѣсто „τὰ δὲ B παρὰ" читаю „παρὰ δὲ A" и къ концу слѣдующей фразы прибавляю „τῷ διπλασίῳ ἴσον". См. K. Goebel. Die vorsokratische Philosophie 1910, стр. 116—117.

4) Читаемъ здѣсь Γ вмѣсто A, стоящаго въ текстѣ Дильса.

ростью съ противоположныхъ другъ другу сторонъ проходятъ двойное разстояніе въ то же самое время, въ которое (предметъ), движущійся вдоль покоющагося (тѣла), проходитъ половину, хотя скорость его и равна тѣмъ.

Фигура Александра (у Симплиція phys. 1016, 14 слѣд.).

	ΑΑΑΑ		*Α* покоющіяся масссы
Δ	*ΒΒΒΒ* →	*Ε*	*Β* массы, движущіяся отъ *Δ* къ *Ε*
	← *ΓΓΓΓ*		*Γ* массы, движущіяся отъ *Ε* къ *Δ*
			Δ начало ристалища
			Ε конецъ ристалища.

29. Аристотель phys. Н 5. 250 а 19 Поэтому неправильно разсужденіе Зенона, будто любая часть пшеннаго зерна издаетъ звукъ. Ибо не встрѣчается никакихъ препятствій (*думать*), что она никогда не приведетъ въ движеніе тотъ воздухъ, который пришелъ въ движеніе отъ паденія цѣлаго медимна пшена.

Къ этому Симплицій 1108, 18 Такимъ способомъ онъ рѣшаетъ и разсужденіе Зенона Элейскаго, задавшаго [1]) софисту Протагору [2]) слѣдующій вопросъ: „Въ самомъ дѣлѣ, Протагоръ, молвилъ онъ, скажи мнѣ, производитъ ли при паденіи шумъ одно пшенное зерно или одна десятитысячная часть зерна?“ Когда же тотъ отвѣтилъ, что не производитъ, (Зенонъ) сказалъ: „А медимнъ пшена при паденіи производитъ шумъ или нѣтъ?“ Когда тотъ отвѣтилъ, что медимнъ производитъ шумъ, Зенонъ сказалъ: „Что же, слѣдовательно, не существуетъ количественнаго отношенія между медимномъ пшена и однимъ (цѣлымъ) пшеннымъ зерномъ или десятитысячной частью одного?“ Когда же тотъ сказалъ, что (количественное отношеніе между ними) существуетъ, Зенонъ сказалъ: „Что же, не будутъ ли и у шумовъ тѣ же самыя взаимныя отношенія? Вѣдь какъ (относятся другъ къ другу предметы), производящіе шумъ, такъ (относятся другъ къ другу и самые) шумы. А если это такъ, то, разъ медимнъ пшена производитъ шумъ, произведетъ шумъ и одно зерно и десятитысячная часть зерна“. Вотъ какимъ образомъ велъ Зононъ научную бесѣду.

30. Аэцій I 7, 27 (D. 303) Мелиссъ и Зенонъ: всеединое есть богъ, и только единое вѣчно и безпредѣльно.

---

[1]) Читаю „ὅς“ вмѣсто „ὅν“.

[2]) Этотъ діалогическій способъ изложенія, по мнѣнію Дильса, идетъ не отъ самого Зенона (вопреки 19 А 14), но изъ стариннаго діалога (можетъ быть, изъ „Физика“ Алкидама, срв. 21 А 1 § 56).

В. Фрагменты.

«О природѣ» Зенона.

1. *Симплицій phys. 140, 34 (послѣ В 3)* Безконечное по величинѣ онъ разъяснилъ выше посредствомъ того же самаго пріема аргументаціи. А именно, показавъ сначала, что „если бы сущее не имѣло величины, оно не существовало бы“, онъ продолжаетъ: „Если же оно существуетъ, то каждая (вещь)[1]) обязательно должна имѣть какую-либо величину, толщину и разстояніе отъ любой другой вещи[2]). И къ лежащей передъ ней[3])[4]) (вещи) примѣнимо *(опять)* то же самое разсужденіе. А именно, и она будетъ обладать величиной и передъ ней будетъ лежать какая-либо (другая (вещь). Итакъ, то самое, что было сказано однажды, можно повторять до безконечности. Ибо ни одна такая (вещь) его *(сущаго)* не будетъ послѣдней и никогда не будетъ вещи, у которой не было бы (выше указаннаго) отношенія къ другой вещи. Такимъ образомъ, если сущее множественно, то оно должно быть и малымъ и большимъ: настолько малымъ, чтобы (вовсе) не имѣть величины, и настолько большимъ, чтобы быть безконечнымъ“.

То же въ пер. П. Таннери (стр. 243 р. п.) „Доказавъ, что если вещь не имѣетъ величины, она не существуетъ“, Зенонъ прибавляетъ: „Если вещь существуетъ, необходимо, чтобы она имѣла нѣкоторую величину, нѣкоторую толщину и чтобы было нѣкоторое разстояніе между тѣмъ, что представляетъ въ ней взаимное различіе. То же можно сказать о предыдущей, о той части этой вещи, которая предшествуетъ по малости[5]) въ дихотомическомъ дѣленіи. Итакъ, это предыдущее должно также имѣть нѣкоторую величину и свое предыдущее. Сказанное одинъ разъ можно всегда повторять. Такимъ образомъ никогда не будетъ крайняго предѣла, гдѣ не было бы различныхъ другъ отъ друга частей. Итакъ, если есть множественность, нужно, чтобы вещи были въ одно и то же время велики и малы и настолько малы, чтобы не имѣть величины, и настолько велики, чтобы быть безконечными“.

---

[1]) „Каждая изъ отдѣльныхъ частей его“ Г. Дильсъ.

[2]) „Если оно существуетъ, необходимо каждому сущему имѣть нѣкоторую величину и плотность, а также каждой части (бытія) находиться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ другой части“, пер. Г. Церетели.

[3]) О значеніи термина „τοῦ προὔχοντος“ см. у М. Мандеса (стр. 210—213), который, примыкая самъ къ Э. Целлеру, приводитъ толкованія, предложенныя Велльманомъ, Эвангелидисомъ и Шнейдеромъ.

[4]) По мнѣнію Дильса, ἀπέχειν относится къ μέγεθος, а προέχειν къ πάχος. Смыслъ: то, что справедливо относительно одного измѣренія (длины), справедливо и относительно другого (толщины). Толкованіе Дильса кажется намъ искусственнымъ.

[5]) Т. е. превосходитъ въ малости.

2. —— —— *139, 5* Однако, въ своемъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ много эпихеремъ [1]), въ каждой изъ послѣднихъ онъ доказываетъ, что тому, кто утверждаетъ множественность (сущаго), приходится впадать въ противорѣчія. Въ одной изъ этихъ эпихеремъ онъ доказываетъ, что „если сущее множественно, то оно и велико и мало; столь велико, что безконечно по величинѣ, и столь мало, что вовсе не имѣетъ величины“ *(B 1)*. Вотъ въ этомъ (доказательствѣ) онъ старается доказать, что то, что не имѣетъ ни величины, ни толщины, ни объема, существовать не можетъ. „Ибо, говоритъ онъ, если прибавить (это) къ другому сущему, то нисколько не увеличишь его. Вѣдь, такъ какъ у него нѣтъ вовсе величины, то, будучи присоединено, оно не можетъ нисколько увеличить. И такимъ образомъ, (какъ) уже (очевидно), ничего не было бы прибавлено. Если же другая (вещь) нисколько не уменьшится отъ отнятія (у ней этого) и, съ другой стороны, нисколько не увеличится отъ прибавленія (этого), то очевидно, что то, что было прибавлено и отнято, есть ничто“. И это Зенонъ говоритъ не съ цѣлью отрицать единое, но исходя изъ того (соображенія), что каждая изъ многихъ безконечныхъ (по числу вещей) имѣетъ величину по той причинѣ, что передъ любой (вещью) всегда должно находиться что-нибудь вслѣдствіе безконечной дѣлимости. Это онъ доказываетъ, послѣ того какъ раньше показалъ, что ничто не имѣетъвеличины, такъ какъ каждая изъ многихъ (вещей) тожественна съ собой и едина.

3. —— —— *140, 27* И зачѣмъ много говорить, когда это высказывается въ самомъ сочиненіи Зенона? Дѣйствительно, снова доказывая, что, если существуетъ многое, то одно и то же будетъ ограниченнымъ и безпредѣльнымъ, Зенонъ пишетъ буквально слѣдующее:

„Если существуетъ много (вещей), то ихъ должно быть (ровно) столько, сколько ихъ (дѣйствительно) есть, отнюдь не больше и не меньше, чѣмъ сколько ихъ есть. Если же ихъ столько, сколько есть, то число ихъ ограничено.

Если существуетъ много (вещей), то сущее (*по числу*) безпредѣльно. Ибо между (отдѣльными) существующими (вещами) всегда находятся другія (вещи), а между этими опять другія. И такимъ образомъ сущее безпредѣльно (*по числу)*“. И такимъ же образомъ онъ доказалъ безконечность (*сущаго*) по количеству посредствомъ дихотоміи.

Тотъ же фрагментъ въ переводѣ П. Таннери (стр. 244—245 р. п.) имѣетъ не ариѳметическое, но геометрическое содержаніе:

„Если есть множественность, необходимо, чтобы вещи были такими, какими онѣ существуютъ, не больше и не меньше. Будучи такими, какими онѣ существуютъ, вещи ограничены [2]). Но, если есть множествен-

---

[1]) Сорокъ, согласно 19 А 15.

[2]) При множественности вещей онѣ были бы ограниченными, такъ какъ онѣ взаимно ограничивали бы другъ друга.

ность, онѣ безпредѣльны, такъ какъ между единицами всегда должны быть другія и между этими опять-таки другія и такимъ образомъ вещи безпредѣльны".

4. *Діогенъ IX 72* Однако, согласно имъ (*пирроновцамъ*), скептиками оказываются и Ксенофанъ, и Зенонъ Элейскій, и Демокритъ... Зенонъ же отрицаетъ движеніе, говоря: „Движущійся (предметъ) не движется ни въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится, ни въ томъ, гдѣ его нѣтъ".

---

20. Мелиссъ.

Мелиссъ Самосскій, послѣдній изъ значительныхъ представителей элейской школы, пріобрѣлъ извѣстность не только какъ философъ, но и какъ государственный дѣятель. Согласно Аполлодору, его „акме" приходится на 84 олимпіаду (444—440), въ послѣдній годъ которой онъ въ качествѣ главнокомандующаго самосскимъ флотомъ одержалъ побѣду надъ аѳинянами. По мнѣнію Дж. Бернета [1]), Мелиссъ, какъ самосецъ, первоначально былъ приверженцемъ іонійской философіи, но затѣмъ примкнулъ къ элеатамъ, сохранивъ изъ перваго міровоззрѣнія только тѣ элементы, которые казались ему совмѣстимыми съ элейской діалектикой. Въ этомъ вліяніи іонійской философіи Дж. Бернетъ видитъ объясненіе расхожденія Мелисса въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ ученіемъ Парменида. Въ общемъ подобно Зенону, Мелиссъ ставитъ цѣлью своего сочиненія защиту ученія Парменида, однако, расходится съ послѣднимъ въ двухъ пунктахъ. Утверждая вмѣстѣ съ Парменидомъ, что сущее едино, вѣчно, неподвижно, неизмѣнно и абсолютно однородно, Мелиссъ, въ отличіе отъ Парменида, полагаетъ, во-первыхъ, что—оно безконечно по протяженію, и, во-вторыхъ, приписываетъ ему состояніе полнаго блаженства, не нарушаемаго болѣзнью, страданіемъ и печалью (Парменидъ ничего не говорилъ объ эмоціональной сторонѣ сущаго). Вопросъ о способѣ доказательства пространственной безконечности сущаго у Мелисса является однимъ изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ въ посвященной Мелиссу ученой литературѣ. Аристотель (см. А 10) находитъ въ доказательствѣ Мелисса двѣ ошибки: во-первыхъ, логически недопустимую конверсію сужденія (сужденіе „все возникшее имѣетъ начало" Мелиссъ конвертируетъ „если что-нибудь имѣетъ начало, то оно возникло") и, во-вторыхъ, скачекъ отъ временной безконечности къ пространственной. М. Оффнеръ, выступая противъ общепринятаго среди историковъ философіи взгляда, старается доказать, что Аристотель не упрекаетъ Мелисса въ смѣшеніи

---

[1]) Стр. 370 ц. с.

временной безконечности съ пространственной. И М. Мандесъ также полагаетъ, что Аристотель обвиняетъ Мелисса лишь въ чисто формальномъ промахѣ невѣрнаго обращенія сужденія. Доказательство Мелисса М. Мандесъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ. Сущее—цѣлостно. Цѣлостно то, за предѣлами чего нельзя ничего болѣе мыслить. Цѣлостность сущаго исключаетъ какіе бы то ни было начало и конецъ (какъ временные, такъ и пространственные). Мелиссъ ставитъ сущее внѣ понятія протяженности, оно для него—нѣчто, не подлежащее измѣренію. Однако, несмотря на нѣкоторую неясность текста Аристотеля (Soph. el. 6. 168 b 35, см. A 10), мы полагаемъ, что Аристотелемъ здѣсь ставится Мелиссу въ вину, если не простое смѣшеніе временной безконечности съ пространственной, то, по крайней мѣрѣ, скачекъ отъ первой ко второй. Да это и понятно. Аристотель принимаетъ вѣчность вселенной при ограниченности ея, Мелиссъ же ставитъ временную и пространственную безконечность въ самую тѣсную связь между собой. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, помимо Аристотеля, и самые фрагменты (*см. B 3 и 4;* что касается *B 2*, то онъ допускаетъ и то и другое толкованіе)[1]. Правда, мы не знаемъ въ точности, какъ дедуцировалась у Мелисса неразрывная связь временной безконечности съ пространственной. Мы предложили бы слѣдующую реконструкцію доказательства Мелисса. Какъ мы узнаемъ изъ фрагментовъ, Мелиссъ, во-первыхъ, полагаетъ, что то, что имѣетъ начало, должно имѣть и конецъ (*B 2*); во-вторыхъ, онъ учитъ: „Ничто изъ того, что имѣетъ начало и конецъ, ни вѣчно, ни безпредѣльно“ (*B 4*). Уже аргументы Зенона покоились на невозможности мыслить безконечность законченной. Подобнымъ же образомъ Мелиссу легко было доказать, что то, что имѣетъ начало (а, слѣдовательно, и конецъ) во времени, не можетъ быть безконечнымъ по величинѣ (то-есть, по протяженію): если бы оно было безконечно-велико, оно не могло бы въ конечное время возникнуть и въ конечное же время уничтожиться (сколько бы сущаго ни возникало, оно не было бы безконечно-великимъ, такъ какъ безконечно-большое неисчерпаемо; сколько бы сущаго ни уничтожалось, оно, будучи безконечно-великимъ, не могло бы уничтожиться, такъ какъ безконечно-большое неисчерпаемо). Доказавъ такимъ образомъ, что все возникшее имѣетъ начало и конецъ въ отношеніи пространства, Мелиссъ дѣлаетъ ошибочную конверсію: если что-нибудь имѣетъ границы въ пространствѣ, то оно возникло[2]); слѣдовательно, невозникшее должно быть безпредѣльнымъ по протяженію.

У Мелисса есть и другое доказательство безконечности сущаго. Если бы сущее было конечно, то оно было бы ограничено пустымъ пространствомъ (онъ возражаетъ Пармениду, полагая, что мы не можемъ

---

[1]) См. также соч. de MXG (A 5).

[2]) Неправильная конверсія общеутвердительнаго сужденія: „все возникшее ограничено“=„*все* (!) ограниченное возникло“.

мыслить границу міра, не прибѣгая къ пустому пространству, которое для элейцевъ есть запретное „ничто“). Такъ какъ сущее едино, то оно не можетъ граничить съ чѣмъ-либо инымъ; слѣдовательно, оно безпредѣльно. Такимъ образомъ пространственная безпредѣльность сущаго у Мелисса выводится какъ изъ вѣчности сущаго, такъ и изъ единства его въ связи съ отрицаніемъ пустого пространства.

Аристотель полагаетъ, что Мелиссъ считалъ единое сущее матеріальнымъ. Противъ этого какъ будто говоритъ фрагментъ (В 9), въ которомъ утверждается, что единое не должно имѣть тѣла, такъ какъ, если бы у него была толщина, то оно имѣло бы части и уже не было бы подлинно единымъ. Буквальный смыслъ фрагмента, будто у единаго сущаго отрицается только третье измѣреніе, по общему мнѣнію, непріемлемъ. Т. Гомперцъ на основаніи указаннаго фрагмента полагаетъ, что Мелиссъ, приписывая сущему пространственное протяженіе, въ то же время отрицаетъ у него грубую тѣлесность. Гораздо дальше идетъ П. Таннери, который изъ этого фрагмента заключаетъ о прямомъ отрицаніи не толкко матеріальности, но и протяженности бытія у Мелисса и считаетъ послѣдняго отцомъ монистическаго идеализма. Противъ признанія духовности единаго сущаго Мелисса справедливо возражаютъ, что имъ еще не было найдено новое содержаніе для понятія реальности, которое позволило бы рѣшительно порвать съ тѣлесностью сущаго. Поэтому намъ кажется наиболѣе удачнымъ предположеніе кн. С. Трубецкого, который указываетъ обсуждаемому фрагменту мѣсто въ даваемой Мелиссомъ критикѣ атомизма [1]). Это—критика, аналогичная Зенонову отрицанію единаго.

Подобно Зенону, Мелиссъ защищаетъ основныя положенія элейской школы противъ всѣхъ остальныхъ ученій. Онъ даетъ критику теоріи сгущенія и разрѣженія (противъ Анаксимена), пиѳагорейскаго атомизма (ученія о множествѣ матеріальныхъ единицъ), ученія Гераклита о божествѣ [2]), доказываетъ невозможность смѣшенія веществъ (противъ Эмпедокла), и, наконецъ, отрицаетъ существованіе пустого пространства и движенія (можетъ быть, противъ Левкиппа). Мелиссъ даетъ также оригинальную критику достовѣрности чувственнаго воспріятія (см. В 8).

Аристотель называетъ Мелисса мыслителемъ „плоскимъ“ и „нѣсколько грубымъ“. Такая оцѣнка Мелисса, какъ мыслителя, долгое время была господствующей. Только въ послѣднее время отношеніе историковъ философіи къ Мелиссу начинаетъ мѣняться. Такъ, по мнѣнію Т. Гомперца (стр. 144), въ Мелиссѣ элейское ученіе достигаетъ высшаго своего расцвѣта, и П. Таннери (стр. 254) ищетъ объясненія, почему такому крупному мыслителю, какъ Мелиссъ, обычно отводятъ лишь второстепенное

---

[1]) Дж. Бернетъ (стр. 377—378) подобнымъ же образомъ понимаетъ данный фрагментъ, какъ критику *пиѳагорейскаго* атомизма.

[2]) Мнѣніе П. Таннери и Дж. Бернета.

мѣсто. По нашему мнѣнію, Мелиссъ не проложилъ новыхъ путей для философской мысли; его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ изложилъ элейское ученіе въ самой ясной формѣ [1]), наиболѣе обстоятельно развивалъ его и защищалъ.

Сочиненіе Мелисса: „О природѣ, или о сущемъ“ дошло до насъ лишь въ отрывкахъ (у Симплиція).

Обзоръ литературы о Мелиссѣ см. у В. А. Фляксбергера („Мелиссъ“ въ *ΧΑΡΙΤΕΣ* проф. Е. А. Боброву 1913 г.).

А. Жизнь и ученіе.

1. Діогенъ IX 24 Милиссъ, сынъ Иѳегена, самосецъ. Онъ былъ ученикомъ Парменида, но ходилъ также къ Гераклиту (слушать) его рѣчи. Тогда послѣдній и рекомендовалъ его не знавшимъ его эфесцамъ, подобно тому какъ Гиппократъ (представилъ) Демокрита абдеритамъ. Мелиссъ былъ также государственнымъ дѣятелемъ, заслужившимъ похвалу у гражданъ. Когда вслѣдствіе этого онъ былъ избранъ начальникомъ флота, онъ возбудилъ къ себѣ еще большее восхищеніе своей выдающейся доблестью.

Онъ держался того мнѣнія, что вселенная безпредѣльна, неподвижна, едина, подобна себѣ и наполнена; движенія нѣтъ, (лишь) кажется, будто оно есть. Но и о богахъ онъ говорилъ, что не должно о нихъ учить, ибо познаніе ихъ невозможно.

Аполлодоръ же говоритъ, что акме его пришлось на 84 олимпіаду *(444—441). Срв. Евсевій: олимп. 84, 1.*

2. Свида см. слово: Мелитъ, сынъ Лара. Жилъ онъ во времена Зенона Элейскаго и Эмпедокла. Онъ написалъ (сочиненіе): „О сущемъ“. И онъ былъ политическимъ противникомъ Перикла. Въ качествѣ самосскаго стратега онъ вступилъ въ морское сраженіе съ трагикомъ Софокломъ въ 84 олимпіаду *(444—441).*

3. Плутархъ Pericl. 26 слѣд. (26) А именно, когда онъ *(Периклъ)* отплылъ, Мелиссъ, сынъ Иѳагена, философъ, бывшій въ то время самосскимъ военачальникомъ, вслѣдствіе сознанія своего превосходства (надъ аѳинянами) по причинѣ малочисленности (ихъ) кораблей или неопытности (ихъ) стратеговъ, убѣдилъ своихъ согражданъ напасть на аѳинянъ. Въ происшедшемъ сраженіи самосцы побѣдили, взяли въ плѣнъ множество аѳинянъ и уничтожили большое число (ихъ) кораблей, и послѣ этого стали господствовать на морѣ и запасаться всѣми тѣми необходимыми для войны (вещами), которыхъ раньше у нихъ не было. Аристотель говоритъ *(фр. 577 изъ „Самосской Политіи“)*, что еще въ предшествовавшемъ морскомъ сраженіи былъ побѣжденъ Мелиссомъ и самъ Периклъ. Самосцы, со своей стороны, издѣваясь надъ плѣнными аѳинянами, выжи-

---

[1]) Дж. Бернетъ (стр. 378) называетъ его истиннымъ систематикомъ элеатизма.

гали имъ на лбу клейма въ видѣ совъ. Ибо и ихъ (плѣнныхъ) клеймили аѳиняне.... На эти клейма, говорятъ, находится намекъ въ (стихѣ) Аристофана: „Народъ самосскій имѣетъ весьма много знаковъ“.

(27) И вотъ Периклъ, узнавъ о военной неудачѣ, не медля поспѣшилъ на помощь, одержалъ побѣду надъ Мелиссомъ, выступившимъ противъ него съ войскомъ, и, обративъ въ бѣгство враговъ, тотчасъ сталъ осаждать городъ, предпочитая побѣдить и завладѣть имъ посредствомъ истощенія (его средствъ) и съ помощью времени, нежели подвергать согражданъ раненіямъ и опасностямъ.

(28) Когда на девятомъ мѣсяцѣ *(лѣто 440)* самосцы сдались, Периклъ разрушилъ (городскія) стѣны, захватилъ (ихъ) корабли и наложилъ на нихъ въ наказаніе громадную контрибуцію, часть которой самосцы внесли тотчасъ, другую же часть обязались уплатить въ назначенный срокъ, въ чемъ и дали заложниковъ. Дурисъ же Самосскій преувеличиваетъ, обвиняя аѳинянъ и Перикла въ большой жестокости, о чемъ (ничего) не сообщаютъ ни Ѳукидидъ ни Эфоръ, ни Аристотель.

Срв. Ѳемистій 2 Хотя Стесимбротъ говоритъ, что Ѳемистоклъ слушалъ Анаксагора и усердно занимался у физика Мелисса, ошибочно опредѣляя время (ихъ жизни). Ибо Мелиссъ былъ полководцемъ въ войнѣ противъ осаждавшаго (городъ) самосцевъ Перикла, который былъ значительно моложе Ѳемистокла, Анаксагоръ же вращался въ обществѣ Перикла.

Сочиненіе *(срв. 20 А 2).*

4. Симплицій phys. 70, 16 Мелиссъ далъ слѣдующее заглавіе своему сочиненію: „О природѣ, или о сущемъ“. *de caelo 557, 10* Если Мелиссъ озаглавилъ (свое сочиненіе): „О природѣ, или о сущемъ“, то ясно, что онъ считалъ природу бытіемъ. *Срв. 14 А 2.*

Ученіе.

5. Сочиненіе, которое ходитъ подъ заглавіемъ „О Мелиссѣ, Ксенофанѣ и Горгіи“ Аристотеля, главы 1 и 2 (срв. сочиненіе Аристотеля: „Противъ ученій Мелисса“ одна книга, *у Діогена V 25).*

„О Мелиссѣ“ (Аристотеля) *Глава I. (1)* Онъ говоритъ, что, если чтонибудь существуетъ, то оно вѣчно, если только въ самомъ дѣлѣ ничто не можетъ возникнуть изъ ничего. Ибо все ли возникло или не все, и въ томъ и въ другомъ случаѣ все вѣчно [1]). Вѣдь (въ противномъ случаѣ) само возникающее возникло бы изъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, если все

[1]) Подразумѣвается „при условіи допущенія невозможности возникновенія изъ ничего“.

возникаетъ, то раньше не существовало бы ничего. И если бы изъ чего-либо существующаго всегда возникало другое (сущее), то существующее увеличилось бы по числу и по размѣрамъ; а то, благодаря чему оно стало больше по числу и размѣрамъ, возникло бы изъ ничего. Вѣдь въ меньшемъ количествѣ не заключается большаго количества, какъ и въ меньшемъ объемѣ не заключается большаго.

(2) Вѣчно же сущее безпредѣльно, такъ какъ оно не имѣетъ ни начала, изъ котораго оно возникло, ни конца, достигая котораго оно когда-либо могло бы уничтожиться [1]).

(3) Все, будучи безпредѣльнымъ, также едино. Ибо, если бы ихъ было два или больше, они служили бы границами другъ другу.

(4) Будучи же единымъ, оно совершенно однородно. Ибо, если бы оно было неподобнымъ (себѣ) [2]), то, будучи множественнымъ, оно болѣе не было бы единымъ, но многимъ.

(5) Будучи же вѣчнымъ, неизмѣримымъ и повсюду подобнымъ, единое неподвижно. Ибо оно не могло бы подвинуться, не сойдя со своего мѣста въ какое-нибудь (другое). Сойти же съ мѣста возможно лишь (передвинувшись) или въ наполненное или въ пустое *(мѣсто)*. Изъ нихъ же первое (полное) не можетъ принять въ себя ничего, другое же (или пустое) вовсе не существуетъ.

(6) Будучи же таковымъ, единое не испытываетъ боли и страданія, оно здраво и безболѣзненно, не переустраивается въ своемъ положеніи, не измѣняется по виду и не смѣшивается ни съ чѣмъ другимъ. Ибо, согласно всему этому, единое должно бы становиться многимъ, не существующее рождаться и сущее уничтожаться. А это невозможно.

(7) [3]) Въ самомъ дѣлѣ, если принимать, что единое представляетъ

---

[1]) Ф. Кернъ находитъ здѣсь явный паралогизмъ: изъ вѣчности выводится безпредѣльность (Fr Kern. **Θεοφράστου περὶ Μελίσσου**, Philologus, XXVI Bd, 1867, стр. 277).

[2]) Т. е. если бы въ немъ заключалось какое-либо различіе частей.

[3]) Приводимые §§ 7 и 8 первой главы понимаются различно, см. М. Мандесъ, стр. 251—253: Кьяпелли неправильно вычитываетъ здѣсь своего рода гносеологическій атомизмъ. По его мнѣнію, смыслъ мѣста таковъ. Если бы множество (элементовъ) образовывало единство въ смѣси, чувство воспринимало бы только каждый элементъ въ отдѣльности. Такимъ образомъ, хотя вещей было бы много, намъ бы онѣ являлись каждая въ отдѣльности. Апельтъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Смѣсь можетъ быть двоякая: либо сложеніе (**σύνθεσις**), либо наложеніе (**ἐπιπρόσθεσις**). И въ томъ и въ другомъ случаѣ смѣсь является „только внѣшнимъ связываніемъ множественнаго“: при „сложеніи“ элементы смѣси сразу видны, при „наложеніи“ каждый элементъ виденъ послѣ снятія лежащихъ надъ нимъ слоевъ. Мелиссъ въ данномъ мѣстѣ отвѣчаетъ на возраженіе: смѣсь элементовъ удовлетворяетъ требованіямъ элеатскаго сущаго, такъ какъ она едина, хотя и составлена изъ множества. М. Мандесъ даетъ слѣдующее объясненіе. Противники Мелисса утверждали, что смѣшеніе, какъ фактъ, существуетъ, и это доказываетъ, что множественное можетъ стать единымъ. Мелиссъ полемизируетъ, указывая, что механическая смѣсь не будетъ подлинной смѣсью, что въ ней отдѣльные элементы будутъ оставаться особо, между тѣмъ какъ подлинная смѣсь (химическая) дѣйствительно едина, въ ней

собой смѣсь большаго числа (элементовъ) [1]), то вещей было бы много и онѣ двигались бы, мѣняясь мѣстами, и смѣсь была бы или въ родѣ (простого) соединенія въ единомъ большаго числа (элементовъ) или подобная чередованію пластовъ изъ элементовъ смѣси. Въ первомъ случаѣ элементы смѣси были бы замѣтны, такъ какъ они стоятъ (каждый) особо, въ случаѣ же смежныхъ пластовъ каждая изъ составныхъ частей смѣси, расположенныхъ одна надъ другой, становилась бы замѣтной при растираніи, если снимать (части), лежащія передъ ней. Изъ нихъ (*этихъ двухъ возможныхъ случаевъ*) ни то, ни другое не соотвѣтствуетъ (*подлинно единому*).

(*8*) Благодаря этимъ способамъ (*смѣшенія*), думалъ онъ, оно (*сущее*) было бы (*на самомъ дѣлѣ*) множественнымъ и намъ казалось бы единымъ. Итакъ, такъ какъ невозможно, чтобы дѣло обстояло такимъ образомъ, то и сущее не можетъ быть множественнымъ, но оно (*лишь*) ошибочно кажется таковымъ. Вѣдь много и другого ложно представляется (*обманываетъ*) согласно ощущенію. Разумъ же не принимаетъ этого, (а именно) отвергаетъ возникновеніе этого [2]), и сущее не множественно, но едино, вѣчно, безпредѣльно и повсюду подобно самому себѣ.

(*9*) [3]) Итакъ, во-первыхъ, не слѣдуетъ ли въ самомъ началѣ (*разсужденія*) принять не любое мнѣніе, но (лишь) тѣ мнѣнія, которыя наиболѣе надежны? Такимъ образомъ, если считать ненадежными всѣ мнѣнія до единаго, то, пожалуй, совсѣмъ не слѣдуетъ пользоваться и нашимъ положеніемъ, что никогда ничего не можетъ возникнуть изъ ничего. А именно, оно тоже есть одно изъ неправильныхъ мнѣній, въ которое мы какъ-то совершенно увѣровали на основаніи многихъ случаевъ, данныхъ ощущеніемъ.

(*10*) Если же не все кажущееся намъ ложно, но и изъ этихъ мнѣній нѣкоторыя вѣрны, то должно или принять ихъ, доказавъ (предварительно), что они именно таковы, или принять (тѣ мнѣнія, которыя кажутся наиболѣе истинными. Эти положенія всегда должны быть болѣе надежными, чѣмъ тѣ, которыя будутъ изъ нихъ доказаны.

(*11*) Вѣдь если бы даже два мнѣнія и были отчасти противоположны другъ другу, какъ, напримѣръ, по его мнѣнію, (*въ слѣдующемъ разсуж*

множественности нѣтъ. Ф. Кернъ полагаетъ, что здѣсь простое смѣшеніе, въ которомъ явно видны составныя части, противополагается смѣси, въ которой осуществлено внутреннее взаимопроникновеніе частей, вслѣдствіе чего сразу нельзя признать смѣси и отдѣльныя составныя части узнаются лишь при растираніи. Общій смыслъ мѣста: отрицаніе ученія о смѣшеніи элементовъ.

[1]) Таковъ „Сферосъ“ Эмпедокла.

[2]) Т. е. отвергаетъ реальность всего возникающаго, даваемаго намъ чувственнымъ воспріятіемъ. Такимъ образомъ здѣсь утверждается, что Мелиссъ отрицалъ значимость чувственнаго воспріятія.

[3]) Съ § 9 начинается критика ученія Мелисса. Прежде всего дается критика основоположенія элейскаго ученія: невозможно возникновеніе изъ ничего. Истинность этого положенія Мелиссомъ вовсе не доказана.

деніи): (Если сущее множественно, то, говоритъ онъ, оно должно было возникнуть изъ не-сущаго. Если же это невозможно, то сущее не множественно. Ибо, если что-нибудь существуетъ, то, будучи невозникшимъ, оно безпредѣльно. А въ такомъ случаѣ оно также едино), то, въ самомъ дѣлѣ, когда нами одинаково признаются обѣ эти посылки, то одинаково не доказывается ни то, что (сущее) едино, ни то, что оно множественно. Но (*только въ томъ случаѣ*) если одна изъ нихъ болѣе вѣрна, и выведенное изъ нея заключеніе (будетъ) болѣе доказаннымъ.

(*12*) Мы имѣемъ оба эти мнѣнія: и то, что ничего не можетъ возникнуть изъ ничего, и то, что сущее множественно и движется. Изъ нихъ обоихъ болѣе надежно второе, да и всѣ, пожалуй, скорѣе предпочтутъ второе мнѣніе первому [1]). Такимъ образомъ, если бы (два) утвержденія, (во-первыхъ), что возникновеніе изъ не-сущаго невозможно, (и во-вторыхъ), что вещи не множественны, оказывались бы противоположными, то они (*по меньшей мѣрѣ*) опровергались бы одно другимъ.

(*13*) Но почему должно быть скорѣе такъ, (а не иначе)? Можетъ быть, возможно даже утверждать противоположное этому. Вѣдь онъ велъ разсужденіе, не доказавъ, что мнѣніе, отъ котораго онъ отправляется, правильно, и не взявъ (въ качествѣ посылки) болѣе надежнаго (мнѣнія), нежели то, которое служитъ цѣлью доказательства. Вѣдь скорѣе признается правдоподобнымъ возникновеніе сущаго изъ не-сущаго, нежели то, что сущее не множественно.

(*14*) Весьма говоритъ въ пользу того, что возникаетъ не существующее и что уже возникло многое изъ не существовавшаго (ранѣе), и то (обстоятельство), что не (только) первые встрѣчные, но и нѣкоторые изъ пріобрѣвшихъ репутацію мудрецовъ высказались за это.

(*15*) Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, (вотъ) слова Гезіода: „Прежде всего возникъ Хаосъ, а затѣмъ широкогрудая Земля, вѣчно непоколебимое сѣдалище всего, и Эросъ, который блистаетъ среди всѣхъ безсмертныхъ“ (*Теогонія 116. 117. 120*). (Все) же остальное, говоритъ онъ, произошло изъ нихъ, они же (возникли) изъ ничего. Также многіе другіе [2]) утверждаютъ, что ничто не существуетъ, но все возникаетъ, причемъ говорятъ, что возникающее возникаетъ не изъ сущаго. Вѣдь иначе у нихъ не могло бы все возникать. Такимъ образомъ очевидно, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ кажется, что возможно возникновеніе и изъ не сущаго.

Глава 2 [3]). (*1*) Однако, не слѣдуетъ ли оставить (въ сторонѣ вопросъ), возможно ли или невозможно то, что онъ говоритъ, и не достаточно ли

---

[1]) Подразумѣвается „если бы пришлось сдѣлать выборъ между ними“. Читаю здѣсь „*ταύτην ἐκείνης*“ вмѣсто „*ταύτης ἐκείνην*“.

[2]) Разумѣются гераклитовцы.

[3]) Вторая глава заключаетъ въ себѣ критику самыхъ умозаключеній Меллиса съ формально-логической стороны.

(будетъ) разсмотрѣть, выводитъ ли онъ эти свои заключенія изъ принятыхъ посылокъ или безъ всякой помѣхи дѣло можетъ обстоять и иначе [1])? Вѣдь какое-нибудь другое (заключеніе) можетъ оказаться равноправнымъ съ вышеприведеннымъ.

(*2*) Если допущена первая принимаемая имъ (посылка), (а именно), что ничто не можетъ возникнуть изъ не сущаго, то развѣ необходимо, чтобы все было невозникшимъ, или вполнѣ возможно возникновеніе одного изъ другого, другого изъ третьяго и такъ далѣе до безконечности?

(*3*) Или (*возможно также*) [2]) круговое возвращеніе такого рода, что одно возникло изъ другого, другое изъ третьяго, причемъ, такъ какъ всегда такъ бываетъ, то всѣ вообще (вещи) безконечное число разъ возникали другъ изъ друга?

(*4*) Такимъ образомъ, пожалуй, вполнѣ возможно, чтобы все было возникшимъ, (*и въ томъ случаѣ*) если принято, что ничто не можетъ возникнуть изъ не сущаго. И такъ какъ (*въ нашемъ первомъ случаѣ*) оно (*все*) безпредѣльно, то ничто не мѣшаетъ (*согласно мнѣнію Мелисса*) назвать его именами, подобающими единому. Вѣдь и онъ (*самъ*) безпредѣльное считаетъ и называетъ всѣмъ. Равнымъ образомъ, если (вещей) не безконечное число, ничто не мѣшаетъ ихъ возникновенію быть кругообразнымъ.

(*5*) Далѣе, если все возникаетъ и ничто не существуетъ, какъ говорятъ нѣкоторые, то какимъ образомъ все было бы вѣчнымъ? Но, правда, онъ ведетъ рѣчь о бытіи, какъ объ (*истинно*) сущемъ и покоющемся [3]). Ибо если, говоритъ онъ, оно не возникло, но существуетъ, то оно было бы вѣчнымъ, такъ какъ-де въ основѣ вещей должно лежать понятіе бытія.

(*6*) Притомъ (*и въ этомъ случаѣ*), если никоимъ образомъ ни не сущее не можетъ возникнуть, ни сущее не можетъ исчезнуть, однако, почему (мы должны считать) невозможнымъ, чтобы однѣ изъ существующихъ вещей были возникшими, другія же вѣчными, какъ говоритъ и Эмпедоклъ (*21 B 12*)? [4]) Вѣдь и послѣдній согласенъ со всѣмъ этимъ, а именно, (*онъ тоже думаетъ*) что „невозможно возникновеніе изъ не сущаго и совершенно невозможно исчезновеніе сущаго, ибо гдѣ какая-либо (вещь) всегда прочно стоитъ, тамъ она будетъ вѣчно“, однако, говоритъ, что изъ

---

[1]) То-есть: логически-ли необходимъ выводъ или посылки допускаютъ и иныя заключенія (данный выводъ является лишь одной изъ возможностей)? Далѣе указываются тѣ возможности, какія упущены Мелиссомъ.

[2]) Въ § 2 предполагалось возникновеніе безконечнаго числа вещей послѣдующихъ во времени изъ предшествовавшихъ, въ § 3 говорится о конечномъ числѣ вещей, возникновеніе которыхъ другъ изъ друга неизбѣжно принимаетъ характеръ кругового процесса. Въ первомъ случаѣ—безконечное число вещей, во второмъ—безконечное число круговращеній.

[3]) Авторъ дѣлаетъ оговорку, вспомнивъ, что во второй главѣ онъ хотѣлъ *не касаться предпосылокъ Мелисса*, но лишь разобрать способъ его аргументаціи.

[4]) Далѣе излагается ученіе Эмпедокла.

существующихъ (вещей) однѣ вѣчны, (какъ-то): огонь, вода, земля и воздухъ, остальныя же возникаютъ и произошли изъ вышеупомянутыхъ.

(*7*) Ибо у сущаго, какъ онъ думаетъ, нѣтъ никакого иного происхожденія, „но есть только смѣшеніе и размѣщеніе элементовъ смѣси, у людей же это называется рожденіемъ“ (*21 B 8, 3. 4*).

(*8*) Возникновеніе же, говоритъ онъ (*Эмпедоклъ*), бываетъ у вѣчныхъ (*элементовъ*) не въ отношеніи къ (ихъ) сущности и не на самомъ дѣлѣ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, послѣднее невозможно, по его мнѣнію. Ибо какимъ образомъ, говоритъ онъ, „что-нибудь могло бы увеличить вселенную да и откуда (*такой вещи*) притти?“ (*21 B 17, 32*). Но отъ смѣшенія и соединенія огня съ (другими элементами), имѣющимися наряду съ огнемъ, возникаетъ множество (вещей), отъ отдѣленія (элементовъ) и разложенія (*эти вещи*) снова уничтожаются. По смѣшенію и раздѣленію существуютъ временно многія (вещи), по природѣ же (*есть только*) четыре элемента, кромѣ причинъ, или единое [1]).

(*9*) Или если бы было прямо безконечное число этихъ элементовъ, изъ соединенія которыхъ (вещи) возникаютъ, отъ раздѣленія же уничтожаются, какъ, согласно нѣкоторымъ, говоритъ и Анаксагоръ, (утверждающій), что возникающія (вещи) возникаютъ изъ вѣчно сущаго, безконечнаго (*по числу*), то даже и въ этомъ случаѣ не все было бы вѣчнымъ, но (было бы) кое-что и возникающее, и возникшее изъ сущаго, и уничтожающееся, переходящее въ нѣкоторыя другія сущности.

(*10*) Далѣе, вполнѣ возможно, чтобы вселенная была нѣкоторой единой формой, какъ говорятъ Анаксимандръ и Анаксименъ,—первый, утверждая, что все есть вода [2]), второй же, Анаксименъ, (уча), что (все есть) воздухъ, а также всѣ остальные, признавшіе подобнымъ же образомъ вселенную единой. (Вполнѣ возможно), чтобы вселенная, (будучи такой единой формой), порождала множество (вещей), въ безконечномъ числѣ существующихъ и возникающихъ, а именно, принимая (различные) виды и въ большомъ и въ маломъ (масштабѣ), и также (производя это своимъ) разрѣженіемъ и сгущеніемъ.

(*11*) Также Демокритъ говоритъ, что и вода, и воздухъ, и каждая изъ многихъ (вещей), будучи однимъ и тѣмъ же, различаются (*только*) фигурой.

(*12*) Итакъ, что препятствуетъ многимъ (вещамъ) возникать и уничтожаться такимъ образомъ, (чтобы) единое всегда переходило изъ сущаго въ сущее, принимая указанныя различія, причемъ цѣлое (*вселенная*) нисколько ни увеличивалось бы, ни уменьшалось. Далѣе, почему невоз-

---

[1]) *Г. Дильсъ объясняетъ:* То-есть, по ученію Эмпедокла, естественнымъ состояніемъ вселенной является или полное соединеніе четырехъ элементовъ (Сферосъ, единое) или полное раздѣленіе ихъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ причины (Любовь и Вражда) не принимаются во вниманіе.

[2]) Историческая неточность.

можно, чтобы временами (одни) тѣла возникали изъ другихъ и разрѣшались въ (другія) тѣла, причемъ такимъ образомъ разрѣшающееся (*тѣло*) въ равной мѣрѣ возникало бы и снова уничтожалось бы?

(*13*) [1]) Если же и съ этимъ согласиться, (*то-есть если бы вселенная*) и существовала бы и была бы невозникшей, то почему она оказывается скорѣе безпредѣльной (*чѣмъ конечной*)? Дѣло въ томъ, что онъ называетъ безпредѣльнымъ то, что существуетъ не возникши. Дѣло-де въ томъ, что предѣлами являются начало и конецъ возникновенія.

(*14*) Однако, почему на основаніи сказаннаго (должно считать) невозможнымъ имѣть границу тому, что не возникло? Дѣло въ томъ, что, по его мнѣнію, если (что-нибудь) возникло, то оно имѣетъ то начало, изъ котораго оно начало возникать. Что же мѣшаетъ тому, что не возникло, имѣть начало, правда, не такое, изъ котораго оно возникло, но другое, и (что мѣшаетъ вещамъ), будучи вѣчными, ограничивать другъ друга?

(*15*) Далѣе, что препятствуетъ (*міровому*) цѣлому, будучи невозникшимъ, быть безпредѣльнымъ, возникающимъ же въ немъ (вещамъ) быть ограниченными, имѣя начало и конецъ возникновенія? И далѣе, что препятствуетъ вселенной, будучи единой и невозникшей, тѣмъ не менѣе быть, какъ говоритъ Парменидъ, ограниченной и „подобной массѣ совершенно правильнаго шара, повсюду равноотстоящей отъ центра; вѣдь бытія не можетъ быть ни чуточку больше, ни чуточку меньше въ одномъ мѣстѣ, чѣмъ въ другомъ“ (*18 B 8, 43—45*).

(*16*) Имѣя же центръ и периферію, оно имѣетъ границу, хотя и не возникло, такъ какъ, если даже, какъ онъ самъ говоритъ, существуетъ единое и оно есть тѣло, то оно имѣетъ различныя части самого себя, но всѣ онѣ—подобны.

(*17*) И именно онъ называетъ все подобнымъ не въ томъ смыслѣ, что оно подобно чему-нибудь другому (это положеніе, а именно, что безпредѣльное однородно, опровергаетъ Анаксагоръ [2]). Ибо подобное подобно другому, такъ что, если бы оно было двойственнымъ или бо́льшимъ по числу, оно не могло бы быть ни единымъ, ни безпредѣльнымъ). Но справедливо онъ называетъ его подобнымъ самому себѣ и говоритъ, что оно само все однородно [3]), потому что оно подобочастно (*ὁμοιομερές*), будучи все водой, или землей, или чѣмъ-либо другимъ въ этомъ родѣ.

(*18*) Итакъ, ясно, что, по его мнѣнію, существуетъ единое, каждая же изъ частей его, будучи тѣломъ, не безпредѣльна. Ибо безпредѣльно цѣлое. Такимъ образомъ части ограничиваютъ другъ друга, хотя онѣ и не возникли.

---

[1]) Съ § 13 начинается опроверженіе мнѣнія Мелисса о неизбѣжной связи временной безконечности съ пространственной.

[2]) Имѣется въ виду 46 B 12.

[3]) Срв. 18 B 8, 22.

(19) [1]) Далѣе, если оно (*вселенная*) вѣчно и безпредѣльно, то какимъ образомъ оно могло бы быть единымъ, будучи тѣломъ? Вѣдь если бы оно было изъ (категоріи) неподобочастныхъ, то (оно было бы) множественнымъ, и онъ самъ думаетъ, что, дѣйствительно, было бы такъ. Если же все есть вода, или все земля, или (если) сущее есть что-нибудь въ этомъ родѣ, то оно имѣло бы много частей (такъ и Зенонъ старается показать, что, будучи таковымъ, единое *состоитъ изъ частей*). Итакъ, у него (*сущаго*) было бы нѣкоторое большее число частей, которыя (были бы) меньше и мельче однѣ другихъ, такъ что такимъ образомъ повсюду было бы (нѣчто) иное, несмотря на то, что ни одного тѣла ни прибывало бы, ни убывало бы.

(20) Если же единое не имѣетъ вовсе ни тѣла, ни ширины, ни длины, то какимъ образомъ оно могло бы быть безпредѣльнымъ? Или почему невозможно такому (*сущему*) быть множественнымъ и безконечнымъ по числу?

(21) Далѣе, что препятствуетъ ему, существуя (въ количествѣ) болѣе одного, по величинѣ быть безпредѣльнымъ? Такъ, Ксенофанъ говоритъ (*11 A 47*), что глубина земли и высота воздуха безпредѣльны. Свидѣтельствуетъ (объ этомъ) также Эмпедоклъ. А именно, онъ порицаетъ нѣкоторыхъ за то, что они говорятъ это; (*по его мнѣнію*), невозможно при настоящемъ положеніи вещей этому быть: „Если безпредѣльно-велика глубина земли и (безпредѣльно-) изобиленъ эѳиръ, какъ (*гласятъ*) суетныя слова, вылившіяся изъ устъ уже многихъ смертныхъ, видѣвшихъ только небольшую часть вселенной“ (*21 B 39*).

(22) [2]) Далѣе, нѣтъ ничего нелѣпаго въ существованіи единаго, которое не повсюду однородно. Ибо, если все есть вода, или огонь, или что-нибудь иное въ этомъ родѣ, то ничто не мѣшаетъ сказать, что видовъ единаго сущаго большее число, причемъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности подобенъ самъ себѣ.

(23) Вѣдь ничто не препятствуетъ, чтобы одно было тонкимъ, другое же плотнымъ, лишь бы въ тонкомъ не было пустоты. А именно, въ тонкомъ, ни въ какихъ частяхъ (его), не находится такой отдѣльно обособившейся пустоты, чтобы одна часть цѣлаго была плотной, другая же не плотной (послѣдняя и есть уже тонкое, находящееся цѣликомъ въ такомъ состояніи), но какъ (*съ одной стороны*) все полно, такъ (*съ другой*) полное слабѣе плотнаго.

---

[1]) Съ § 19 опровергается мнѣніе Мелисса, что вѣчность и пространственная безпредѣльность неразрывно связаны съ понятіемъ единаго.

[2]) Съ § 22 авторъ переходитъ кь ученію Мелисса объ однородности сущаго. Далѣе въ связи съ этимъ онъ разсматриваетъ отрицаніе пустоты и движенія у Мелисса.

(*24*) Если же оно и существуетъ и не возникло, и если бы вслѣдствіе этого было бы дано, что оно есть безпредѣльное и невозможно существованіе другого и третьяго (безпредѣльнаго), то почему должно его называть единымъ [1]) и неподвижнымъ? ***. Въ самомъ дѣлѣ, если бы существовала безпредѣльная вселенная, какимъ образомъ пустота, не будучи вселенной, могла бы существовать?

(*25*) Онъ говоритъ, что, если не существуетъ пустоты, то сущее неподвижно. Ибо всѣ (вещи) движутся посредствомъ перемѣны мѣста.

(*26*) Итакъ, во-первыхъ, съ этимъ многіе несогласны, но (держатся того мнѣнія), что существуетъ нѣкая пустота, однако, разумѣется, она не есть какое-нибудь тѣло, но, какъ, напримѣръ, и Гезіодъ говоритъ, при возникновеніи (вселенной) прежде всего возникъ Хаосъ, такъ какъ прежде всего необходимо, чтобы было мѣсто для сущаго. Нѣчто въ этомъ же родѣ есть и пустота, на подобіе нѣкотораго сосуда, содержимое котораго представляетъ для насъ предметъ познаванія.

(*27*) Но даже если бы пустоты и вовсе не было, движеніе могло бы существовать нисколько не менѣе. Въ самомъ дѣлѣ, занявшись (изслѣдованіемъ) этого самаго (вопроса), Анаксагоръ не только не ограничился отрицаніемъ невозможности этого (вывода), но и (прямо) утверждалъ, что сущее движется, хотя пустоты не существуетъ.

(*28*) Подобнымъ же образомъ и Эмпедоклъ говоритъ, что постоянно соединяющіеся (элементы) движутся непрерывно все время, пустоты же вовсе не существуетъ. А именно, онъ говоритъ: „Во вселенной вовсе нѣтъ пустого; итакъ, откуда что-либо (подобное) могло бы притти?“ (*21 B 14*). Когда же (вселенная) соединяется въ одну форму, такъ что существуетъ единое, тогда, говоритъ онъ, „нѣтъ вовсе ни пустоты, ни излишка“ (*21 B 13*).

(*29*) Въ самомъ дѣлѣ, почему невозможно, чтобы (вещи) переходили одна на мѣсто другой и перемѣщались (такимъ образомъ, что) въ одно и то же время всегда одна какая-либо вещь переходила бы на мѣсто другой, эта на мѣсто третьей, и послѣдняя на мѣсто первой?

(*30*) Почему также на основаніи сказаннаго (должно считать) невозможнымъ, чтобы вещи двигались измѣненіемъ своего вида [2]), причемъ вещь оставалась бы на одномъ и томъ же мѣстѣ? О таковомъ движеніи говорятъ и другіе и онъ. (Такое движеніе бываетъ) всякій разъ, когда изъ бѣлаго дѣлается черное или изъ горькаго сладкое. Вѣдь отсутствіе пустоты или непроницаемость полнаго нисколько не препятствуетъ измѣненію.

(*31*) [3]) Такимъ образомъ все не должно быть необходимо ни вѣчнымъ, (ни единымъ), ни безпредѣльнымъ (но, если только оно множествен-

---

[1]) „Единымъ“ въ смыслѣ: „не имѣющимъ частей“.

[2]) Измѣненіе вида вещи считается здѣсь однимъ изъ видовъ движенія (качественное движеніе).

[3]) Въ § 31 авторъ даетъ резюме выводовъ своей критики.

но, то есть безконечное множество вещей), ни единымъ подобнымъ [1]), ни неподвижнымъ. Ни въ томъ случаѣ, если оно одно, ни въ томъ, если оно (существуетъ) въ какомъ-либо большомъ числѣ (*нѣтъ необходимости быть ему неподвижнымъ*). (*Даже*) если принять вышеприведенныя (*его положенія*), то изъ того, что имъ сказано, отнюдь не вытекаетъ невозможность для сущаго переустраиваться и измѣняться, такъ какъ (и въ томъ случаѣ), если все едино, движеніе существуетъ, и есть различіе въ большомъ и маломъ, и существуетъ измѣненіе, хотя ни одно тѣло ни прибываетъ, ни убываетъ, и (въ томъ случаѣ), если (все) множественно, одно съ другимъ смѣшивается и одно отъ другого отдѣляется.

(*32*) [2]) Ибо, естественно, смѣсь не есть ни такой рядъ пластовъ, ни такое соединеніе, о какихъ онъ говоритъ [3]), (характеризуя ихъ такъ), что эти (*элементы смѣси*) или прямо обособлены другъ отъ друга или оказываются обособленными послѣ снятія тѣхъ (частей), которыя лежатъ передъ ними, но они (*могутъ быть*) сложены такъ, что любая часть примѣшиваемаго прилегаетъ къ чему-либо, съ чѣмъ она смѣшивается, такимъ образомъ, что невозможно взять (отдѣльно) ни лежащихъ вмѣстѣ (элементовъ смѣси), ни сколько-нибудь частей (примѣшиваемаго), но (лишь самую образовавшуюся) смѣсь. Ибо, такъ какъ нѣтъ наименьшаго тѣла, то всякая часть перемѣшана со всякою, равнымъ образомъ и цѣлое (*представляетъ собой такую же смѣсь*).

6. Гиппократъ de nat. hom. 1 Но мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что такіе люди сами себя опровергаютъ (самыми) словами, (употребляемыми ими) въ своихъ разсужденіяхъ [4]), вслѣдствіе (своей) глупости, разсужденіе же Мелисса правильно. *Галенъ къ этому мѣсту XV 29. K* Итакъ, во всемъ этомъ разсужденіи онъ, очевидно, возражаетъ полагающимъ, что человѣкъ есть только одинъ какой-либо изъ четырехъ элементовъ, и утверждаетъ, что они ошибаются. И это не потому, что они ничего не доказываютъ, но (такъ какъ) ихъ разсужденіе было въ высшей степени неубѣдительнымъ. А именно, они не даютъ своего доказательства, что человѣкъ есть какой-либо одинъ изъ четырехъ элементовъ, но исправляютъ ученіе Мелисса, который, хотя тоже полагалъ, что (человѣкъ) есть единое, однако, не (думалъ, что онъ) есть какой-либо одинъ изъ этихъ четырехъ (элементовъ): воздуха, земли, воды и огня. Кажется, что этотъ мужъ былъ того мнѣнія, что въ основаніи четырехъ элементовъ лежитъ нѣкая общая сущность, не возникшая и не уничтожимая, которую послѣдователи его назвали матеріей; однако, этого онъ не былъ въ состояніи ясно доказать. И вотъ эту самую сущность онъ называетъ всеединымъ.

---

[1]) Читаю „ἓν ϑ᾽ ὅμοιον“ вмѣсто „οὔτε ἕν, οὔϑ᾽ ὅμοιον“ Дильса.

[2]) Въ § 32 дѣлается возраженіе противъ механическаго пониманія смѣси у Мелисса и этому противопоставляется понятіе химической смѣси.

[3]) См. глава I § 7.

[4]) Можетъ быть, какъ предлагаетъ Г. Дильсъ въ примѣчаніи, „выраженіями, противными самому (своему) ученію“.

7. *Аристотель Metaph. A 5. 589 b 25* (*пер. Розанова - Первова*) Итакъ, этихъ, какъ мы сказали, нужно оставить въ сторонѣ при настоящемъ изысканіи, а двоихъ изъ нихъ и подавно, такъ какъ они нѣсколько грубо разсуждаютъ, именно Ксенофана и Мелисса, Парменидъ же, кажется, какъ бы проницательнѣе учитъ и т. д. (*18 A 24*).

Аристотель phys. A 3. 186 a 6 Вѣдь оба они—и Мелиссъ и Парменидъ—строятъ свои умозаключенія эристически [1]), Дѣйствительно, они и ложныя посылки принимаютъ и разсужденія ихъ нелогичны. Болѣе грубо (разсужденіе) Мелисса и, хотя оно не заключаетъ въ себѣ недостатка [2]), однако, вслѣдствіе допущенія нелѣпаго единаго изъ послѣдняго вытекаютъ остальныя нелѣпости, что вполнѣ естественно.

8. *Аристотель phys. Δ 6. 213 b 12* Итакъ, Мелиссъ доказываетъ неподвижность всего на основаніи слѣдующихъ соображеній: вѣдь, если будетъ движеніе, говоритъ онъ, то необходимо быть пустотѣ, пустота же не принадлежитъ (къ числу) существующаго.

Аристотель de gen. et corr. A 8. 325 a 2 А именно, нѣкоторые изъ древнихъ были того мнѣнія, что сущее должно быть единымъ и неподвижнымъ. Ибо пустоты не существуетъ, движеніе же невозможно, если нѣтъ отдѣльнаго пустого (*пространства*). Съ другой стороны, не существуетъ многихъ (вещей), если нѣтъ того, что могло бы ихъ раздѣлять. Нѣтъ никакого различія между мнѣніемъ, что вселенная—не сплошное (цѣлое), но можетъ быть раздѣлена (на части), и утвержденіемъ, что она множественна, не едина и пуста. А именно, если (*вселенная*) повсюду дѣлима, то вовсе нѣтъ единаго, такъ что вселенная (*будетъ уже*) и не множественной, но пустотой. Если же она въ одномъ мѣстѣ дѣлима, въ другомъ недѣлима, то это похоже на какой-то продуктъ фантазіи. Ибо до какихъ поръ и вслѣдствіе чего одна часть находится въ такомъ состояніи (*недѣлимости*) и есть (*сплошное*) полное, другая же раздѣлена на части? Далѣе, подобнымъ же образомъ они говорятъ, что не можетъ быть движенія. На основаніи вотъ этихъ разсужденій нѣкоторые, оставивъ безъ вниманія ощущеніе и отнесшись къ нему съ (полнымъ) пренебреженіемъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, должно слѣдовать (*только*) разуму, утверждаютъ, что все едино, неподвижно и безпредѣльно. Ибо предѣлъ граничилъ бы съ пустотой. *Срв. 18 A 25.*

9. *Цицеронъ Ac. II 37, 118* Мелиссъ: сущее безпредѣльно и неизмѣнно, оно всегда было и будетъ.

Аэцій II 1, 2 (*см. стр. 29*). *I 3, 14* (*D. 285*) Мелиссъ; сынъ Иѳагена, милетецъ (*sic!*), былъ другомъ его (*Парменида*), переданное же (*ему послѣднимъ*) ученіе онъ не сохранилъ въ чистомъ видѣ. А именно,

---

[1]) То-есть, они ставятъ себѣ цѣлью лишь привести противника въ затруднительное положеніе и не заботятся объ истинности своихъ аргументовъ, опровергающихъ чужіе взгляды.

[2]) Въ логической связи.

онъ утверждалъ, что міръ безпредѣленъ, между тѣмъ какъ тѣ признавали міръ ограниченнымъ. *1, 6 (D. 328)* Діогенъ и Мелиссъ: вселенная безпредѣльна, міръ же ограниченъ. *II, 4, 11 см. стр. 29.*

10. Аристотель Soph. el. 5. 167 b 13 Напримѣръ, разсужденіе Мелисса о безконечности вселенной, имѣющее своими посылками, (во-первыхъ), что вселенная не возникла (ибо изъ не сущаго ничего не могло возникнуть), (во-вторыхъ) же, что возникшее возникло изъ (своего) начала. Итакъ, если вселенная не возникла, то она не имѣетъ начала, такъ что она безконечна. Однако, такое заключеніе не является (*логически*) необходимымъ. Ибо если все возникшее имѣетъ начало, то это еще не значитъ, что, если что-нибудь имѣетъ начало, то оно возникло. *6. 168 b 35* Подобно тому какъ въ разсужденіи Мелисса, онъ принимаетъ, что одно и то же—возникнуть и имѣть начало, или становиться равными и достигать одной и той же величины [1]). А именно, онъ полагаетъ, что (все), имѣющее начало, возникло, думая, что и то и другое—и возникшее и ограниченное—тожественны вслѣдствіе того, что имѣютъ начало.

11. Аристотель phys. A 2. 185 a 32 Мелиссъ же говоритъ, что сущее безпредѣльно. Въ самомъ дѣлѣ, сущее есть нѣчто, имѣющее величину... Ибо понятіе бозпредѣльнаго относится къ категоріи количества, а не сущности или качества. *Срв. Metaph. A 5. 985 b 18 (11 A 30). Phys. Г 6. 207 a 9 (18 A 27).*

12. Эпифаній adv. haer. III 2, 12 (D. 590). Мелиссъ Самосскій, сынъ Иѳагена, говорилъ, что вселенная едина по роду, въ природѣ же нѣтъ ничего постояннаго, но все въ возможности подвержено гибели. *Аэцій I 24, 1 (см. стр. 28).*

13. Аэцій I 7, 27 (D. 303) Мелиссъ и Зенонъ: всеединое (есть богъ) и только (это) единое вѣчно и безпредѣльно.

Олимпіодоръ de arte sacra p. 81, 3 ed. Ruelle Итакъ, Мелиссъ полагалъ, что божество есть единое неподвижное и безпредѣльное начало всего существующаго.

14. Филодемъ Rhet. fr. inc. 3, 7 Парменидъ и Мелиссъ говорили, что все едино, также вслѣдствіе того, что ощущенія (они считали) ложными.

Аристоклъ у Евсевія P. E. XIV 17, 7 Въ самомъ дѣлѣ, Мелиссъ, желая показать, почему и изъ того, что является (намъ) во время (акта) зрѣнія, ничего въ дѣйствительности нѣтъ, доказываетъ это посредствомъ самихъ явленій [2]). По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ (*цит. 20 B 8, 2. 3*). Когда онъ говоритъ это и многое другое въ томъ же родѣ, весьма есте-

---

[1]) Аристотель указываетъ здѣсь, что понятіе „имѣть начало" шире понятія „возникнуть" (т. е. имѣть начало *во времени*), подобно тому какъ понятіе „равный" шире, чѣмъ „равный *по величинѣ*".

[2]) Т. е. недѣйствительность ощущеній Мелиссъ доказываетъ на основаніи показаній самихъ ощущеній (а не исходя изъ разумныхъ соображеній).

ственно было бы задать ему вопросъ: „Итакъ, развѣ не ощущеніемъ узналъ ты то, что теперь тепло и затѣмъ становится холодно?“ Подобнымъ же образомъ (*можно спросить его*) и объ остальномъ. Ибо то, что онъ сказалъ, вовсе не могло бы быть открыто иначе, какъ отрицаніемъ и опроверженіемъ ощущеній посредствомъ величайшаго довѣрія къ нимъ [1]). *Срв. Аэцій IV 9, 1 (18 A 49)*.

B. Фрагменты.

«О природѣ, или о сущемъ» Мелисса.

1. *Симплицій phys. 162, 24* Также Мелиссъ, воспользовавшись этой общей аксіомой, далъ доказательство, что сущее не возникло. Онъ пишетъ слѣдующимъ образомъ: „То, что было, было всегда и будетъ вѣчно. Ибо, если оно возникло, то до своего возникновенія оно должно было вовсе не существовать. Если же, въ самомъ дѣлѣ, ничего не было, то никоимъ образомъ не могло что-нибудь возникнуть изъ ничего“.

Тотъ же фр. въ пер. Т. Гомперца: „То, что существуетъ, существовало отъ вѣка и вѣчно будетъ существовать. Ибо еслибъ оно возникло, оно неизбѣжно должно было бы, прежде чѣмъ возникло, быть *ничѣмъ*. Если же оно когда-то было *ничто*, то слѣдуетъ сказать, что изъ ничего никогда не можетъ возникнуть нѣчто“.

2. *Симплицій phys. 29, 22. 109, 20* „Такъ какъ, слѣдовательно, оно не возникло, но существуетъ, всегда существовало и всегда будетъ существовать, то оно не имѣетъ ни начала, ни конца, но безпредѣльно [2]). Вѣдь если бы оно возникло, то оно имѣло бы начало (ибо, будучи возникшимъ, оно должно было бы когда-либо начаться) и конецъ (ибо, будучи возникшимъ, онъ должно бы когда-нибудь кончиться). Но такъ какъ оно не началось и не кончилось, но было всегда и всегда будетъ, то оно не имѣетъ ни начала, ни конца. Ибо невозможно всегда существовать тому, что не все (цѣликомъ) [3]) существуетъ.

3. — — *109, 29* Подобно тому какъ онъ говоритъ, что „когда-либо возникшее“ (*B 2*) ограничено по своей сущности, точно такъ же онъ говоритъ, что вѣчно сущее безпредѣльно по своей сущности. Это онъ ясно

---

[1]) Аристоклъ отмѣчаетъ эристическій характеръ аргументаціи Мелисса. Послѣдній отрицаетъ значимость чувственнаго воспріятія именно потому, что абсолютно довѣряетъ имъ.

[2]) „Безпредѣльно“ какъ во временномъ, такъ и въ пространственномъ смыслѣ (подобнымъ же образомъ должно понимать значеніе словъ „начало“ и „конецъ“ въ этомъ фрагментѣ).

[3]) Можно также перевести: „тому, что не существуетъ въ полномъ смыслѣ слова“, или „тому, что не заключаетъ въ себѣ всего“.

высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Но подобно тому, какъ оно существуетъ вѣчно, такъ и по величинѣ оно всегда должно быть безконечнымъ“. Величина же, говоритъ онъ, есть недѣлимое (*срв. В 10).*

4. — — *110, 2* (*послѣ В 9*) Онъ приравнялъ по сущности безпредѣльное къ вѣчному, сказавъ: „Ничто изъ того, что имѣетъ начало и конецъ, ни вѣчно, ни безпредѣльно“, такъ что не имѣющее (ихъ) есть безпредѣльное.

5. — — *110, 5* (*послѣ В 4*) Изъ безпредѣльности же (*сущаго*) онъ вывелъ (*его*) единство на основаніи слѣдующаго: „Если бы оно не было единымъ, то оно граничило бы съ другимъ“. Этому (разсужденію) Эвдемъ ставитъ въ вину то, что оно выражено неопредѣленно, а именно, онъ пишетъ слѣдующимъ образомъ: „Положимъ, уже дано согласіе на то, что сущее безпредѣльно, почему же оно вмѣстѣ съ тѣмъ (*должно быть*) едино? Вѣдь, конечно, не потому, что, если бы ихъ (*сущихъ*) было много, они нѣкоторымъ образомъ граничили бы другъ съ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ, прошедшее время, повидимому, безконечно, хотя оно и граничитъ съ настоящимъ. Итакъ, многія (*сущія*), пожалуй, не могли бы быть безпредѣльными со всѣхъ сторонъ, но (быть безконечными) съ одной изъ двухъ сторонъ, кажется, они могли бы. Итакъ, (ему) должно было точно выяснить, какимъ образомъ они не могли бы быть безконечными, если бы ихъ было много“.

6. — *de caelo 557*, *14* Ибо между тѣмъ какъ съ очевидностью кажется, что чувственный (міръ) существуетъ, если бы сущее было единымъ, (ничего) не было бы другого, кромѣ него. Мелиссъ говоритъ: „Вѣдь если бы оно (*безпредѣльное*) существовало, оно было бы единымъ. Ибо если бы существовали двѣ (вещи), то онѣ не могли бы быть безконечными, но имѣли бы границы въ отношеніи другъ друга“, Парменидъ же говоритъ (*цит. В 8*, *4*).

То же въ пер. В. Нестле: „Если оно безгранично, то оно едино. Ибо если бы оно состояло изъ двухъ вещей, то послѣднія не могли бы быть безграничными, но должны были бы ограничивать другъ друга“.

7. — *phys. 111*, *18* Итакъ, Мелиссъ говоритъ, слѣдующимъ образомъ заканчивая ранѣе сказанное (имъ), (*а именно*) прибавляя слѣдующее (разсужденіе) о движеніи: „(*1*) И вотъ такимъ образомъ оно вѣчно, безпредѣльно, едино и совершенно однородно. (*2*) И оно не можетъ ни уничтожиться, ни увеличиваться[1]), ни переустраиваться[2]), оно не страдаетъ

[1]) Г. Церетели неточно: „ни увеличиться“. См. примѣчаніе Дильса.

[2]) Въ этомъ фрагментѣ мы встрѣчаемся съ терминомъ „*μετακοσμεῖσθαι*“. М. Мандесъ (стр. 295) придаетъ большое значеніе употребленію этого термина и усматриваетъ въ седьмомъ фрагментѣ защиту элейскаго ученія главнымъ образомъ противъ атомизма (Левкиппа), а также противъ Эмпедокла и Анаксагора. Здѣсь полемика противъ принципа **τῆς μετακοσμήσεως**—образованія новыхъ міровъ изъ данныхъ неизмѣнившихся элементовъ. Мелиссъ аргументируетъ: нѣкоторый космосъ, т. е. нѣкоторый порядокъ въ нѣкоторомъ расположеніи элементовъ, есть сущее; какъ таковое, оно не можетъ исчезнуть; новый порядокъ есть не сущее и, какъ таковое, онъ не можетъ возникнуть.

и не печалится. Въ самомъ дѣлѣ, если бы оно подвергалось чему-либо изъ упомянутаго, то оно болѣе не было бы единымъ. Вѣдь если сущее измѣняется, то безусловно, оно не (пребываетъ совершенно) однороднымъ [1]), но ранѣе существовавшее погибаетъ, не бывшее же возникаетъ. Итакъ, если бы оно хотя бы на одинъ волосъ измѣнилось въ теченіе десяти тысячъ лѣтъ, то оно все (цѣликомъ) уничтожилось бы въ теченіе всего времени [2]). (*3*) Но также невозможно и переустраиваніе его. Ибо прежнее устройство не погибаетъ и (ранѣе) не бывшее не возникаетъ. Такъ какъ ничто ни прибавляется, ни уничтожается, ни измѣняется, то какимъ образомъ (*что-либо*) переустроившееся могло бы находиться (въ числѣ) существующихъ (вещей)? [3]) Вѣдь если бы что-нибудь стало инымъ, то тѣмъ самымъ совершилось бы его переустройство. (*4*) Равнымъ образомъ оно не страдаетъ, ибо, испытывая страданіе, оно не обладало бы полнотой существованія: вещь, испытывающая страданіе, не могла бы существовать вѣчно; (больной предметъ) не обладаетъ такой силой, какъ здоровый. И однороднымъ оно (уже) не было бы, если бы страдало. Ибо страдать оно могло бы *(только въ томъ случаѣ)*, если бы что-нибудь (у него) отнялось или (къ нему) прибавилось, и, (слѣдовательно), оно (уже) болѣе не было бы однороднымъ. (*5*) Здоровое же не можетъ заболѣть. Ибо (въ этомъ случаѣ) погибло бы здоровое и сущее, и возникло бы не бывшее (*больное). (6*) И относительно чувства печали (имѣетъ силу) то же самое разсужденіе, какое (примѣнимо) къ страданію. (*7*) Пустоты нѣтъ вовсе. Ибо пустота—ничто. Итакъ, то, что есть ничто, существовать не можетъ. Равнымъ образомъ нѣтъ движенія. Ибо (сущему) некуда отойти, но (все) полно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы существовала пустота, то (сущее) отступало бы въ пустое (пространство). Но разъ пустоты нѣтъ, ему некуда отойти. *8*) Также не можетъ быть ни плотнаго, ни рѣдкаго, ибо рѣдкое не можетъ быть наполненнымъ въ одинаковой степени съ плотнымъ, но рѣдкимъ, разумѣется, бываетъ то, что заключаетъ въ себѣ больше пустоты, нежели плотное. (*9*) Должно же принять слѣдующее различіе между полнымъ и неполнымъ: если что-нибудь даетъ мѣсто (*въ себѣ другому*) или принимаетъ въ себя (*другое*), то оно не полно; если же (что-нибудь) не даетъ мѣста (въ себѣ другому) и не принимаетъ (его) въ себя, то оно полно. (*10*) Итакъ, если нѣтъ пустоты, то (сущее) должно быть полнымъ. Слѣдовательно, если оно полно, то движенія нѣтъ.

8. *Симплицій de caelo 558, 19* (*Срв. A 14*) А именно, сказавъ о сущемъ, что оно—единое, не возникшее, неподвижное, и не раздѣленное

---

[1]) „Если оно измѣняется, оно по необходимости не можетъ пребывать одинаково *сущимъ*“, кн. С. Трубецкой.

[2]) „Если бы вселенная за тысячи лѣтъ измѣнилась хоть на одинъ волосокъ, она погибла бы въ совокупности времени“ Г. Церетели.

[3]) „Какимъ образомъ что-либо изъ существующаго можетъ выйти изъ міровогo порядка?“ Г. Церетели.

никакой пустотой, но (цѣликомъ) все наполненное собой, Мелиссъ прибавляетъ: (*1*) Это разсужденіе есть важнѣйшее доказательство того, что существуетъ только единое. Но и слѣдующія доказательства [1]) (*убѣждаютъ въ томъ же*). (*2*) Вѣдь если бы существовало много (вещей), то онѣ должны бы были быть именно такими, какимъ, согласно моей характеристикѣ, оказывается единое сущее [2]). Ибо, если (дѣйствительно) существуетъ земля, вода, воздухъ, огонь, желѣзо, золото, если (въ самомъ дѣлѣ) одно живо, другое мертво, если (во истину) существуетъ черное, бѣлое и все остальное, что люди признаютъ подлинно существующимъ, итакъ, если (все) это (въ самомъ дѣлѣ) существуетъ, и мы правильно видимъ и слышимъ, (въ такомъ случаѣ) каждая (изъ упомянутыхъ вещей) должна быть именно такой, какой она намъ показалась при первомъ знакомствѣ съ ней, (то-есть, она не должна) ни измѣняться, ни становиться иной (вещью), но каждая вещь всегда должна быть именно такой, какой она есть. Но вотъ мы утверждаемъ, что правильно видимъ, слышимъ и познаемъ. (*3*) Однако, намъ кажется, что теплое становится холоднымъ, холодное теплымъ, твердое мягкимъ, мягкое твердымъ, живое умираетъ и возникаетъ изъ неживого, что все это измѣняется и что то, что было, и то, что теперь есть, вовсе не похожи (другъ на друга), но (даже) желѣзо, несмотря на свою твердость, стирается отъ соприкосновенія съ пальцемъ, постепенно исчезая [3]), и (*точно такъ же*) золото, камень и все остальное, что считается твердымъ, (*а съ другой стороны*) изъ воды образуется земля и камень. Отсюда слѣдуетъ, что (истинно) сущаго мы не видимъ и не познаемъ. (*4*) Итакъ, это одно съ другимъ не согласуется [4]). Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на утвержденіе, что существуетъ много (вещей), которыя вѣчны и имѣютъ постоянныя формы, намъ кажется, что все измѣняется и становится инымъ, на основаніи отдѣльныхъ зрительныхъ воспріятій. (*5*) Итакъ, очевидно, что наше зрѣніе обманчиво и что (намъ) ошибочно кажется, будто тѣхъ (вещей) много. Ибо если бы онѣ во-истину

---

[1]) „Пункты“ Г. Дильсъ.

[2]) Здѣсь Мелиссъ, по мнѣнію кн. С. Трубецкого (стр. 115 „Исторіи“), предвосхищаетъ ученіе атомистовъ или указываетъ на него, такъ какъ атомисты приписывали атомамъ свойства сущаго Парменида (вѣчность, неизмѣнность, полноту, непроницаемость, недѣлимость).

[3]) „Само твердое желѣзо стирается на пальцѣ, который оно окружаетъ въ видѣ перстня, а также и золото, и драгоцѣнные камни, и все, что мы считаемъ самымъ твердымъ“ (Т. Гомперцъ). „Что желѣзо, хоть и твердо на ощупь, убываетъ подъ вліяніемъ ржавчины, что вывѣтриваются и золото, и камень, и всѣ другія, повидимому, твердыя тѣла“ (Г. Церетели). „Желѣзо, будучи твердымъ, стирается пальцемъ, исчезая постепенно“ (кн. С. Трубецкой). „Желѣзо... стирается пальцемъ, словно течетъ“ (Ф. Кернъ). Г. Церетели слѣдуетъ коньектурѣ Целлера: **ὑπ' ἰοῦ ῥέων**. Мы предпочитаемъ коньектуру Bergk'а и J. Burnet'а: **ὁμουρέων**.

[4]) Т. е. послѣднее утвержденіе противорѣчитъ ранѣе высказанному положенію, будто мы правильно видимъ, слышимъ и познаемъ.

существовали, онѣ не измѣнялись бы, но каждая (вещь) оставалась бы именно такой, какой она казалась (*при первомъ знакомствѣ съ ней*). Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего сильнѣе истинно сущаго [1]). (*6*) Если же (сущее) измѣнилось, то (*значитъ*) бывшее погибло, не бывшее же возникло. Итакъ, (мы получаемъ слѣдующій результатъ): Если бы существовало много (вещей), то онѣ должны бы были быть именно такими, каково единое.

9. *Симплицій phys. 109, 34* (*послѣ В 10*) А именно, въ слѣдующихъ словахъ (Мелиссъ) обнаружилъ, что сущее онъ считаетъ безтѣлеснымъ: „Итакъ, если оно существуетъ, оно должно быть единымъ. Если же оно едино, то оно не должно имѣть тѣла. Если бы у него была толщина, оно имѣло бы части и уже не было бы единымъ".

То же въ пер. Г. Церетели. „Если бытіе существуетъ, оно должно быть единымъ; но, будучи единымъ, оно не должно имѣть тѣлесной оболочки, ибо, если бы оно было плотно, оно заключало бы въ себѣ частицы и не было бы единымъ".

10. — — *109, 32* (*послѣ В 3*) Онъ говоритъ, что величина недѣлима. А именно, онъ (*Мелиссъ*) самъ даетъ (слѣдующее) доказательство недѣлимости сущаго. „Вѣдь если сущее раздѣлено (на части), говоритъ онъ, то оно движется. Если же оно движется, то оно не можетъ существовать". А величиной онъ называетъ самую высоту субстанціи.

То же въ пер. Г Церетели: „Разъ бытіе дѣлимо—оно движется, но то, что движется, не можетъ составлять одного цѣлаго".

Перифразъ фрагментовъ 1. 2. 6. 7 [2]) *Симплицій phys. 103, 13* Теперь разсмотримъ-те ученіе Мелисса, на которое онъ прежде всего отвѣчаетъ (*Аристотель phys. A 3. 186 a 4*). А именно, воспользовавшись аксіомами физиковъ о возникновеніи и уничтоженіи, Мелиссъ слѣдующимъ образомъ начинаетъ свое сочиненіе: „(*1*) Если ничего нѣтъ, то можно ли говорить объ этомъ что-либо, какъ о чемъ-то существующемъ? [3]) Если же что-нибудь существуетъ, то оно или возникшее или вѣчно сущее. А если оно возникшее, то (оно возникло) или изъ сущаго или изъ не сущаго. Однако, ничто (ни какое-либо другое бытіе, ни тѣмъ болѣе подлинно сущее) не можетъ возникнуть ни изъ небытія, ни изъ бытія. Ибо въ послѣднемъ случаѣ оно (уже) существовало бы и не возникало. Итакъ, сущее не возни-

---

[1]) „Ибо нѣтъ ничего сильнѣе подлинной истины" (Г. Дильсъ). „Ибо ничто не превозмогаетъ истинно сущаго" (кн. С. Трубецкой). „Ибо нѣтъ ничего крѣпче подлинной реальности" (Дж. Бернетъ).

[2]) Прежде считали ниже приводимыя разсужденія подлинными фрагментами Мелисса (такъ, еще Таннери въ 1887 г.). A. Pabst (De Melissi Samii fragmentis, 1889) полагаетъ, что, на самомъ дѣлѣ, это ничто иное, какъ свободный перифразъ выше приведенныхъ фрагментовъ 1, 2, 6 и 7, сдѣланный Симплиціемъ.

[3]) Только эту первую фразу Дж. Бернетъ считаетъ подлиннымъ фрагментомъ и признаетъ ее подлиннымъ началомъ сочиненія Мелисса. Таково же мнѣніе Т. Гомперца.

каетъ. Слѣдовательно, оно—вѣчно сущее. И не уничтожится сущее (*никогда*). Ибо бытіе не можетъ переходить ни въ небытіе (вѣдь съ этимъ согласны и физики), ни въ бытіе. А именно, въ послѣднемъ-то случаѣ оно опять оставалось бы и не погибло бы. Итакъ, сущее и не возникло и не уничтожится. Слѣдовательно, оно всегда было и будетъ".

2. Но такъ какъ возникшее имѣетъ начало, то не возникшее начала не имѣетъ. Бтіе же не возникло. Слѣдовательно, оно не имѣетъ начала. Съ другой стороны, разрушающееся имѣетъ конецъ. Если же что-нибудь неразрушимо, то оно конца не имѣетъ. Итакъ, сущее, будучи неразрушимымъ, не имѣетъ конца. Не имѣющее же ни начала, ни конца есть какъ разъ безпредѣльное. Слѣдовательно, сущее безпредѣльно.

6. Если же оно безпредѣльно, то оно едино. Ибо если бы ихъ было два, то они не могли бы быть безпредѣльными, но граничили бы другъ съ другомъ. Сущее же безпредѣльно. Поэтому нѣтъ многихъ сущихъ. Слѣдовательно, сущее едино.

7. (*1*) Но однако, если оно едино, то и неподвижно. Ибо единое всегда подобно самому себѣ. (*2*) Подобное же не можетъ ни уничтожиться, ни увеличиваться, ни переустраиваться, оно не страдаетъ и не печалится. Ибо если бы оно подвергалось чему-либо изъ упомянутаго, то оно не было бы единымъ. И въ самомъ дѣлѣ, двигающееся какимъ бы то ни было образомъ переходитъ изъ чего-либо во что-нибудь другое. Но, кромѣ бытія, ничего другого нѣтъ. Итакъ, оно не будетъ двигаться.

(*7*) И другимъ способомъ (*можно это доказать*). Вовсе нѣтъ пустоты въ сущемъ. Ибо пустота —ничто. Итакъ, то, что есть ничто, существовать не можетъ. Слѣдовательно, сущее не движется. Вѣдь ему некуда отойти, разъ пустоты не существуетъ. (*8*) Но и сжаться въ себѣ ему невозможно [1]). Ибо въ такомъ случаѣ оно было бы рѣже и плотнѣе самого себя. А это невозможно. Вѣдь рѣдкое не можетъ быть наполненнымъ въ одинаковой степени съ плотнымъ, но рѣдкимъ, разумѣется, становится заключающее въ себѣ больше пустоты, чѣмъ плотное. Пустоты же нѣтъ. Полно ли сущее или нѣтъ, объ этомъ должно судить по тому, (можетъ) ли оно принимать что-либо другое въ себя или нѣтъ. А именно, если оно не принимаетъ въ себя (ничего другого), то оно полно. Если же оно въ состояніи принимать что-либо въ себя, то неполно. Итакъ если пустоты нѣтъ, то оно обязательно должно быть полнымъ. Если же оно таково, то оно не движется, (и это) не потому, что нельзя двигаться черезъ наполненное (*пространство*), какъ мы утверждаемъ относительно тѣлъ, но потому что все бытіе не можетъ подвинуться ни въ бытіе (ибо кромѣ него нѣтъ ничего), ни въ небытіе. Вѣдь небытія нѣтъ".

Итакъ, можно ограничиться этими (извлеченіями) изъ разсужденій Мелисса, какъ относящимися къ Аристотелевскому возраженію. Предпо-

---

[1]) „Равнымъ образомъ бытіе не можетъ сконцентрироваться въ самомъ себѣ" Г. Церетели.

ложенія же его, вкратцѣ говоря, слѣдующія: „Бытіе не возникло. То, что не возникло, начала не имѣетъ, такъ какъ возникшее имѣетъ начало. Не имѣющее начала безпредѣльно. Второго безпредѣльнаго наряду съ первымъ быть не можетъ, но (*безпредѣльное можетъ быть только*) единымъ. Единое же безпредѣльное неподвижно".

Подложные фрагменты.

11. *Палефатъ de incredib. p. 22, 1 Festa* Я, по крайней мѣрѣ, всегда хвалю писателей Мелисса и Ламиска Самосскаго (*пиѳагорейца, см. Діогенъ III 22*), говорившихъ вначалѣ: „То, что возникло, существуетъ и теперь будетъ существовать" [1]).

12. *Греческо-сирійскія философскія изреченія о душѣ, перев. Ryssel'емъ* (*Rhein. Mus. 51, 539 n. 31*): Мелиссъ сказалъ: „Меня весьма возмущаетъ та безплодная работа, надъ которой безъ отдыха трудятся до устали живущіе (*на землѣ*): (*возмущаютъ меня ихъ*) ночныя поѣздки и тягостныя путешествія, во время которыхъ имъ приходится ѣхать *даже* по бурнымъ волнамъ моря и, находясь среди нихъ, висѣть между смертью и жизнью, и долгое время жить на чужбинѣ, вдали отъ своихъ жилищъ,—(*и все это*) только для полученія (матеріальныхъ) выгодъ, относительно которыхъ они (*даже*) не знаютъ, кто наслѣдуетъ ихъ послѣ ихъ смерти. Не хотятъ они пріобрѣтать прекрасныхъ сокровищъ мудрости, которыхъ они (никогда не лишатся, такъ какъ эти сокровища не только оставляются ими друзьямъ въ наслѣдство, но въ то же время вмѣстѣ съ ними самими спускаются въ подземный міръ и ими не утрачиваются. И объ этомъ свидѣтельствуютъ разсудительные, говоря: „Умеръ такой-то мудрецъ, но не мудрость его".

---

21. Эмпедоклъ.

Эмпедоклъ, сынъ Метона, изъ Агригента [2]) въ Сициліи—философъ, политическій дѣятель, поэтъ, ораторъ, врачъ, инженеръ, жрецъ и чудотворецъ. Вслѣдствіе преобладанія въ немъ практическихъ интересовъ, отразившихся и на характерѣ его философіи, А Дерингъ называетъ его античнымъ Бэкономъ Веруламскимъ. „Эмпедоклъ не только ожидаетъ отъ философіи отвѣта на запросы ума, но и ищетъ въ ней общаго руковод-

---

[1]) Совершенно вздорная цитата. Kranz предлагаетъ читать: „То, что возникло, существуетъ теперь и будетъ существовать всегда".

[2]) Нынѣшній Джирдженти.

ства для жизни какъ внутренней, такъ и внѣшней“ (Г. Якубанисъ) [1]. Философія, по мнѣнію Эмпедокла, должна дать власть надъ природой и личное счастіе. Въ лицѣ Эмпедокла мы встрѣчаемъ рѣдкое соединеніе разительныхъ противоположностей (Ренанъ называетъ его смѣсью Ньютона и Каліостро) [2]. Годы рожденія и смерти Эмпедокла неизвѣстны (по Э. Целлеру 492—432; по Г. Дильсу и П. Таннери 484—424; Дж. Бернетъ относитъ его рожденіе предположительно къ 490 г.; отмѣтимъ еще мнѣніе Унгера [3]), по которому Эмпедоклъ родился въ 520 г. и исчезъ съ агригентинскаго горизонта въ 461 г., сочиненіе же его вышло раньше 472 г.). Акме Эмпедокла, по Аполлодору, приходится на 84 олимпіаду (444 г, дата основанія города Ѳурій). Происходилъ Эмпедоклъ изъ богатаго рода; дѣдъ его, носившій также имя Эмпедокла, пользовался извѣстностью, какъ побѣдитель въ конномъ состязаніи на олимпійскихъ играхъ въ 71 ол. (496); внукъ философа, тоже носившій имя Эмпедокла, былъ, вѣроятно, авторомъ трагедій, которыя приписывали впослѣдствіи его дѣду. Философъ Эмпедоклъ игралъ значительную роль въ политической жизни своей родины, которая около того времени возвысилась до степени первоклассной державы. Эмпедоклъ выступилъ въ качествѣ вождя демократической партіи. Отмѣтимъ его широкую благотворительность, которая носила своеобразную форму: онъ надѣлялъ приданымъ безприданницъ-дѣвушекъ своего города. Аристотель (см. A 1 § 63) рисуетъ его, какъ человѣка независимаго и чуждаго желанія властвовать, и при этомъ упоминаетъ, что Эмпедоклъ отказался отъ предложенной ему царской власти. Однако, отказъ Эмпедокла отъ царской власти лучше всего объясняется его честолюбіемъ. „Отвергнутый вѣнецъ самъ по себѣ является уже не малой причиной славы... Честолюбіе великаго гордеца жаждало большаго, чѣмъ всѣ царскіе престолы“ (Т. Гомперцъ, стр. 199). Защищая идею всеобщаго равенства всей силой своего пышнаго краснорѣчія, подвергая смертной казни по малѣйшимъ поводамъ подозрѣваемыхъ въ сочувствіи царской власти (см. A 1 § 64) и даже выступая противъ чествованія памяти выдающихся по своимъ заслугамъ гражданъ (не останавливаясь передъ злой насмѣшкой надъ ними, см. A 1 § 65), эта богатая противорѣчіями натура требовала себѣ чуть не божественнаго почитанія. „Несмотря на свои демократическіе принципы, Эмпедоклъ держалъ себя гордо и съ презрѣніемъ относился къ толпѣ“ (Э. Радловъ). Нападая на роскошную жизнь другихъ (см. A 1 § 63), Эмпедоклъ самъ ходилъ въ роскошномъ пурпуровомъ одѣяніи съ золотой повязкой на головѣ и носилъ мѣдную обувь. Онъ приписывалъ себѣ силу творить чудеса (B 111): воскрешать мертвыхъ,

---

[1]) Г. Якубанисъ. Эмпедоклъ, стр. 51. О задачахъ философіи у Эмпедокла см. тамъ же стр. 53.

[2]) Renan. Mélanges d'histoire et de voyages, стр. 104.

[3]) F. G. Unger. Die Zeitverhältnisse des Anaxagoras und Empedocles, Philologus, IV Supplementband, 1880, стр. 550.

удалять старость, исцѣлять всѣ болѣзни, укрощать вѣтры, вызывать урожай плодовъ. Особенно сильное впечатлѣніе на его современниковъ произвелъ случай возвращенія имъ къ жизни мнимоумершей агригентинки Панѳеи (этотъ случай описалъ Гераклидъ Понтійскій, сдѣлавъ изъ него цѣлый романъ). Эмпедоклу приписывали спасеніе страны отъ вреднаго дѣйствія пассатныхъ вѣтровъ, за что онъ получилъ прозвище „укротителя вѣтровъ" (A 1 § 60), и спасеніе города Селинунта отъ моровой язвы (A 1 § 70), а также ему обязанъ его родной городъ здоровымъ климатомъ, такъ какъ имъ былъ пробитъ проходъ въ скалѣ, открывшій доступъ освѣжающимъ сѣвернымъ вѣтрамъ. Послѣ всего сказаннаго неудивительно, если своимъ современникамъ, какъ и самому себѣ, онъ казался не простымъ человѣкомъ, а божественнымъ сверхъестественнымъ существомъ. Объ его смерти ходило много легендарныхъ разсказовъ столь же противорѣчивыхъ, какъ и сама его личность, въ умѣ и характерѣ которой „чистое золото подлинныхъ дарованій и заслугъ такъ странно перемѣшалось съ мишурой пустого тщеславія" (Т. Гомперцъ, стр. 200) [1].

Ѳеофрастъ сообщаетъ (A 1 § 55), что Эмпедоклъ „былъ поклонникомъ Парменида и подражалъ послѣднему въ своихъ сочиненіяхъ"; по свидѣтельству Алкидама (A 1 § 56), Эмпедоклъ слушалъ Парменида одновременно съ Зенономъ. И дѣйствительно, философія Эмпедокла въ основной своей части представляетъ собой ничто иное, какъ рѣшеніе задачи, поставленной поэмой Парменида. Послѣдняя состояла изъ двухъ непримиренныхъ частей: Истины и Мнѣнія, изъ которыхъ первая принципіально отказывалась дать объясненіе явленіямъ эмпирическаго міра. Если Зенонъ явился вѣрнымъ ученикомъ Парменидовой „Истины", то Эмпедоклъ сталъ горячимъ послѣдователемъ его „Мнѣнія" [2]. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ предшествовавшихъ Эмпедоклу ученій наиболѣе родственно ему „Мнѣніе" Парменида. Достаточно вспомнить, что тамъ впервые дѣятельная причина (богиня любви) отдѣлена отъ матеріальной, причемъ послѣдняя признается состоящей изъ несводимыхъ другъ на друга элементовъ (огонь и мракъ), которые лишь соединяются между собой, но не переходятъ другъ въ друга [3]. Возможно, что сходство содержанія по-

---

[1]) Разныя версіи о смерти Эмпедокла см. ниже у Діогена Лаэрція. Тщательный критическій анализъ біографическихъ свидѣтельствъ объ Эмпедоклѣ даетъ J. Bidez. La biographie d'Empédocle 1894. Попытку понять философію Эмпедокла изъ его личности на фонѣ общекультурнаго состоянія эпохи представляетъ собой работа Г. Якубаниса. Эмпедоклъ философъ, врачъ и чародѣй 1906.

[2]) Противъ „Истины" Парменида Эмпедоклъ выступаетъ во имя опытнаго знанія. Совершенное знаніе Эмпедоклъ считаетъ недостижимымъ вслѣдствіе неизбѣжной для каждаго человѣка неполноты знанія, что обусловлено краткостью человѣческой жизни, ограниченностью тѣлесной организаціи и моральнымъ несовершенствомъ. Методъ, предлагаемый Эмпедокломъ,—не пренебрегать ни однимъ изъ возможныхъ источниковъ познанія (см. B 4).

[3]) Совпаденія въ отдѣльныхъ частностяхъ мы укажемъ ниже.

эмы Эмпедокла съ „Мнѣніемъ“ Парменида было еще болѣе значительнымъ, но малочисленность дошедшихъ до насъ отрывковъ второй части поэмы Парменида не позволяетъ установить это. Понятіе реальности Эмпедоклъ заимствуетъ изъ Парменидовой „Истины“. Нѣтъ возникновенія и исчезновенія сущаго, учитъ Эмпедоклъ, нѣтъ и пустоты. Сущее качественно и количественно всегда неизмѣнно. Но оно множественно. Весь міровой процессъ представляетъ собой лишь смѣшеніе и разъединеніе качественно и количественно постоянныхъ элементовъ (при этомъ Эмпедоклъ полагаетъ, что всѣ элементы имѣются во вселенной въ равномъ количествѣ). Основной дуализмъ въ философіи Эмпедокла образуютъ матеріальные элементы и дѣятельныя силы. Но этотъ дуализмъ является у Эмпедокла невыдержаннымъ и полнымъ противорѣчій, поскольку онъ, съ одной стороны, и дѣятельныя силы мыслитъ протяженными и матеріальными, съ другой же стороны, матеріальные элементы считаетъ живыми, ощущающими божественными существами (о божескихъ именахъ, которыя Эмпедоклъ давалъ элементамъ, см. А 33). Элементамъ самимъ по себѣ присуща и особая двигательная сила, отличная отъ спеціальныхъ дѣятельныхъ силъ— Любви и Ненависти [1]). Отдѣливъ дѣятельную причину отъ матеріальной (хотя и несовершенно), Эмпедоклъ вводитъ затѣмъ дуалистическую точку зрѣнія въ каждую изъ нихъ. Дѣятельная причина, по его ученію, слагается изъ двухъ противоположно дѣйствующихъ силъ. Одну изъ нихъ Эмпедоклъ называетъ Любовью, Дружбой, Пріязнью, Гармоніей, Афродитой, Кипридой, Веселіемъ, Милостью (*Φιλία*, *Φιλότης*, *Στοργή*, *Ἁρμονία*, *Ἀφροδίτη*, *Κύπρις*, *Γηθοσύνη*, *Χάρις*) и даетъ ей эпитеты: „липкая“ (*σχεδύνη*), „достопочтенная“ (*θεμερῶπις*), „безукоризненная“ (*ἀμεμφής*) и „съ нѣжными чувствами“ (*ἠπιόφρων*); другую же онъ именуетъ Враждою, Ненавистью, Войной, Аресомъ (*Νεῖκος*, *Κότος*, *Δῆρις*, *Ἄρης*) и называетъ ее „кровавой“ (*αἱματόεσσα*), „неистовствующей“ (*μαινόμενον*) и „гибельной“ (*οὐλόμενον*). Эти начала Эмпедоклъ заимствовалъ у своихъ предшественниковъ. „Любовь, какъ вселенскій факторъ, выступаетъ уже у Гезіода, а затѣмъ, въ образѣ міроправящей богини, у Парменида. Сюда же, повидимому, нужно отнести и гармонію пиѳагорейцевъ. Концепція Раздора, Вражды, какъ принципа космогоническаго, ведетъ свое начало отъ Анаксимандра. Но наиболѣе рѣшительно долженъ былъ повліять на Эмпедокла въ этомъ смыслѣ Гераклитъ“ (Г. Якубанисъ, стр. 56). Функціи Любви и Вражды у Эмпедокла разграничены неясно (см. А 37). Эта неясность даетъ поводъ Кинкелю считать функціи Любви и Вражды почти тожественными: Когда Любовь соединяетъ воедино однородныя части, Вражда разъединяетъ неоднородныя; когда Любовь соединяетъ разнородныя части, Вражда разъединяетъ однородныя. Но вѣдь всякое соединеніе является съ другой стороны разъединеніемъ и обратно. Въ результатѣ получаемъ, что всякое дѣйствіе есть въ равной степени дѣло Любви и Вражды, дѣйствующихъ

[1]) П. Таннери, стр. 291.

всегда согласно (а не противоположныхъ по своимъ стремленіямъ). Съ этимъ мнѣніемъ Кинкеля можно сопоставить взглядъ Целлера: „Аристотель справедливо говоритъ, что соединенія и разъединенія нельзя отдѣлить, такъ какъ всякое новое соединеніе веществъ есть разъединеніе прежнихъ, и всякое разъединеніе ихъ есть введеніе ихъ въ новое соединеніе; но что Эмпедоклъ этого еще не замѣчаетъ и что Любовь у него разсматривается исключительно какъ причина соединенія и Ненависть—какъ причина раздѣленія, это несомнѣнно". Пониманіе Целлера-Кинкеля несостоятельно (объ этомъ мы скажемъ ниже), но поучительно, какъ образчикъ тѣхъ недоразумѣній, которыя порождаетъ своей неясностью система Эмпедокла. Какъ мы сказали, Любовь и Вражда у Эмпедокла матеріальны и, какъ таковыя, смѣшиваются съ элементами и другъ съ другомъ. Количественно онѣ равны между собой; количество каждой изъ нихъ равно количеству одного элемента, такъ что вся міровая масса состоитъ изъ шести качественно различныхъ и количественно равныхъ веществъ. Что касается матеріальной причины, то въ ней Эмпедоклъ усматриваетъ противоположность между огнемъ и прочими элементами (см. А 36 и 37). Всего же онъ принимаетъ четыре качественно различныхъ неизмѣнныхъ элемента: огонь, воздухъ, воду и землю. Понятіе элемента впервые появляется у Парменида въ его „Мнѣніи", затѣмъ еще опредѣленнѣе выступаетъ оно у Эмпедокла (самое же слово „элементъ"—*στοιχεῖον* впервые ввелъ Платонъ; у Парменида элементы называются „формами"—*μορφαί*, а у Эмпедокла „корнями" всѣхъ вещей „*πάντων ῥιζώματα*", В 6). Теорія четырехъ элементовъ благодаря Эмпедоклу становится господствующей въ древности (этому успѣху ея значительно способствовалъ тотъ благопріятный пріемъ, который она встрѣтила въ греческой медицинской наукѣ). Иногда считаютъ Эмпедокла основателемъ этой теоріи. Такъ, П. Таннери (стр. 290) пишетъ: „Эмпедоклъ не нашелъ возможнымъ объяснить изъ одного тѣлеснаго элемента все безконечное разнообразіе явленій, какъ пытались сдѣлать это древніе физіологи. Но, вмѣсто того, чтобы выводить безконечное разнообразіе явленій изъ безконечнаго числа началъ, онъ удовольствовался выборомъ четырехъ несводимыхъ другъ къ другу типичныхъ формъ—и въ этомъ его большая оригинальность". Штейнгартъ объясняетъ допущеніе *четырехъ* элементовъ вліяніемъ пиѳагорейской „четверицы". А. Фишеръ [1]) полагаетъ, что къ принятію четырехъ элементовъ побудила Эмпедокла, какъ религіозно-настроеннаго мыслителя благоговѣйное отношеніе его къ безконечности звѣзднаго неба, воздушнаго пространства, земли и неба. Многіе, слѣдуя Аристотелю, считаютъ Эмпедоклову теорію четырехъ элементовъ синтезомъ первовеществъ, открытыхъ предшествовавшими греческими мыслителями. Однако, какъ указалъ Отто

---

[1]) A. Fischer. Die Grundlehren d. vorsokratischen Philosophie въ „Grosse Denker" 1911, стр. 51.

Гильбертъ [1]), четыре элемента (твердый, жидкій, воздухообразный и тончайшій) были извѣстны уже древнимъ космологамъ: Ферекидъ полагаетъ четыре элемента въ основу своей космогоніи, и древнимъ орфическимъ гимнамъ извѣстны четыре элемента. Мы уже встрѣчали ихъ у Эпихарма. Такимъ образомъ Эмпедоклъ, заимствовавъ у древней традиціи теорію четырехъ первовеществъ, связалъ ее съ тѣмъ понятіемъ элемента, которое онъ нашелъ во второй части поэмы Парменида. Уже поэтому лишь съ нѣкоторыми оговорками можно считать Эмпедокла создателемъ первой плюралистической системы. По мнѣнію Дж. Бернета [2]), Эмпедоклъ первый сдѣлалъ великое открытіе, что атмосферическій воздухъ есть особая тѣлесная субстанція, которая не совпадаетъ, съ одной стороны, съ пустымъ пространствомъ, съ другой, съ разрѣженнымъ туманомъ, и что вода не есть жидкій воздухъ, какъ думали раньше, но нѣчто совершенно отличное отъ воздуха.

Изъ даннаго нами изложенія общефилософскихъ взглядовъ Эмпедокла явствуетъ эклектическій характеръ его философіи, съ чѣмъ стоитъ въ связи обиліе противорѣчій у него. Такъ, у Эмпедокла дѣятельнымъ началомъ являются то особыя силы, отличныя отъ элементовъ, то огонь въ противоположность прочимъ элементамъ, то огонь и воздухъ (какъ мужскія божества) въ противоположность землѣ и водѣ (женскимъ божествамъ), то всѣ элементы, какъ живыя существа (гилозоизмъ) [3]). Съ другой стороны, у Эмпедокла дѣятельныя силы—Любовь и Вражда являются такими же протяженными и матеріальными веществами, какъ и элементы. Такимъ образомъ отдѣленіе дѣятельной причины отъ матеріальной у Эмпедокла крайне сбивчиво и неясно. Столь же сбивчиво представлено у Эмпедокла отношеніе единства и множественности въ мірѣ. И это также стоитъ въ связи съ несамостоятельностью его мысли, какъ отмѣтилъ уже Платонъ въ „Софистѣ“ (см. A 29). Одни учили, что сущее множественно, говоритъ Платонъ, элеатская школа дала ученіе объ единствѣ сущаго, наконецъ, Гераклитъ училъ, что сущее одновременно и едино и множественно. Эмпедоклъ же по своей „мягкости“ не рѣшился стать ни на одну изъ этихъ точекъ зрѣнія—ни на плюралистическую, ни на монистическую, ни на гераклитовскую, стоящую выше противоположностей монизма и плюрализма. Эмпедоклъ (говоритъ Платонъ) сталъ учить, что сущее попеременно бываетъ то единымъ, то множественнымъ. Ту же мысль выска-

---

[1]) O. Gilbert. Griechische Religionsphilosophie 1911, стр. 12.

[2]) J. Burnet. Early Greek philosophy, II ed., 1908, стр. 263.

[3]) Ошибочно нѣкоторые историки находятъ у Эмпедокла мертвыя неподвижныя вещества и чисто механическое пониманіе мірового процесса. Напротивъ, по Эмпедоклу, скорѣе все слѣдуетъ считать живымъ, органическимъ; у него, по выраженію Т. Гомперца, усиленный гилозоизмъ“. Это отражается и на его терминологіи: такъ, элементы онъ называетъ *„корнями“* вещей. Однако, во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ отмѣтить, что противоположность механическаго и органическаго имъ еще не сознается.

зываетъ кн. С. Трубецкой (стр. 121 ц. с.) въ слѣдующихъ словахъ: „У Парменида путь, ведущій къ единству, и путь, ведущій къ множеству, путь истины и путь лжи, суть два метода познанія, два способа отношенія человѣческаго ума къ познаваемому. У Эмпедокла путь, ведущій къ единству, и путь, ведущій къ множеству, суть два міровыхъ процесса“. Принявъ несводимые другъ на друга элементы, Эмпедоклъ хотѣлъ спасти единство міра и отдѣльныхъ вещей понятіемъ „смѣси“. Но при этомъ его, очевидно, вводитъ въ заблужденіе эмпирическій образъ смѣси. Только этимъ можно объяснить его утвержденіе, что „во время господства Любви все становится единымъ и образуетъ безкачественный Шаръ (Сфайросъ), въ которомъ болѣе не сохраняется своеобразія ни огня, ни какого-либо изъ прочихъ элементовъ, такъ какъ каждый изъ нихъ теряетъ здѣсь свой собственный видъ“ (А 41). Эмпедоклъ, повидимому, думаетъ, что понятіе „смѣси“ уничтожаетъ то противорѣчіе, которое оказывается между допущеніемъ такого „единаго“, какъ его „безкачественный Шаръ“, и теоріей множественности неизмѣнныхъ качественно различныхъ элементовъ. Критика Мелисса (см. стр. 89 и 93) показала всю несостоятельность Эмпедоклова понятія „смѣси“; она вскрыла, что при предпосылкѣ неизмѣнныхъ качественно различныхъ элементовъ единство міра можетъ быть лишь *кажущимся,* на самомъ же дѣлѣ въ этомъ случаѣ міръ ни при какихъ условіяхъ не будетъ представлять собой единаго цѣлаго, всегда оставаясь множествомъ раздробленныхъ частей, связь между которыми можетъ быть лишь чисто внѣшней. Вѣдь единственное возможное измѣненіе во вселенной, допускаемое Эмпедокловой системой,—порядокъ размѣщенія элементовъ относительно другъ друга. Освободить ученіе Эмпедокла отъ этого заключеннаго въ немъ противорѣчія можно двоякимъ путемъ: или считать его послѣдовательнымъ плюралистомъ, какъ дѣлаютъ обычно, или вмѣстѣ съ Карстеномъ допустить, что элементы и дѣятельныя силы Эмпедокла суть лишь шесть различныхъ способовъ обнаруженія одного основного начала, или, наконецъ, вмѣстѣ съ Риттеромъ и Петерсеномъ считать элементы *возникшими* изъ первоначальной единой природы. Но всякое такое исправленіе системы Эмпедокла погрѣшало бы противъ исторической истины. Мы должны признать наличность противорѣчій въ ученіяхъ Эмпедокла, обусловленную ихъ эклектическимъ характеромъ. Подобнаго рода противорѣчія неоднократно отмѣчаетъ у Эмпедокла Аристотель (характерной въ этомъ отношеніи является, напримѣръ, теорія зрѣнія Эмпедокла, которая прибѣгаетъ къ двумъ объяснительнымъ гипотезамъ—гипотезѣ исхожденія свѣта изъ глаза и гипотезѣ истеченій отъ видимыхъ вещей, не умѣя, однако, согласовать обѣ эти гипотезы между собой, см. В 84). Штейнгартъ [1]) говоритъ, что у Эмпедокла нечего искать систематической философіи, такъ какъ въ его лицѣ слились воедино философъ и

---

[1]) Статья въ Allgem. Encykl. Ersch-Gruber, I Sect., 34, стр. 89—90.

поэтъ [1]): на его поэму о природѣ, независимо отъ вклада, сдѣланнаго ею въ философію, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на „самый послѣдній и самый совершенный членъ въ ряду теогоній“. Э. Радловъ [2]) даетъ философіи Эмпедокла слѣдующую оцѣнку: „Со времени Гегеля въ исторіи философіи установился тотъ взглядъ относительно Эмпедокла, что „его философія не представляетъ большого интереса“ и что „многаго изъ нея сдѣлать нельзя“. Были, впрочемъ, и попытки реабилитаціи нашего философа (одна изъ нихъ принадлежитъ Гладишу [3]), ставящему Эмпедокла въ связь съ Египтомъ); но онѣ должны быть признаны тщетными. Эмпедоклово ученіе интересно только какъ эклектизмъ, на которомъ отразились всѣ направленія древнѣйшаго періода греческой философіи“. Въ противоположную крайность ударяется Г. Якубанисъ (стр. 46), который говоритъ: „Эмпедоклъ—авторъ оригинальнѣйшей философской системы, Эмпедоклъ—сдѣлавшій рядъ замѣчательныхъ научныхъ открытій, Эмпедоклъ—изобрѣтатель риторики—представляетъ столь яркій типъ творческаго генія, что говорить объ его эклектизмѣ можно не съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ объ эклектизмѣ Платона или Аристотеля. Знакомясь съ той или иной философской системой, онъ воспринималъ изъ нея то, что особенно поражало его умъ или воображеніе, но затѣмъ перерабатывалъ и претворялъ воспринятые элементы мощью собственнаго философскаго мышленія и вводилъ ихъ въ свое міровоззрѣніе уже какъ неотъемлемое достояніе своего духа“. Однако, уже при разсмотрѣніи основъ натурфилософіи Эмпедокла бросается въ глаза наличность въ ней разнородныхъ элементовъ, не образующихъ единаго органическаго цѣлаго („ученіямъ Эмпедокла безусловно недоставало строгаго единства“ Т. Гомперцъ). Да и самъ Г. Якубанисъ вынужденъ, въ концѣ концовъ, отрицать цѣльность міровоззрѣнія Эмпедокла и признать его „типичнымъ представителемъ переходной эпохи“, полумистикомъ, полураціоналистомъ, не рѣшившимся сдѣлать выборъ между старымъ догматическимъ наивно-поэтическимъ міропониманіемъ и новымъ разсудочнымъ направленіемъ, и въ заключеніе говоритъ: „Міровоззрѣніе Эмпедокла, какъ и все его существо, запечатлѣно своеобразнымъ антитетикальнымъ характеромъ, проникнуто духомъ постояннаго внутренняго противоположенія“ (стр. 60).

Вселенную Эмпедоклъ считаетъ не строго шаровидной, но имѣющей форму яйца. Этотъ сфероидъ, по мнѣнію Эмпедокла, не является абсолютно

---

[1]) Такъ же Карстенъ: „Tota ejus ratio talis est, ut dubites, utrum poësi an philosophiae propior sit“ (S. Karsten. Empedoclis Agrigentini carminum reliquiae, 1838, стр. 307). Подобнымъ же образомъ Муллахъ говоритъ, что изложеніе ученій у Эмпедокла таково, что они скорѣе „furore quodam divino fundere“, чѣмъ „meditato rationis judicio proferre“, и считаетъ это причиной логической неясности его ученій (F. Mullachius. Quaestionum Empedoclearum specimen secundum, 1853, стр. 4).

[2]) Э. Радловъ. Эмпедоклъ. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1889, апрѣль, стр. 30—31.

[3]) „Гладишъ называетъ Эмпедокла „несомнѣнно геніальнѣйшимъ“ изъ философовъ до-Платоновскаго періода“ Э. Р.

однороднымъ и неизмѣннымъ, какъ шаръ Парменида; напротивъ, онъ подверженъ постоянному измѣненію, періодически колеблясь между максимумомъ возможной однородности и состояніемъ наибольшей разнородности. Элементы, образующіе вселенную. то соединяются Любовью, то разъединяются Враждою. Въ подлинномъ значеніи слова соединенія и разъединенія элементовъ въ системѣ Эмпедокла. конечно, не можетъ быть, такъ какъ онъ отрицаетъ существованіе пустоты, которая могла бы ихъ отдѣлять; если смотрѣть на вселенную съ общей точки зрѣнія, то въ цѣломъ элементы всегда представляютъ единое сплошное plenum, они всегда соединены (какъ тѣсно граничащіе между собой, непосредственно прилегающіе другъ къ другу) и всегда разъединены (вслѣдствіе своей внѣположности, такъ какъ связь ихъ не органическая, но внѣшняя: они только „лежатъ рядомъ“). Итакъ, съ точки зрѣнія вселенной, какъ цѣлаго, у Эмпедокла нѣтъ соединенія и разъединенія элементовъ, есть лишь *перемѣщеніе* элементовъ, взаимный переходъ однихъ на мѣсто другихъ. Дѣятельность Любви, по Эмпедоклу, есть раздѣленіе однороднаго и соединеніе разнороднаго (цѣль ея—изъ многаго дѣлать единое); дѣятельность Вражды— раздѣленіе разнороднаго и соединеніе однороднаго (цѣль ея—изъ единаго дѣлать многое [1]). Но это разграниченіе функцій Любви и Вражды у него не выдержано (см. А 37). Элементы дѣлимы до незамѣтныхъ по малости частей (вѣроятно, о послѣднихъ доксографія [2]) сообщаетъ, что Эмпедоклъ принималъ „элементы элементовъ“, которые существовали до образованія (!) четырехъ элементовъ). Взаимное расположеніе элементовъ во вселенной можетъ измѣняться въ направленіи двухъ крайнихъ состояній: 1) раздѣленныя на мельчайшія части элементы разсѣяны равномѣрно повсюду и такимъ образомъ разнородные элементы перемѣшаны самымъ тѣснымъ образомъ, и 2) всѣ части каждаго элемента собраны воедино, такъ что каждый элементъ лежитъ отдѣльно отъ прочихъ. Первое состояніе, по Эмпедоклу, представляетъ собой самую совершенную смѣсь, подлинное единство, безкачественный Сфайросъ. Оно осуществляется при полномъ господствѣ Любви и совершенномъ вытѣсненіи изъ вселенной Вражды. Второе состояніе представляетъ собой безграничное господство въ мірѣ Вражды и совершенное устраненіе изъ него Любви. Съ этимъ ученіемъ у Эмпедокла, повидимому, связывалась моральная оцѣнка: противоположность Любви и Вражды онъ считалъ противоположностью добра и зла (см. А 39). Въ круговомъ (безконечно повторяющемся) ходѣ міроваго процесса можно различить четыре періода Первоначальное состояніе— абсолютное господство Любви, взаимное смѣшеніе всѣхъ элементовъ,

---

[1]) Мы выше отмѣтили несостоятельность взгляда Кинкеля, по которому Любовь и Вражда дѣйствуютъ всегда согласно. Формула Т. Гомперца, что Любовь соединяетъ и роднитъ разнородное, Вражда же, разрушая это единеніе, предоставляетъ стихіямъ слѣдовать изначала присущему имъ стремленію подобнаго къ подобному, является неполной.

[2]) См. А 43.

причемъ сама Любовь, какъ матеріальное вещество, является также одной изъ составныхъ частей этой смѣси, Вражда же, изгнанная изъ этого міра Любви, окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. Второй періодъ—постепенное вторженіе Вражды въ царство Любви, періодъ образованія отдѣльныхъ частныхъ вещей. Третій періодъ — полное отдѣленіе элементовъ другъ отъ друга, вслѣдствіе чего уничтожаются всѣ частныя вещи, періодъ безраздѣльнаго господства Вражды (Любовь же располагается на периферіи міра). Наконецъ, четвертый періодъ—вторженіе Любви въ царство Вражды, новое образованіе міра частныхъ вещей. Эта, на первый взглядъ, ясная картина періодовъ мірового процесса затемняется, если мы разсмотримъ Эмпедоклову концепцію „единаго, т. е. состоянія“ вселенной при полномъ господствѣ Любви. Въ самомъ дѣлѣ, это есть періодъ раздробленности элементовъ (періодъ существованія „элементовъ элементовъ“) и ихъ наибольшей разсѣянности; слѣдовательно, въ этомъ состояніи вселенной существуютъ лишь мельчайшія разнородныя частицы, внутренно не связанныя между собой, такъ какъ отношеніе ихъ другъ къ другу ограничивается тѣмъ, что они лежатъ непосредственно рядомъ. Однако, это состояніе Эмпедоклъ считаетъ совершенной смѣсью и, въ силу какого-то чудеснаго свойства „смѣси“ у него, вселенная должна въ это время представлять собой подлинное единство и быть абсолютно однородной („сплавляться въ качественно однородное единство“). Получается неожиданный результатъ: Любовь, функціей которой было раздѣленіе однороднаго и соединеніе разнороднаго, выступаетъ въ роли прямо противоположной. Въ сущности состояніемъ наиболѣе совершенной смѣси Эмпедоклу слѣдовало бы признать не полное объединеніе элементовъ (т. е. полное разъединеніе „элементовъ элементовъ“) и не полное разъединеніе элементовъ (т. е. полное объединеніе „элементовъ элементовъ“), но тѣ моменты изъ второго и четвертаго періодовъ, когда осуществляется абсолютное равновѣсіе Любви и Вражды и когда происходитъ наиболѣе интенсивное взаимодѣйствіе тѣлъ.

Міръ частныхъ вещей существуетъ во второмъ и четвертомъ періодахъ (см. А 42). Э. Целлеръ полагаетъ, что міръ, въ которомъ мы живемъ, принадлежитъ къ четвертому періоду, Дж. Бернетъ доказываетъ, что онъ долженъ быть отнесенъ ко второму періоду. Г. Арнимъ и П. Таннери полагаютъ, что Эмпедоклъ допускалъ лишь одинъ періодъ образованія міра. Г. Арнимъ[1]) въ сущности возстановилъ реконструкцію Брандиса. Въ этой реконструкціи ученія Эмпедокла на счетъ дѣятельности Вражды отнесено образованіе большихъ массъ, дѣятельности же Любви приписывается возникновеніе органическихъ существъ. Сила Вражды образовала нашу неорганическую природу: небо, землю и т. д. Затѣмъ Любовь, стремясь дать новое смѣшеніе веществъ, создала орга-

---

[1]) H. v. Arnim. Die Weltperioden bei Empedocles въ „Festschrift Th. Gomperz dargebr.“, 1902.

низмы. Противоположностью Сфайроса, по мнѣнію Арнима, могло быть только состояніе полнаго безпорядка (ἀκοσμία и ἀταξία). Періодъ безраздѣльнаго господства Вражды не есть состоячіе покоя, но самаго безпорядочнаго движенія и самой жестокой борьбы. Такое состояніе наступаетъ непосредственно по отдѣленіи элементовъ изъ Сфайроса. Нашъ міръ есть періодъ усиленія Вражды, но растенія и животныя въ немъ суть созданія Любви. Эмпедокловъ міровой процессъ въ цѣломъ рисуется Арниму въ слѣдующемъ видѣ. Разрушивъ первоначальный Сфайросъ, Вражда вызвала въ мірѣ раздѣленіе большихъ массъ, послѣ чего снова начала дѣйствовать Любовь, которая въ борьбѣ съ Враждой создаетъ сперва несовершенные организмы, затѣмъ все болѣе и болѣе совершенные, пока, наконецъ, не создастъ самый совершенный живой организмъ—Сфайросъ. Полнаго же раздѣленія Эмпедоклъ не принимаетъ вовсе. Равнымъ образомъ онъ не признаетъ двойного возникновенія живыхъ существъ въ теченіе одного мірового цикла.

Развивая свой взглядъ, П. Таннери пишетъ (стр 292): „Между періодомъ увеличенія могущества Ненависти и періодомъ образованія Шара любви, нѣтъ соотвѣтствія съ точки зрѣнія возможности существованія индивидуальныхъ вещей. Въ первомъ изъ этихъ періодовъ космосъ, міръ, подобный нашему, совершенно невозможенъ. Точкою отправленія эволюціи является однородный Шаръ. Повсюду, гдѣ побѣждаетъ Вражда, происходитъ разъединеніе—приведеніе къ первичнымъ элементамъ. Все, что еще удерживаетъ любовь, остается однороднымъ. Всякая новая комбинація разъединенныхъ элементовъ оказывается неустойчивой". Однако, аргументація Таннери недоказательна, такъ какъ она основывается не прямо на источникахъ, а на логическихъ слѣдствіяхъ изъ нѣкоторыхъ положеній Эмпедокла, а мы видѣли, какъ ненадеженъ послѣдній путь у этого богатаго противорѣчіями мыслителя [1]).

Исходнымъ пунктомъ космогоническаго развитія у Эмпедокла является безкачественный Сфайросъ Любви. Въ опредѣленное время по роковой необходимости вторгается въ это царство Любви Вражда, потрясающая всѣ члены блаженнаго бога—Сфайроса и полагающая начало выдѣленію изъ него отдѣльныхъ элементовъ (послѣдніе не рождаются, но выявляются изъ того единства, въ которомъ они находились). Прежде всего изъ Сфайроса Любви выдѣлился воздухъ, который расположился вокругъ міра. Затѣмъ выдѣлился огонь, оттѣснившій воздухъ дальше къ периферіи міра, вслѣдствіе чего воздухъ сгустился и образовалъ кристаллическій сводъ („какъ бы остеклѣлъ"). Подъ нимъ образовались двѣ гемисферы: одна—изъ чистаго огня, другая—изъ воздуха съ незначительной примѣсью огня. Эти двѣ половины нижняго неба—свѣтлая и

---

[1]) Отмѣтимъ еще одинъ спорный пунктъ. Целлеръ полагаетъ, что, хотя Эмпедоклъ принималъ два періода мірообразованія, однако, изобразилъ въ своей поэмѣ только одинъ изъ нихъ. Dümmler (Akademica, стр. 217) доказываетъ, что Эмпедокломъ были описаны оба періода. И Т. Гомперцъ находитъ, что въ поэмѣ Эмпедокла были двѣ космогоніи.

темная съ вкрапленными частицами огня представляютъ собой видимыя нами дневное и ночное небо. Скопленіе огня, образовавъ двѣ разнородныхъ половины нижняго неба, тѣмъ самымъ нарушило равновѣсіе неба и вызвало его вращеніе. Такимъ образомъ причиной смѣны дня и ночи является вращеніе неба вслѣдствіе отсутствія равновѣсія между огненной и темной половинами его (А 30). Суточное вращеніе неба вначалѣ было болѣе медленнымъ и постепенно стало ускоряться, такъ что вначалѣ сутки равнялись (А 75) нынѣшнимъ десяти мѣсяцамъ, затѣмъ семи мѣсяцамъ и, постепенно уменьшаясь, продолжительность ихъ дошла уже до одного дня. Быстрое вращательное движеніе неба удерживаетъ на мѣстѣ какъ небеса, такъ и землю. Что касается солнца, то Эмпедоклъ считалъ его не источникомъ, но отраженіемъ свѣта. Солнце есть свѣтъ огненной гемисферы, отраженный землею обратно на огненную гемисферу, вслѣдствіе чего по размѣрамъ оно равно землѣ. П. Таннери (стр. 231) и Дж. Бернетъ (стр. 275) даютъ слѣдующее объясненіе этому ученію Эмпедокла: недавно было сдѣлано открытіе, что луна свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ, а всякая новая теорія имѣетъ тенденцію къ болѣе широкому приложенію, чѣмъ принадлежащее ей въ дѣйствительности. Ученіе Эмпедокла о гемисферахъ Апельтъ [1]) сближаетъ съ „вѣнцами" Парменида (огненнымъ и темнымъ). „Солнце архетипъ"—огненный кругъ, который окружаетъ воздушный кругъ, это—Парменидовъ „Олимпъ". Видимое же нами солнце не существуетъ на самомъ дѣлѣ, это только оптическое явленіе Луну Эмпедоклъ считалъ дискомъ изъ сгустившагося воздуха, не имѣющимъ собственнаго свѣта; свѣтъ луны есть отраженіе свѣта солнца (слѣдовательно, есть отраженіе отраженія свѣта огненной гемисферы землей). Звѣзды, по Эмпедоклу,—огоньки среди эѳира. Неподвижныя звѣзды прикрѣплены къ небесному своду, планеты свободно движутся подъ нимъ. Солнечное затменіе Эмпедоклъ правильно объясняетъ тѣмъ, что между солнцемъ и землею становится луна. Свѣтъ, по ученію Эмпедокла, нуждается во времени для своего распространенія, но движеніе его вслѣдствіе своей быстроты неощутимо для насъ. Порядокъ расположенія свѣтилъ по Эмпедоклу: солнце на периферіи міра, луна на половинѣ (или на одной трети) [2]) разстоянія отъ земли до солнца, звѣзды и планеты — между солнцемъ и луной. Земля неподвижно лежитъ въ центрѣ міра. Внутренность земли Эмпедоклъ вмѣстѣ съ Парменидомъ считалъ огненной. Такимъ образомъ Парменидъ и Эмпедоклъ —первые плутонисты, между тѣмъ какъ Анаксимандръ и Ксенофанъ — первые нептунисты. Море есть, по выраженію Эмпедокла, „потъ земли", т. е. испареніе отъ нея. Вода выдѣлилась послѣдней изъ элементовъ; земная атмосфера представляетъ собой испареніе воды. Эмпедоклъ даетъ также объясненія мол-

---

[1]) E. F. Apelt. Parmenidis et Empedoclis doctrina de mundi structura, 1856, стр. 10—11.

[2]) См А 61.

ніи, грома, вѣтровъ, смѣны лѣта и зимы, образованія камней, горячихъ источниковъ, притяженія желѣза магнитомъ и т. д. Но наибольшій интересъ проявляетъ Эмпедоклъ къ органическому міру, и его можно считать однимъ изъ основателей ботаники и зоологіи. Первыя растенія возникли изъ земли путемъ самозарожденія раньше животныхъ. Эмпедоклъ объясняетъ ростъ растеній вверхъ и внизъ противоположными естественными стремленіями составляющихъ ихъ огня и земли. Растенія Эмпедоклъ считаетъ живыми одушевленными существами и приписываетъ имъ способность ощущать, желать, чувствовать удовольствіе и страданіе и самопроизвольно совершать движенія; въ нихъ онъ находитъ соединеніе мужского и женскаго пола, но считаетъ способъ ихъ размноженія тожественнымъ съ тѣмъ способомъ, который присущъ животнымъ (такъ, онъ говоритъ, что оливковыя деревья несутъ яйца); наконецъ, Эмпедоклъ приписываетъ растеніямъ даже умъ и знаніе. Возникновеніе и эволюцію животнаго міра Эмпедоклъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ. Сперва изъ земли въ разныхъ мѣстахъ возникли отдѣльныя части животныхъ: двигались головы безъ шей, руки безъ плечъ, глаза безъ лбовъ. За первой стадіей одночленныхъ органовъ послѣдовалъ періодъ случайнаго сочетанія этихъ органовъ. Послѣдніе соединяются между собой, какъ попало, и образуютъ всевозможныя сочетанія. Такимъ образомъ возникаютъ быки съ человѣческими лицами и люди съ бычачьими головами, существа двухголовыя и двугрудыя, и всякія другія чудовища. За періодомъ чудовищъ послѣдовала эпоха „цѣльноприродныхъ формъ“, въ которыхъ нѣтъ различія половъ. Изъ періода чудовищъ сохранились лишь тѣ сочетанія, которыя оказались устойчивыми и жизнеспособными. Наконецъ, въ четвертомъ періодѣ совершилась дифференціація половъ, и уже новыя животныя стали возникать не изъ элементовъ, но рождаться отъ другихъ путемъ полового совокупленія тѣхъ. Такимъ образомъ эволюція животнаго міра состоитъ изъ четырехъ періодовъ: 1) періодъ одночленныхъ органовъ, 2) періодъ чудовищъ, 3) періодъ цѣльноприродныхъ существъ и 4) періодъ половой дифференціации. Къ четвертому періоду, повидимому, слѣдуетъ также пріурочить раздѣленіе животныхъ на виды по мѣсту ихъ жизни (въ водѣ, на сушѣ и въ воздухѣ). На половое влеченіе Эмпедоклъ смотритъ, какъ на одно изъ частныхъ проявленій космической силы Любви. Здѣсь Эмпедоклъ непослѣдователенъ (какъ указываетъ О. Гильбертъ, стр. 213 ц. с.), такъ какъ его Любовь должна быть враждебна всякому рожденію: всякій актъ рожденія удаляетъ насъ отъ конечной цѣли всего мірового развитія—полнаго прекращенія всякаго движенія и блаженнаго покоя; чѣмъ больше актовъ рожденія, тѣмъ больше дѣленіе матеріи. Космическая сила Любви, являющаяся причиной полового влеченія въ животномъ мірѣ, даетъ и внѣшнюю красоту тѣламъ, порождаетъ любовь въ сердцахъ людей и насаждаетъ миръ и согласіе въ общественной жизни.

У Эмпедокла находятъ идею переживанія наиболѣе приспособленныхъ организмовъ. Предоставляя образованіе различныхъ видовъ орга-

низмовъ слѣпому случаю, Эмпедоклъ объясняетъ цѣлесообразное устройство современныхъ организмовъ выживапіемъ наиболѣе приспособленныхъ. Такимъ образомъ у Эмпедокла мы находимъ предвосхищенія ученія Дарвина объ естественномъ отборѣ; но между тѣмъ какъ Ламарко—Дарвиновская теорія считаетъ основой развитія увеличивающуюся дифференціацію болѣе простыхъ формъ, ученіе Эмпедокла видитъ эту основу въ соединеніи разнородныхъ формъ. Слѣдуетъ также отмѣтить, что понятіе цѣлесообразности устройства организмовъ у Эмпедокла еще не является вполнѣ сознаннымъ, какъ указываетъ Э. Радловъ, который по поводу ученія Эмпедокла, что „изъ безчисленныхъ случайныхъ сочетаній осталось только то, что оказалось годнымъ, цѣлесообразнымъ, что при данныхъ условіяхъ могло продолжать свое существованіе“, говоритъ: „Целлеръ, въ статьѣ, посвященной греческимъ предшественникамъ Дарвина, отрицаетъ всякую возможность сравненія древне-греческихъ теорій съ новыми на томъ основаніи, что, по свидѣтельству Аристотеля, цѣлесообразность организмовъ была замѣчена лишь Анаксагоромъ, и что вопросъ о томъ, можно ли цѣлесообразность объяснять дѣйствіемъ механическихъ причинъ, былъ поставленъ лишь самимъ Аристотелемъ... Намъ кажется, что здѣсь слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя ограниченія. Можно не имѣть яснаго и отчетливаго понятія о чемъ-либо, а лишь смутное чаяніе его, и все же нельзя совершенно отрицать значенія этого неяснаго чаянія въ исторіи науки; напримѣръ, нельзя говорить, что Аристотель зналъ психологическій законъ объ ассоціаціяхъ, хотя онъ говоритъ о томъ, что душа гоняется за представленіями, и указываетъ даже путь, которому при этомъ душа слѣдуетъ. Лейбницу приписываютъ понятіе о безсознательномъ состояніи души и о противоположеніи апперцепціи перцепціоннымъ процессамъ; между тѣмъ у Монтаня, напримѣръ, мы находили упоминанія о безсознательныхъ, едва замѣтныхъ перцепціяхъ и названія апперцепціи [1]). Эти неопредѣленныя упоминанія и служатъ толчкомъ для выясненія понятій. Подобно тому, по всей вѣроятности, неопредѣленности въ понятіи организма у Эмпедокла и другихъ послужили Анаксагору для выясненія понятія телеологіи“ [2]).

Эмпедоклъ предвосхищаетъ также идею сравнительной морфологіи Гете. Онъ усматриваетъ единство плана въ органической природѣ и проводитъ сравненіе между животнымъ и растительнымъ царствомъ какъ въ отношеніи органовъ, такъ и функцій животныхъ и растеній (см. В 82).

Эмпедоклъ даетъ цѣлый рядъ остроумныхъ объясненій различныхъ біологическихъ процессовъ. Мы дышимъ, учитъ онъ, не только спеціальными органами дыханія, но также всѣми порами кожи. Причиной смѣны

---

[1]) Archiv f. Gesch. d. Phil., 1889, 3-ья тетрадь, замѣтка *Ительсона* (*Э. Р.*).

[2]) Э. Радловъ, ц. с., стр. 48—49. Сближаютъ ученіе Эмпедокла съ ученіемъ Дарвина Ланге (въ „Исторіи матеріализма“), Дюммлеръ и Т. Гомперцъ; противъ этого сближенія Э. Целлеръ въ сочиненіи: „Ueber d. griech. Vorgänger Darwins“ 1878.

вдыханія и выдыханія является движеніе крови отъ сердца къ поверхности тѣла и обратно: а именно, когда кровь удаляется отъ периферіи тѣла, въ поры кожи проникаетъ воздухъ; когда кровь возвращается, она вытѣсняетъ этотъ воздухъ. Для объясненія этого процесса онъ прибѣгаетъ къ примѣру дѣйствія клепсидры (см. В 100 и А 74). Питаніе и ростъ Эмпедоклъ объясняетъ притяженіемъ подобнаго подобнымъ. Для различныхъ частей человѣческаго тѣла онъ даетъ своего рода химическія формулы: мясо и кровь = соединеніе четырехъ элементовъ въ равныхъ пропорціяхъ (по вѣсу), кости = 2 части воды + 2 части земли + 4 части огня, нервы = 1 часть огня + 1 часть земли + 2 части воды, ногти — тѣ же нервы, охладившіеся на поверхности отъ соприкосновенія съ воздухомъ. Такъ. различія веществъ онъ сводитъ къ закону смѣси элементовъ, къ количественному отношенію элементовъ въ смѣси. Особенное вниманіе удѣляетъ Эмпедоклъ вопросамъ зарожденія и эмбріологіи. Зачатіе, по его ученію, обусловлено смѣшеніемъ мужского и женскаго сѣмени; необходимымъ условіемъ для зачатія является наличность нѣкоторой симметріи поръ у мужского и женскаго сѣмени, отсутствіемъ ея объясняется безплодіе муловъ. Полъ зародыша зависитъ отъ температуры, въ которой онъ развивается. Въ противоположность Пармениду, Эмпедоклъ связываетъ мужское начало съ теплотой, женское съ холодомъ. Поэтому, по его ученію. при первомъ появленіи организмовъ, мужскіе члены, какъ болѣе огненные, возникли на югѣ, женскіе, какъ болѣе холодные, на сѣверѣ. И въ настоящее время полъ ребенка зависитъ отъ того, попадаетъ ли сѣмя въ болѣе теплую (самцы) или въ болѣе холодную матку (самки), теплота же матки зависитъ отъ менструацій. Двойни и тройни рождаются вслѣдствіе избытка сѣмени, которое по причинѣ своего изобилія раздѣляется на двѣ или на три части. Ребенокъ болѣе похожъ на того изъ родителей, сѣмя котораго при зачатіи было болѣе обильнымъ и горячимъ. Воображеніе женщины во время беременности также вліяетъ на будущую внѣшность ребенка: этимъ объясняется рожденіе дѣтей, похожихъ на статуи и картины. Нѣкоторыя части нашего тѣла происходятъ отъ отцовскаго сѣмени, другія—отъ материнскаго; изъ взаимнаго стремленія ихъ возникаетъ въ нашемъ организмѣ половое чувство. Зародышъ въ утробѣ матери начинаетъ формироваться около 36-ого дня, причемъ мальчики формируются скорѣе дѣвочекъ. Раньше всего у зародыша образуется сердце. Продолжительность беременности объясняется первоначальной длительностью дня. Смерть есть разъединеніе элементовъ, изъ которыхъ состоялъ человѣкъ, причемъ душа уничтожается одновременно съ тѣломъ (душа есть количественное отношеніе смѣшанныхъ въ человѣкѣ элементовъ). Причина сна—временное отдѣленіе отъ организма нѣкоторой части огненнаго элемента. У Эмпедокла находится также первое ученіе о темпераментахъ.

Чувственное воспріятіе Эмпедоклъ объясняетъ теоріей истеченій и поръ. Отъ всѣхъ тѣлъ отдѣляются мелкія частицы во всѣхъ направле-

ніяхъ и во всѣхъ тѣлахъ имѣются поры, заполненныя Любовью. Взаимодѣйствіе тѣлъ заключается въ томъ, что истеченія отъ однихъ тѣлъ проникаютъ въ поры другихъ. Но для осуществленія этого необходимымъ условіемъ является соотвѣтствіе истеченій порамъ (если же истеченія больше или меньше поръ, то взаимодѣйствія тѣлъ не бываетъ). Подобное познается подобнымъ: элементъ, заключенный въ насъ, воспринимаетъ соотвѣтствующій ему внѣшній элементъ. Зрѣніе [1]) возникаетъ вслѣдствіе двойныхъ истеченій: внѣшнихъ (отъ видимыхъ вещей къ глазамъ) и внутреннихъ (истеченій заключенныхъ въ глазахъ огня и воды, выходящихъ наружу). Встрѣча тѣхъ и другихъ истеченій порождаетъ зрительное ощущеніе [2]). Соотвѣтственно этой теоріи Эмпедоклъ опредѣлялъ цвѣтъ, какъ „истеченіе" (А 92). Онъ принимаетъ четыре основныхъ цвѣта (очевидно, по числу элементовъ). Подробно Эмпедоклъ останавливается на различіяхъ зрительной способности, на ощущеніяхъ запаха, слуха и вкуса. Съ точки зрѣнія доставляемаго намъ познанія Эмпедоклъ считаетъ всѣ ощущенія равными.

Первенствующее значеніе въ нашемъ организмѣ принадлежитъ, по мнѣнію Эмпедокла, крови, которая представляетъ собой самое совершенное смѣшеніе элементовъ въ животномъ организмѣ (у растеній сокъ есть кровь ихъ). Кровь является главнымъ познавательнымъ органомъ (точнѣе: главнымъ субъектомъ познанія), хотя всѣ безъ исключенія части нашего тѣла ощущаютъ и познаютъ. Сердце, какъ центральный органъ крови, управляетъ всѣмъ организмомъ. Смотря по тому, къ какимъ частямъ тѣла наичаще въ наибольшемъ количествѣ притекаетъ кровь, люди обладаютъ различными способностями. Вообще въ каждомъ человѣкѣ главенствуетъ та часть его тѣла, въ которой наибольше крови. Составъ организма опредѣляетъ собой умственное состояніе человѣка: мысли людей мѣняются въ зависимости отъ измѣненія состава ихъ крови и прочихъ частей тѣла (это положеніе, которое Эмпедоклъ заимствуетъ у Парменида, позже усвояется скептиками). Различіе дарованій имѣетъ свой источникъ въ способѣ смѣшенія элементовъ; такъ, ораторское дарованіе порождается благопріятнымъ смѣшеніемъ элементовъ въ языкѣ, способности техника — таковымъ въ рукахъ и т. д.

---

[1]) О мѣстѣ, занимаемомъ Эмпедокловой теоріей зрѣнія въ историческомъ развитіи древне-греческой науки, см. въ моемъ Введеніи къ переводу Дж. Беркли. Опытъ новой теоріи зрѣнія, 1913, стр. VIII—IX.

[2]) „Актъ воспріятія происходитъ такимъ образомъ, что при приближеніи исходящихъ отъ тѣлъ огненныхъ или водяныхъ истеченій, имъ навстрѣчу выступаютъ изъ воронкообразныхъ глазныхъ поръ соотвѣтственныя огненныя или водяныя частицы. Это выступленіе обусловливается взаимнымъ притяженіемъ всего однороднаго" (Т. Гомперцъ, стр. 205). Какъ доказываетъ Зибекъ, встрѣча происходитъ, вѣроятно, на поверхности глаза. Однако, какъ видно изъ свидѣтельства Аристотеля (В 84), Эмпедоклъ излагаетъ свою теорію зрѣнія противорѣчиво.

Столь же матеріалистически и фаталистически, какъ на познаніе, смотритъ физика Эмпедокла и на мораль. Добро и зло зависятъ также отъ состава вещества (поэтому предписанія морали у Эмпедокла діэтетическаго характера). Нашъ современный міръ, соотвѣтственно своему матеріальному составу, полонъ зла въ своей подлунной части, тогда какъ верхняя надлунная часть его представляетъ собой царство блага. Отсюда, разумѣется, только одинъ шагъ до моральнаго скептицизма

Удовольствіе, по мнѣнію Эмпедокла, возникаетъ отъ дѣйствія подобнаго на подобное, страданіе—отъ дѣйствія неподобнаго. Источникомъ зла и страданій является Вражда и противоположность наличному въ насъ, источникомъ блага и блаженства Любовь и единство. Здѣсь легко усмотрѣть противорѣчіе у Эмпедокла: при полномъ господствѣ Вражды въ состояніи полной изолированности разнородныхъ элементовъ другъ отъ друга и соединенія всего однороднаго можно было бы ожидать максимума удовольствія, въ царствѣ же Любви вслѣдствіе соприкосновенія исключительно разнородныхъ частицъ—максимума страданія.

Современное состояніе міра Эмпедоклъ относилъ къ періоду усиленія Вражды и помѣщалъ золотой вѣкъ въ прошломъ (къ описанію его относится фр. 78). Золотой вѣкъ у Эмпедокла не слѣдуетъ смѣшивать, съ одной стороны, съ блаженнымъ Сфайросомъ, съ другой, съ небесной жизнью боговъ, въ которой имѣли участіе души людей—эти падшіе духи. Золотой вѣкъ—лучшее прошлое этой земной жизни, возникшей послѣ разложенія Сфайроса.

Подобно тому какъ у Парменида—противоположность между „Истиной“ и „Мнѣніемъ“, у Эмпедокла образуютъ противоположность двѣ поэмы его: „О природѣ“, въ которой изложены натурфилософскія ученія его, и „Очищенія“, гдѣ Эмпедоклъ высказываетъ свои религіозные взгляды. Въ послѣдней поэмѣ Эмпедоклъ даетъ идею о богѣ въ духѣ Ксенофана (и почти его словами); онъ говоритъ здѣсь объ единомъ богѣ, господствующемъ надъ всѣмъ міромъ своей мыслью, богѣ, который не имѣетъ человѣческаго образа, который невидимъ и неосязаемъ, недоступенъ чувствамъ и возвышается надъ ограниченностью людей (В 133 и 134). Кромѣ этой монотеистической теологіи въ „Очищеніяхъ“ дается рядъ практическихъ религіозныхъ наставленій. Кругъ идей здѣсь пиѳагорейско-орфическій. Эмпедоклъ говоритъ о демоническихъ существахъ, погруженныхъ въ нашъ тѣлесный міръ въ наказаніе за то, что они запятнали себя вкушеніемъ крови и мяса или нарушеніемъ клятвы. Эти демоны, изгнанные изъ круга блаженныхъ, и суть наши души. Мѣстомъ наказанія является земля—самое дурное и самое безрадостное жилище во вселенной. Наши души—существа божественнаго происхожденія, уклонившіяся отъ праваго пути; въ наказаніе за свое злодѣяніе онѣ должны входить въ различныя тѣлесныя формы: въ тѣла людей, животныхъ и растеній. Эмпедоклъ утверждаетъ, что онъ самъ былъ уже кустарникомъ, рыбой, птицей и дѣвушкой, и разсказываетъ, какъ онъ плакалъ, вступая въ эту жизнь (вѣроятно, плачъ

ребенка при рожденіи Эмпедоклъ истолковываетъ, какъ сознательное отношеніе къ предстоящей печальной участи жить на землѣ). Расширеніе метемпсихоза на растенія есть нововведеніе Эмпедокла, которое позже ошибочно приписывалось древнимъ пиѳагорейцамъ [1]). Далѣе Эмпедоклъ указываетъ путь спасенія—тѣ средства, при помощи которыхъ достигаются сперва болѣе высокія животныя формы и болѣе счастливыя жизненныя условія въ дальнѣйшемъ рядѣ рожденій и, наконецъ, полное освобожденіе отъ круга рожденій и возвращеніе изъ мѣста печали въ прежнее блаженное состояніе. Боги и демоны, по Эмпедоклу, не вѣчны, но преходящи (онъ называетъ ихъ только „долговѣчными" въ противоположность „кратковѣчнымъ" людямъ). Подобно тому какъ элементы должны періодически погружаться въ единство Сфайроса, точно такъ же боги и демоны погружаются въ единство божественнаго вседуха, чтобы затѣмъ вновь притти къ индивидуальному бытію при новомъ мірообразованіи.

Главнѣйшимъ религіознымъ предписаніемъ у Эмпедокла является воздержаніе отъ вкушенія крови и мясной пищи, а также вообще отъ убійства (поэтому запрещаются кровавыя жертвы); равнымъ образомъ Эмпедоклъ требуетъ чистоты нравовъ, почитанія боговъ и соблюденія нѣкоторыхъ другихъ предписаній [2]). Такой образъ жизни ведетъ насъ къ болѣе чистымъ и лучшимъ рожденіямъ. Изъ растеній самое лучшее — лавръ, изъ животныхъ—левъ, изъ людей—философы, пророки, поэты и врачи [3]). Это—вожди человѣчества, высшія ступени земной жизни. Преодолѣніемъ этихъ ступеней завершается рядъ воплощеній души, продолжавшійся minimum 30000 оръ [4]), и душа возвращается обратно въ блаженную обитель безсмертныхъ.

Религія Эмпедокла есть религія любви. Она проповѣдуетъ любовь ко всѣмъ людямъ, животнымъ и даже растеніямъ. И животныя, и растенія—наши братья, и даже болѣе того: они—это „мы сами въ другомъ состояніи" (К. Іоэль). Идеалъ любви, овеществленный въ Сфайросѣ, объемлетъ всю природу (также и неорганическую).

Между физикой Эмпедокла и его религіозной мистикой существуетъ явное противорѣчіе (въ особенности въ ученіи о душѣ) [5]). Съ одной стороны, мы слышимъ, что душа есть количественное отношеніе элементовъ въ организмѣ, ощущеніе есть функція вещества и мысль—ничто иное, какъ кровь сердца человѣка; съ другой стороны, душа—особое невидимое

---

[1]) E. Rohde. Psyche 1894, стр. 473, сноска 2.

[2]) Напримѣръ, запрещеніе пользоваться листьями лавра въ какихъ-либо цѣляхъ кромѣ священнодѣйствія, запрещеніе прикасаться къ бобамъ.

[3]) Въ этомъ перечисленіи Эмпедоклъ намѣренно опускаетъ царей, политическихъ дѣятелей, полководцевъ и т. п.

[4]) О значеніи слова „ὧρας" у Эмпедокла см. мое примѣчаніе къ В 115.

[5]) См. мою статью: „Понятіе о душѣ въ древней Греціи" въ ΧΑΡΙΤΕΣ проф. Е. Боброву, стр. 9—10.

существо, лишь случайно связанное съ организмомъ, одиноко живущее въ чужой враждебной ей темницѣ (тѣлѣ). Съ одной стороны, мы слышимъ о роковомъ характерѣ человѣческаго умонастроенія и поведенія (о неизбѣжной зависимости таковаго отъ состава тѣла), съ другой, намъ указываютъ путь спасенія, обращаются къ намъ съ проповѣдью слѣдовать извѣстнымъ предписаніямъ и усвоять нѣкоторый образъ мыслей. Противорѣчіе между физикой и религіей Эмпедокла въ послѣднее время пытаются объяснить различеніемъ двухъ періодовъ въ умонастроеніи Эмпедокла. Биде [1]) полагаетъ, что мистическій періодъ предшествовалъ естественнонаучному, напротивъ, Дильсъ [2]), съ которымъ соглашается большинство (А. Дерингъ, Дж. Бернетъ, кн. С. Трубецкой и др.), думаетъ, что атеистъ натурфилософъ сталъ вѣрующимъ на склонѣ дней своихъ въ изгнаніи, нуждѣ и одиночествѣ. Впрочемъ, никакихъ объективныхъ данныхъ въ пользу своего мнѣнія Дильсъ не приводитъ [3]); онъ указываетъ лишь на бóльшую психологическую вѣроятность превращенія раціоналиста-физика въ мистика-пророка, нежели такой перемѣны, чтобы человѣкъ, начавшій съ мистицизма, кончилъ раціонализмомъ. Однако, имѣя въ виду противорѣчивость какъ натуры Эмпедокла, отмѣченную нами выше въ его біографіи, такъ и самой его натурфилософіи въ частности, мы не видимъ настоятельной необходимости отнесенія двухъ поэмъ его къ совершенно различнымъ періодамъ жизни. Самъ Дильсъ (стр. 406 ц. с.) указываетъ, что воззрѣнія Эмпедокла и въ предѣлахъ одного и того же сочиненія его оказываются полными противорѣчій: „остроумное, но поверхностное и слишкомъ поддающееся чужому авторитету его духовное дарованіе“ часто страдаетъ отсутствіемъ послѣдовательности. Свое рѣшеніе вопроса Дильсъ мотивируетъ лишь нежеланіемъ безъ нужды увеличивать число этихъ противорѣчій соединеніемъ въ одно „совершенно различныхъ представленій и тенденцій обѣихъ поэмъ“. Мы присоединяемся къ мнѣнію О. Гильберта, которое онъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ (стр. 224 ц. с.): „Въ своемъ стремленіи усвоить и соединить всѣ творческія мысли, какія только болѣе древнія научныя системы оставили потомству, Эмпедоклъ строитъ міръ, полный противорѣчій“, и мы склонны думать, что раціоналистическая физика и мистическая теологія уживались вмѣстѣ въ этой богатой противорѣчіями натурѣ. Поэтому мы считаемъ даже возможнымъ вмѣстѣ съ С. Феррари [4]) смотрѣть на физическое и катартическое сочиненія Эмпедокла, какъ на двѣ части одной поэмы. Впрочемъ, различіе ихъ отчасти, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что въ первомъ изъ нихъ

---

[1]) Bidez. La biographie d'Empédocle 1894. стр. 159.

[2]) Diels. Ueber die Gedichte d. Empedocles (Sitzungsber. d. Akademie d. Wiss zu Berlin, 1898, стр. 396).

[3]) Хотя и дѣлаетъ попытку примѣнить для рѣшенія проблемы получившій права гражданства въ „Платоновскомъ вопросѣ“ лингвистическій методъ.

[4]) Rivista italiana di filos., VI, 1, 1891, стр. 172.

философъ обращается къ узкому кругу любителей мудрости, во второмъ пророкъ—къ вѣрующей массѣ [1]).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о заслугахъ Эмпедокла въ медицинѣ и реторикѣ. По Галену, Эмпедоклъ является основателемъ итальянской (сицилійской) школы врачей, развивавшейся въ древней Греціи наряду со школами косской, книдской и родосской. Медицинская школа, основанная Эмпедокломъ, существовала еще во времена Платона и Аристотеля. Къ ней принадлежалъ современникъ Платона Филистіонъ, отъ котораго зависитъ Платонъ въ „Тимеѣ“ [2]). Эмпедоклъ требовалъ, чтобы медицинскія предписанія основывались на общемъ ученіи о природѣ организма. Въ сицилійской медицинской школѣ первенствующее значеніе въ организмѣ приписывалось крови, центральнымъ органомъ сознанія признавалось сердце, актъ дыханія тѣсно связывался съ движеніемъ крови (причемъ принималось ученіе, что мы дышимъ всѣми порами тѣла) и четыре элемента отожествлялись съ началами горячимъ, холоднымъ, влажнымъ и сухимъ.

Эмпедоклъ явился новаторомъ въ слогѣ: онъ ввелъ въ употребленіе многія реторическія фигуры, которыя у него заимствовалъ ученикъ его Горгій [3]). Такимъ образомъ онъ явился однимъ изъ основателей реторики, родиной которой вообще является Сицилія. Аристотель назвалъ Эмпедокла „изобрѣтателемъ реторики“ (см. А 1 § 57). По поводу этого изреченія Аристотеля нѣкоторые (въ томъ числѣ даже Карстенъ) думали, что Эмпедоклъ сочинилъ руководство по реторикѣ; однако, правильнѣе, въ виду отсутствія какихъ-либо иныхъ указаній на это, считать, что Эмпедоклъ положилъ начало реторикѣ введеніемъ въ употребленіе различныхъ ораторскихъ пріемовъ (давъ образцы ихъ какъ въ своихъ стихахъ, такъ и въ рѣчахъ, съ которыми ему, какъ политическому дѣятелю, приходилось обращаться къ народу) [4]).

Главное сочиненіе Эмпедокла: „О природѣ сущаго“ состояло изъ двухъ (или трехъ) книгъ и первоначально заключало въ себѣ около 2000 стиховъ, изъ которыхъ до насъ дошло около 340. Другое сочиненіе Эмпедокла: „Очищенія“, отъ котораго сохранилось около 100 стиховъ, первоначально заключало въ себѣ, по Діогену и Свидѣ, около 3000 стиховъ (это число Дильсъ считаетъ преувеличеннымъ) Только эти двѣ поэмы можно съ достовѣрностью считать принадлежащими Эмпедоклу. Что касается упоминаемаго въ числѣ сочиненій Эмпедокла „Врачебнаго слова“,

---

1) См. статью объ Эмпедоклѣ E. Wellmann'a въ Pauly's Real-Encyclopädie, 5 Bd., 1905, стр. 2509 слѣд.

2) О вліяніи Филистіона на Платона говоритъ Wellmann. Fragmentsammlung d. griechischen Aerzte, V. I, 1901.

3) H. Diels. Gorgias u. Empedocles, въ Sitzungsber. d. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1884. О реторическихъ фигурахъ у Эмпедокла см. также S. Karsten, ц. с., стр. 61—62.

4) Онъ училъ реторикѣ „usu atque exemplo“ (H. Stein. Empedoclis Agrigentini fragmenta, 1852, стр. 2).

то оно, вѣроятно, представляло собой часть главной поэмы: „О природѣ“. Сверхъ того, Эмпедоклу приписываются двѣ эпиграммы: одна, посвященная ученику его Павсанію, и другая, представляющая собой насмѣшку надъ врачемъ Акрономъ (шутка по поводу его имени). Эмпедоклу приписывались также трагедіи (перипатетикъ Іеронимъ въ III вѣкѣ до Р. Хр. видѣлъ ихъ еще 43, Неанѳъ знаетъ только 7). Гераклидъ, сынъ Серапіона, считаетъ эти трагедіи принадлежащими другому лицу, также носившему имя Эмпедокла; по Свидѣ, авторъ ихъ — внукъ философа Эмпедокла. Наконецъ, упоминаются еще два сочиненія Эмпедокла: поэма, изображающая походъ Ксеркса, подъ заглавіемъ: „Переправа Ксеркса“, или „Персидскія войны“, и гимнъ Аполлону. Эти два сочиненія будто бы были сожжены сестрой или дочерью философа. По силѣ поэтическаго дарованія Эмпедоклъ долженъ быть поставленъ выше Парменида и можетъ быть сравненъ съ Лукреціемъ [1]). Этимъ, вѣроятно, объясняется тотъ отмѣчаемый Муллахомъ, какъ достойный удивленія, фактъ, что, несмотря на низкую оцѣнку у Платона и Аристотеля, стихи Эмпедокла усиленно изучались въ древности и наиболѣе уцѣлѣли изъ всей греческой философской поэзіи [2]).

Противъ ученій Эмпедокла написалъ сочиненіе Зенонъ Элейскій; равнымъ образомъ критику ихъ даетъ Мелиссъ. Ѳеофрастъ посвятилъ Эмпедоклу отдѣльный трактатъ Большое сочиненіе противъ Эмпедокла написалъ эпикуреецъ Гермархъ. Обширную монографію посвятилъ Эмпедоклу также Плутархъ. Подражаетъ Эмпедоклу Лукрецій и Овидій въ „Метаморфозахъ“ (кн. XV, ст. 75 слѣд.).

Что касается отношенія Эмпедокла къ предшественникамъ, то, какъ мы сказали, наибольшее вліяніе на него оказалъ Парменидъ, у котораго Эмпедоклъ заимствовалъ понятіе реальности, отрицаніе пустого пространства, возникновенія и уничтоженія, и концепцію „единаго“ (изъ его „Истины“), понятіе элемента и дѣятельной силы, отличной отъ матеріальной причины (изъ его „Мнѣнія“). Два міра Парменидовой поэмы — міръ истины и міръ мнѣнія становятся у Эмпедокла двумя различными состояніями вселенной (причемъ міръ истины соотвѣтствуетъ у него наилучшему, полному блаженства состоянію вселенной). Даже свои четыре элемента Эмпедоклъ временами сводитъ къ двумъ элементамъ Парменида. Равнымъ образомъ взглядъ на познаніе, какъ на функцію смѣси элементовъ, Эмпедоклъ заимствуетъ у Парменида. [3]) По мнѣнію Э. Целлера (I[2]

---

[1]) F. Jevons (A history of Greek literature 1886, стр. 102) говоритъ объ Эмпедоклѣ: „he is the most poetical of philosophers“.

[2]) F. Mullachius. De Empedoclis prooemio 1850, стр. 3.

[3]) Отношеніе Эмпедокла къ Пармениду правильно характеризуетъ A. Gladisch (Empedocles u. die Aegypter, 1858, стр. 19—20), указывающій, что та физика, которую развилъ Парменидъ въ свѣтѣ простого мнѣнія, повторяется въ существенныхъ чертахъ у Эмпедокла, но уже въ свѣтѣ истины. Однако, Эмпедоклъ при этомъ не придерживается исклю-

стр. 833 слѣд.) наиболѣе рѣшительное вліяніе на физику Эмпедокла оказалъ Гераклитъ: всѣ основныя опредѣленія ея возникли изъ соединенія ученій Парменида и Гераклита, но „въ этомъ соединеніи элеатовское подчинено гераклитовскому", такъ какъ-де Эмпедоклъ признаетъ подлинно существующими движеніе, множественность и дѣлимость бытія, и ставитъ цѣлью своей системы объясненіе явленій чувственнаго міра. Однако, все это Эмпедоклъ могъ найти и во второй части поэмы Парменида, близкое знакомство его съ которой несомнѣнно (неоднократно Эмпедоклъ даетъ прямо перифразъ поэмы Парменида). Мы не отрицаемъ нѣкотораго вліянія Гераклита на Эмпедокла, но считать это вліяніе главнѣйшимъ или даже равносильнымъ вліянію Парменида кажется намъ ошибочнымъ. Какъ справедливо указываетъ Э. Радловъ (стр. 34 ц. с.), доказательство вліянія Гераклита на Эмпедокла у Целлера „покоится болѣе на возможности и апріорной необходимости, чѣмъ на неопровержимыхъ фактахъ". Подобно тому какъ несамостоятельна физика Эмпедокла, неоригинальна и его космологія, которая представляетъ собой соединеніе ученій іонійскихъ, пиѳагорейскихъ и элеатскихъ (подробнѣе объ этомъ см. у П. Таннери). Что касается біологическихъ ученій Эмпедокла, то Кернъ [1]) указалъ, что въ орфическихъ пѣсняхъ возникновеніе организмовъ рисуется такъ же, какъ у Эмпедокла. Нельзя не упомянуть также о вліяніи Алкмеона [2]) и „Мнѣнія" Парменида на отдѣльныя біологическія ученія Эмпедокла. Въ своихъ религіозныхъ взглядахъ Эмпедоклъ примыкаетъ, какъ мы сказали, съ одной стороны, къ Ксенофану, съ другой, къ пиѳагорейцамъ и орфикамъ. Подводя итоги, мы не назовемъ систему Эмпедокла ни „оригинальнѣйшей" (Г. Якубанисъ), ни „интересной только какъ эклектизмъ" (Э. Радловъ), но признаемъ ее богатѣйшей по содержанію изъ всѣхъ досократическихъ системъ, но несамостоятельной и противорѣчивой, стремящейся болѣе вширь, нежели вглубь; въ ней видно исканіе новаго синтеза, но ей не удается подняться надъ эклектической спайкой разнороднаго матеріала; тѣмъ не менѣе и ей удается иногда открывать новое цѣнное, хотя и въ формѣ неясныхъ, смутныхъ чаяній. [3])

чительно точки зрѣнія Парменидова „мнѣнія", но стремится соединить и примирить обѣ раздѣленныя у Парменида точки зрѣнія.

[1]) O. Kern. Empedocles und die Orphiker, въ Archiv f. Gesch. d. Phil., Bd. I, 1888, стр. 500—501.

[2]) По мнѣнію Bidez (Archiv IX, стр. 192) Эмпедоклъ въ своей философіи наиболѣе зависитъ отъ Алкмеона, удерживаетъ философскую позицію и сохраняетъ програму кротонскаго физика.

[3]) Въ своей оцѣнкѣ философіи Эмпедокла мы въ нѣкоторыхъ пунктахъ согласны съ S. Ferrari (Empedocle въ Rivista italiana di filosofia, VI, 1891), который находитъ, что, если смотрѣть на ученіе Эмпедокла въ цѣломъ, то придется признать присутствіе въ ней разнородныхъ, логически несоединимыхъ элементовъ („...che della sua filosofia sono diverse le fonti, e che tra queste ei non cerca un logico passagio", стр. 252). Эмпедоклъ вводитъ въ свою систему все, что ему нравится. У него дарованія скорѣе поэтическія, нежели философскія. При всемъ томъ его физика есть прекрасная система-

Система Эмпедокла въ цѣломъ не нашла себѣ послѣдователей, но отдѣльныя ученія его просуществовали довольно долго. Такъ, его теорія четырехъ элементовъ господствовала въ древности и средніе вѣка. Нашла себѣ многихъ послѣдователей также его теорія чувственнаго воспріятія (напримѣръ, ее принимаетъ Платонъ). Долгое время существовала основанная Эмпедокломъ сицилійская медицинская школа (преемникомъ Эмпедокла въ медицинѣ былъ его ученикъ Павсаній, которому посвящено сочиненіе: „О природѣ“). Въ своихъ ученіяхъ Эмпедоклъ до извѣстной степени предвосхищаетъ мысль Дарвина о переживаніи наиболѣе приспособленныхъ организмовъ, идею сравнительной морфологіи Гете и, наконецъ, основы химіи новаго времени. „Съ Эмпедокломъ, говоритъ Т. Гомперцъ (стр. 201), мы какъ бы по мановенію ока переносимся въ современную химію. *Три* основныя идеи этой науки впервые отчетливо выступаютъ здѣсь передъ нами: гипотеза *множественности*, и при томъ *ограниченной* множественности основныхъ элементовъ; идея *соединеній*, въ которыя вступаютъ между собой эти элементы; и, наконецъ, признаніе многочисленныхъ *количественныхъ различій* или измѣнчивости *пропорцій* въ этихъ соединеніяхъ“.

Фрагменты Эмпедокла переведены на латинскій языкъ Карстеномъ и Муллахомъ, на французскій языкъ Эгжеромъ и П. Таннери, на нѣмецкій языкъ Ломматшемъ, Бальтцеромъ, Дильсомъ и Нестле (переводъ послѣдняго стихотворный), на англійскій языкъ—Фербанксомъ, Бернетомъ и Леонардомъ (переводъ Леонарда въ стихахъ), на русскій языкъ—Э. Радловымъ и Г. Якубанисомъ, причемъ послѣдній даетъ два перевода: прозаическій и стихотворный. Сверхъ того, Э. Радловъ и Г. Якубанисъ посвятили Эмпедоклу спеціальныя монографическія изслѣдованія.

A. Жизнь и ученіе.

Жизнь.

1. *Діогенъ XIII 51 слѣд.* Агригентинецъ Эмпедоклъ былъ, какъ говоритъ Гиппоботъ, сыномъ Метона и внукомъ Эмпедокла. То же самое сообщаетъ также Тимей въ пятнадцатой книгѣ своихъ „Исторій“, прибавляя, что Эмпедоклъ-дѣдъ (нашего) поэта былъ извѣстнымъ мужемъ.

тизація большого количества фактовъ и у автора ея—обширнѣйшія познанія. Мѣткое замѣчаніе объ Эмпедоклѣ дѣлаетъ Bidez (Archiv IX, стр. 303): „Son attention se disperse sur trop d'objets pour arriver au fond des choses“. Въ другомъ мѣстѣ онъ справедливо указываетъ, что ученія Эмпедокла не образуютъ „системы“ и въ нихъ нѣтъ „единства точки зрѣнія“. Также авторъ статьи объ Эмпедоклѣ въ The Encyclopaedia Britannica находитъ, что „his doctrines are hard to put together“.

Впрочемъ, и Гермиппъ говоритъ то же самое. Равнымъ образомъ Гераклидъ въ сочиненіи: „О болѣзняхъ“ (говоритъ), что онъ принадлежалъ къ знатному роду, такъ какъ дѣдъ (его) держалъ лошадей (для конныхъ ристалищъ). Говоритъ также Эратосѳенъ въ сочиненіи: „Побѣды на олимпійскихъ играхъ“, ссылаясь на свидѣтельство Аристотеля, что въ 71 олимпіаду (*496*) одержалъ побѣду отецъ Метона.

(*52*) Грамматикъ же Аполлодоръ въ „Хроникахъ“ говоритъ такъ: „Былъ у Метона сынъ. О немъ Главкъ [1]) сообщаетъ, что онъ посѣтилъ Ѳуріи тотчасъ же по основаніи ихъ“ и затѣмъ ниже (прибавляетъ): „Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что совершенно ошибаются тѣ, кто разсказываетъ, будто, будучи изгнанъ изъ родины, онъ переселился въ Сиракузы и вмѣстѣ съ сиракузянами воевалъ противъ аѳинянъ. Дѣло въ томъ, что (въ то время) или его уже не было въ живыхъ или онъ былъ совершенно престарѣлымъ; (такимъ образомъ) то сообщеніе невѣрно“. Вѣдь Аристотель, а также Гераклидъ утверждаютъ, что онъ умеръ шестидесяти лѣтъ. Одержавшій же въ 71 олимпіаду побѣду на скаковой лошади былъ его дѣдъ—тезка, такъ что заодно Аполлодоръ указываетъ и время.

(*53*) Сатиръ же въ „Жизнеописаніяхъ“ говоритъ, что Эмпедоклъ былъ сыномъ Эксенета и самъ оставилъ сына Эксенета, и что въ ту же самую (*вышеупомянутую*) олимпіаду онъ (самъ) одержалъ побѣду на скаковой лошади, сынъ же его (побѣдилъ) въ борьбѣ, или, какъ (сообщаетъ) Гераклидъ въ „Сокращеніи“,—въ бѣгѣ. Я же нашелъ въ запискахъ Фаворина, что Эмпедоклъ принесъ въ жертву быка, (сдѣланнаго) изъ меда и ячменной муки [2]), для пословъ (государства), и что онъ имѣлъ брата Калликратида. Телавгъ же, сынъ Пиѳагора, въ письмѣ къ Филолаю говоритъ, что Эмпедоклъ—сынъ Архинома.

(*54*) Что же касается его происхожденія изъ Агригента въ Сициліи, то объ этомъ онъ самъ говоритъ въ началѣ „Очищеній“ (*цит.* ***В 112***). Вотъ какія свѣдѣнія (мы имѣемъ) объ его происхожденіи.

Тимей разсказываетъ въ девятой изъ своихъ „Исторій“, что онъ слушалъ Пиѳагора, и говоритъ, что онъ (подобно Платону) былъ обвиненъ въ кражѣ ученій (*т. е. въ томъ, что выдавалъ чужія ученія за свои*) и былъ исключенъ изъ союза (ему запрещено было принимать участіе въ занятіяхъ школы). Онъ и самъ упоминаетъ Пиѳагора въ слѣдующихъ словахъ

---

[1]) Главкъ изъ Регины—историкъ литературы, жившій вскорѣ послѣ Эмпедокла.

[2]) Срв. 21 A 11. О роли быка въ греческомъ культѣ см. Кагаровъ. Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи 1913, стр. 247—260. Г. Якубанисъ (Эмпедоклъ, стр. 27), относя это сообщеніе къ дѣду философа, полагаетъ, что фактъ „угощенія членовъ почетнаго посольства своеобразнымъ блюдомъ—быкомъ, выпеченнымъ изъ меда и ячменной муки“, свидѣтельствуетъ, что Эмпедоклъ—дѣдъ „былъ послѣдователемъ пиѳагорейскаго ученія, предписывавшаго своимъ адептамъ воздержаніе отъ мясной пищи, а можетъ быть даже лично зналъ и слушалъ самого Пиѳагора“. Такого же мнѣнія держится Steinhart въ своей статьѣ объ Эмпедоклѣ, помѣщенной въ Ersch u. Grubers Allgem. Encyclopädie I Sect., 34.

цит. В 129). Другіе же (полагаютъ), что онъ говорилъ это относительно Парменида.

(*55*) Неанѳъ же говоритъ, что до Филолая и Эмпедокла пиѳагорики [1]) допускались къ участію въ научныхъ бесѣдахъ. Когда же Эмпедоклъ въ своемъ сочиненіи обнародовалъ ихъ ученія, то (пиѳагорейцы) установили законъ о недопущеніи къ участію (въ занятіяхъ школы) эпическихъ стихотворцевъ. (Онъ утверждаетъ. что то же самое случилось и съ Платономъ. А именно, и послѣднему было воспрещено *посѣщеніе занятій школы*). Однако, онъ (*Неанѳъ*) не сообщилъ, кого именно изъ нихъ (*пиѳагорейцевъ*) слушалъ Эмпедоклъ. Дѣло въ томъ, что письмо, приписываемое Телавгу, въ которомъ говорится, будто онъ занимался у Гиппаса и Бротина, не заслуживаетъ довѣрія. Ѳеофрастъ же (*Phys. Opin. fr. 3 D. 477, 18 not.*) [1]) говоритъ, что онъ былъ поклонникомъ Парменида и подражалъ послѣднему въ своихъ сочиненіяхъ. Ибо и тотъ изложилъ свое ученіе о природѣ въ стихахъ.

(*56*) Гермиппъ же (сообщаетъ), что онъ былъ поклонникомъ не Парменида, но Ксенофана, въ обществѣ котораго онъ вращался и эпическому стихотворенію котораго подражалъ; впослѣдствіи же онъ попалъ въ общество пиѳагорейцевъ. Алкидамъ же въ „Физикѣ“ говоритъ, что одновременно Зенонъ и Эмпедоклъ слушали Парменида, затѣмъ отъ него ушли, и Зенонъ сталъ заниматься философіей самостоятельно, Эмпедоклъ же (послѣ того) слушалъ Анаксагора и Пиѳагора, при чемъ послѣднему онъ подражалъ въ святости образа жизни и величавой внѣшности, первому же въ ученіи о природѣ.

(*57*) Аристотель же въ „Софистѣ“ говоритъ, что Эмпедоклъ первый изобрѣлъ реторику, Зенонъ же діалектику. Въ первой же книгѣ: „О поэтахъ“ онъ говоритъ, что Эмпедоклъ былъ гомерикомъ [3]) и умѣлъ искусно выражаться, пользуясь метафорами и прочими средствами поэтическаго искусства. Кромѣ другихъ сочиненій онъ написалъ переправу Ксеркса и гимнъ въ честь Аполлона, которые впослѣдствіи сожгла сестра его (или, какъ говоритъ Іеронимъ, дочь): гимнъ нечаянно, персидскія же войны умышленно, такъ какъ онѣ были незакончены.

(*58*) Вообще же, говоритъ онъ, Эмпедоклъ былъ авторомъ также трагедій и политическихъ (сочиненій). Гераклидъ же, сынъ Сарапіона, утверждаетъ, что трагедіи принадлежатъ другому (лицу). Іеронимъ же говоритъ, что (*во время писанія трагедій*) ему было 43 года. Неанѳъ же (говоритъ), что онъ написалъ трагедіи въ юности и что ихъ было семь. Сатиръ же въ „Жизнеописаніяхъ“ говоритъ, что онъ былъ также

---

[1]) „Пиѳагорики“ въ отличіе отъ „пиѳагорейцевъ“, т. е. не принадлежавшіе къ замкнутому избранному кружку.

[2]) Весьма вѣроятно, не въ сочиненіи „Мнѣнія физиковъ“, но въ другой работѣ Ѳеофраста: „О способѣ выраженія“.

[3]) Т. е. подражалъ Гомеру.

врачемъ и превосходнѣйшимъ ораторомъ. По крайней мѣрѣ, его ученикомъ былъ Горгій Леонтинскій (*76 A 3*), мужъ выдающійся въ ораторскомъ искусствѣ и оставившій сочиненіе по теоріи этого искусства. Прожилъ онъ, какъ говоритъ Аполлодоръ въ „Хроникахъ", 109 лѣтъ. [1])

(*59*) Онъ, какъ говоритъ Сатиръ, разсказывалъ, что онъ самъ присутствовалъ, когда Эмпедоклъ чародѣйствовалъ. Но и самъ Эмпедоклъ въ своихъ сочиненіяхъ объявляетъ своей профессіей (не только) магію, но и другія болѣе значительныя (чудеса), въ слѣдующихъ словахъ (*цит. B 111*).

(*60*) Говоритъ также Тимей въ восемнадцатой [2]) (книгѣ своихъ „Исторій"), что этотъ мужъ служилъ предметомъ удивленія во многихъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, когда однажды пассатные вѣтры дули такъ сильно, что ими были повреждены плоды, онъ, приказавъ содрать кожу съ ословъ и сдѣлать мѣха, разставилъ ихъ вокругъ холмовъ и горныхъ вершинъ, чтобы схватить дуновеніе (вѣтровъ). Такъ какъ (послѣ этого) вѣтеръ прекратился, то онъ получилъ прозвище „укротителя вѣтровъ". Гераклидъ же въ сочиненіи „О болѣзняхъ" говоритъ, что онъ и Павсанія наставлялъ относительно того, что касается (*возвращенія къ жизни*) мнимо-умершей. Какъ говорятъ Аристиппъ и Сатиръ, Павсаній былъ предметомъ его любви и къ нему-то обращается (*ему посвящено*) сочиненіе: „О природѣ" слѣдующимъ образомъ (*цит. B 1*). Впрочемъ, на него онъ сочинилъ еще (слѣдующую) эпиграмму (*цит. B 156*).

(*61*) Итакъ, „мнимо-умершая" какъ говоритъ Гераклидъ, есть нѣкое такое состояніе (*женщины*), при которомъ въ теченіе тридцати дней тѣло ея не дышитъ и пульсъ останавливается [3]). Вотъ почему онъ назвалъ его врачемъ и прорицателемъ, основываясь также и на слѣдующихъ собственныхъ его стихахъ:

(*62*) (*Цит. B 112*).

(*63*) Онъ [4]) говоритъ, что Эмпедоклъ назвалъ городъ (другія — рѣку) [5]) Агригентъ большимъ, такъ какъ въ немъ было 80 000 жителей [6]). Такъ какъ они жили въ роскоши, то Эмпедоклъ сказалъ: „Агригентинцы предаются роскоши, словно собираясь завтра умереть; (свои) же дома они строятъ такъ, какъ будто намѣрены жить вѣчно". Передаютъ, что эти самыя „Очищенія" пропѣлъ на олимпійскихъ играхъ [7]) рапсодъ Клеоменъ, какъ (сообщаетъ) и Фаворинъ въ своихъ „Запискахъ". Аристотель говоритъ, что онъ былъ (человѣкомъ) независимымъ и чуждымъ

---

[1]) Вѣроятно, смѣшеніе съ Горгіемъ.

[2]) Белохъ читаетъ „въ двѣнадцатой", срв. Діогенъ VIII 66.

[3]) По другому чтенію: „и не подвергается гніенію"; Свида: „и безъ пищи".

[4]) Т. е. Тимей.

[5]) Т. е. „другія сочиненія или списки". Эта замѣтка представляла собой древнее примѣчаніе на поляхъ.

[6]) „Больше 20000" Diod. XIII 84, 3.

[7]) Срв. 21 A 12.

всякаго (желанія) властвовать. (Объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что) онъ отказался отъ царской власти, которую ему предлагали, какъ сообщаетъ Ксанѳъ въ посвященномъ ему сочиненіи, очевидно, предпочтя частную жизнь.

(*64*) То же самое сообщаетъ и Тимей, указывая при этомъ и причину, почему Эмпедоклъ былъ приверженцемъ демократіи. А именно, онъ говоритъ, что (однажды) Эмпедоклъ былъ приглашенъ однимъ изъ архонтовъ (на пирушку); (и вотъ), когда, не смотря на то, что пиръ подвигался впередъ, напитковъ не приносили, Эмпедоклъ пришелъ въ негодованіе и приказалъ (ихъ) принести, между тѣмъ какъ остальные (гости) спокойно ждали. Однако, пригласившій (ихъ хозяинъ) сказалъ, что онъ ожидаетъ служителя сената. Послѣдній, явившись, сталъ распорядителемъ пирушки, очевидно, по назначенію пригласившаго (гостей хозяина), который (хотѣлъ) объявить посредствомъ намековъ начало тиранніи. И вотъ онъ приказалъ или пить или выливать себѣ на голову, Теперь-то Эмпедоклъ остался спокойно сидѣть. На слѣдующій же день онъ потребовалъ ихъ къ суду и, осудивъ ихъ обоихъ, приговорилъ къ смертной казни какъ пригласившаго (гостей архонта), такъ и распорядителя пирушки. Итакъ, вотъ какъ онъ началъ править государствомъ.

(*65*) Въ другой же разъ, когда врачъ Акронъ просилъ у сената мѣста для сооруженія памятника отцу, такъ какъ послѣдній выдѣлялся среди врачей (своимъ искусствомъ), Эмпедоклъ, выступивъ (на трибуну), воспрепятствовалъ (исполненію этой просьбы), и между (всѣмъ) остальнымъ, что было сказано имъ о (всеобщемъ) равенствѣ, задалъ какъ-то и слѣдующій вопросъ: „Какую же сдѣлаемъ надпись? Не слѣдующую ли?

Высочайшаго врача Акрона Агригентинскаго, сына высочайшаго отца,

Скрываетъ (сей) высочайшій курганъ наивысочайшаго отечества“ (B 157) [1]).

Нѣкоторые же второй стихъ приводятъ такъ:

„Содержитъ высочайшая могила величайшей высоты“.

Нѣкоторые приписываютъ это (двустишіе) Симониду.

(*66*) Затѣмъ Эмпедоклъ распустилъ собраніе тысячи (мужей), существовавшее въ теченіе почти трехъ лѣтъ и состоявшее не только изъ богатыхъ, но также и изъ (лицъ) демократическаго образа мыслей. Въ самомъ

---

[1]) Мы переводимъ такъ вслѣдствіе того, что контекстъ требуетъ, чтобы въ эпиграммѣ заключалась иронія. Еще значительнѣе игра словъ въ греческомъ текстѣ: „***Ἄκρον ἰατρὸν Ἄκρων᾽ Ἀκραγαντῖνον πατρὸς ἄκρου κρύπτει κρημνὸς ἄκρος πατρίδος ἀκροτάτης***“. Игра словъ сохранена въ латинскомъ переводѣ у Didot: „Summonem summum summi patris ex Acragante hic summus summae collis habet patriae“ и у Karsten'а: „Hic Celsum celso medicum medico patre natum excelsae tumulus celsus habet patriae“, а также въ нѣмецкомъ перев. E. Baltzer'а (Empedocles 1879): „Hier ruht Hoch, der hohe Heilkünstler aus Hochstadt der hohen, hoch hat dies Hochgebirg hier Hoch nun, den hohen, geehrt“.

дѣлѣ, Тимей въ одиннадцатой и двѣнадцатой [1]) книгахъ (дѣло въ томъ, что онъ часто упоминаетъ Эмпедокла) говоритъ, что Эмпедоклъ держался противоположнаго образа мыслей въ своей политической дѣятельности (и въ своемъ поэтическомъ творчествѣ. А именно, въ первомъ случаѣ онъ казался скромнымъ и умѣреннымъ), во второмъ же случаѣ (въ своей поэзіи) хвастливымъ и самолюбивымъ. По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ... и прочее (цит. В 112, 4. 5). Когда онъ пришелъ на олимпійскія игры, то сталъ центромъ общаго вниманія, такъ что ни о комъ другомъ не упоминали такъ часто въ бесѣдахъ, какъ объ Эмпедоклѣ.

(*67*) Однако, впослѣдствіи, когда населеніе Агригента стало возрастать (?) [2]), потомки (его) враговъ воспротивились возвращенію его (на родину). Вслѣдствіе этого онъ удалился въ Пелопоннесъ, гдѣ и скончался. Не пропустилъ и его Тимонъ, но бранитъ его въ слѣдующихъ словахъ:

„И Эмпедоклъ крикунъ, бранящійся площадными словами. Онъ соединялъ въ одно столько словъ, сколько былъ въ состояніи [3]), и установилъ начала, нуждающіяся въ другихъ началахъ“. [4])

О смерти же его разсказываютъ различно. Въ самомъ дѣлѣ, Гераклидъ вслѣдъ за разсказомъ о мнимо-умершей, а именно о томъ, какъ прославился Эмпедоклъ, возвративъ къ жизни мертвую женщину, сообщаетъ, что онъ совершалъ жертвоприношеніе вблизи поля Писіанакта, (на что) были приглашены и нѣкоторые изъ друзей (его), въ томъ числѣ и Павзаній.

(*68*) Затѣмъ послѣ пира (всѣ) остальные отдыхали отдѣльно (отъ него, а именно), одни—подъ деревьями, такъ какъ вблизи (*какъ выше было сказано*) находилось поле, другіе же (расположились), гдѣ кому было угодно, самъ же Эмпедоклъ остался на томъ мѣстѣ (*за столомъ*), гдѣ онъ возлежалъ. Когда же съ наступленіемъ дня (всѣ) встали, его одного не оказалось. Когда же стали его разыскивать и разспрашивать слугъ, послѣдніе же отвѣчали незнаніемъ, кто-то сказалъ, что онъ услышалъ въ полночь весьма громкій голосъ, звавшій Эмпедокла, затѣмъ, вставъ, увидѣлъ свѣтъ съ неба и огонь факеловъ, и больше ничего. Между тѣмъ какъ (всѣ) были изумлены случившимся, Павзаній послалъ нѣкоторыхъ (слугъ) искать (его). А затѣмъ онъ запретилъ (слишкомъ) хлопотать (объ этомъ), говоря, что случилось событіе, достойное молитвы, и что Эмпедоклу, какъ ставшему богомъ, должно приносить жертвы.

---

[1]) 11 и 12 по Белоху, въ рукописяхъ же читаемъ: „въ первой и второй книгахъ“.

[2]) Испорченное мѣсто. Во всякомъ случаѣ послѣ 445 г. (срв. § 52).

[3]) Такое пониманіе мѣста предлагаетъ Г. Дильсъ, усматривающій здѣсь намекъ на смѣшныя сложныя слова, которыя составлялъ Эмпедоклъ (напримѣръ, въ В 61) Въ рукописяхъ на мѣстѣ „*ἕειλεν*“ Дильса стоитъ „*εἷλεν*“ („онъ взялъ столько, сколько могъ“); Keydel предлагаетъ читать „*ἄειδεν*“ („воспѣвалъ“).

[4]) Смыслъ по Дильсу: Его принципы (четыре элемента) нуждаются еще въ другихъ принципахъ (Любви и Враждѣ).

(*69*) Гермиппъ же говоритъ, что онъ вылечилъ нѣкую агригентинку Панѳею, на исцѣленіе которой врачи потеряли надежду, и по этому случаю совершилъ жертвоприношеніе. Приглашенныхъ же (на это жертвоприношеніе) было около восьмидесяти. Гиппоботъ же разсказываетъ, что, вставъ (*послѣ описаннаго пира*), онъ отправился на Этну, затѣмъ по прибытіи туда бросился въ кратеръ вулкана и (такимъ образомъ) изчезъ, желая утвердить славу о себѣ, будто сталъ богомъ. Впослѣдствіи же узнали (какъ было дѣло), такъ какъ (вулканомъ) былъ выброшенъ одинъ изъ его башмаковъ: дѣло въ томъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе носить мѣдные башмаки. Противъ этой (молвы) возражалъ Павзаній. [1])

(*70*) (Діодоръ же Эфесскій, который пишетъ объ Анаксимандрѣ, говоритъ, что ему подражалъ Эмпедоклъ, усвоившій его трагическую напыщенность и торжественную одежду). Когда среди селинунтіевъ вслѣдствіе зловоній, исходившихъ отъ вблизи лежавшей рѣки, распространилась моровая язва, такъ что и сами они гибли и жены ихъ съ трудомъ рожали, Эмпедоклъ придумалъ (средство противъ этого), а именно, онъ на свой собственный счетъ соединилъ (*съ той рѣкой*) какія-то двѣ изъ сосѣднихъ рѣкъ. И отъ этого смѣшенія вода (той рѣки) стала пріятной. И когда такимъ-то образомъ зараза прекратилась и селинунтіи какъ-то пировали на берегу рѣки, явился (къ нимъ) Эмпедоклъ. Они же, вставъ, пали ницъ (передъ нимъ) и обратились съ молитвой къ нему, какъ бы къ богу. И вотъ, желая упрочить это мнѣніе (о себѣ), онъ бросился въ огонь.

(*71*) Сказанному противорѣчитъ (показаніе) Тимея, который ясно говоритъ, что Эмпедоклъ удалился въ Пелопоннесъ и болѣе никогда (оттуда) не возвращался. Поэтому-то и кончина его неизвѣстна. Гераклиду же Тимей возражаетъ и притомъ съ упоминаніемъ его имени въ четырнадцатой книгѣ, [2]) (въ которой) говоритъ, что Писіанактъ былъ сиракузяниномъ и не имѣлъ поля въ Агригентѣ и что, если бы такая молва распространилась, то Павзаній соорудилъ бы своему другу памятникъ: или какую-нибудь статуэтку или храмъ, какъ богу; дѣло въ томъ, что Павзаній былъ (человѣкомъ) богатымъ. „Итакъ, какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ, Эмпедоклъ бросился въ кратеръ (вулкана), о существованіи котораго, несмотря на его близость (*отъ Агригента*), онъ ни разу даже не упомянулъ? Итакъ, онъ скончался въ Пелопоннесѣ.

(*72*) И нѣтъ ничего удивительнаго, что могила его неизвѣстна. Вѣдь (неизвѣстны) также могилы многихъ другихъ (*славныхъ мужей*)". Сказавъ нѣчто въ такомъ родѣ, Тимей прибавляетъ: „Но всегда Гераклидъ любитъ сочинять странныя исторіи подобнаго рода; (такъ, напримѣръ) онъ говоритъ, что съ луны свалился (*на землю*) человѣкъ." Гиппоботъ

---

[1]) Въ діалогѣ Гераклида.

[2]) Въ рукописяхъ стоитъ: „въ четвертой книгѣ". Тимей описывалъ въ XIII (весьма вѣроятно, и въ XIV-ой) книгѣ аѳинскую экспедицію противъ Сиракузъ и по этому случаю упоминаетъ Эмпедокла.

же сообщаетъ, что статуя Эмпедокла съ закрытымъ (лицомъ) находилась сначала въ Агригентѣ, впослѣдствіи же съ открытымъ (лицомъ) стояла передъ зданіемъ римскаго сената: очевидно, туда перевезли ее римляне. Дѣло въ томъ, что нарисованныя изображенія его еще и теперь находятся въ обращеніи. Неанѳъ же Кизикенскій, написавшій также о пиѳагорейцахъ, сообщаетъ, что послѣ смерти Метона начала пускать ростки тираннія. Затѣмъ Эмпедоклъ убѣдилъ агригентинцевъ прекратить распри и блюсти гражданское равенство.

(*73*) Далѣе, онъ изъ своихъ обширныхъ средствъ снабдилъ приданымъ многихъ безприданницъ-дѣвушекъ своей родины. Поэтому-то онъ облекся въ пурпуровую мантію и возложилъ на себя золотую повязку, какъ (сообщаетъ) Фаворинъ въ „Запискахъ", а также (надѣлъ) мѣдные башмаки и дельфійскій вѣнокъ. Волосы онъ носилъ длинные и слуги сопровождали его. Самъ онъ всегда имѣлъ серьезный видъ, неизмѣнно одинъ и тотъ же. Такимъ-то онъ шествовалъ, и попадавшіеся навстрѣчу граждане считали такое (поведеніе) какъ бы признакомъ нѣкоторой царской власти. Впослѣдствіи же, отправившись по причинѣ какого-то праздника на повозкѣ въ Мессину, онъ упалъ и сломалъ (себѣ) бедро. Захворавъ вслѣдствіе этого, онъ скончался 77 лѣтъ (отъ роду). Есть и могила его въ Мегарѣ.

(*74*) Относительно же лѣтъ (его жизни) Аристотель держится другого мнѣнія. А именно, онъ говоритъ, что Эмпедоклъ скончался 60 лѣтъ (отъ роду). Другіе же (полагаютъ, что онъ умеръ) 109 лѣтъ *(срв. § 58)*. Акме же его пришлось па 84 олимпіаду (444—441). Димитрій же Трезенскій въ книгѣ: „Противъ софистовъ" говоритъ, что онъ, выражаясь словами Гомера (XI 278),

„Прикрѣпивъ высоко петлю къ высокому вишневому дереву, свѣсилъ (*просунутую туда*) шею, и душа его отправилась въ Аидъ".

Въ вышеупомянутомъ (же) письмѣ (§ *53*, *55*) Телавга говорится, что онъ вслѣдствіе старости, поскользнувшись, упалъ въ море и (такимъ образомъ) скончался. Такъ вотъ какого рода и сколько разсказовъ объ (его) смерти *(передается)* (*Дальше слѣдуютъ двѣ эпиграммы Діогена*).

(*76*) Мнѣнія же его были слѣдующія. Элементовъ четыре: огонь, вода, земля и воздухъ; и (сверхъ того) Любовь, которой они соединяются, и Вражда, которой они разъединяются. Говоритъ же онъ слѣдующимъ образомъ (*цит. В 6*, *2. 3*). Зевсомъ онъ называетъ огонь, Герой землю, Аидонеемъ воздухъ, Нестисъ же—воду. „И это постоянное измѣненіе, говоритъ онъ, никогда не прекращается" (В 17, 6), такъ какъ, по его мнѣнію, такое устройство вселенной вѣчно. И дѣйствительно, онъ прибавляетъ (*цит. В 17*, *7. 8*).

(*77*) Также онъ говоритъ, что солнце есть громадная огненная масса и что оно больше луны. Луна же имѣетъ форму диска, самое же небо подобно кристаллу. И душа животныхъ и растеній принимаетъ различные виды. И дѣйствительно, онъ говоритъ (*цит. В 117*).

Итакъ, сочиненія его: „О природѣ“ и „Очищенія“ заключаютъ въ себѣ до 5000 стиховъ[1]), а „Врачебное слово“ до 600 стиховъ. О трагедіяхъ же (приписываемыхъ ему) мы сказали выше (§ *58*).

2. Свида. Эмпедоклъ, сынъ Метона, по мнѣнію же другихъ– Архинома (*изъ Гезихія*), еще по другому мнѣнію—Эксенета. И брата онъ имѣлъ (по имени) Калликратида (*изъ А 1 § 53*). Прежде всего онъ слушалъ (ученія) Парменида, котораго, какъ сообщаетъ въ своей „Исторіи философовъ“ Порфирій, сталъ предметомъ любви. По словамъ же другихъ, Эмпедоклъ былъ ученикомъ Телавга, сына Пиѳагора. (Онъ былъ) агригентинскимъ философомъ, занимавшимся изслѣдованіемъ природы, и эпическимъ стихотворцемъ *(изъ Гезихія)*. Жилъ же онъ въ 79 олимпіаду (*464—460*).

Имѣя золотой вѣнокъ на головѣ, мѣдные башмаки на ногахъ и дельфійскіе вѣнки въ рукахъ, онъ обходилъ города, желая распространить славу о себѣ, какъ о богѣ. Состарившись же, онъ ночью бросился въ кратеръ вулкана, чтобы скрыть свое тѣло. И такимъ образомъ онъ погибъ, причемъ сандалій его былъ выброшенъ огненной лавой. Также ему было дано прозвище „укротитель вѣтровъ“ вслѣдствіе того, что, когда сильный вѣтеръ сталъ бушевать въ Агригентѣ, онъ унялъ (его), обложивъ городъ ослиными шкурами (*изъ Порфирія, срв. А 16).*

Его ученикомъ былъ Горгій, леонтинскій ораторъ (*изъ А 1 § 53*).

И написалъ онъ въ стихахъ: „О природѣ сущаго“ двѣ книги (въ этомъ сочиненіи около 2000 стиховъ), медицинское сочиненіе прозою и много другихъ (сочиненій) (*изъ Гезихія).*

3. Плиній Nat. Hist. XXIX 1, 5 Другая (*медицинская)* школа (ее называютъ эмпирической вслѣдствіе той роли, которую занималъ въ ней опытъ) возникла въ Сициліи; *(основателемъ ея былъ)* Акронъ Агригентинскій, рекомендованный авторитетомъ физика Эмпедокла.

Свида см. слово Акронъ Агригентинскій, сынъ Ксенона. Онъ училъ въ Аѳинахъ одновременно съ Эмпедокломъ. Итакъ, онъ старше Гиппократа. Онъ написалъ (сочиненія): „О врачебномъ искусствѣ“ на дорическомъ діалектѣ и „О питаніи здоровыхъ“ въ одной книгѣ. И онъ принадлежитъ къ числу отмѣтившихъ нѣкоторыя пневмы. [2]) На него Эмпедоклъ сочинилъ насмѣшливую эпиграмму (*В 157).*

Плутархъ de Is. et Os. 79 p. 383 D Дѣйствительно, разсказываютъ, что врачъ Акронъ въ Аѳинахъ, во время эпидеміи моровой язвы, прославился, приказывая жечь огонь больнымъ.

Галенъ meth. med. I 1 И раньше существовало немалое соперничество между Косскими и Книдскими (врачами), стремившимися превзойти другъ друга множествомъ открытій. А именно, азіатскіе потомки

---

[1]) Это число Г. Дильсъ считаетъ преувеличеннымъ.

[2]) Т. е. онъ принадлежалъ къ школѣ пневматиковъ, объяснявшей всѣ явленія физіологіи и патологіи при помощи *πνεῦμα*.

Асклепія[1]), за исключеніемъ ихъ родосскаго рода, распадались еще на два вышеупомянутыхъ рода. Съ ними состязались тѣмъ хорошимъ соревнованіемъ, которое одобрялъ Гезіодъ, также италійскіе врачи: Филистіонъ [2]), Эмпедоклъ, Павзаній [3]) и ихъ товарищи.

4. Аристотель de anima A 2. 405 b 1 Изъ болѣе же грубыхъ (мыслителей) нѣкоторые объявили (*началомъ всего*) воду, какъ, напримѣръ, Гиппонъ. Повидимому, они пришли къ этому убѣжденію, отправляясь отъ факта влажности сѣмени всего (*живого*). И въ самомъ дѣлѣ, (Гиппонъ) опровергаетъ учившихъ, что душа есть кровь, [4]) тѣмъ фактомъ, что сѣмя не есть кровь.

5. Свида см. слово Зенонъ (*19 A 2*).. Онъ написалъ „Споры", „Изъясненіе ученій Эмпедокла", „Противъ философовъ", О природѣ".— Говорятъ, что онъ изобрѣтатель діалектики, подобно тому какъ Эмпедоклъ реторики. *Срв. 19 A 1 § 25.*

6. Аристотель Metaph. A 3. 984 a 11 Анаксагоръ же Клазоменскій, который по возрасту былъ старше его *(Эмпедокла)*, дѣлами же моложе, [5]) учитъ, что началъ безконечно-большое число.

7. Симплицій phys. 25, 19 (*изъ Ѳеофраста Phys. Opin. fr. 3. D. 477*) Эмпедоклъ Агригентскій, родившійся немного позже Анаксагора, поклонникъ и ученикъ Парменида и еще болѣе пиѳагорейцевъ.

8. Евсевій P. E. X 14, 15 (*изъ анонимнаго біографа*) Эмпедоклъ становится ученикомъ Телавга въ то время, когда пріобрѣталъ извѣстность Гераклитъ Темный, *т. е. въ 69 олимпіаду (504—501), согласно Хроникѣ.*

9. Евсевій Chron. Въ 81, 1 олимп. (*456*) становились извѣстными философы Эмпедоклъ и Парменидъ, занимавшіеся изслѣдованіемъ природы.

Геллій XVI 21, 14 (*вѣроятно, изъ Хроники Непота*) Между битвой у Кремеры (477) и децемвиратомъ (450): около этого времени пользовался славой въ области естественной философіи Эмпедоклъ Агригентскій.

---

[1]) Потомки Асклепія, или Эскулапа (бога врачебнаго искусства), т. е. врачи.

[2]) Современникъ и другъ Платона.

[3]) Ученикъ Эмпедокла, которому послѣдній посвятилъ свою поэму.

[4]) Очевидно, имѣется въ виду Эмпедоклъ.

[5]) Какъ указываетъ Боницъ въ своихъ комментаріяхъ, выраженіе „дѣлами моложе" двусмысленно. „Дѣла" здѣсь, безъ сомнѣнія, означаютъ „философское ученіе", но цѣлое выраженіе „моложе дѣлами" можетъ быть понято или во временномъ смыслѣ (Анаксагоръ началъ позже философствовать или, какъ толкуютъ Гегель и Кузенъ, позже выступилъ со своими сочиненіями) или въ смыслѣ сравнительной оцѣнки достоинства и значенія ихъ ученій (Анаксагоръ болѣе слабый мыслитель, чѣмъ Эмпедоклъ); послѣднее толкованіе принимаетъ Льюисъ, который переводитъ: „Анаксагоръ Клазоменскій, который превосходитъ Эмпедокла годами, но ниже его въ отношеніи идей". Равессонъ и Ренувье истолковываютъ мѣсто такъ: хотя ученіе Анаксагора появилось раньше, но по содержанію оно новѣе ученія Эмпедокла, представляя болѣе высокую ступень развитія философской мысли.

10. Евсевій Chron. Въ 86, 1 олимп. (436) срв. 18 А 11 b.

11. Атеней I 5 E (отсюда Свида см. слово 'Αθήναιος) Эмпедоклъ Агригентскій, одержавшій побѣду на олимпійскихъ играхъ въ конномъ ристалищѣ [1]), бывшій пиѳагорейцемъ и (*какъ таковой*) воздерживавшійся отъ (употребленія въ пищу) одушевленныхъ (существъ), сдѣлалъ быка изъ смирны, ладана и самыхъ дорогихъ благовоній и раздѣлилъ его между явившимися на праздникъ (*срв. А 1 § 51. 53*).

12. Атеней XIV 620 D „Очищенія" Эмпедокла пѣлъ на олимпійскихъ играхъ рапсодъ Клеоменъ, какъ сообщаетъ Дикеархъ въ своей „Олимпійской книгѣ".

13. Никомахъ (возстановлено на основаніи Порфирія V Pyth. 29 и Ямвлиха V. P. 135, о чудесахъ Пиѳагора) Принявъ участіе въ этихъ дѣлахъ, Эмпедоклъ Агригентскій, Эпименидъ Критскій и Абарисъ Гиперборейскій часто и сами совершали кое-что въ этомъ родѣ. Извѣстны ихъ (чудесныя) дѣла и особенно то, что Эмпедоклъ получилъ прозвище „укротителя вѣтровъ", Эпименидъ „очистителя", Абарисъ же „ходящаго по воздуху".

14. Плутархъ de curios. 1 p. 515 C Физикъ же Эмпедоклъ, загородивъ нѣкое горное ущеліе, испускавшее тяжелый и нездоровый южный вѣтеръ на равнины, изгналъ, повидимому, моровую язву изъ страны. *Adv. Colot. 32, 4 p. 1126 B* Эмпедоклъ же, уличивъ знатнѣйшихъ гражданъ въ наглыхъ поступкахъ и въ расхищеніи государственной казны, освободилъ (отъ нихъ) городъ, а также спасъ страну отъ безплодія и моровой язвы, огородивъ стѣною горныя ущелія, черезъ которыя проходилъ въ равнину южный вѣтеръ.

Климентъ Strom. VI 30 И Эмпедоклъ Агригентскій былъ прозванъ укротителемъ вѣтровъ. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что, когда отъ горы Агригента сталъ какъ-то дуть тяжелый и нездоровый для мѣстныхъ жителей вѣтеръ, бывшій также причиною безплодія ихъ женъ, Эмпедоклъ унялъ (этотъ) вѣтеръ. *Слѣдуютъ фрагменты В 111, 3—5. 112, 10—12.*

Филостратъ V. Apoll. VIII 7, 8 p. 158 Какой же мудрецъ, по твоему мнѣнію, уйдетъ изъ борьбы ради (*благоденствія*) такого города, принявъ во вниманіе, что Демокритъ нѣкогда освободилъ отъ моровой язвы абдеритовъ, имѣя (также) въ виду аѳинянина Софокла, который, какъ говорятъ, очаровалъ даже вѣтры, слишкомъ сильно дувшіе весною, услышавъ (наконецъ) о дѣлахъ Эмпедокла, который задержалъ быстрое движеніе бури, внезапно разразившейся надъ агригентинцами? *Срв. I 2* Дѣло въ томъ, что Эмпедоклъ, самъ Пиѳагоръ и Демокритъ, познакомившіеся съ магами и высказавшіе много божественнаго, еще не были прельщены этимъ искусствомъ.

---

[1]) На философа Эмпедокла перенесена побѣда, одержанная или дѣдомъ его или внукомъ.

Плиній nat. h. XXX 1, 9 Въ самомъ дѣлѣ, Пиѳагоръ, Эмпедоклъ, Демокритъ и Платонъ, чтобы научиться этому *(магіи)*, ѣздили по морямъ *(и жили на чужбинѣ столь продолжительное время, что можно сказать)* скорѣе подвергли себя изгнанію, чѣмъ предприняли путешествіе. Возвратившись (на родину) они ее отчасти разгласили, отчасти сохранили въ тайнѣ.

15. Ямвлихъ V. Pyth. 113 (изъ Никомаха) Когда одинъ юноша съ обнаженнымъ мечомъ бросился на Анхита, бывшаго гостемъ Эмпедокла *(срв. В 1)*, за то, что тотъ, въ качествѣ судьи по назначенію государства, осудилъ отца (этого) юноши на смерть и когда въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ съ мечомъ въ рукѣ онъ уже устремился на осудившаго его отца Анхита, чтобы пронзить его, какъ убійцу, Эмпедоклъ, переладивъ, насколько могъ, лиру и взявъ нѣкую смягчающую и успокаивающую мелодію, въ ту же минуту заигралъ „унимающую боль, прогоняющую гнѣвъ и заставляющую забывать всѣ бѣдствія (пѣснь)“, по выраженію поэта *(Гомеръ δ 221)* и такимъ образомъ спасъ своего гостя Анхита отъ смерти, а юношу отъ убійства. Разсказываютъ, что послѣдній съ того времени сталъ самымъ искреннимъ другомъ Эмпедокла [1]).

Страбонъ VI p. 274 Онъ полагаетъ, что по причинѣ такого вида *(Этны)* измышляется много разсказовъ (о ней) и въ особенности *(этому обязано своимъ происхожденіемъ)* то, что нѣкоторые разсказываютъ объ Эмпедоклѣ, (а именно), будто послѣдній бросился въ кратеръ и оставилъ въ качествѣ слѣда случившагося происшествія одинъ изъ своихъ мѣдныхъ башмаковъ. Дѣло-де въ томъ, что послѣдній былъ найденъ на поверхности горы недалеко отъ края кратера, такъ какъ былъ выброшенъ силою огненной лавы.

Горацій Ars Poet. 458: Подобно тому какъ птицеловъ, увлекшись черными дроздами, упалъ въ яму колодца и, хотя въ теченіе долгаго времени кричитъ: „Спѣшите на помощь! ой, граждане!“, однако, нѣтъ никого, кто принялся бы вытаскивать его. Если кто-нибудь захочетъ помочь ему и станетъ спускать веревку, я скажу: „Почемъ ты знаешь, не бросился ли туда мудрецъ, (который) не хочетъ быть спасеннымъ?“ и разскажу гибель сицилійскаго поэта. Желая, чтобы его считали безсмертнымъ богомъ, похолодѣвшій (отъ страха) Эмпедоклъ прыгнулъ въ пылающую Этну. Пусть можно и должно погибать поэтамъ: кто спасаетъ (другого) противъ его воли, поступаетъ такъ же, какъ убійца.

17. (Аристотель) Probl. 30, 1 p 953 a 26 Изъ позднѣйшихъ же *(были меланхоликами)* Эмпедоклъ, Платонъ, Сократъ и много другихъ извѣстныхъ (лицъ).

---

[1]) Очевидно, имѣется въ виду юноша Павзаній, сынъ Анхита, котораго имя ошибочно перенесено на гостя Эмпедокла.

18. Эліанъ V. H. XII 32 Эмпедоклъ же Агригентскій носилъ пурпуровую одежду и мѣдные сандаліи (*Срв. А 1 § 73*).

Филостратъ V. Ap. VIII 7 p. 156 А именно, Эмпедоклъ, наложивъ повязку изъ сильно окрашенной пурпуромъ (матеріи) вокругъ волосъ, шествовалъ гордо по эллинскимъ улицамъ, слагая гимны, будто изъ человѣка онъ станетъ богомъ *(Срв. В 112, 6 слѣд.)*.

19. Секстъ adv math. VII 6 А именно, Аристотель *(въ „Софистѣ" срв. А 1 § 57)* говоритъ, что Эмпедоклъ первый далъ толчокъ развитію реторики. *Изъ его же* „Собранія теорій искусствъ" (*срв. fr. 137 Rose*).

Квинтиліанъ III 1, 8 Ибо говорятъ, что послѣ тѣхъ, о которыхъ (намъ извѣстно только) изъ сообщенія поэтовъ, Эмпедоклъ первый способствовалъ нѣсколько развитію реторики. Древнѣйшими же писателями о (реторическомъ) искусствѣ были сицилійцы Кораксъ и Тисій, за которыми послѣдовалъ уроженецъ того же острова Горгій Леонтинскій, бывшій, какъ передаютъ, ученикомъ Эмпедокла.

Аристотель soph. el. 33 p. 183 b 31 Нынѣ же пользующіеся славой (ораторы) переняли (*свое искусство*) какъ бы по наслѣдству отъ множества предшественниковъ, которые понемногу усовершенствовали (*это искусство)*; такъ, увеличили *(средства ораторскаго искусства*) Тисій послѣ первыхъ (*ораторовъ у Гомера*), Ѳрасимахъ же послѣ Тисія и т. д.

Schol. Jamblich. V. P. p. 198 Nauck И Парменидъ изъ Элеи былъ пиѳагорейцемъ. Отсюда очевидно, что и „двуязычный" Зенонъ, передавшій *(потомству)* также начала діалектики, тоже *(былъ пиѳагореецъ)*. Такимъ образомъ отъ Пиѳагора ведетъ свое начало діалектика, точно такъ же и реторика. Въ самомъ дѣлѣ, Тисій, Горгій и Полъ—ученики пиѳагорейца Эмпедокла.

Апофтегматика.

20. Гномологій Парижскій n. 153 (Ас. Cracov. XX 152) На вопросъ, почему онъ весьма сердится, когда его бранятъ, Эмпедоклъ отвѣтилъ: „Потому что, если я не стану огорчаться, когда меня бранятъ, то и похвала меня не будетъ радовать" (*срв. 19 А 1, стр. 74—75*). *158* Когда (кто-то) говорилъ, что не можетъ найти ни одного мудреца, Эмпедоклъ сказалъ: „Естественно. Ибо прежде всего необходимо, чтобы былъ мудрецомъ самъ тотъ, кто ищетъ мудреца". *Лучше, чѣмъ Діогенъ IX 20* (*11 А 1, ч. I, стр. 93*).

Поэзія *(срв. А 1 §§ 55 слѣд. 65. 77; далѣе А 2. 12*).

21. Лукрецій I 714 слѣд. (*пер. Рачинскаго*)

Кто, наконецъ, изъ стихій четырехъ этихъ міръ образуетъ:

То-есть,изъ пламени, влаги, земли и воздушныхъ теченій,—
Между послѣдними сталъ во главѣ Эмпедоклъ Агригентскій
На берегахъ своихъ выростилъ островъ его треугольный,
Влагой Іонійскаго моря омытый въ широкихъ заливахъ,
Тамъ, гдѣ лазурныя волны холодную тину кидаютъ,
Тамъ, гдѣ чрезъ узкій проливъ протекая стремительно, море
Берегъ Сициліи отъ Италійской страны отдѣляетъ.
Здѣсь на просторѣ Харибда лежитъ. Здѣсь и Этна вѣщаетъ
Рокотомъ грознымъ своимъ о пылающемъ скопищѣ гнѣва,
Что изъ расщелинъ открытыхъ огня извергаетъ потоки,
И небосводу огонь молньеносный назадъ возвращаетъ.
Эта страна удивленіе вызвала разныхъ народовъ
Вслѣдствіе многихъ причинъ, и достойна она обозрѣнья,
Многими благами славясь и силой оружія гражданъ.
Но изо всѣхъ этихъ благъ, какъ мнѣ кажется, самымъ прекраснымъ,
Самымъ святымъ, драгоцѣннымъ, вниманья достойнымъ былъ мужъ тотъ,
Такъ какъ въ божественномъ сердцѣ его зарожденныя пѣсни
Громко звучатъ до сихъ поръ, излагая такія открытья,
Что человѣкомъ едва мы его признаемъ по рожденью.

22. Аристотель Poet. 1. 1447 b 17 (*пер. В. Аппельрота*) У Гомера и Эмпедокла нѣтъ ничего общаго кромѣ метра, почему перваго справедливо называть поэтомъ, а второго скорѣе физiологомъ, чѣмъ поэтомъ.

23. Менандръ (скорѣе Генетлій) I 2, 2 Относящіеся къ природѣ (гимны), какіе сочинили Парменидъ и Эмпедоклъ со своими послѣдователями, излагающіе (въ нихъ), какова природа Аполлона (*срв. А 1 § 57 и 21 В 134*), какова (природа) Зевса (*В 6, 2*). И многіе изъ гимновъ Орфея такого же характера.

Тамъ же 5, 2 Существуютъ же такіе (гимны), когда, произнося гимнъ Аполлона, мы говоримъ, что онъ есть солнце и ведемъ рѣчь о солнцѣ природы, и о Герѣ (говоримъ), что она—воздухъ, и Зевсъ (есть для насъ) теплота (*В 6, 2*). А именно, такіе гимны относятся къ изслѣдованію природы. И такимъ пріемомъ пользуются Парменидъ и Эмпедоклъ... Дѣло въ томъ, что Парменидъ и Эмпедоклъ даютъ *(въ этой формѣ)* пространныя толкованія, Платонъ же дѣлаетъ (*въ такихъ случаяхъ*) упоминанія въ самыхъ краткихъ словахъ.

24. Лактанцій Jnst. div. II 12, 4 Эмпедокла не знаешь куда причислить: къ поэтамъ или философамъ, такъ какъ онъ написалъ о природѣ вещей въ стихахъ, подобно тому какъ у римлянъ Лукрецій и Варронъ. (Такъ вотъ этотъ Эмпедоклъ) установилъ четыре элемента.

Квинтиліанъ I 4, 4 Такъ какъ Эмпедоклъ у грековъ, Варронъ и Лукрецій у латинянъ преподали въ стихахъ наставленія мудрости.

25. Схоліи ad Dionys. Thrac. p. 168, 8 Hilgard Поэта украшаютъ слѣдующія четыре (вещи): размѣръ, вымыселъ (*богатство воображенія*), разсказъ (*содержаніе*) и способъ изложенія, и всякое произведеніе, лишенное этихъ (свойствъ), не есть (подлинное) поэтическое произведеніе, даже если оно и пользуется размѣромъ. Такъ, безъ сомнѣнія, мы не назовемъ поэтами Эмпедокла, Тиртея (?) и авторовъ астрономическихъ сочиненій, хотя бы они и пользовались размѣромъ, такъ какъ ихъ произведенія не имѣютъ отличительныхъ поэтическихъ свойствъ. *166, 13* Тотъ не поэтъ, кто (*изъ поэтическихъ средствъ)* пользуется только однимъ размѣромъ. Такъ, *(не являются поэтами)* ни Эмпедоклъ, написавшій (размѣромъ) „Физику", ни авторы астрономическихъ сочиненій, ни пиѳійскій оракулъ, высказывающій свои предсказанія въ стихахъ.

Плутархъ quom. ad. poet. aud. 2 p. 16 C, см. 18 A 15.

Аристотель Rhet. Г 5. 1407 a 31 Во-вторыхъ, (не слѣдуетъ употреблять) собственныхъ именъ... въ третьихъ, двусмысленныхъ выраженій. Послѣднее (требованіе должно исполнять) за исключеніемъ того случая, когда сознательно предпочитается противоположное, что бываетъ, когда тѣ, которымъ нечего сказать, дѣлаютъ видъ, будто говорятъ что-то важное. А именно, въ этомъ случаѣ (*обычно*) прибѣгаютъ къ поэтической формѣ, подобно Эмпедоклу. Въ самомъ дѣлѣ, (подобное) многословіе, нагромождающее слова одного значенія, морочитъ слушателей и послѣдніе испытываютъ то же, что народъ у прорицателей. А именно, народъ одобрительно киваетъ головой, когда (прорицатели) высказываютъ двусмысленныя (предсказанія): „Перейдя Галисъ, Крезъ разрушитъ великую державу".

Аристотель Meteor. B 3. 357 a 24 Равнымъ образомъ смѣшно, если кто-нибудь, сказавъ, что море есть потъ земли, думаетъ, что онъ высказалъ нѣкоторую ясную (мысль), какъ, напримѣръ, Эмпедоклъ *(B 55)*. Въ самомъ дѣлѣ, съ поэтической точки зрѣнія онъ, выразившись такимъ образомъ, дѣйствительно сказалъ хорошо (ибо метафора есть поэтическое средство), но съ естественно-научной точки зрѣнія (такой способъ выраженія) не можетъ быть одобренъ.

Цицеронъ de oratore I 50, 217 Съ такимъ же основаніемъ мы, пожалуй, могли бы сказать, что къ гражданскому праву относится игра въ мячъ и шашки, такъ какъ П. Муцій былъ весьма искусенъ и въ томъ и въ другомъ. На томъ же самомъ основаніи тѣ, которыхъ греки называютъ физиками, могли бы быть названы также поэтами, такъ какъ физикъ Эмпедоклъ сочинилъ превосходную поэму.

26 Діонисій de comp. verb. 22 Эта гармонія (*именно* серьезная) имѣла много приверженцевъ въ поэзіи, исторіи и политическихъ ученіяхъ. Но наиболѣе выдающимися приверженцами ея являются Антимахъ Колофонскій и физикъ Эмпедоклъ въ эпической поэзіи, Пиндаръ въ лирикѣ и Эсхилъ въ трагедіи.

27. Цицеронъ ad Qu. fr. II 9, 3 Какъ ты пишешь, поэма Лукреція отличается слѣдующими свойствами: (она написана) съ большимъ блескомъ ума, а также съ большимъ искусствомъ. Но если ты (еще) прочтешь сочиненіе Саллюстія объ Эмпедоклѣ, то (когда увидимся), я буду считать тебя зрѣлымъ мужемъ, а не пустымъ юношей.

Ученіе. *(Срв. A 1 § 76. 77; A 4. 6).*

28. Аристотель Metaphys. A 3. 984 a 8 Эмпедоклъ же (призналъ) четыре (начала), присоединивъ къ (*тремъ*) вышеупомянутымъ (*водѣ, воздуху, огню*) четвертое (начало)—землю. А именно, (по его ученію) эти (элементы) всегда пребываютъ и не бываетъ ихъ возникновенія, но они въ большомъ и въ маломъ количествѣ только соединяются въ одно (цѣлое) и выдѣляются изъ (этого) цѣлаго.

Симплицій phys. 25, 21 (послѣ A 7; изъ Ѳеофраста) Онъ принимаетъ четыре тѣлесныхъ стихіи (*матеріальныхъ элемента*): огонь, воздухъ, воду и землю, которыя вѣчны, измѣняются же въ большихъ и малыхъ размѣрахъ въ зависимости отъ (образуемаго ими взаимнаго) соединенія и раздѣленія; началами же въ собственномъ смыслѣ слова, приводящими въ движеніе вышеупомянутые (элементы), являются Любовь и Вражда. Дѣло въ томъ, что стихіи (элементы) всегда должны совершать движеніе поперемѣнно въ противоположномъ направленіи, то соединяясь Любовью, то раздѣляясь Враждою. Такимъ образомъ, по Эмпедоклу, началъ (всего) шесть. Въ самомъ дѣлѣ, и самъ онъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ... (*цит. B 17, 7. 8*), приписываетъ Враждѣ и Любви творческую силу, въ другомъ же, гдѣ говоритъ... *(цит. B 17, 17—20)*, ставитъ и ихъ въ одинъ рядъ съ тѣми четырьмя стихіями.

29. Платонъ Soph. 242 C D (*Иноземецъ изъ Элеи говоритъ*) Мнѣ кажется, намъ, будто дѣтямъ, каждый разсказываетъ какую-нибудь сказку. Одинъ [1]) говоритъ, что (существуютъ) три сущности, что нѣкоторыя изъ нихъ какимъ-то образомъ то враждуютъ между собой, то, полюбивъ другъ друга, заключаютъ браки, рождаютъ дѣтей и вскармливаютъ (свое) потомство. Другой же разсказываетъ, что (существуютъ) два (начала): влажное и сухое, или теплое и холодное, и что они соединяются для супружескаго сожительства *(срв. 47 A 4?)*. А идущая отъ насъ элеатская школа, начавшаяся съ Ксенофана и даже раньше *(срв. 66 B 6)*, полагая, что такъ называемое „все“ едино, разсказываетъ такія сказки. Іонійскія же и нѣкоторыя позднѣйшія сицилійскія Музы *(Гераклитъ и Эмпедоклъ)* одинаково разсудили, что надежнѣе (будетъ) связать то и другое, а именно, учить, что сущее и множественно и едино, что оно находится во вла-

---

[1]) Неизвѣстно кто. Срв. 71 A 8—11. B 1 слѣд.?

сти вражды и любви. „Вѣдь расходящееся всегда сходится“, говорятъ болѣе напряженныя Музы *(12 B 10)*, болѣе же нѣжныя отказались отъ ученія, будто положеніе вещей всегда таково, утверждаютъ же, что попеременно все бываетъ то единымъ, полнымъ любви при содѣйствіи Афродиты, то множественнымъ, борющимся съ самимъ собой по винѣ какой-то Вражды *(21 B 17)*.

30. Псевдо-Плутархъ Stromat. у Евсевія P. E. I 8, 10 (D. 582; изъ Ѳеофраста, какъ п. 31 слѣд.) (*пер. Э. Радлова)* Эмпедоклъ изъ Агригента допускаетъ четыре элемента: огонь, воду, эѳиръ и землю, съ ихъ причинами: любовью и ненавистью. Изъ первичнаго соединенія элементовъ выдѣлился прежде всего воздухъ, который вокругъ распространился; послѣ воздуха выдѣлился огонь, который, не найдя мѣста на верху, потекъ подъ сгущеніемъ, образованнымъ воздухомъ. Вокругъ земли есть два полушарія, которыя двигаются кругообразно: одно состоитъ всецѣло изъ огня, другое смѣшано изъ воздуха и небольшого количества огня; это, какъ онъ думалъ, производитъ ночь. Начало движенія произошло отъ разрыва равновѣсія, вслѣдствіе соединенія огня [1]). Солнце по природѣ не есть огонь, но отраженіе огня, подобное тому, которое бываетъ на водѣ. Луна образовалась изъ воздуха, увлеченнаго огнемъ; этотъ воздухъ сгустился, подобно граду; свѣтъ этого свѣтила происходитъ отъ солнца. Правящее начало принадлежитъ не головѣ, не груди, а крови; потому люди обладаютъ различными превосходствами, смотря по тому, къ какимъ частямъ тѣла въ наибольшемъ количествѣ притекаетъ кровь.

То же въ пер. Г. Церетели: Эмпедоклъ Акрагантинецъ признавалъ четыре элемента: огонь, воду, землю и воздухъ, причиной же ихъ считалъ Любовь и Вражду. Изъ первоначальной смѣси этихъ элементовъ отдѣлился воздухъ, который разлился вокругъ; послѣ воздуха—вырвался огонь, который, не находя другого мѣста, поднялся къ верху изъ-подъ плотной сферы, окружающей воздухъ. Вокругъ земли вращаются два полукруга, одинъ огненный, а другой—состоящій изъ воздуха и небольшой части огня; послѣдній полукругъ Эмпедоклъ называлъ ночью. Начало движенію положилъ огонь, который, собравшись (въ одно цѣлое), нарушилъ (существовавшее до тѣхъ поръ) равновѣсіе. Солнце не есть огонь, но отраженіе послѣдняго, подобно тому, какъ это бываетъ на водѣ. Луна, по мнѣнію Эмпедокла, образовалась сама собой изъ остатковъ воздуха, охваченнаго огнемъ и уплотнившагося на подобіе града. Свѣтъ луна заимствуетъ отъ солнца. Главенство принадлежитъ ни головѣ, ни груди, но крови, поэтому главенствуетъ та часть человѣческаго тѣла, въ которой крови больше.

---

[1]) „Движеніе началось вслѣдствіе того, что *въ какомъ-то мѣстѣ* образовалось скопленіе огня, который обрушился всей своей массой“. Такой переводъ получимъ, если примемъ коньектуру Дильса.

31. Ипполитъ Ref. I 3 (D 558) (*1*) Жившій же послѣ нихъ (*пиѳагорейцевъ*) Эмпедоклъ сказалъ много о природѣ демоновъ [1]), (а именно), что они въ весьма большомъ числѣ имѣютъ свое мѣстопребываніе въ управляемой ими земной области. Онъ призналъ началомъ всего Вражду и Любовь, назвалъ богомъ разумный огонь единаго и сказалъ, что все возникло изъ огня и въ огонь разрѣшится. Съ послѣднимъ ученіемъ до нѣкоторой степени согласны и стоики, ожидающіе (міроваго) пожара. (*2*) Особенно же ревностнымъ приверженцемъ является онъ ученія о переселеніи душъ, (а именно), онъ сказалъ такъ... (*цит. B 117*). Онъ сказалъ, что всѣ души вселяются попеременно во всѣ живыя (существа). Въ самомъ дѣлѣ, и учитель ихъ [2]) Пиѳагоръ говорилъ, что онъ самъ былъ раньше Эвфорбомъ, участвовавшимъ въ троянской войнѣ, утверждая, что узнаетъ свой щитъ.

32. Аэцій I 7, 28 (*D. 303*) (Эмпедоклъ: единое—шаровидно, вѣчно и неподвижно), и (это) единое есть необходимость, матерія же послѣдней—четыре элемента, виды же—Вражда и Любовь. Онъ считаетъ богами и элементы и міръ, представляющій собой смѣсь ихъ, и, сверхъ того, совершенный Шаръ, въ который всѣ они разрѣшатся. И души онъ считаетъ божественными (существами), и тѣхъ свободныхъ отъ вины, которые непорочно причастны имъ (*душамъ*), тоже (признаетъ) божественными.

33. Аэцій I 3, 20 (*D. 286*) (*пер. Э. Радлова*) Эмпедоклъ, сынъ Метона, изъ Агригента, допускаетъ четыре элемента: огонь, воздухъ, вода. земля и двѣ первичныя силы: любовь и ненависть, изъ которыхъ одна соединяющая, другая раздѣляющая. Онъ говоритъ (*цит. B 6*). Зевсомъ онъ называетъ кипѣніе [3]) и эѳиръ, Герою—животворящій воздухъ [4]), Аидонеемъ землю, Нестисъ [5]) и человѣческій источникъ обозначаютъ сѣмя и воду.

Allegor. hom. script. (*можетъ быть, Плутархъ*) *у Стобея Ecl. I 10, 11 b p 121 W.* Эмпедоклъ Зевсомъ называетъ кипѣніе и эѳиръ, жизнедательницей Герой землю, Аидонеемъ воздухъ, такъ какъ послѣдній не имѣетъ собственнаго свѣта, но освѣщается солнцемъ, луною и звѣздами, Нестисъ и человѣческимъ источникомъ—сѣмя и воду. Итакъ, все—изъ четырехъ элементовъ; природа послѣднихъ состоитъ изъ противоположностей: сухости и влажности, теплоты и холода; она производитъ все посредствомъ пропорціональнаго взаимнаго смѣшенія (элементовъ), переноситъ частныя перемѣны, но не допускаетъ разрѣшенія всего. А именно, онъ говоритъ такъ (*цит. B 17, 7. 8*).

---

[1]) Срв. 21 B 121—123.

[2]) Т. е. пиѳагорейцевъ и Эмпедокла.

[3]) „Жаръ“ Г. Церетели.

[4]) „Жизнедательницей Герой—воздухъ“ Г. Церетели.

[5]) Нестисъ, вѣроятно, сицилійская богиня воды; нѣкоторые, впрочемъ. полагаютъ, что это имя изобрѣлъ самъ Эмпедоклъ.

Ипполитъ Ref. VII 29 послѣ В 6 (изъ сочиненія Плутарха объ Эмпедоклѣ?) Зевсъ—огонь, жизнедательница Гера—земля, приносящая плоды для (поддержанія) жизни, Аидоней—воздухъ, такъ какъ мы, видя все черезъ него, только его самого не видимъ, Нестисъ же—вода. Ибо она одна, являясь (*необходимымъ*) условіемъ возникновенія пищи для всѣхъ питающихся (существъ), сама по себѣ не въ состояніи питать ихъ. И дѣйствительно, говоритъ онъ, если бы она питала, то животныя никогда не испытывали бы голода, такъ какъ вода въ мірѣ (имѣется) всегда въ изобиліи. Потому онъ называетъ воду Нестисъ, что, будучи причиной пищи, (сама она) не можетъ кормить нуждающихся въ пищѣ (существъ)

Изъ приведенныхъ здѣсь свидѣтельствъ мы видимъ, что въ древней традиціи существовало разногласіе въ истолкованіи значенія миѳологическихъ именъ у Эмпедокла. По одной версіи, идущей отъ Ѳеофраста, у Эмпедокла Гера=воздухъ, Аидоней=земля; по другой, идущей отъ стоиковъ и Кратеса, наоборотъ: Гера=земля, Аидоней=воздухъ [1]. *См. примѣчаніе Г. Дильса.*

34. Галенъ in Hipp. nat. hom. XV 32 K. Эмпедоклъ полагалъ, что природа сложныхъ тѣлъ образуется изъ четырехъ неизмѣняемыхъ элементовъ; послѣдніе при этомъ смѣшаны другъ съ другомъ такимъ образомъ, какъ если бы кто-нибудь, тщательно растеревъ мѣдную руду, шпіаутеръ и купоросную руду и сдѣлавъ (изъ нихъ) ядовитый порошокъ, смѣшалъ бы ихъ такъ, что ни одного изъ нихъ нельзя было бы взять въ руки отдѣльно отъ другого.

35. Аэцій II 7, 6 (D. 336) (пер. Э. Радлова) Эмпедоклъ говорилъ, что мѣста элементовъ не всегда постоянны и опредѣленны, но что всѣ они взаимно обмѣниваются (*мѣстами*).

Ахиллъ Js. 4 p. 34, 20 M. Эмпедоклъ не даетъ элементамъ опредѣленныхъ мѣстъ (*во вселенной*), но говоритъ, что они взаимно уступаютъ мѣсто другъ другу, такъ что (одновременно) земля несется вверхъ и огонь внизъ.

36. Аристотель de gen. et corr. B 3. 330 b 19 Нѣкоторые же принимаютъ прямо четыре (*элемента*), какъ Эмпедоклъ. Но и онъ сводитъ ихъ къ двумъ. Ибо огню онъ противополагаетъ всѣ остальные (*элементы*).

37. Аристотель Metaph. A 4. 985 a 21 (пер. Первова - Розанова) И Эмпедоклъ, хотя нѣсколько болѣе, нежели онъ (*Анаксагоръ*), пользуется своими причинными основами, но все-таки недостаточно и находитъ въ

---

[1]) Knatz („Empedoclea" въ Schedae Philol. H. Usenero oblatae, 1891) и G. Thiele („Zu den vier Elementen des Empedocles" въ Hermes. XXXII Bd., 1897) полагаютъ, что у Эмпедокла Зевсъ=воздухъ, Аидоней=огонь, Гера=земля и Нестисъ=вода. Воздухъ, какъ элементъ, является у Эмпедокла свѣтлымъ, такъ какъ онъ называетъ его эѳиромъ; приравненіе Аидонея огню могло имѣть своимъ основаніемъ близкое знакомство сицилійскаго уроженца съ вулканами; эпитетъ жизнедательница, прилагаемый Эмпедокломъ къ Герѣ, есть гомеровскій эпитетъ земли; и, наконецъ, Нестисъ есть сицилійская богиня воды.

нихъ не то, что слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ, во многихъ мѣстахъ у него взаимное влеченіе раздѣляетъ и раздоръ соединяетъ. Именно, всякій разъ когда вселенная разъединена раздоромъ на стихіи, огонь соединяется въ одно и также каждая изъ прочихъ стихій; а когда опять всѣ стихіи, вслѣдствіе взаимнаго влеченія, сходятся въ одно, частицы каждой стихіи по необходимости опять раздѣляются. Итакъ, Эмпедоклъ первый въ ряду прежнихъ философовъ внесъ эту причину, раздѣливъ ее, потому что принялъ не одно начало движенія, но два различныя, и притомъ противоположныя. Кромѣ того, хотя онъ первый принялъ четыре стихіи, разсматриваемыя имъ въ видѣ матеріи, (на дѣлѣ) же онъ пользуется не четырьмя, а какъ бы только двумя: огнемъ самимъ по себѣ и противоположными, именно землею, воздухомъ и водою, какъ одною природой. Все это можно извлечь изъ его поэмы.

38. Аристотель phys. Θ 1. 252 a 7 Повидимому, Эмпедоклъ сказалъ бы, что по необходимости господствуетъ надъ вещами и движетъ ихъ то Любовь, то Вражда, въ промежуточное же время царитъ покой.

39. Аристотель Metaph. A 4. 984 b 32 (пер. Первова-Розанова) А такъ какъ и противоположное доброму оказывалось лежащимъ въ природѣ, то-есть не только порядокъ и прекрасное, но также и безпорядокъ и безобразное, и даже злого болѣе въ ней, чѣмъ добраго, и дурного болѣе, чѣмъ прекраснаго, то поэтому пришлось внести взаимное влеченіе и раздоръ, какъ двѣ соотвѣтствующія причины двухъ указанныхъ сторонъ существующаго.

Ибо если искать рѣшенія вопроса, слѣдуя здравому размышленію, а не останавливаться на томъ, о чемъ заикается Эмпедоклъ, то всякій найдетъ, что взаимное влеченіе есть причина добраго, а раздоръ — злого; такъ что, если бы кто утверждалъ, что Эмпедоклъ, и притомъ первый, говорилъ какимъ бы то ни было образомъ о злѣ и добрѣ, какъ объ основныхъ началахъ, то онъ, можетъ быть, былъ бы правъ, — конечно, если только причинною основою всего благого служитъ самое благо, а злого самое зло.

40. Аристотель de gen. et corr. B 6. 333 b 20 Хотя элементы раздѣляетъ не Вражда, но Любовь, они по природѣ первичнѣе бога [1]). Боги также и они.

41. Филопонъ de gen et corr. 19, 3 Vitelli Онъ высказываетъ ученіе, противорѣчащее (природѣ) явленій, такъ какъ отрицаетъ измѣненіе, которое, очевидно, существуетъ. Самому же себѣ онъ противорѣчитъ, говоря, что элементы неизмѣнны и что они не возникаютъ другъ изъ друга, но (все) остальное (возникаетъ) изъ нихъ; съ другой же стороны, утвер-

---

[1]) Такъ какъ въ первоначальномъ состояніи элементы самымъ тѣснымъ образомъ смѣшаны между собой, то въ этой однородной массѣ каждый элементъ раздѣленъ на обособленныя другъ отъ друга части. Смыслъ: хотя первоначальнымъ состояніемъ является смѣсь элементовъ (богъ Сферосъ), однако, по природѣ каждый элементъ является самостоятельнымъ, самосущимъ.

ждая, что во время господства Любви все становится единымъ и образуетъ безкачественный Шаръ, въ которомъ болѣе не сохраняется своеобразія ни огня, ни какого-либо изъ прочихъ (элементовъ), такъ какъ каждый изъ элементовъ теряетъ (здѣсь) свой собственный видъ.

42. Аристотель de caelo Г 2. 301 a 14 Неразумно выводить возникновеніе (вещей) изъ обособленныхъ движущихся (частей). Поэтому-то и Эмпедоклъ не принимаетъ рожденія по Любви. Ибо онъ не могъ бы изобразить образованіе міра изъ обособленныхъ (частей), соединяемыхъ Любовью. Дѣло въ томъ, что (*по его ученію, первоначально)* міръ состоялъ изъ раздѣленныхъ элементовъ, и такимъ образомъ возникновеніе (вещей) должно было произойти изъ единаго (цѣлаго), представлявшаго уже собой соединеніе (элементовъ) [1]. *d. gen. et corr. B 7. 334 a 5* Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ, что міръ находится въ одинаковомъ состояніи какъ при теперешнемъ (*преобладаніи)* Вражды, такъ и при прежнемъ (*преобладаніи)* Любви.

43. Аристотель de gen. et corr. B 7. 334 a 26 И въ самомъ дѣлѣ, какого рода (соединеніе) будетъ у тѣхъ, которые учатъ, подобно Эмпедоклу? Соединеніе (у нихъ) должно быть въ родѣ того, какъ стѣна (сложена) изъ кирпичей и камней. И эта смѣсь будетъ (состоять) изъ не подверженныхъ гибели элементовъ, небольшими (частями) лежащихъ другъ возлѣ друга. Такого-то рода соединеніемъ (является у нихъ) мясо и каждая изъ прочихъ (вещей).

Аэцій I 13, 1 (*пер. Г. Церетели*) По мнѣнію Эмпедокла, до образованія четырехъ элементовъ существовали очень маленькія частицы, своего рода равночастные элементы, предшествовавшіе (четыремъ) элементамъ. *17, 3 (D. 315*) (*пер. Э. Радлова)* Эмпедоклъ и Ксенократъ представляютъ элементы составленными изъ частицъ еще меньшихъ, которыя суть какъ бы мельчайшія величины и какъ бы элементы элементовъ.

Галенъ in Hipp. de nat. h. XV 49 K А именно, онъ (*Эмпедоклъ)* учитъ, что мы и всѣ прочія земныя тѣла возникли изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, изъ которыхъ (выводитъ наше происхожденіе) и Гиппократъ, однако, (по мнѣнію Эмпедокла, при возникновеніи вещей) элементы не перемѣшались совершенно между собой, но легли рядомъ, касаясь другъ друга по малымъ частямъ (*срв IV. 762* разбившись на маленькія части).

44. Аэцій I 24, 2 (*D. 320*) Эмпедоклъ, Анаксагоръ, Демокритъ, Эпикуръ и всѣ тѣ, кто полагаетъ, что міръ образуется вслѣдствіе соединенія мельчайшихъ матеріальныхъ частицъ, принимаютъ (многочисленныя) соединенія и разъединенія (ихъ), возникновенія же и гибели ихъ въ собственномъ смыслѣ не допускаютъ. Ибо эти (*кажущіяся возникновеніе и*

[1] Это свидѣтельство Аристотеля Дж. Бернетъ (стр. 271 ц. с.) понимаетъ, какъ указаніе на то, что Эмпедоклъ описывалъ возникновеніе частныхъ вещей лишь изъ царства Любви, при вторженіи въ него Вражды.

гибель вещей) происходятъ не вслѣдствіе качественнаго измѣненія, но количественнаго соединенія [1]).

45. Аэцій I 26, 1 (D. 321) (пер. Э. Радлова) По Эмпедоклу, сущность необходимости есть причина, приводящая въ дѣйствіе принципы и элементы.

Плутархъ de an. procr. 27, 2 p. 1026 B Необходимость, которую большинство зоветъ судьбой, Эмпедоклъ называетъ одновременно Любовью и Враждой.

---

46. Аристотель phys. A 4. 187 a 20 Иные полагаютъ, что изъ единаго выдѣляются заключающіяся въ немъ противоположности. Такъ говоритъ Анаксимандръ и всѣ тѣ, кто признаетъ единое и многое, какъ, напримѣръ, Эмпедоклъ и Анаксагоръ. Ибо и по ихъ мнѣнію, изъ *(первоначальной)* смѣси выдѣляется *(все)* остальное. Отличаются же они другъ отъ друга тѣмъ, что *Эмпедоклъ* приписываетъ міровому процессу круговращеніе, *Анаксагоръ* же *(считаетъ міровой процессъ)* разовымъ *(идущимъ въ одномъ направленіи)*, и послѣдній принимаетъ безконечное число противоположныхъ *(по качеству)* гомеомерій, первый же—такъ называемые элементы.

47. Аэцій I 5, 2 (D 291) Эмпедоклъ: космосъ *(т. е. міръ, какъ упорядоченное цѣлое)* одинъ, однако, космосъ не составляетъ *(всей)* вселенной, но (образуетъ) лишь нѣкоторую небольшую часть вселенной, остальная же (часть ея) представляетъ собой необработанную матерію.

48. Платонъ leg. X 889 B (пер. В. Оболенскаго) Огонь, вода, земля и воздухъ произошли отъ природы и случаемъ [2]), говорятъ они *(приверженцы Эмпедокла)*. Искусство въ нихъ [3]) не участвуетъ. Слѣдующія за симъ тѣла, какъ-то земля, солнце, луна и звѣзды [4]) произошли отъ сихъ стихій совершенно бездушныхъ. Случайно носилась каждая стихія своею силою; случайно все сложилось по нѣкоему сродству, теплое съ холоднымъ, сухое съ влажнымъ, и мягкое съ грубымъ. И такъ какъ все произошло по необходимости, случайно изъ смѣшенія противныхъ: равнымъ образомъ произошли и небеса и все, что на небѣ; отсюда [5]) составились всѣ формы, слѣдовательно, и животныя и растенія; не по уму, не отъ бога [6]) и не искусствомъ, говорятъ они [7]), но природою и случаемъ.

---

[1]) Послѣднюю фразу переводятъ: „Ибо имъ нѣтъ мѣста при качественномъ измѣненіи, а лишь при количественномъ соединеніи" (Э. Радловъ) и „Ибо все возникаетъ не по качеству, благодаря измѣненію, но по количеству, благодаря соединенію" (Г. Церетели).

[2]) Точнѣе: „существуютъ по природѣ и по (волѣ) случая".

[3]) Т. е. в образованіи ихъ.

[4]) Слѣдуетъ добавить: „съ тѣмъ, что ихъ окружаетъ".

[5]) По нашему тексту дальше: „И когда благодаря этому возникли времена года, то затѣмъ явились животныя и растенія".

[6]) „Не отъ какого-либо бога".

[7]) „Но, какъ мы сказали".

49. Филонъ de provid. II 60 p. 86 (Aucher, съ улучшеніями по Conybeare) Тѣмъ же самымъ образомъ, кажется, образуются также части міра, какъ говоритъ Эмпедоклъ. А именно, послѣ того какъ выдѣлился эѳиръ, воздухъ и огонь устремились вверхъ и (*такимъ образомъ*) образовалось небо, которое на обширнѣйшемъ пространствѣ стало вращаться. Огонь же, который остался немного ниже неба, самъ тоже скопился, (образовавъ) лучи солнца. Земля же, собравшись въ одно (мѣсто) и сгустившись въ силу какой-то необходимости, какъ очевидно, расположилась въ центрѣ. Затѣмъ, окружающій ее со всѣхъ сторонъ эѳиръ, будучи гораздо легче (ея), приходитъ во вращеніе, которое никогда не прекращается. Земля не падаетъ ни въ ту, ни въ другую сторону ради покоя при содѣйствіи бога (?), а не по причинѣ [1]) многихъ сферъ, расположенныхъ по очереди одна надъ другой, круговыя вращенія которыхъ отполировали фигуру (земли), такъ какъ она (*земля*) была окружена дивной сферой огня [2]) (ибо послѣдняя имѣетъ значеніе большой и многообразной [3]) формы).

Аэцій II 6, 3 (D. 534) (пер. Э. Радлова) По Эмпедоклу: Первымъ выдѣлился эѳиръ, за нимъ огонь, потомъ земля, изъ которой подъ сильнымъ давленіемъ вихря начала бить ключемъ вода; вода, испаряясь, образовала воздухъ. Небо образовалось изъ эѳира, солнце произошло отъ огня, земля окружена другими элементами.

То же въ пер. Г. Церетели: Эмпедоклъ говоритъ, что первымъ опредѣлился эѳиръ, за нимъ огонь, потомъ земля; изъ земли же, сдавленной круговращательнымъ движеніемъ, брызнула вода, которая, испарившись, образовала воздухъ. Небо произошло изъ эѳира, солнце изъ огня, а изъ остального свалялось (точно шерсть) все земное.

50. Аэцій II 31, 4 (D. 363) (пер. Г. Церетели) По словамъ Эмпедокла, разстояніе отъ земли до неба, т. е. отъ насъ кверху, меньше разстоянія по ширинѣ, такъ какъ небо, вслѣдствіе того, что міръ имѣетъ форму лежащаго яйца, распространяется въ ширину больше (чѣмъ въ высоту). *1, 4 (D. 328) (пер. его же)* По словамъ Эмпедокла, круговое движеніе солнца описываетъ границу міра. *10, 2 (D. 339)* Эмпедоклъ: правая сторона (міра) лежитъ въ направленіи южнаго тропика, лѣвая же —въ направленіи сѣвернаго.

51 Аэцій II 11, 2 (D. 339) (пер. Э. Радлова) Небо твердо и образовано сгущеніемъ воздуха подобно стеклу, находящемуся надъ огнемъ [4]); оно заключаетъ въ себѣ огненное и воздушное въ обоихъ полушаріяхъ.

---

[1]) По мнѣнію Conybeare, этотъ противополагаемый Эмпедоклу взглядъ относится къ ученію Аристотеля.

[2]) Читаю съ Аухеромъ „ignis" вмѣсто „typi". Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣли бы вмѣсто „дивной сферой огня" „какой-то удивительной формой", чему, впрочемъ, такъ же хорошо соотвѣтствуетъ объясненіе, приводимое въ скобкахъ.

[3]) Т. е. состоящей изъ многихъ слоевъ.

[4]) „Небо... изъ воздуха, сгущеннаго кристаллически подъ вліяніемъ огня" Г. Церетели.

Ахиллъ Is. 5 p. 34, 29 M. Эмпедоклъ же говоритъ, что оно кристалловидно и образовано изъ ледяной (матеріи) *Schol. Basil. M. 22* (ed. Pasquali *Gött. N.* 1910, 200. 219) Эмпедоклъ же (считаетъ небо) замерзшей водой и какъ бы кристалловиднымъ сгусткомъ. *Лактанцій de opif. dei 17, 6* Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что небо—мѣдное или стекляное или, какъ утверждаетъ Эмпедоклъ, оледенѣвшая мѣдь, то могъ ли бы я тотчасъ согласиться? (*изъ Варрона*).

52. Аэцій II 4, 8 (D. 331) Эмпедоклъ: міръ разрушается при рѣшительномъ преобладаніи какъ Вражды, такъ и Любви.

Симплицій de caelo 293, 18 Другіе же говорятъ, что одинъ и тотъ же (міръ) попеременно возникаетъ и уничтожается, и, вновь возникши, опять разрушается, и такая смѣна вѣчна. Такъ, Эмпедоклъ говоритъ, что поочередно одерживаетъ верхъ то Любовь, то Вражда, причемъ первая сводитъ все въ единство, разрушаетъ міръ Вражды и дѣлаетъ изъ него Шаръ, Вражда же снова раздѣляетъ элементы и дѣлаетъ такой міръ (*слѣдуетъ В 17, 7—13*). *305, 21* Платонъ, Эмпедоклъ, Анаксагоръ и прочіе физики допускали возникновеніе сложныхъ (*тѣлъ*) изъ простыхъ, какъ кажется, въ качествѣ такого рода гипотезы (*т. е.* въ дидактическихъ цѣляхъ *304, 5*)... какъ будто бы и по времени то, изъ чего возникаютъ возникающія (вещи), существовало раньше (ихъ). *Аристотель Metaph. В 4. 1000 b 18* А именно, онъ не считаетъ иныя изъ существующихъ (вещей) подверженными гибели, другія же неуничтожимыми, но (признаетъ) тлѣннымъ все, за исключеніемъ элементовъ.

53. Аэцій II 13, 2 (D. 341) Эмпедоклъ: звѣзды—изъ огня, (а именно), изъ той огненной (массы), которую выдѣлилъ при первомъ раздѣленіи воздухъ, заключавшій (*первоначально*) ее въ себѣ.

54. Аэцій II 13, 11 (D. 342) (пер. Э. Радлова) Неподвижныя звѣзды прикрѣплены къ хрустальному своду; планеты свободны.

55. Ахиллъ in Arat. 16 p. 43, 2 Maass Нѣкоторые говорятъ, что первое (*мѣсто отъ насъ занимаетъ*) солнце, второе луна, третье Сатурнъ. Но болѣе распространенъ взглядъ, что первое (*мѣсто принадлежитъ*) лунѣ, такъ какъ и называютъ ее оторваннымъ кускомъ солнца. Такъ, и Эмпедоклъ (*цит. В 45*).

56. Аэцій II 20, 13 (D. 350) (пер. Э. Радлова)* По Эмпедоклу, есть два солнца: одно—первообразъ, огонь, наполняющій постоянно другое полушаріе вселенной и отражающійся на вершинѣ этого полушарія[1]); другое, видимое солнце, есть отраженіе въ другомъ полушаріи, наполненное воздухомъ, смѣшаннымъ съ огнемъ; оно образовалось отраженіемъ шарообразной земли отъ хрустальнаго свода [2]) и уносится движеніемъ огнен-

---

* Ученіе Эмпедокла о солнцѣ передается неясно.

[1]) „Наполняетъ собой это полушаріе и лежитъ постоянно противъ своего собственнаго отраженія“ Г. Церетели.

[2]) „Это солнце есть отраженіе, которое падаетъ отъ шаровидной земли на кристаллическій сводъ“. Г. Церетели.

наго. Короче говоря, солнце есть отраженіе огня, окружающаго землю. *21 2* (*D. 351*) Какъ отраженіе солнце равно землѣ [1]).

57. Аристотель de anima B 6. 418 b 20 (*пер. В. Снегирева*) Потому несправедливо Эмпедоклъ или кто-то другой утверждалъ, что свѣтъ есть нѣчто движущееся, что онъ иногда находится въ пространствѣ между землей и окружающими ее тѣлами, но что это движеніе невидимо для насъ... Въ небольшомъ пространствѣ движеніе свѣта могло бы еще остаться незамѣтнымъ, но чтобы оно не замѣчалось въ пространствѣ отъ востока до запада,—это слишкомъ смѣлое предположеніе.

Аристотель de sensu 6. 446 a 26 Подобно тому какъ и Эмпедоклъ говоритъ, что солнечный свѣтъ, прежде чѣмъ (достигнетъ нашего) зрѣнія или земли, сперва приходитъ въ промежуточное пространство [2]).

Срв. Филопонъ de anima 334, 34 Эмпедоклъ говорилъ, что свѣтъ, будучи тѣломъ, вытекающимъ изъ свѣтящаго тѣла, бываетъ сперва въ промежуточномъ пространствѣ между землей и небомъ, затѣмъ приходитъ къ намъ, остается же незамѣченнымъ такое движеніе его вслѣдствіе своей скорости.

58. Аэцій II 8. 2 (*D. 338*) Эмпедоклъ: вслѣдствіе того, что воздухъ поддался стремительному движенію солнца, сѣверный полюсъ (*земли*) наклонился, причемъ сѣверъ приподнялся, югъ же опустился, соотвѣтственно чему и весь міръ (*принялъ наклонное* относительно земли положеніе) *23, 3 (D. 353)* Солнце вращается вслѣдствіе того, что абсолютно прямолинейному движенію его препятствуютъ окружающая его сфера и тропическіе круги.

59. Аэцій II 24, 7 (D. 354) (Солнечное затменіе происходитъ) вслѣдствіе того, что луна заходитъ подъ солнце.

60. — II 25, 15 (D. 357) Эмпедоклъ: (луна есть) сгущенный, похожій на облака воздухъ, скрѣпленный огнемъ, слѣдовательно, смѣшанный. *Плутархъ de fac. in orbe lun. 5, 6 p. 922 C* А именно, они порицаютъ Эмпедокла за то, что онъ считаетъ луну замерзшимъ, на подобіе града, воздухомъ, окруженнымъ огненной сферой. *Аэцій II 27, 3* (*D. 358*) (Луна) имѣетъ форму диска. *Плутархъ quaest. Rom. 101 p. 288 B* А именно, видимая форма луны во время полнолунія похожа не на шаръ, но на чечевицу и дискъ, и, какъ думаетъ Эмпедоклъ, таково же основаніе (ея). *Аэцій II 28, 5 (D. 358)* Ѳалесъ первый сказалъ, что свѣтъ (луны)—отъ солнца. Пиѳагоръ, Парменидъ, Эмпедоклъ... (учатъ) подобнымъ же образомъ.

61. — II 31, 1 (D. 362) Эмпедоклъ: луна отстоитъ отъ солнца вдвое дальше, чѣмъ отъ земли (*Плутархъ*); разстояніе луны отъ земли вдвое

---

[1]) „Отражающееся солнце равно землѣ“ Г. Церетели.

[2]) Если вмѣсто „τὸ μεταξὺ“ читать „τὸν μεταξὺ“, то смыслъ будетъ „приходитъ къ промежуточному (т. е. нашему видимому) солнцу“.

больше, чѣмъ отъ солнца (*Стобей*) (*должно было быть*: Солнце удалено отъ земли на разстояніе вдвое большее, чѣмъ луна).

62. Ипполитъ I 4, 3 (*D. 559*) Такъ, Эмпедоклъ сказалъ, что все населяемое нами мѣсто полно зла и что зло отъ земного пространства уже распространилось до луны, дальше же не идетъ, такъ какъ все надлунное пространство (является) болѣе чистымъ. Таково же было мнѣніе и Гераклита.

63. Аристотель Meteor. B 9, 369 b 12 (О молніи). Нѣкоторые говорятъ, что огонь рождается въ облакахъ. Эмпедоклъ говоритъ, что это-- вмѣстилище солнечныхъ лучей. *Аэцій III 3, 7* (*D. 368*) Эмпедоклъ: (молнія есть) паденіе на облако свѣта, вытѣсняющаго сопротивляющійся ему воздухъ, потуханіе (?) и сокрушеніе котораго производитъ шумъ, блескъ же молнію, ударъ же (порождаетъ) сила молніи. *То же въ пер. Г. Церетели.* Эмпедоклъ называетъ молніей свѣтъ, который падаетъ на облако и вытѣсняетъ сопротивляющійся воздухъ; угасаніе (огня) и разрывъ облака производитъ шумъ, свѣтъ—молнію, а громовая стрѣла выражаетъ силу молніи.

64. Олимпіодоръ in Meteor. A 13, 102, 1 Stüve Что двигаетъ ихъ *(вѣтры)* въ косомъ направленіи? Не земляная и огненная (*массы*) вслѣдствіе своего движенія въ противоположномъ (*другъ другу*) направленіи, какъ думалъ Эмпедоклъ, но совершающій круговое движеніе воздухъ.

65. Аэцій III 8, 1 (*D. 375*) Эмпедоклъ и стоики: зима наступаетъ по той причинѣ, что усилившійся вслѣдствіе сгущенія воздухъ оттѣсняетъ (солнце) [1]) вверхъ, лѣто же вслѣдствіе усиленія огня, оттѣсняющаго (солнце) внизъ.

66. Филонъ de prov. II 61 p. 86 (по Aucher'у и Conybeare) Далѣе въ своихъ разсужденіяхъ (*Эмпедоклъ*) переходитъ къ морю: послѣ того какъ то, что было на крайнемъ концѣ, сгустилось, совершенно на подобіе града (*срв. A 30*), образовалась илистая вода [2]). Ибо все, что только есть влажнаго на землѣ, (находясь) въ низменныхъ и углубленныхъ мѣстахъ ея, постоянно подвергалось со всѣхъ сторонъ сжиманію дувшими наперерывъ вѣтрами, какъ бы самыми сильными скрѣпами. *Аэцій III 16, 3* (*D. 381*) (*пер. Г. Церетели*) Эмпедоклъ считаетъ море пóтомъ нагрѣваемой солнцемъ земли, которая вслѣдствіе слишкомъ сильнаго сжатія выдѣляетъ (влагу) *(срв. II 6, 3 и B 55) Эліанъ Hist. an. IX 64* Говоритъ же Аристотель, раньше его Демокритъ, и, въ-третьихъ, самъ Өеофрастъ, что рыбы питаются не соленой (морской) водой, но прѣсной водой, находящейся возлѣ моря. Въ виду того, что (*послѣднее предположеніе*) кажется почти невѣроятнымъ, сынъ Никомаха, желая подтвердить сказанное самими фактами, говоритъ (*Hist. anim. Θ 2. 590 a 24*), что годная для

---

[1]) См. примѣчаніе Дильса.

[2]) „Земля“ думаетъ Heidel. Въ качествѣ возможной коньектуры Дильсъ предлагаетъ: „илистая вода стала землей“.

питья вода въ нѣкоторомъ количествѣ находится во всякомъ морѣ, и это можно доказать слѣдующимъ образомъ. Если сдѣлать изъ воска полый узкій сосудъ и бросить его пустымъ въ море, привязавъ его какъ нибудь такъ, чтобы можно было вытащить, то по истеченіи сутокъ (этотъ) слѣпокъ извлекается наполненнымъ прѣсной, годной для питья водой. И Эмпедоклъ Агригентинскій тоже говоритъ, что въ морѣ находится въ нѣкоторомъ количествѣ прѣсная вода, хотя не замѣтная для всѣхъ, но питающая рыбъ. И онъ говоритъ, что причина образованія въ морѣ прѣсной воды естественная; ее вы узнаете изъ дальнѣйшаго.

67. Аристотель de caelo B 13. 295 a 13 Поэтому-то всѣ, которые считаютъ небо возникшимъ, говорятъ, что земля собралась въ центрѣ. Отыскивая причину пребыванія (*ея въ этомъ мѣстѣ*), одни объясняютъ это шириной и величиной ея, другіе же, какъ Эмпедоклъ, усматриваютъ причину въ томъ, что слишкомъ быстрое круговое вращеніе неба мѣшаетъ движенію земли, подобно тому какъ вода въ кружкахъ. А именно, при круговомъ вращеніи кружки, вода, хотя часто оказывается ниже мѣднаго (дна), однако, не уходитъ внизъ, несмотря на свое природное свойство литься внизъ, по той же самой причинѣ.

68. Сенека nat. quaest. III 24, 1 Эмпедоклъ полагаетъ, что отъ огней, скрытыхъ во многихъ мѣстахъ подъ землей, нагрѣвается вода, если эти огни расположены подъ той почвою, черезъ которую протекаетъ вода. Мы обыкновенно дѣлаемъ сосуды на подобіе драконовъ (dracones), спеціальные сосуды для нагрѣванія воды (miliaria) и сосуды разныхъ иныхъ формъ, въ которыхъ располагаемъ кругообразно трубки изъ тонкой мѣди по покатому мѣсту, чтобы вода, проходя часто около одного и того же огня, обходила такое пространство, какого достаточно для нагрѣванія ея; и такимъ образомъ входитъ холодная (вода), вытекаетъ теплая. То же самое, по мнѣнію Эмпедокла, происходитъ подъ землей.

69. (Аристотель) probl. 24, 11. 937 a 11 Почему камни отвердѣваютъ скорѣе отъ теплыхъ водъ, нежели отъ холодныхъ? Не потому ли, что камень образуется вслѣдствіе исчезновенія влаги, влага же скорѣе исчезаетъ отъ тепла, чѣмъ отъ холода. Итакъ, камни образуются вслѣдствіе теплоты; такъ, и Эмпедоклъ (*объясняетъ этой причиной*) возникновеніе скалъ, камней и горячихъ источниковъ (*срв. 55 A 164*). *Пселлъ de lap. p. 38 Bernard* Причины этой крѣпости камней многіе рѣшились указать: изъ болѣе древнихъ мудрецовъ Анаксагоръ, Эмпедоклъ и Демокритъ, а изъ жившихъ незадолго до насъ (!) Александръ Афродизскій. *Плутархъ prim. frig. 19, 4 p. 953 E* Вотъ это Эмпедоклъ считаетъ доказательствомъ того, что утесы, скалы и камни образовались благодаря огню, находящемуся въ глубинѣ земли, пламя котораго они стойко выдерживаютъ.

69a. Θеофрастъ de sensu 59 (D. 516, 9) Эмпедоклъ (говоритъ) также о цвѣтахъ, а именно, что огня (цвѣтъ) бѣлый, воды же черный. *Срв. B 94.*

70. Аэцій V 26, 4 (D. 438) (пер. Э. Радлова) По Эмпедоклу, деревья возросли изъ земли ранѣе животныхъ, прежде чѣмъ вышло [1]) солнце и стали различаться день и ночь. Они представляютъ полы мужской и женскій, смотря по пропорціи смѣсей, изъ которыхъ они составлены; они возносятся въ воздухъ и растутъ благодаря теплотѣ земли, части которой они суть подобно тому, какъ зародышъ есть часть матки въ утробѣ своей матери. Плоды представляютъ излишки воды и огня въ растеніяхъ; деревья, содержащія менѣе воды, теряютъ листья вслѣдствіе лѣтняго испаренія; тѣ, которыя имѣютъ ее въ избыткѣ. остаются зелеными [2]), какъ лавры, оливковыя деревья, пальмы. Различія вкуса происходили отъ разнообразія состава питающей почвы, изъ которой растенія извлекаютъ различныхъ гомеомеровъ; такъ для виноградниковъ не различіе растенія, а различіе почвы дѣлаетъ вино хорошимъ.

То же въ пер. Г. Церетели: Эмпедоклъ говоритъ, что деревья произошли изъ земли раньше живыхъ существъ, когда солнце еще не вращалось [3]) и когда день еще не отдѣлился отъ ночи. Деревья бываютъ мужского и женскаго пола въ зависимости отъ неравномѣрнаго распредѣленія составляющихъ ихъ элементовъ; на ихъ ростъ вліяетъ заключающаяся въ землѣ теплота, такъ что они являются частью земли, подобно тому какъ зародышъ есть часть матки. Плоды происходятъ вслѣдствіе изобилія въ растеніяхъ воды и огня; одни изъ деревьевъ, вслѣдствіе недостатка влаги, которая испаряется, уже лѣтомъ теряютъ листья, другія же, вслѣдствіе изобилія влаги, сохраняютъ листву, какъ лавръ, маслина и финиковая пальма. Разница (плодоваго?) сока зависитъ отъ измѣненія частицъ земли, а разнообразіе растеній происходитъ вслѣдствіе того, что они получаютъ свои гомеомеріи отъ питающей ихъ почвы; примѣромъ можетъ служить виноградная лоза, ибо качество вина зависитъ не отъ сорта виноградника, а отъ почвы.

Өеофрастъ d. c. pl. I 12, 5 Вѣдь то, что раждаетъ, есть нѣчто единое, въ противоположность (тому, что думаетъ) Эмпедоклъ, который раздѣляетъ и раздробляетъ землю на корни, эөиръ же на какъ бы отдѣльные другъ отъ друга ростки, между тѣмъ какъ (*на самомъ дѣлѣ, растенія возникаютъ*) изъ одной матеріи и отъ одной порождающей причины. *Аристотель de anima B 4. 415 b 28 (пер. В. Снегирева)* Эмпедоклъ несправедливо утверждаетъ, что растенія, какъ прикрѣпленныя корнями къ землѣ, направляются въ своемъ ростѣ внизъ потому, что таково направленіе движенія самой земли въ силу ея природы, и что направленіе ихъ роста вверхъ зависитъ отъ огня. *Плутархъ quaest. conv. VI 22, 6 p. 688 A* (Природа) у растеній сохраняется, такъ какъ они незамѣтно снабжаютъ себя нужной имъ влагой изъ окружающей среды, какъ говоритъ Эмпе-

---

[1]) „*Περιαπλωθῆναι*“=„распростерлось“ (вокругъ небесной сферы).

[2]) Срв. B 77. 78.

[3]) „*Περικυκλωθῆναι*“ Reiske.

доклъ. (*Аристотель*) *de plant. А 1. 815 а 15* (*т. е. Николай изъ Дамаска ed. Meyer p. 5, 4*) Анаксагоръ же и Абрукаль (*т. е. Эмпедоклъ*) [1]) говорятъ, что растенія могутъ двигаться по своему желанію, а также утверждаютъ, что они ощущаютъ, печалятся и радуются... Абрукаль же полагалъ, что полъ у нихъ смѣшанный. *b 16* (*р. 6, 17 М.*) Анаксагоръ же, Демокритъ и Абрукаль говорили, что они имѣютъ умъ и знаніе. *817 а 1* (*р. 10, 7 М.*) То, что сказалъ Абрукаль, а именно, если находится въ растеніяхъ полъ женскій и полъ мужской или (если имѣется у нихъ) видъ, смѣшанный изъ этихъ двухъ половъ. *817 b 35* (*р. 13, 2 М.*) И Абрукаль сказалъ, что растенія не вѣчно существуютъ, однако (по его мнѣнію), они возникли (еще тогда), когда міръ существовалъ не вполнѣ, не былъ (еще) завершенъ въ своей полнотѣ; по завершеніи его стали рождаться животныя (*срв. В 79*).

71. Гиппократъ de prisc. med. 20 Нѣкоторые врачи и мудрецы говорятъ, что знать врачебное (искусство) невозможно тому, кто не знаетъ, что такое человѣкъ, но (всякій), желающій надлежащимъ образомъ лечить людей, обязанъ изучить это (*науку о человѣкѣ*). Ученіе ихъ (*о человѣкѣ*) тѣсно связано съ философіей, подобно тому какъ Эмпедоклъ и другіе, написавшіе о природѣ, они говорятъ сначала, что такое человѣкъ, какимъ образомъ онъ впервые возникъ и изъ чего образовался. Я же считаю все то, что высказано или написано о природѣ какимъ-либо мудрецомъ или врачемъ, въ меньшей степени относящимся къ врачебному искусству, чѣмъ къ живописи. Но полагаю, что ни изъ чего другого нельзя узнать о природѣ чего-либо мудраго, кромѣ какъ изъ медицины.

72. Аэцій V 19, 5 (D. 430) (*пер. Э. Радлова*) Первыя животныя и первыя растенія совсѣмъ не родились цѣлыми, но отдѣльными частями, не могущими быть прилаженными; во-вторыхъ, произошли собранія частей, какъ въ картинахъ фантазіи; въ-третьихъ, появились цѣльныя тѣла; въ-четвертыхъ [2]), вмѣсто того, чтобы происходить изъ элементовъ, каковы земля и вода, они родились другъ отъ друга съ одной стороны [3]), потому что пища была въ избыткѣ, съ другой стороны [4])—потому что красота самокъ возбуждала желаніе полового сближенія. Роды животныхъ различались по своимъ особеннымъ темпераментамъ, которые ихъ побудили, однихъ жить въ водѣ [5]), другихъ дышать воздухомъ, чтобъ обладать большимъ количествомъ огненнаго вещества [6]); самыя тяжелыя остались

---

[1]) Въ другихъ случаяхъ Абрукаль у арабовъ означаетъ Протагора или Герофила.

[2]) Т. е. четвертое поколѣніе органическаго міра.

[3]) Т. е. у растеній, потому что у нихъ пища сгустилась въ сѣмя.

[4]) Т. е. у животныхъ и людей, потому что у нихъ красота самокъ возбудила движеніе спермы въ организмѣ самцовъ.

[5]) Рѣчь идетъ о космогоніи.

[6]) Такимъ образомъ для огня не предоставляется особаго вида животныхъ (таковыми могли бы считаться звѣзды).

на землѣ [1]).

То же въ пер. Г. Церетели: Эмпедоклъ говоритъ, что первоначальныя животныя и растенія не представляли собой чего-либо цѣльнаго, но были соединеніемъ несросшихся частей; второе поколѣніе походило на фантастическіе образы и состояло изъ частей сросшихся; третьи состояли изъ частей, соединившихся въ одно цѣлое; существа четвертаго поколѣнія уже не образовывались изъ элементовъ, какъ напримѣръ изъ земли и воды, не рождались другъ отъ друга, причемъ у однихъ желаніе полового сближенія было вызвано образованіемъ твердой пищи, у другихъ—красотой женщинъ. Виды животныхъ раздѣлились сообразно преобладанію (того или другого изъ составляющихъ ихъ элементовъ), ибо влажному естественнѣе было стремиться къ водѣ, тому, въ чемъ больше огненнаго элемента, подниматься въ воздухъ, а тому, что тяжелѣе,—тяготѣть къ землѣ.

Цензоринъ 4, 7 Эмпедоклъ же въ провосходномъ своемъ стихотвореніи... утверждаетъ нѣчто въ слѣдующемъ родѣ. Сперва изъ земли, словно изъ беременной (женщины), родились въ разныхъ мѣстахъ отдѣльные члены, затѣмъ они сошлись и образовали тѣло настоящаго человѣка, представляющее смѣсь огня и влаги *(срв. 18 А 51): Варронъ Eumenid. sat. fr. 27 Büch.* Эмпедоклъ утверждаетъ, что люди родились изъ земли, какъ огородная зелень.

73. *Аристотель de resp. 14. 477 а 32* Эмпедоклъ неправильно утверждаетъ, будто самыми теплыми и обладающими наибольшимъ количествомъ огня изъ животныхъ являются живущія въ водѣ, избавляющіяся *(такимъ образомъ)* отъ излишка теплоты своей природы. *Срв. de part. anim. B 2. 648 a 5 (стр. 32) Ѳеофрастъ caus. pl. I 21, 5* Подобнымъ образомъ и Эмпедоклъ говоритъ о животныхъ. А именно (по его словамъ) животныя, по природѣ чрезмѣрно богатыя огномъ, тянутся къ влагѣ.

74. *Аэцій IV 22, 1 (D. 411) (пер. Э. Радлова)* Первое вдыханіе животнаго имѣетъ мѣсто, когда вытечетъ жидкость, омывающая новорожденныхъ и внѣшній воздухъ войдетъ въ пустоту по открытымъ каналамъ; затѣмъ внутренняя теплота, стремящаяся выйти наружу, выталкиваетъ воздухъ, и получается выдыханіе; оно уступаетъ давленію воздуха и позволяетъ ему войти; происходитъ новое вдыханіе. Наконецъ, при нормальномъ состояніи, кровь, направляющаяся къ поверхности тѣла, выгоняетъ своимъ скопленіемъ воздухъ, который выходитъ черезъ ноздри—происходитъ выдыханіе, потомъ входитъ, происходитъ вдыханіе,—чтобы пополнить пустоту, образованную кровью, когда она возвращается назадъ. Онъ сравниваетъ съ водяными часами [2]).

---

[1]) Дальше текстъ испорченъ. Повидимому, стояло „имѣющія же равную долю *(во всѣхъ элементахъ)* вслѣдствіе *(равномѣрнаго)* смѣшенія приспособились ко всѣмъ мѣстамъ“.

[2]) В 100, 9.

То же въ пер. Г. Церетели: Эмпедоклъ говоритъ, что живое существо начинаетъ дышать послѣ отдѣленія той влаги, которая находится въ новорожденномъ и послѣ проникновенія внѣшняго воздуха въ пустое пространство черезъ открытыя трубки легкихъ; когда послѣ этого теплота, уже находящаяся (въ тѣлѣ), стараясь прорваться къ внѣшнему воздуху, сталкивается съ послѣднимъ и отгоняется назадъ, происходитъ вдыханіе. Нормальное же (вдыханіе и выдыханіе происходятъ слѣдующимъ образомъ): когда кровь приливаетъ къ поверхности (тѣла) и своимъ напоромъ выгоняетъ черезъ ноздри воздухъ,—происходитъ выдыханіе; когда же кровь отливаетъ и воздухъ входитъ въ оставленное кровью мѣсто, происходитъ вдыханіе. Эмпедоклъ вспоминаетъ по этому поводу устройство клепсидры.

Иначе, чѣмъ Э. Радловъ и Г. Церетели, понимаетъ данное мѣсто Г. Дильсъ. По его мнѣнію, здѣсь противополагается не первое дыханіе новорожденнаго нормальному дыханію, а первое дыханіе перваго животнаго (Эмпедокловой космогоніи) нашему нынѣшнему дыханію. Худшимъ, по его мнѣнію, является другое мѣсто Аэція: V 15, 3 (D. 425), которое въ пер. Э. Радлова гласитъ такъ: Зародышъ живъ, но не дышетъ въ утробѣ матери. Первое вдыханіе животнаго совершается послѣ освобожденія новорожденнаго отъ жидкости, когда внѣшній воздухъ находитъ себѣ доступъ.

75. Аэцій V 18. 1 (D. 427). (почему семимѣсячные зародыши жизнеспособны). Въ то время, когда человѣческій родъ (впервые) возникалъ изъ земли, по причинѣ медленнаго движенія солнца день по своей длительности былъ равенъ нынѣшнимъ десяти мѣсяцамъ. Со временемъ же продолжительность дня стала равной нынѣшнимъ семи мѣсяцамъ. Вотъ почему *(жизнеспособны)* десятимѣсячные и семимѣсячные зародыши: а именно, природа міра въ то время заботилась, чтобы зародышъ выросталъ въ теченіе одного дня, слѣдующаго за ночью зачатія.

76. Платонъ Phaedo 96 A 13 Дѣло въ томъ, Кебесъ, что я, сказалъ онъ *(Сократъ)*, въ юности удивительно какъ горѣлъ страстью къ той мудрости, которую называютъ изслѣдованіемъ природы. Дѣйствительно, болѣе всего мнѣ хотѣлось знать причины всякой (вещи): вслѣдствіе чего каждая (вещь) возникаетъ, отчего она погибаетъ и почему она существуетъ. И часто я мѣнялъ свои взгляды въ томъ и въ другомъ направленіи, разсматривая прежде всего слѣдующіе вопросы: дѣйствительно ли, какъ говорили нѣкоторые *(Эмпедоклъ, Архелай)*, животныя образуются при гніеніи теплаго и холоднаго? И то, чѣмъ мы мыслимъ, есть ли кровь *(Эмпедоклъ)* или воздухъ *(Анаксименъ, Діогенъ)* или огонь *(Гераклитъ)?* Или ни одно изъ этихъ (веществъ), но мозгъ *(Алкмеонъ)?* и т. д.

77. Аэцій V 27, 1 (*D. 440*) (*пер. Г. Церетели*) По мнѣнію Эмпедокла, живыя существа питаются тѣмъ, что имъ сродно, возрастаютъ благодаря присутствію тепла, а вырождаются и гибнутъ вслѣдствіе недостатка того и другого. Нынѣшніе же люди въ сравненіи съ прежними то же, что дѣти.

(*Галенъ*) *def. med. 99* Какимъ образомъ, по мнѣнію Гиппократа, Эрасистрата, Эмпедокла и Асклепіада, происходитъ пищевареніе... Эмпедоклъ же--посредствомъ броженія. *Срв. В 68 81.*

78. Аэцій V 22, 1 (*D. 434*) (*пер. Э. Радлова*) По Эмпедоклу, тѣла образуются по характеру четырехъ элементовъ въ равныхъ пропорціяхъ, нервы изъ огня и земли въ соединеніи съ двумя частями воды, ногти животныхъ образуются изъ нервовъ, которые охлаждаются на поверхности въ соприкосновеніи съ воздухомъ, кости образовались по характеру двухъ частей воды, двухъ земли и четырехъ огня. Потъ и слезы происходятъ изъ крови, которую теплота дѣлаетъ болѣе текучей. *То же въ пер. Г. Церетели:* Эмпедоклъ говоритъ, что тѣло образуется изъ соединенія четырехъ подобныхъ элементовъ, жилы изъ земли и огня, къ которымъ примѣшиваются двѣ части воды, ногти у живыхъ существъ образуются изъ жилъ, отвердѣвшихъ подъ вліяніемъ воздуха, кости—изъ двухъ частей воды, двухъ—земли и четырехъ частей огня, потъ же и слезы изъ разрѣженной крови, которая истекаетъ вслѣдствіе своей жидкости.

Аристотель de part. an. A 1. 642 a 17 А именно, началомъ (является) скорѣе природа матеріи, на которую иногда наталкивается и Эмпедоклъ, руководимый самой истиной, а именно, онъ вынужденъ сказать, что сущность и природа есть количественное отношеніе, какъ, напримѣръ, въ его опредѣленіи, что такое кость. А именно, онъ говоритъ, что она не есть ни какой-либо одинъ изъ элементовъ, ни два, ни три, ни всѣ, но законъ смѣси ихъ. *Аристотель de anima A 4. 408 a 13* (*пер. В. Снегирева*). Также нелѣпо приложеніе къ душѣ понятія гармоническаго смѣшенія, потому что отношеніе элементовъ, изъ смѣшенія коихъ образуется плоть, не то же самое, изъ коего образуются кости. Если отношеніе смѣшанныхъ элементовъ, какъ ихъ гармонія, есть душа, то въ тѣлѣ будетъ большое количество душъ, именно будетъ особая душа для каждой его части, потому что каждая изъ нихъ состоитъ изъ смѣшенія элементовъ. То же возраженіе можно представить и противъ Эмпедокла, который утверждаетъ, что каждый предметъ существуетъ въ силу извѣстнаго соотношенія между его частями. Что же такое душа? Есть ли она это самое соотношеніе, или нѣчто иное, привходящее къ частямъ тѣла? Далѣе, есть ли Любовь причина всякаго смѣшенія, или только смѣшенія пропорціональнаго? И сама душа есть ли именно это пропорціональное отношеніе, или нѣчто иное, отличное отъ него? *Срв. Metaph. A 10. 993 a 15* (*пер. Розанова-Первова*) Такимъ образомъ Эмпедоклъ, напримѣръ, говоритъ, что кость существуетъ соотношеніемъ—это у него и есть то, въ силу чего она есть то, что́ есть и служитъ сущностью этой вещи. (*Аристотель*) *de spiritu 9. 485 b 26* Эмпедоклъ: причина—просто природа кости. Если бы всѣ (*кости*) представляли собой смѣсь одного и того же количественнаго отношенія, то не должно было бы быть никакого различія между (костьми) лошади, льва и человѣка. *Плутархъ quaest. nat. 20, 2 p. 917 A*

Нѣкоторые же, какъ, напримѣръ, Эмпедоклъ, говорятъ, что слеза выталкивается, подобно молочной жидкости, по причинѣ волненія крови.

79. Соранъ Gynaec. I 57 p. 225, 16 Rose (*Пупъ представляетъ собой*) соединеніе четырехъ по числу сосудовъ: двухъ жилоподобныхъ и двухъ артеріеобразныхъ, посредствомъ которыхъ кровяная и воздушная матерія доставляется въ пищу зародышамъ. Они приращены, по мнѣнію Эмпедокла, къ печени, по мнѣнію же Федра [1]), къ сердцу.

80. — — I 21 p. 185, 18 (*Менструація*) А именно, иногда она приходитъ нѣсколькими днями раньше или позже. У каждой (женщины) это бываетъ въ особый срокъ и не всегда въ одни и тѣ же времена, какъ то (принималъ) Діоклъ для всѣхъ (женщинъ) и еще Эмпедоклъ, (*пріурочивавшій менструаціи ко времени*), когда луна идетъ на ущербъ. Дѣло въ томъ, что однѣ (женщины) очищаются передъ двадцатымъ числомъ мѣсяца, другія же—въ двадцатое число, и, во-вторыхъ, однѣ во время нарастанія свѣта луны, другія во время уменьшенія его.

81. Аристотель de gener. anim. Δ 1. 764 a 1 (*Различіе пола*), по мнѣнію другихъ, какъ, напримѣръ, Эмпедокла, зависитъ отъ матки. А именно, попавшіе въ теплую матку становятся самцами, попавшія же въ холодную—самками. Причиною же теплоты и холода (матки) онъ считаетъ мѣсячныя женскія очищенія, которыя бываютъ или болѣе холодными, или болѣе теплыми, или болѣе давними, или болѣе свѣжими... Дѣйствительно, Эмпедоклъ слишкомъ легкомысленно принялъ это положеніе, думая, что *(самцы и самки)* отличаются другъ отъ друга только *(степенью)* холода и тепла, хотя и видѣлъ, что всѣ части *(тѣла)* отражаютъ великую разницу срамныхъ членовъ и матки *(отличающую мужчинъ и женщинъ)* *Тамъ же 765 a 8* Необходимо возразить и противъ ученія Эмпедокла, который различіе женскаго пола отъ мужского сводитъ къ теплотѣ и холодности матки. *Аэцій* (*пер. Э. Радлова*) *V 7, 1* (*D. 419*) Мужчина или женщина родятся въ зависимости отъ теплоты или холода; онъ разсказываетъ, что первые мужчины родились по большей части изъ земли на востокѣ и на югѣ, женщины на сѣверѣ. *8, 1* (*D. 420*) По Эмпедоклу, чудовища происходятъ отъ избытка или недостатка сѣмени, или отъ измѣненія въ его движеніи, или отъ дѣленія его на многія части, или оттого, что оно измѣняетъ путь [2]). Такимъ образомъ онъ, повидимому, предвидѣлъ всѣ возможныя причины. *10, 1* (*D. 421*) Близнецы и тройки происходятъ отъ избытка и отъ дѣленія сѣмени. *11, 1* (*D. 422*) [Откуда бываетъ сходство съ родителями и предками? Эмпедоклъ:] Сходство дѣтей съ родителями происходитъ отъ господства сѣмени одного изъ родителей, несходство обязано разсѣиванію теплоты сѣмени. *12, 2* (*D. 423*) [Какимъ

---

[1]) Неизвѣстное лицо.

[2]) „Образованіе уродовъ объясняется или излишествомъ сѣмени, или недостаткомъ, или неправильнымъ движеніемъ послѣдняго, или распаденіемъ на части, или отклоненіемъ“ (Г. Церетели).

11*

образомъ рождаются дѣти, похожіе не на родителей, а на другихъ (лицъ)?] Образованіе зародыша подчиняется во время беременности воображенію женщинъ; часто онѣ воспламеняются любовью къ статуямъ или картинамъ и имѣютъ дѣтей, похожихъ на эти предметы.

Цензоринъ 5, 4 (см. 14 А 13). 6, 6 Анаксагоръ и Эмпедоклъ одинаково утверждаютъ, что при изліяніи сѣмени съ правой стороны рождаются мужчины, а съ лѣвой—женщины. Насколько согласны ихъ мнѣнія по этому вопросу, настолько расходятся они въ вопросѣ о сходствѣ дѣтей *(съ родителями)*. Обсудивъ вопросъ, Эмпедоклъ высказывается объ этой вещи слѣдующимъ образомъ. Если сѣмя (обоихъ) родителей было одинаково горячо, рождается мальчикъ, похожій на отца; если оно было холодно, рождается дѣвочка, похожая на мать. А если (сѣмя) отца будетъ горячѣе, (сѣмя) же матери холоднѣе, то родится мальчикъ, похожій лицомъ на мать; а если (напротивъ) сѣмя матери будетъ горячѣе, отца же холоднѣе, то родится дѣвочка, похожая на отца. *6, 9. 10 (пер. Г. Церетели)* Случайное рожденіе двойни зависитъ, по мнѣнію Гиппона, отъ количества сѣмени, которое раздвояется, если его больше, чѣмъ нужно для одного. Почти подобнаго же взгляда держался Эмпедоклъ; онъ, правда, не объяснилъ причинъ раздѣленія сѣмени, но признавалъ этотъ фактъ и говорилъ, что если обѣ части (сѣмени) занимаютъ одинаково теплыя мѣста, то родятся мужчины, если одинаково холодныя—родятся женщины, если же одно мѣсто жарче, а другое холоднѣе—то двойни бываютъ разнаго пола.

82. Аристотель de gen. anim. В 8. 747 а 24 Весь родъ муловъ безплоденъ. Причину этого, поскольку о ней говорятъ Эмпедоклъ и Демокритъ—первый неясно, второй болѣе понятно, усматриваютъ неправильно. А именно, они ко всѣмъ одинаково примѣняютъ доказательство относительно совокупленія вопреки сродству... Эмпедоклъ же выставляетъ въ качествѣ причины и т. д. *Срв. В 92. Аэцій V 14, 2* (*D. 425* почему самки муловъ безплодны?*)* Эмпедоклъ (?) [1]): вслѣдствіе малости, слабости и узости матки, прикрѣпленной (притомъ) къ желудку въ опрокинутомъ положеніи, такъ что сѣмя не можетъ прямо попасть въ нее, да если бы ему и удалось (попасть), она не могла бы его принять.

83. Аэцій V 21, 1 (*D. 433* Въ какое время формируются животныя въ утробѣ матери?) По Эмпедоклу, у людей члены начинаютъ дифференцироваться съ 36-ого (дня), завершается же (этотъ процессъ дифференціаціи) частей тѣла (съ 49-аго (дня)).

Орибазій изъ Атенея III 78, 13 Впервые наблюдается дифференціація членовъ всего тѣла около 36-ого дня или, самое позднее, около 44-аго дня. Съ такимъ опредѣленіемъ времени завершенія дифференціаціи членовъ у зародышей согласенъ и физикъ Эмпедоклъ, который говоритъ,

---

[1]) Г. Дильсъ сомнѣвается въ принадлежности этого ученія Эмпедоклу.

что самецъ формируется скорѣе самки и находящіеся справа скорѣе находящихся слѣва. *Цензоринъ 7, 5* Весьма многіе, какъ... Эмпедоклъ. Эпигенъ и многіе другіе, утверждаютъ, что женщина можетъ родить на седьмомъ мѣсяцѣ.

84. Цензоринъ 6, 1 Эмпедоклъ, которому въ этомъ слѣдуетъ Аристотель, полагалъ, что раньше всего вырастаетъ сердце, которому жизнь человѣка болѣе всего обязана своимъ сохраненіемъ.

85. Аэцій V 24, 2 (D. 435) (пер. Э. Радлова) Сонъ соотвѣтствуетъ неполному охлажденію теплоты крови, смерть полному охлажденію. *25, 4 (D. 437)* Смерть происходитъ отъ раздѣленія огненнаго, (воздушнаго, водяного и земного), соединеніе которыхъ представляетъ собой человѣкъ. Такимъ образомъ смерть тѣла и души по указанной причинѣ происходитъ одновременно. Сонъ же возникаетъ вслѣдствіе отдѣленія огненнаго.

---

86. Θеофрастъ de sensu 1 слѣд. (D. 499 слѣд.) (1) Парменидъ Эмпедоклъ и Платонъ (полагаютъ, что ощущеніе вызывается) подобнымъ, Анаксагоръ же и Гераклитъ со своими послѣдователями (думаютъ, что оно порождается) противоположнымъ... *(2)* что касается каждаго частнаго вида ощущеній, то остальные оставляютъ ихъ почти безъ всякаго вниманія, только Эмпедоклъ старается и ихъ сводить къ подобію.

(D. 500) (пер. Э. Радлова) [1]) *(7)* Эмпедоклъ относительно всего полагаетъ подобнымъ же образомъ (какъ Платонъ) и утверждаетъ, что ощущеніе образуется путемъ приспособленія къ каждому изъ (органовъ) ощущеній; поэтому-то они и не могутъ замѣщать другъ друга, ибо случается, что однѣ поры шире, чѣмъ ощущаемое, другія же уже, такъ что иной разъ могутъ твердо схватить ощущаемое, другой разъ оно вовсе не можетъ войти [2]). Онъ пытается также объяснить зрѣніе, въ чемъ оно состоитъ; онъ говоритъ, что внутри (глаза) находится огонь [3]), а вокругъ него (вода *вставка Дильса*), земля и воздухъ, черезъ которые онъ (огонь) легко [4]) можетъ пройти, подобно свѣту въ фонарѣ: поры же огня и воды расположены попеременно; изъ нихъ порами огня познается бѣлый цвѣтъ, а порами воды черный, такъ какъ къ каждому приспособлено свое. Цвѣта же несутся къ зрѣнію истеченіями.

---

[1]) Приводя дальше переводъ Э. Радлова, мы включаемъ свои добавленія въ квадратныя скобки [ ], въ сноскахъ же указываемъ заслуживающія вниманія поправки Г. Дильса и Г. Церетели.

[2]) Начало § 7 Г. Церетели переводитъ такъ: „Эмпедоклъ говоритъ одинаково обо всѣхъ ощущеніяхъ и утверждаетъ, что ощущеніе происходитъ благодаря приспособленію (объектовъ) къ порамъ каждаго (органа чувствъ). (Отдѣльные органы чувствъ) не могутъ воспринимать объектовъ другъ друга, такъ какъ у однихъ поры шире, у другихъ—уже по отношенію къ объектамъ. Поэтому, (одни объекты) входятъ прямо, безъ задержки, другіе же вовсе не могутъ войти“.

[3]) Срв. В 84. 85.

[4]) „Будучи легкимъ“ Г. Церетели.

(*8*) (Глазъ) не у всѣхъ одинаковымъ образомъ образованъ изъ противоположныхъ [1]), но у нѣкоторыхъ огонь находится въ серединѣ, у другихъ снаружи, почему нѣкоторыя животныя днемъ, а другія ночью имѣютъ болѣе острое зрѣніе; тѣ, у которыхъ меньше огня, (лучше видятъ) днемъ, у нихъ внутренній огонь уравновѣшивается внѣшнимъ; тѣ животныя, у которыхъ напротивъ (огня больше), ночью (лучше видятъ), ибо и здѣсь недостающее ими заполняется. То и другое бываетъ въ противоположныхъ случаяхъ [2]): тупое зрѣніе и у тѣхъ, у которыхъ излишекъ огня, если въ теченіе дня поры наполнятся и будутъ заняты увеличившимся количествомъ воды. И съ тѣми, у которыхъ излишекъ воды, бываетъ то же самое ночью, если мѣсто огня займется водою [3]) настолько, что въ первомъ случаѣ вода вытѣснится внѣшнимъ свѣтомъ, а во второмъ огонь вытѣсненъ будетъ воздухомъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ лѣчебнымъ средствомъ является противоположное; лучше всего смѣшанное и превосходнѣйшее зрѣніе то, которое состоитъ изъ обоихъ (огня и воды) въ равныхъ частяхъ. Вотъ это приблизительно онъ говоритъ о зрѣніи.

(*9*) [4]) Ощущеніе звука возникаетъ изъ внѣшнихъ звуковъ, ибо когда голосъ произвелъ движеніе, тогда внутри имѣется (звукъ), какъ будто бы внутри находится колоколкчикъ [5]); слухъ онъ называетъ мясистой вѣтвью [6]). Будучи двигаемъ, онъ толкаетъ воздухъ на твердыя части, отчего происходитъ звукъ. Обоняніе возникаетъ вдыханіемъ, почему тѣ сильнѣе всего обоняютъ, которые быстрѣе всего дышатъ. Сильнѣйшій запахъ происходитъ отъ нѣжныхъ и легкихъ тѣлъ. Относительно вкуса и осязанія онъ не опредѣляетъ—ни какимъ образомъ, ни вслѣдствіе какихъ причинъ возникаетъ ощущеніе, если не считать того, (что онъ говоритъ) о всѣхъ ощущеніяхъ вообще, что они возникаютъ изъ проникновенія въ по-

---

[1]) Слѣдуя поправкѣ Г. Дильса, Г. Церетели переводитъ: „Образуются глаза неодинаково, но (одни изъ подобнаго), другіе изъ противоположнаго".

[2]) Съ поправкой Г. Дильса Г. Церетели: „Въ противномъ случаѣ, происходитъ противоположное, (а именно): глаза, въ которыхъ больше огня, видятъ днемъ плохо, такъ какъ огонь, увеличенный дневнымъ свѣтомъ, разливается и заполняетъ поры воды. Съ тѣми же глазами, въ которыхъ преобладаетъ вода, то же самое происходитъ ночью, ибо у нихъ огонь вытѣсняется водой".

[3]) Дальше Г. Дильсъ исправляетъ текстъ вставкой. Согласно этому Г. Церетели переводитъ: „(Происходитъ это) до тѣхъ поръ, пока у однихъ не отдѣлится вода подъ вліяніемъ внѣшняго свѣта, а у другихъ—огонь подъ вліяніемъ воздуха".

[4]) Начало § 9 перев. Г. Церетели: „Слухъ является результатомъ внѣшняго шума, когда воздухъ, приведенный въ движеніе звукомъ, передастъ послѣдній внутрь, ибо ухо представляетъ собой какъ бы звучащій внутри колокольчикъ, (ухо), которое Эмпедоклъ называетъ „мясистой костью" (*Г. Церетели читаетъ „ὀστοῦν" вмѣсто „ὄζον"*). Воздухъ, приводимый въ движеніе, ударяется объ это твердое (тѣло) и производитъ звукъ".

[5]) „*κώδωνα*" здѣсь не „труба", но „колокольчикъ". Срв. 21 А 93.

[6]) В 99; срв. А 93 и В 20, 1.

ры [1]). [Соотвѣтственно смѣси элементовъ въ отдѣльныхъ частяхъ тѣла ощущеніе бываетъ сопряжено съ удовольствіемъ для подобнаго (имъ) и со страданіемъ для противоположнаго] [2]).

Подобнымъ же образомъ онъ говоритъ и о знаніи и о невѣжествѣ. *(10)* Знаніе возникаетъ изъ подобныхъ, незнаніе—изъ неподобныхъ, такъ что мышленіе есть или то же самое, или нѣчто похожее на ощущеніе [3]); перечисливъ, какимъ образомъ каждое познается каждымъ, онъ въ концѣ прибавляетъ (*цит. B 107*). Поэтому-то болѣе всего мыслятъ кровью, ибо въ ней частицы стихій болѣе всего перемѣшаны.

(*11*) Тѣ, у которыхъ всѣ элементы перемѣшаны, въ подобныхъ и равныхъ частяхъ, у которыхъ они не раздѣлены большими промежутками и по величинѣ они ни слишкомъ малы, ни слишкомъ велики; эти-то и суть самые умные, и ощущенія у нихъ самыя острыя, и по порядку тѣ, которые ближе всего къ нимъ; самые же глупые — тѣ, у которыхъ (все это) наоборотъ; въ комъ же элементы легки и рѣдко расположены, тѣ тупы и медлительны; тѣ же, (у кого элементы) густо расположены и раздѣлены на мельчайшія части, тѣ впечатлительны, за многое хватаются, но мало что доводятъ до конца, благодаря быстротѣ движенія крови. Тѣ же, у которыхъ среднее (правильное) смѣшеніе встрѣчается лишь въ одной части, тѣ этою частью мудры, — поэтому-то одни хорошіе риторы, другіе техники, ибо у однихъ (среднее смѣшеніе) находится въ рукахъ, а у другихъ въ гортани. Точно также и относительно другихъ способностей.

За этимъ слѣдуетъ весьма любопытная критика Эмпедокловой теоріи; въ критикѣ явно обнаруживается точка зрѣнія Аристотеля.

(*12*) Итакъ, вотъ какъ представляется Эмпедоклу возникновеніе ощущенія и мышленія. Но его теорія затруднительна: во-первыхъ, чѣмъ по отношенію къ ощущеніямъ различаются одушевленныя существа отъ остальныхъ, ибо вѣдь и къ порамъ неодушевленныхъ есть приспособленіе, ибо онъ вообще всякое смѣшеніе дѣлаетъ путемъ симметріи поръ, поэтому-то масло и вода не смѣшиваются [4]), а остальныя жидкости, которыхъ особыя соединенія онъ перечисляетъ, наоборотъ. Итакъ, все должно ощущать, и смѣшеніе, ощущеніе и ростъ одно и то же, и все это совершается симметріей поръ, если только онъ не укажетъ какой-либо разницы [5]).

---

[1]) „Благодаря приспособленію къ порамъ“ Г. Церетели.

[2]) „Равномѣрное смѣшеніе подобныхъ элементовъ даетъ удовольствіе, а (неравномѣрное?) противуположныхъ—страданіе“ Г. Церетели.

[3]) „Какъ будто мысль или то же самое, что ощущеніе, или же приближается къ нему“ Г. Церетели.

[4]) Срв. B 91.

[5]) „Ибо Эмпедоклъ приписываетъ все симметріи поръ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ) когда прибавляетъ какія-либо различія“ Г. Ц.

(*13*) Далѣе, почему у одушевленныхъ огонь, находящійся внутри животнаго, станетъ болѣе [1]) ощущать, чѣмъ внѣшній, если они приспособлены другъ къ другу. Вѣдь симметрія и подобіе на лицо. Но необходимо должна быть разница, если одинъ (огонь) не можетъ наполнить поры, что̀ можетъ сдѣлать другой, входящій извнѣ. Итакъ, еслибъ тожество было полнымъ и безусловнымъ, то ощущенія не могли бы быть. Наконецъ, наполнены ли поры или пусты? Если пусты, то онъ противорѣчитъ себѣ, ибо онъ вообще отрицаетъ пустоту,- если же полны, то животныя постоянно ощущали бы, ибо ясно изъ его словъ, что подобное приспособлялось бы.

(*14*) И въ такомъ случаѣ затрудненіе продолжало бы существовать, если бы было возможно, что „гетерогены" [2]) имѣли бы такую величину, что могли приспособляться, и даже если бы, какъ онъ говоритъ, слѣдовало [3]), что глаза, которыхъ смѣшеніе менѣе симметрично, дурно видятъ то вслѣдствіе заполненія поръ огнемъ, то вслѣдствіе заполненія ихъ воздухомъ, ибо если существуетъ симметрія и если поры заполнены элементами неродственными, то какимъ образомъ и куда во время ощущенія эти (элементы) удалятся? Вѣдь нужно же объяснить эту перемѣну [4]). Итакъ, отовсюду затрудненія: нужно или допустить пустоту, или же—что животныя постоянно ощущаютъ все, или же допустить приспособленіе разнородныхъ элементовъ, которые не производятъ ощущенія и не имѣютъ особаго перемѣщенія [или что приспособленіе несроднаго не вызываетъ ощущенія и не производитъ измѣненія, свойственнаго тому, что вызываетъ ощущеніе].

(*15*) [5]) Далѣе, если нѣтъ приспособленія подобнаго, а только прикосновеніе, то слѣдуетъ, что ощущеніе возникнетъ, ибо онъ объясняетъ по-

---

[1]) Едва ли можно понимать это мѣсто такъ, какъ Г. Церетели: „почему ...внутренній огонь будетъ обладать большимъ ощущеніемъ, чѣмъ внѣшній, если они приспособляются другъ къ другу?" Смыслъ, по нашему мнѣнію: нѣтъ бо́льшаго основанія считать субъектомъ ощущенія въ животномъ его внутренній огонь, чѣмъ привходящій внѣшній.

[2]) „Разнородное" Г. Ц.

[3]) „Если бы это и случилось, возможно ли, чтобы глаза"... Г. Ц.

[4]) „Но если даже (въ чередованіи огня и воздуха) есть симметрія и поры наполнены разнородными (веществами), какимъ образомъ и гдѣ выходятъ эти (вещества) при ощущеніи? Вѣдь надо же предполагать здѣсь нѣкоторое перемѣщеніе" Г. Ц.

[5]) § 15 въ пер. Г. Церетели: „Наконецъ, если бы подобное не приспособлялось (къ подобному), но только касалось его, то ощущенія происходили бы при каждомъ удобномъ случаѣ,—ибо Эмпедоклъ объясняетъ возникновеніе знанія и подобіемъ и прикосновеніемъ, вслѣдствіе чего и употребляетъ слово „приспособленіе",— поэтому, даже если бы меньшее касалось большаго, происходило бы ощущеніе. Съ другой стороны, по его мнѣнію, подобное вовсе не играетъ роли, но вполнѣ достаточно одной симметріи; ибо, по его словамъ, нѣтъ взаимнаго ощущенія вслѣдствіе отсутствія симметріи въ порахъ, а представляетъ ли собой то, что истекаетъ, подобное или неподобное, этого онъ не отмѣтилъ. Поэтому нужно заключать, или что ощущеніе не производится подобнымъ, или что недостатокъ ощущенія не есть результатъ нѣкоторой несимметріи и что нѣтъ никакой необходимости ощущеніямъ и объектамъ ощущенія имѣть одинаковую природу".

знаніе двумя путями, подобіемъ и прикосновеніемъ, почему онъ и говоритъ о приспособленіяхъ, но въ такомъ случаѣ, если меньшее прикасается къ большему, должно произойти ощущеніе. Съ другой стороны, по его словамъ, вообще говоря, онъ отрицаетъ подобіе и довольствуется одною симметріей, поэтому-то онъ говоритъ, что нѣтъ обоюднаго ощущенія, ибо поры не симметричны; онъ не дѣлаетъ различія въ томъ, что истеченіе бываетъ подобнымъ или различнымъ. Итакъ, нужно заключить, или что ощущеніе не происходитъ отъ подобнаго, или же что отсутствіе ощущенія не зависитъ отъ нѣкоторой симметричности, и что (не) необходимо, чтобы ощущеніе и ощущаемое были бы однородны.

(*16*) Но и относительно наслажденія и страданія онъ не говоритъ хорошо, когда первое связываетъ съ подобнымъ, а второе съ различнымъ [противоположнымъ], ибо они враждебны, онъ говоритъ [потому что ... *цит. В 22 6. 7*] Итакъ, наслажденіе и страданіе суть нѣкоторыя ощущенія или соединены съ ощущеніемъ [1]), слѣдовательно, и они не всегда будутъ вызваны подобнымъ. Съ другой стороны, если родственные элементы по преимуществу вызываютъ наслажденіе въ соприкосновеніи, какъ онъ говоритъ, то соединяемые въ одно болѣе всего наслаждались бы и ощущались бы, такъ какъ онъ ощущеніе и наслажденіе отожествляетъ. (*17*) Однако часто, ощущая, мы испытываемъ страданіе вслѣдствіе того же самаго ощущенія, а по Анаксагору, это всегда такъ, ибо нѣтъ ощущенія безъ страданія. Далѣе: въ частности случается, что знаніе не всегда возникаетъ изъ подобія, ибо если зрѣніе состоитъ изъ огня и противоположнаго, то бѣлое и черное мы могли бы познать подобіемъ, но какимъ образомъ познаемъ мы бурое и остальные смѣшанные цвѣта? Ни порами огня, ни порами воды, ни другими общими этимъ двумъ; и тѣмъ не менѣе мы эти цвѣта видимъ не хуже простыхъ.

(*18*) Нелѣпо также говоритъ онъ о томъ, почему нѣкоторыя животныя ночью лучше видятъ, чѣмъ днемъ, ибо меньшій огонь разсѣивается большимъ, почему мы не можемъ смотрѣть на солнце и вообще на чистый огонь. Поэтому животныя, которымъ недостаетъ огня, должны хуже видѣть днемъ или если подобное увеличиваетъ (силу), какъ онъ говоритъ, въ то время, какъ противоположное мѣшаетъ и уничтожаетъ, то необходимо всегда,—больше ли, или меньше имѣешь свѣта,—лучше видѣть днемъ свѣтъ, а ночью темноту [2]). Теперь же всѣ лучше видятъ все днемъ, за исключеніемъ немногихъ животныхъ, и вѣроятно, что ихъ собственный огонь имѣетъ для этого достаточно силы, подобно тому какъ нѣкоторыя поверхности ночью болѣе свѣтятъ.

---

[1]) По ученію Эмпедокла и Анаксагора, согласно § 17?

[2]) „Или же, если подобное способствуетъ увеличенію (ощущенія), какъ говоритъ Эмпедоклъ, а противуположное ставитъ ему преграды и губитъ его,—слѣдовало бы всѣмъ независимо отъ того, у кого больше и у кого меньше огня, днемъ различать лучше бѣлое, а ночью черное“ Г. Ц.

(*19*) Далѣе у тѣхъ, у кого смѣшеніе равномѣрное, элементы необходимо должны увеличивать другъ друга [1]), такъ что если избытокъ одного мѣшаетъ видѣть другое, то все же по отношенію ко всему осталось бы приблизительно одинаковое расположеніе. Но трудно исчислить всѣ затрудненія въ зрѣніи [2]). Что касается другихъ ощущеній, то какимъ образомъ мы станемъ ощущать подобнымъ,—ибо подобное неопредѣленно. Мы не слышимъ шума шумомъ, ни запаха запахомъ, ни вообще однородное однороднымъ, но скорѣе, такъ сказать, противоположнымъ. Вообще нужно, чтобъ органъ ощущенія не былъ занятымъ; если въ ушахъ у насъ шумъ, вкусъ во рту, запахъ въ носу, то всѣ эти органы становятся менѣе воспріимчивыми, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе они заняты подобнымъ,—развѣ только кто-нибудь укажетъ разницу [3]).

(*20*) Что касается истеченій, то хотя они и не въ достаточной мѣрѣ разъяснены, но въ извѣстной мѣрѣ ихъ можно принять для нѣкоторыхъ ощущеній, за исключеніемъ вкуса и осязанія: какимъ образомъ истеченіемъ или приспособленіямъ къ порамъ мы станемъ ощущать тяжелое и легкое? [4]). Изъ элементовъ только одинъ огонь даетъ истеченія, другіе же нѣтъ. Далѣе если уменьшеніе слѣдуетъ за истеченіемъ, что онъ приводитъ какъ яснѣйшее доказательство, что запахи суть истеченія, то предметы, имѣющіе сильнѣйшій запахъ, должны бы скорѣе всего уничтожаться [5]). Мы же теперь видимъ противное, ибо самыя пахучія части растенія и другихъ предметовъ самыя долговѣчныя. Выходитъ, что „въ царствѣ любви“ или вовсе не будетъ ощущеній, или же болѣе слабыя, ибо соединеніе мѣшало бы истеченію.

(*21*) Если онъ слухъ объясняетъ внутренними шумами, то нелѣпо считать за объясненіе сравненіе внутренняго шума съ колокольчикомъ. Если мы этимъ колокольчикомъ слышимъ шумъ извнѣ, то какимъ образомъ слышимъ мы шумъ самого колокольчика? Это остается разъяснить. О запахѣ онъ говоритъ тоже странное; во-первыхъ, онъ не указываетъ общей причины, ибо вѣдь существуютъ животныя, которыя ощущаютъ запахъ, но не дышатъ; далѣе нелѣпо утверждать, что тѣ лучше ощущаютъ запахъ, которые чаще дышатъ, ибо если органъ не здоровъ или не открытъ, то какую пользу для ощущенія (принесло бы дыханіе); часто слу-

---

[1]) „Оба элемента должны преобладать по очереди“ Г. Ц.

[2]) Впрочемъ, тѣ измѣненія, которымъ подвергается зрѣніе, разсмотрѣть довольно трудно“ Г. Ц.

[3]) „Если не допустить въ данномъ случаѣ нѣкотораго ограниченія“ Г. Ц.

[4]) „Шероховатое и гладкое“ Г. Ц.

[5]) „Далѣе, такъ какъ разрушеніе происходитъ благодаря истеченію—это слово Эмпедоклъ употребляетъ какъ общій терминъ—и такъ какъ, съ другой стороны, и запахъ образуется также благодаря истеченію,—то, что обладаетъ наиболѣе сильнымъ запахомъ, должно гибнуть всего сильнѣе“ Г. Ц.

чается быть слабымъ и тѣмъ не менѣе ощущать запахъ [1]). Приходилось бы при отдышкѣ, во время работы и сна лучше ощущать запахи, такъ какъ болѣе всего втягиваешь воздухъ; мы же видимъ противоположное [2]).

(*22*) Дыханіе само по себѣ не есть причина запаха, но лишь случайно, это доказывается примѣромъ другихъ животныхъ и указанными состояніями. Онъ же его считаетъ причиной самой по себѣ, когда онъ въ концѣ вновь повторяетъ сказанное (*цит. В 102*). Не вѣрно также, что лучше всего ощущается запахъ легкихъ предметовъ, необходимо, чтобы они имѣли еще и запахъ, вѣдь огонь и воздухъ самые легкіе элементы, но ощущенія запаха не производятъ.

(*23*) Точно также затрудненія возникаютъ и по отношенію къ мысли, ибо онъ ее отожествляетъ съ ощущеніемъ; въ такомъ случаѣ все участвовало бы въ мышленіи. Но какимъ образомъ мышленіе можетъ возникнуть и путемъ измѣненія, и путемъ подобія? Ибо подобное вѣдь не измѣняется же подобнымъ. Приписывать мышленіе крови совершенно нелѣпо, ибо многія животныя не имѣютъ крови, а у имѣющихъ кровь органы ощущенія могутъ имѣть менѣе другихъ частей тѣла крови [3]). Наконецъ, слѣдовало бы, что и кости, и волосы ощущаютъ, ибо и они состоятъ изъ всѣхъ элементовъ. Но онъ смѣшиваетъ, съ одной стороны, мысль, ощущеніе, наслажденіе, а съ другой—страданіе и незнаніе, ибо и то, и другое производится неподобнымъ; необходимо, чтобы страданіе вытекало изъ незнанія, а наслажденіе—изъ мышленія.

(*24*) Нелѣпо также полагать, что (душевныя способности) происходятъ изъ крови частей тѣла, какъ будто бы языкъ причина краснорѣчія, а руки—причина ловкости строителя, какъ будто бы это не инструменты. Лучше бы приписать причину формѣ, чѣмъ смѣшенію крови, которое чуждо разума. Это можно бы доказать на многихъ животныхъ.

Итакъ, кажется, что Эмпедоклъ часто ошибался.

87. Аристотель de gen et corr А 8. 324 b 26 Итакъ, по ихъ мнѣнію, каждый испытываетъ страдательное состояніе, когда черезъ какія-либо поры входитъ самый край производящаго (дѣятеля) въ собственномъ смыслѣ, и такимъ образомъ, говорятъ они, мы и видимъ, и слышимъ, и воспринимаемъ всѣ прочія ощущенія; притомъ мы видимъ черезъ воздухъ, воду и прозрачныя (тѣла) вслѣдствіе того, что они имѣютъ поры, незамѣтные по своей малости, расположенные частыми рядами; чѣмъ прозрачнѣе (тѣла), тѣмъ больше (этихъ поръ) они имѣютъ. Итакъ, нѣкоторые,

---

[1]) „Такъ, многія (существа), будучи слабыми (въ этомъ отношеніи), почти вовсе не ощущаютъ“ Г. Ц.

[2]) „Кромѣ того, тѣ, у кого затруднено дыханіе, а также работающіе и спящіе всего скорѣе ощущали бы запахъ, ибо они втягиваютъ въ себя всего больше воздуха, на самомъ же дѣлѣ происходитъ противуположное“ Г. Ц.

[3]) „Предположеніе же, что разумъ заключается въ крови,—совершенно безсмысленно, ибо многія животныя безкровны, а у обладающихъ кровью какъ разъ органы ощущеній совершенно безкровны“ Г. Ц.

какъ, напримѣръ, Эмпедоклъ, на основаніи нѣкоторыхъ (явленій) приняли такое ученіе не только относительно производящихъ и испытывающихъ (ощущенія), но вообще говорятъ, что смѣшивается все, поры чего соразмѣрны другъ другу. *Филонъ къ этому p. 160, 3 Vitelli* Онъ говоритъ, что Эмпедоклу необходимо принять существованіе нѣкоторыхъ твердыхъ недѣлимыхъ (тѣлъ), чтобы поры тѣла не были всюду непрерывными. Вѣдь послѣднее невозможно, ибо (въ этомъ случаѣ) все тѣло оказалось бы (*одной сплошной*) порой и пустотой. Такимъ образомъ, разъ это нелѣпо, необходимо, чтобы соприкасающіяся частицы тѣла были твердыми недѣлимыми (тѣлами), промежутки же между ними пустымъ (пространствомъ), которое Эмпедоклъ назвалъ порами *ib. 178, 2* Но мы знаемъ, что тѣ, которые принимали поры, считали ихъ не пустыми, но наполненными нѣкоторымъ состоящимъ изъ тонкихъ частей тѣломъ, какъ, напримѣръ, воздухомъ. Этимъ-то они отличались отъ принимавшихъ (существованіе) пустоты. *154, 5* Поры не тожественны съ пустотой, поэтому допускавшіе (существованіе) поръ не принимали (существованія) пустоты. *Срв. Аристотель de gen. et corr. A 8. 326 b 6 слѣд. (Филопонъ)*[1]) *на Аристотеля de gen. anim. 123, 13* Какъ сказалъ онъ и въ сочиненіи: „О возникновеніи и уничтоженіи" (*Срв. B 92*), Эмпедоклъ говорилъ, что во всѣхъ тѣлахъ подъ луной какъ, напримѣръ, въ водахъ. маслахъ и другихъ, смѣшаны поры и насты, а именно, порами онъ назвалъ углубленія, настами же плотныя (части).

88. Аэцій IV 14, 1 (*объ отраженіяхъ въ зеркалахъ D. 405*) (Изображенія въ зеркалѣ получаются) благодаря скопленію на поверхности зеркала истеченій, сгущаемыхъ выдѣляющимся изъ зеркала огнемъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ удаляетъ лежащій передъ ними воздухъ, являющійся мѣстомъ движенія (этихъ) истеченій.

89. Александръ quaest. II 23 p. 72, 9 Bruns (*вѣроятно, изъ Өеофраста Phys. Opin.*) Почему магнитъ притягиваетъ желѣзо? Эмпедоклъ говоритъ, что желѣзо стремится къ магниту вслѣдствіе истеченій отъ нихъ обоихъ и вслѣдствіе соразмѣрности поръ магнита истеченіямъ, идущимъ отъ желѣза. Дѣло въ томъ, что истеченія магнита отталкиваютъ воздухъ, находящійся у поръ желѣза, и приводятъ въ движеніе (воздухъ), замыкающій ихъ. Когда же послѣдній отдѣлится, желѣзо заполняется всей массой выходящаго истеченія. Вслѣдствіе же того, что истеченія отъ него несутся къ порамъ магнита и такъ какъ они соразмѣрны послѣднимъ и соотвѣтствуютъ имъ, то и желѣзо идетъ вслѣдъ за (своими) истеченіями и (такимъ образомъ) движется. Но, можетъ быть, кто-нибудь допуская даже (такое ученіе объ) истеченіяхъ, спросилъ бы, почему же, въ самомъ дѣлѣ, магнитъ не слѣдуетъ за своими собственными истеченіями, движется

---

[1]) Авторомъ является, вѣроятно, Михаилъ Эфесскій, но онъ использовалъ здѣсь болѣе древнихъ комментаторовъ.

же къ желѣзу. Вѣдь изъ сказаннаго одинаково слѣдуетъ какъ то, что магнитъ будетъ двигаться къ желѣзу, какъ и то, что желѣзо (подвинется) къ магниту. Далѣе, почему иногда желѣзо не будетъ двигаться и по направленію къ чему-либо другому, помимо магнита, если отъ него исходитъ цѣлая масса истеченій? Въ самомъ дѣлѣ, почему только истеченія отъ магнита въ состояніи двигать воздухъ, замыкающій поры желѣза и задерживающій истеченія? Далѣе, почему ничто другое не движется такъ ни къ чему другому, хотя, по его ученію, у многихъ (вещей) имѣются взаимно соотвѣтствующія поры и истеченія? По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ: вода и т. д. (*цит. В 91*).

90. Аэцій IV 13, 3 (D. 403) Эмпедоклъ объясняетъ (зрительное ощущеніе) какъ лучами (*исходящими изъ глазъ*), такъ и воспріятіемъ образовъ. Большая часть (*приходится на долю*) второго. Дѣло въ томъ, что онъ (Эмпедоклъ) принимаетъ истеченія. *То же въ пер. Э. Радлова:* У Эмпедокла находятся отрывки, которые могутъ служить одни для объясненія зрѣнія посредствомъ лучей, другіе посредствомъ изображеній; послѣдніе болѣе значительные, потому что онъ допускаетъ истеченіе. *То же въ пер. Г. Церетели:* Эмпедоклъ говоритъ, что глазъ воспринимаетъ впечатлѣнія частью при помощи лучей, частью при помощи образовъ, но главнымъ образомъ при помощи послѣднихъ, такъ какъ онъ воспринимаетъ истеченія. *Аэцій IV 9, 6 (см. 18 А 47).*

91. Аристотель de sensu 2. 437 b 9 (объ огнѣ въ глазу) Глазъ видитъ самъ себя тѣмъ же способомъ, какъ въ отраженіи, такъ какъ если бы (въ немъ) былъ огонь, какъ говоритъ Эмпедоклъ и какъ написано въ „Тимеѣ“ (*68 А*), и видѣніе происходило бы вслѣдствіе исхожденія (этого огня), подобно свѣту изъ фонаря, то что мѣшало бы глазамъ видѣть и во мракѣ? *de gen. anim. E 1. 779 b 15* Итакъ, невѣрно мнѣніе, будто свѣтлые глаза огненны, какъ говоритъ Эмпедоклъ, черные же заключаютъ въ себѣ больше воды, чѣмъ огня, и что вслѣдствіе этого свѣтлые (глаза) не обладаютъ зоркимъ зрѣніемъ днемъ по причинѣ недостатка воды (въ нихъ), черные же—ночью по причинѣ недостатка огня. (Это невѣрно), если должно считать глаза у всѣхъ (состоящими) не изъ огня, а изъ воды.

92. Платонъ. Менонъ р. 76 С Такъ вотъ, чтобы ты понялъ какъ можно лучше, я стану отвѣчать тебѣ по Горгію [1]). Хочешь?—Какъ не хотѣть!—Итакъ, вы, слѣдуя Эмпедоклу, учите о какихъ-то истеченіяхъ отъ существующихъ (вещей)?—Совершенно вѣрно.—И (принимаете существованіе) поръ, въ которыя входятъ и черезъ которыя проходятъ (эти) истеченія?—Да, конечно.—И (полагаете), что изъ (этихъ) истеченій одни соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ порамъ, другіе же меньше или больше ихъ? —Вѣрно.—Такъ вотъ, извѣстно ли тебѣ зрѣніе?—Еще бы!—Такъ изъ сказаннаго „пойми, что я тебѣ говорю“, какъ сказалъ Пиндаръ. А именно

---

[1]) Здѣсь Эмпедоклова теорія истеченій и поръ приписывается его ученику Горгію.

(*я скажу тебѣ, что*) цвѣтъ есть истеченіе отъ тѣлъ [1]), соотвѣтствующее органу зрѣнія и воспринимаемое имъ. *Аэцій I 15, 3* (*D. 313*) (*пер. Э. Радлова*) Цвѣтъ есть то, что прилаживается [2]) къ порамъ зрѣнія. Ихъ четыре, подобно тому какъ есть четыре элемента: бѣлый, черный, красный, зелено-желтый (охровый). [3]).

93. Аэцій IV 16, 1 (*D. 406*) (*пер. Э. Радлова*) Слухъ производится ударомъ дуновенія въ хрящъ, который онъ (Эмпедоклъ) предполагаетъ висящимъ во внутренности уха, на подобіе языка колокольчика. *То же въ пер. Г. Церетели:* По мнѣнію Эмпедокла, слухъ зависитъ отъ напора воздуха на ушной хрящъ, который, говоритъ Эмпедоклъ, виситъ въ ухѣ точно колокольчикъ и колеблется при ударѣ. (*срв. В 99*).

94. Аэцій IV 17, 2 (*D. 418*) (*пер. Э. Радлова*) Запахи входятъ при вдыхательныхъ движеніяхъ легкихъ, почему и не чувствуютъ ихъ, когда вдыханіе тяжелое и затруднительное, какъ при насморкѣ.

Аристотель de sensu 4. 441 a 3 Вкусъ же есть своего рода осязаніе. Итàкъ, природѣ воды свойственно быть безвкусной. Необходимо же, чтобы или вода заключала въ самой себѣ (разные) виды вкусовъ, неощутимые по своей малости, какъ говоритъ Эмпедоклъ, или и т. д. *Срв. Александръ къ этому мѣсту 67, 19.*

95. Аэцій IV 9, 14 (*D. 398*) Парменидъ, Эмпедоклъ: желаніе возникаетъ вслѣдствіе недостаточнаго питанія. *15* (*пер. Э. Радлова*) Удовольствіе доставляется подобному подобнымъ, прибавленіемъ недостающаго, такъ что у недостающаго есть стремленіе къ подобному. Страданіе есть дѣйствіе противоположное, потому что существуетъ взаимное удаленіе всего, что разнится между собою по составу или по способу соединенія элементовъ. *То же въ пер. Г. Церетели:* Удовольствіе, по мнѣнію Эмпедокла, вызывается у подобнаго подобнымъ, а у недостающаго—стремленіемъ дополнить себя подобнымъ, такъ какъ у недостающаго есть тяготѣніе къ подобному. Страданіе же производится противуположнымъ, ибо то, что различно по составу и по способу соединенія элементовъ, чуждается другъ друга. *V 28* (*D. 440*) (*пер. Э. Радлова*) Желанія являются у животныхъ вслѣдствіе недостатка элементовъ, которые бы ихъ пополнили; наслажденія происходятъ отъ соединенія подобныхъ и однородныхъ вещей [безпокойства же и страданія—изъ соединенія неродственнаго]. *То же въ пер. Г. Церетели:* Эмпедоклъ говоритъ, что желанія происходятъ у живыхъ существъ вслѣдствіе недостатка составляющихъ ихъ элементовъ, а удовольствіе вслѣдствіе соединенія сродныхъ и подобныхъ (частей).

96. — IV 5, 12 (*D. 392*) Парменидъ, Эмпедоклъ и Демокритъ: душа и умъ одно и то же. По ихъ мнѣнію, не можетъ быть ни одного животнаго, которое было бы совершенно неразумнымъ.

---

[1]) „Отъ фигуръ“, по другому чтенію.

[2]) „Соотвѣтствуетъ“ Г. Ц.

[3]) Срв. (Аристотель) de mundo p. 396 b 13. 12 B 10. Платонъ Tim. 67 C.

97. — *IV 5, 8* (*D. 391*) (Первенствующая часть души), по Эмпедоклу, въ скопленіи крови (*т. е. тамъ, куда приливаетъ наибольше крови*). *Срв. Өеодоръ V 22* Эмпедоклъ... отвели (для первенствующей части) сердце. И изъ нихъ опять одни (помѣщаютъ ее) въ желудкѣ сердца, другіе же въ крови.

98. Целій Аврелій morb. chron. I 5 p. 25 Sich. (бѣшенство) Послѣдователи Эмпедокла говорятъ, что (бѣшенство) происходитъ иногда отъ нечистоты души, иногда вслѣдствіе безумія по тѣлесной причинѣ, а именно, по причинѣ неодинаковости тѣла, о чемъ мы сейчасъ напишемъ. Греки называютъ это „маніей", такъ какъ оно сопровождается сильнымъ внутреннимъ безпокойствомъ.

Свидѣтельства объ Эмпедоклѣ Эпифанія, Гермія и Цицерона см. у Э. Радлова (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1889, апрѣль, стр. 17—18*) *и у Г. Церетели* (*Приложеніе къ русскому переводу П. Таннери. Первые шаги древне-греческой науки, 1902, стр. 44*).

B. Фрагменты.

«О природѣ» Эмпедокла двѣ книги.

1. *Діогенъ VIII 60* (*см. А 1*) Какъ говорятъ Аристиппъ и Сатиръ, Павсаній былъ предметомъ его любви и къ нему-то обращается (*ему посвящено*) сочиненіе: „О природѣ" слѣдующимъ образомъ:

(*Перев. Э. Радлова*) „Павзаній, сынъ мудраго Анхиза, ты слушай!"

(*Перев. Г. Якубаниса*) „Ты же Павзаній, сынъ умудреннаго опытомъ Анхита, послушай!"

2. *Секстъ VII 122—124* Другіе же, слѣдуя Эмпедоклу, говорили, что критерій истины не ощущенія, но правильный разумъ. Въ основѣ же правильнаго разума лежитъ отчасти нѣчто божественное, отчасти человѣческое. Изъ нихъ божественное не достижимо, человѣческое же передаваемо. А о томъ, что не въ ощущеніяхъ критерій истины, онъ говоритъ такъ (*цит. стр. 2—8*), о томъ же, что истина во всей своей полнотѣ недоступна (намъ), но достижима (лишь) въ мѣру силъ человѣческаго разума, онъ даетъ разъясненіе, прибавляя къ ранѣе сказанному (*цит. ст. 8—9*):

(*Пер. Э. Радлова*) „Узки средства познанія разлитыя по тѣлу,
И множество возникающихъ страданій смущаетъ заботами умъ;
Видѣвъ только малую часть несчастной жизни,
Они, быстро умирающіе, разсѣеваются, подобно легкому дыму [1]),
Вѣря каждый лишь въ то, что самъ повстрѣчалъ.

---

[1]) Срв. Гомеръ Иліада XXIII 100.

Влекомый во всѣ стороны [1]), всякій самъ желаетъ постичь всю вселенную;

Но люди не могутъ ни видѣть ея, ни слышать,

Ни даже схватить разумомъ. Ты же, пришедшій сюда [2]),

Ты узнаешь не больше, чѣмъ сколько видитъ мысль смертнаго"

(Перев. Г. Якубаниса) „Ибо ограниченныя способности разлиты по членамъ (*нашего организма*) и множество скверпъ [3]) поражаетъ и притупляетъ (*наши*) думы. Разсмотрѣвъ (*лишь*) малую часть жалкаго [2]) (*человѣческаго*) существованія, кратковѣчные (люди) исчезаютъ, разсѣявшись подобно дыму, увѣровавъ только въ то, на что каждый наткнулся, метаясь туда и сюда; а между тѣмъ всякій кичится постичь цѣлое. Такимъ образомъ, оно ни зримо для людей, ни слышимо, ни умопостижимо. Итакъ, ты, желавшій столь страстно (*этого познанія*) [5]), узна́ешь не болѣе, чѣмъ *(сколько)* прозрѣваетъ смертная мысль.

Мы переводимъ:

„Ибо замкнуты въ тѣсные предѣлы органы (*чувствъ*), разлитые по (*нашимъ*) членамъ. Многочисленныя бѣдствія поражаютъ *(насъ)*, притупляя (*нашу*) мысль. Узрѣвъ малую часть своей жизни, кратковѣчные (*люди*) отлетаютъ (*прочь*), разсѣявшись, какъ дымъ (*5*) Каждый изъ нихъ вѣритъ лишь въ то, на что онъ натолкнулся въ своихъ блужданіяхъ во всѣ стороны, и, однако, горделиво мнитъ, что постигъ все. Послѣднее недоступно ни зрѣнію, ни слуху людей и непостижимо для ихъ разума. Итакъ, удалившись сюда [6]), увѣдаешь ты, разумѣется, не больше того, насколько въ состояніи подняться человѣческая мудрость".

3. *Плутархъ quaest. conviv. VIII 8, 1 p. 728 E* Онъ говорилъ, что наградой за молчаливость является то, что называютъ рыбами (ἔλλοπας), такъ какъ послѣднія имѣютъ замкнутый и сдавленный голосъ. И мой тезка (*говоритъ Эмпедоклъ, дѣйствующее лицо въ діалогѣ Плутарха*) убѣждаетъ Павсанія, чтобы онъ по-пиѳагорейски „скрылъ (*ученія*) въ нѣмой (*какъ рыба*) [7]) груди". (*Пер. Г. Якубаниса*) „Скрыть въ глубинѣ нѣмого, какъ рыба, сердца".

4 *Секстъ VII 124* (*послѣ В 2,9*) И высказавъ порицаніе въ непосредственно слѣдующихъ (стихахъ) тѣмъ, которые заявляютъ, что они

---

[1]) Срв. Гомеръ Е 508 и Перменидъ 18 В 6, 5 слѣд.

[2]) Срв. Гомеръ А 349.

[3]) Г. Якубанисъ усматриваетъ здѣсь моралистическій оттѣнокъ.

[4]) Г. Я. читаетъ вмѣстѣ со Скалигеромъ „ἀβίου". Такъ же Bidez, который переводитъ: „La vie humaine est à peine une vie".

[5]) Г. Я. принимаетъ здѣсь толкованіе Бергка.

[6]) Т. е. уединившись для научныхъ занятій. Можно также перевести „такъ какъ ты удалился сюда", т. е. низвергнутъ въ земной міръ въ тѣлесную оболочку.

[7]) Такъ какъ форма „ἔλλοπος" можетъ быть какъ родительнымъ, такъ и именительнымъ падежемъ, то возможенъ также переводъ: „Безмолвно сохранить въ груди".

знаютъ больше, онъ доказываетъ, что воспринимаемое черезъ посредство каждаго (отдѣльнаго) ощущенія истинно, если ими (ощущеніями) руководитъ разумъ, хотя раньше (*В 2*) онъ отказалъ ощущеніямъ въ (своемъ) довѣріи. А именно, онъ говоритъ:

(*Пер. Э. Радлова*) „Вы же, о боги, отвратите безуміе (этихъ?) [1]) отъ моего языка,

Пусть изъ священныхъ устъ течетъ чистый источникъ.

А тебя, памятливая муза, бѣлорукая дѣва,

Умоляю, дозволь слушать, насколько возможно существамъ эфемернымъ;

Пошли, руководимая благочестіемъ, быструю колесницу.

Меня не вынудятъ изысканной почести цвѣты,

Которые я могъ бы получить у смертныхъ, сказать болѣе, чѣмъ дозволено.

Дерзни же и воспрянь къ вершинамъ мудрости.

Изслѣдуй всѣми силами все, что̀ въ предметѣ ясно,

Но не думай видѣть больше, чѣмъ доступно глазу,

Ни слышать тупымъ слухомъ болѣе того, что̀ отчетливо высказано,

Не довѣряй и другимъ, какимъ ни есть, путямъ знанія;

Не давай вѣры ощущеніямъ и размышляй, какъ все само себя выясняетъ".

(*Перев. Г. Якубаниса*) „Но (*вы*), боги, отвратите отъ моего языка ихъ безуміе и пролейте изъ благочестивыхъ устъ чистый источникъ! А тебя, многосватанная, бѣлолокотная дѣва—Муза, умоляю, поспѣши на послушной тебѣ колесницѣ и ниспошли отъ имени Благочестія то, что не грѣшно слышать краткодневнымъ существамъ. А меня ужъ цвѣты славы и чести со стороны смертныхъ не заставятъ протянуть за ними руку, подъ условіемъ—дерзко повѣдать болѣе, чѣмъ дозволяетъ благочестіе, и тогда только вознестись къ вершинамъ мудрости.—Такъ изслѣдуй же всѣми средствами, гдѣ что ясно, и нисколько не болѣе довѣряй своему зрѣнію, чѣмъ слуху, ни громогласному слуху не болѣе отчетливыхъ свидѣтельствъ языка [2]) и (*вообще*) не лишай вѣры ни одинъ изъ остальныхъ органовъ, гдѣ только есть путь къ познанію, а замѣчай, гдѣ что ясно".

Примыкая къ Дильсу, пер. ст. 3—13: И къ тебѣ, Муза, многопрославленная бѣлорукая дѣва, обращаюсь я съ мольбой, (5) руководи

[1]) Отрицающихъ значеніе ощущеній для познанія (какъ, напримѣръ, Парменидъ въ первой части поэмы).

[2]) „На мой взглядъ, философъ хочетъ сказать слѣдующее: не довѣряй зрительнымъ ощущеніямъ больше, чѣмъ слуховымъ, но, съ другой стороны, и слуху не отдавай предпочтенія предъ другими чувствами, а полагайся на него лишь постольку, поскольку его показанія совпадаютъ съ тѣмъ, что дѣйствительно было сказано въ ясныхъ и раздѣльныхъ выраженіяхъ", Г. Якубанисъ.

(мной), управляя послушной тебѣ колесницей изъ (*царства*) Благочестія, поскольку однодневнымъ (*существамъ*) позволено узнавать. Тебя не соблазнитъ вѣнокъ славы, подносимый смертными въ знакъ почитанія, дерзостно высказать болѣе, чѣмъ дозволено, и затѣмъ возсѣсть на вершину мудрости. Но тщательно изслѣдуй каждую вещь всевозможными средствами, насколько она (*можетъ*) ясно (*познаваться*), и не отдавайся довѣрчиво какимъ-либо (*впечатлѣніямъ*) зрѣнія, цѣня (ихъ) выше (воспріятій) слуха, и шумному слуху не довѣряй болѣе, чѣмъ яснымъ (ощущеніямъ) языка, и не ставь ниже послѣднихъ достовѣрность всѣхъ остальныхъ органовъ, въ которыхъ есть (*хоть какая-либо*) стезя познанія, но познавай каждую вещь, поскольку она ясно (*познается*).

5. *Климентъ Str. V 3, 8* (*Цит. ниже приводимые стихи*) А именно, Эмпедоклъ говоритъ, что обыкновенно дурные люди хотятъ побѣдить истину невѣріемъ.

(*Пер. Э. Радлова*) „Но дурнымъ свойственно не довѣрять очевидной истинѣ;
Ты же, какъ то велятъ правдивыя наставленія нашей Музы,
Познай, сдѣлавъ въ умѣ разумное дѣленіе“.

(*Перев. Г. Якубаниса*) „Но негоднымъ (*людямъ*) весьма свойственно не довѣрять преодолѣвающимъ (*ихъ доказательствамъ*) [1]). Ты же, какъ то велятъ правдивыя откровенія, исходящія отъ нашей Музы, познай, различивъ въ душѣ слово истины [2])“.

6. *Аэцій I 3, 20 (A 33); Секстъ X 315.*

(*Перев. Э. Радлова*) „Во-первыхъ, есть четыре корня всѣхъ вещей [3]):
Сверкающій Зевсъ, животворная Гера и Адъ,
И Нестисъ, орошающая источникъ человѣческій слезами.

(*Перев. Г. Церетели*) „Выслушай сперва о четырехъ корняхъ вселенной. Эти корни: блестящій Зевсъ, жизнедательница Гера, Эдоней и Нестисъ, людской источникъ, проливающій слезы“.

(*Перев. Г. Якубаниса*) „Такъ прежде всего узнай, что четыре корня всего существующаго: блистающій Зевсъ и жизнедательная Гера, а также Аидоней и Нестисъ, которая слезами орошаетъ смертный источникъ [4])“.

---

[1]) „Т. е. не соглашаться съ ихъ идейными противниками, хотя бы эти послѣдніе и были несомнѣнно правы“ поясняетъ Г. Якубанисъ, считающій, впрочемъ, возможной и интерпретацію Бергка: „дурные имѣютъ обыкновеніе противиться могущественнымъ, то-есть богамъ“, такъ какъ далѣе упоминается Муза. Иначе понимаетъ Г. Дильсъ: или 1) дурные люди весьма склонны не довѣрять тѣмъ, кто выше ихъ силой ума, т. е. философамъ, или 2) склонны не вѣрить въ правящія начала, т. е. въ міровые принципы.

[2]) „Послѣ того какъ ея рѣчь просѣялась черезъ твой духъ“ Г. Дильсъ.

[3]) „Сначала выслушай, что четыре корня всего существующаго“ *Э. Р.*

[4]) „Т. е. слезы которой служатъ источникомъ, откуда смертные получаютъ потребную для нихъ влагу“ *Г. Я.*

7. Невозникшіе: элементы; у Эмпедокла *Гезихій*

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Непроизводныя (*стихіи*).

8. *Плутархъ adv. Col. p. 1111 F. Аэцій I 30, 1* (*D. 326, 10*) Эмпедоклъ: ничто не имѣетъ рожденія, (есть лишь) смѣшеніе и разъединеніе элементовъ. А именно, въ первой книгѣ „Физики" онъ пишетъ такъ:

(*Пер. Э. Радлова*) „Скажу тебѣ еще другое: нѣтъ рожденія ни одной смертной вещи,

Нѣтъ и конца губительною смертью,
А только смѣшеніе и раздѣленіе смѣшаннаго;
Это-то людьми и называется рожденіемъ".

(*Пер. Г. Церетели*) „Я скажу тебѣ нѣчто новое: ничто человѣческое не возникаетъ и губительная смерть не есть конецъ, но существуетъ только соединеніе и раздѣленіе того, что соединилось. Это-то и называютъ смертные возникновеніемъ".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Но скажу тебѣ другое: изъ всего тлѣннаго ни у чего нѣтъ ни рожденія, ни какого-либо предѣла губительной смерти, но есть лишь смѣшеніе и различеніе [1]) смѣшаннаго, у людей же (*оно*) называется рожденіемъ.

Мы переводимъ: „Во-вторыхъ же я скажу тебѣ: изъ всѣхъ смертныхъ вещей ни одна не имѣетъ ни (*подлиннаго*) рожденія, ни (*подлиннаго*) конца въ губительной смерти, но есть только смѣшеніе и перемѣщеніе (*частей этой*) смѣси, рожденіе же есть названіе (*для этого процесса*) у людей".

9. *Плутархъ adv. Col 11 p. 1113 A B* (*срв. къ B 10*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Про всякое существо, происшедшее, подобно человѣку, смѣшеніемъ появившагося на свѣтъ эѳира,

Или на подобіе дикаго звѣря, или же дерева,
Или птицы,—говорятъ, что оно родилось;
Когда онѣ (части) разлагаются, это, напротивъ, нелѣпо называютъ
Мрачною смертью, и я буду слѣдовать обычаю.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Они [2]),—какая бы смѣсь (*стихій*) ни вышла на свѣтъ эѳира, въ образѣ ли человѣка, или на подобіе породы дикихъ звѣрей, или растеній, или птицъ,- утверждаютъ въ такомъ случаѣ, что все это возникло (*изъ ничего*); когда же (*эта смѣсь*) разрѣшится (*на составныя части*), то, напротивъ, зовутъ это, согласно освященному давностью реченію, злосчастною смертью, и я самъ (*для удобства*) слѣдую (*установившемуся*) обычаю".

---

[1]) Объяснительное примѣчаніе Г. Якубаниса: „Διάλλαξις" значитъ именно „различеніе", „размѣщеніе", а не „раздѣленіе", какъ обыкновенно переводятъ. Этотъ оттѣнокъ очень характеренъ: онъ прямо указываетъ на процессъ, которымъ Вражда выводитъ стихіи изъ смѣшаннаго состоянія безразличія".

[2]) „Т. е. люди" *Г. Я.*

Послѣдній стихъ Г. Дильсъ переводитъ: „На это они не имѣютъ никакого права; однако, и я буду говорить, слѣдуя обычаю“.

10. *Плутархъ adv. Col. 11 p. 1113 A* Онъ (*Эмпедоклъ*) настолько чувствовалъ нужду въ движеніи сущаго и противорѣчіи его кажущимся (явленіямъ), что даже не изгналъ изъ обычая слово *(рожденіе)*, но показавъ только и уничтоживъ обманъ, вредящій дѣлу, онъ затѣмъ опять въ (*употребляемыхъ имъ*) названіяхъ вернулся къ установившемуся обычаю. (*какъ онъ самъ говоритъ*) въ слѣдующихъ (стихахъ) (*цит. B 9*). Передавшій (*это ученіе*) Колотъ не понялъ (*его),* (*а именно, онъ не замѣтилъ*), что Эмпедоклъ *(отнюдь)* ни уничтожилъ людей, звѣрей, растеній и птицъ, (*то-есть, именно все то*), объ образованіи чего изъ смѣшенія элементовъ онъ говоритъ, но, наставивъ тѣхъ, кто доказывалъ, что вслѣдствіе этого соединенія и раздѣленія есть нѣкое рожденіе (*B 8, 1*), злосчастная гибель (*B 9, 4*) и мстительница смерть, (*показавъ имъ)* въ чемъ заключается ихъ заблужденіе, онъ не изгналъ изъ употребленія привычныхъ названій ихъ.

„Смерть... мстительница“. (*Пер. Г. Якубаниса*) „Мстительную смерть“.

11. *Плутархъ adv. Col. 12 p. 1113 C* (*послѣ B 10*) Однако, какъ мнѣ кажется, Эмпедоклъ не устраняетъ этого способа выраженія, но, какъ раньше сказано, онъ дѣльно оспариваетъ возникновеніе изъ несуществующаго (*рожденіе изъ ничего*), которое нѣкоторые называютъ „природой“ (*B 8, 1*). Въ особенности же это очевидно изъ слѣдующихъ стиховъ:

(*Пер. Э. Радлова*) „Глупые! мысль у нихъ не глубокая,
Если они думаютъ, что можетъ произойти то, чего не было сначала,
Или что что-либо погибаетъ и исчезаетъ вполнѣ“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Неразумные! Какъ близорука у нихъ мысль, разъ они въ самомъ дѣлѣ предполагаютъ возникновеніе не существовавшаго раньше или умираніе и полное уничтоженіе чего-либо *(существующаго)*“.

А именно, эти стихи для имѣющихъ уши исходятъ отъ (*лица*), громко кричащаго, что онъ не уничтожаетъ ни рожденія (*вообще),* но только (*рожденіе*) изъ небытія, ни уничтоженія (*вообще*), но (*лишь*) совершенную гибель, то-есть разрѣшеніе въ небытіе.

12. (*Аристотель*) *de MXG 2, 6 p. 975 b 1* (*20 A 5*). *Филонъ de aetern. mundi 2 p. 3, 5 Cum.* Ибо подобно тому какъ ничто не рождается изъ ничего и ничто не уничтожается въ ничто (*цит. ниже слѣдующіе 1—2 стихи*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Потому что ничто не можетъ произойти изъ ничего,
И никакъ не можетъ то, что̀ есть, уничтожиться;
Всегда оно устоитъ противъ какого бы то ни было усилія“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Потому что изъ вовсе не существовавшаго невозможно возникнуть (*ничему существующему*), а также недостижимо и невѣроятно полное уничтоженіе существующаго; ибо оно [1]) всегда останется невредимымъ, какую бы силу и въ теченіе какого бы времени къ нему ни прилагать“.

(*Нашъ переводъ см. стр. 95*).

13. *Аэцій I 18, 2* (*D. 316, 1*). (*Аристотель*) *de MXG 2, 28 p. 976 b 26* (*20 A 5, см. стр. 99*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Во вселенной нѣтъ ни пустоты, ни излишка“.

(*Пер. Г. Церетели*) „Во всемъ нѣтъ ни пустого, ни лишняго“.

(*Пер. Г. Якубаниса*)) „И нѣтъ нигдѣ во вселенной ни пустоты, ни переполненія“.

14. (*Аристотель*) *de MXG 2, 28 p. 976 b 23* (*см. стр. 99*). *Пер. Г. Якубанuса*) „Но во вселенной нѣтъ пустоты; да и откуда взяться чему-либо (*подобному*)?“

15. *Плутархъ adv. Col. 12 p. 1113 D* (*послѣ B 11*) Слѣдующее же за этимъ могло бы дать поводъ обвинить Эмпедокла въ противоположномъ, такъ какъ онъ говоритъ:

(*Пер. Э. Радлова*) „Умный человѣкъ никогда не будетъ подобнаго мыслить,

Что покуда смертные живутъ, то-есть, что они называютъ жизнью,
До тѣхъ поръ они и существуютъ, испытывая счастье и страданіе;
Но что раньше ихъ рожденія, или послѣ уничтоженія они не существуютъ“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Не можетъ мудрый человѣкъ предполагать въ своемъ умѣ ничего подобнаго, будто, пока смертные живутъ,—что они, дѣйствительно, и называютъ жизнью,- до тѣхъ только поръ они и существуютъ и находятся въ обладаніи зла и добра, но что до созданія и послѣ разрушенія (*организма*) они представляютъ изъ себя полное ничто“.

Въ самомъ дѣлѣ, эти (*слова*) умѣстны въ устахъ не отрицающаго существованіе родившихся и живущихъ, но скорѣе (*въ устахъ*) полагающаго, что существуютъ и еще неродившіеся и уже умершіе.

16. *Ипполитъ Ref. VII 29. 247, 14* Рожденія всего возникшаго виновникомъ и творцомъ является гибельная Вражда, (*виновникомъ*) же конца міра возникшихъ (*вещей*), ихъ измѣненія и возвращенія въ единство—Любовь. О нихъ Эмпедоклъ говоритъ, что обѣ онѣ безсмертны, не возникли и всегда были чужды начала рожденія, но говоритъ онъ (*о нихъ*) какъ-то слѣдующимъ образомъ (*цит. ниже приводимые стихи*). О комъ (*онъ здѣсь говоритъ*) „ихъ“? О Враждѣ и Любви.

(*Пер. Э. Радлова*) „Потому что онѣ были прежде, будутъ послѣ, и я не думаю,

---

[1]) „Существующее, т. е. стихіи“ *Г. Я.*

Чтобы когда-либо въ безпредѣльное время отсутствовала одна изъ двухъ".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Потому что, какъ раньше онѣ были, такъ и будутъ (*послѣ*), да и никогда, думаю я, неизрекаемо-великое время не лишится ихъ обѣихъ".

17. *Симплицій phys. 157, 25* Эмпедоклъ же... въ первой книгѣ „Физики" даетъ слѣдующее ученіе (*цит. ст. 1—8. 10—35*). *Симплицій phys. 161, 14* Непосредственно вначалѣ поставлено (*цит. ст. 1. 2*). *Стихъ 9 изъ В 26, 8. Плутархъ Amat. 13 p. 756 D* Но когда ты, другъ, услышишь слова Эмпедокла (*цит. ст. 20—21*), то должно (*тебѣ*) думать, что это говорится объ Эросѣ. Дѣло въ томъ, что у весьма древнихъ богъ для насъ невидимъ, но постижимъ. *Климентъ Strom. V 15* Эмпедоклъ же къ началамъ причисляетъ и Дружбу, понимая (*подъ ней*) нѣкую соединяющую любовь (*цит. ст. 21*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Двоякое скажу, ибо то единое возрастало изъ многаго,
Чтобы быть однимъ, то вновь рождалось многое изъ одного [1]).
Итакъ, происхожденіе смертныхъ двояко, двояка и гибель;
Ибо соединеніе всѣхъ вещей рождаетъ и губитъ,
(5) А оно вновь распадается, когда разрывается связь (всѣхъ частей).
И эта постоянная смѣна никогда не прекращается:
То любовью соединяется все во едино,
То, напротивъ, враждою ненависти все несется въ разныя стороны.
Итакъ, поскольку одно привыкло возникать изъ многихъ,
(10) А многое въ свою очередь происходитъ чрезъ распаденіе одного,
Постольку они возникаютъ, и вѣкъ имъ нестойкій;
Но поскольку постоянная смѣна никогда не прекращается,
Постольку они существуютъ всегда въ неизмѣнномъ кругѣ.
Внимай же моимъ словамъ, ибо наука увеличиваетъ разумъ.
(15) Какъ я раньше сказалъ, указавъ границы своей рѣчи,
Она будетъ двояка: то единое возрастало изъ многаго,
Чтобы быть однимъ; то, наоборотъ, оно распадалось, чтобы было многое изъ одного—
Огонь, и вода, и земля, и безграничная высь эѳира;
Внѣ ихъ губительная ненависть, равная по силѣ каждому изъ нихъ,
(20) А съ ними любовь, одинаковая въ длину и въ ширину,
Созерцай ее разумомъ, а не глазами, сидя въ удивленіи;
Она-то считается врожденною смертнымъ членамъ;
Благодаря ей, они расположены (другъ къ другу), стремятся къ единенію,

---

[1]) Стихи 1—2=16—17. Вообще Эмпедоклъ неоднократно прибѣгаетъ къ повтореніямъ стиховъ.

Называя ее веселіемъ, придавая ей имя Афродиты;
Но ни одинъ смертный еще не зналъ, что она распространена во вселенной,
Ты же выслушай нелживое теченіе моей рѣчи.
Всѣ они (элементы) равны и одинаково древни,
Но каждый занятъ своимъ назначеніемъ, согласно характеру каждаго;
Поперемѣнно они господствуютъ въ теченіе круга [1]),
Исчезаютъ одинъ въ другомъ и выростаютъ, слѣдуя року.
Къ нимъ ничто не прирождается, и (ничто въ нихъ) не уничтожается.
Еслибъ они совсѣмъ погибли, и ихъ не было бы болѣе,
Какъ бы возникла вселенная? Откуда бы она явилась? [2])
И гдѣ имъ потеряться, когда нѣтъ пространства, не наполненнаго ими?
Итакъ, они остаются самими собою, но проникая одинъ другого [3]),
Они непрерывно становятся иными, оставаясь тожественными".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Двоякое повѣдаю. Ибо то изъ многаго срастается единство, то, наоборотъ, изъ единаго прорастаетъ [4]) многое. Двояко также возникновеніе тлѣнныхъ созданій, двояко и прехожденіе: это послѣднее (*т. е. прехожденіе*) всеобщимъ соединеніемъ и порождается [5]) и уничтожается [6]), а первое (*т. е. возникновеніе*), будучи вызвано къ жизни благодаря (*всеобщему*) прорастанію (*изъ нѣдръ безразличнаго Сфероса*), снова исчезаетъ (*подъ постепенно возрастающимъ воздѣйствіемъ разлагающей Вражды*). И этотъ безпрерывный переходъ (*стихій изъ одного состоянія въ другое*) никогда не прекращается: то силою Любви сходятся всѣ онѣ воедино, то, наоборотъ, ненавистью Вражды несутся врозь другъ отъ друга. Такимъ образомъ, поскольку единое неизмѣнно рождается изъ многаго, а изъ прорастанія единаго снова выдѣляется многое, постольку онѣ (*т. е. стихіи*) возникаютъ, и вѣкъ у нихъ не стойкій [7]). Но, поскольку безпрерывный переходъ изъ одного состоянія въ другое никогда не прекращается, постольку онѣ существуютъ всегда въ неизмѣнномъ кругѣ [8]).—Внимай же моимъ глаголамъ: вѣдь ученіе суди самъ, возращаетъ разумъ. Итакъ, какъ я раньше сказалъ, указывая

---

[1]) Этотъ стихъ=В 26, 1. Поэтому Бернетъ здѣсь его вычеркиваетъ (неосновательно).

[2]) См. 20 А 5. 975 b 10.

[3]) Стихъ 13=В 21, 13 и 26, 3.

[4]) „Διέφυ—здѣсь именно взятъ образъ прорастанія: подъ воздѣйствіемъ Вражды какъ изъ земли прорастаютъ растенія и животныя, такъ и изъ единства Сфероса прорастаетъ, дифференцируется, выдѣляется множество. Процессъ и тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же" *Г. Я.*

[5]) „Поскольку соединеніе есть путь къ безразличію въ лонѣ Сфероса" *Г. Я.*

[6]) „Поскольку соединеніе въ началѣ процесса есть путь къ образованію индивидуумовъ изъ хаотическаго разложенія стихій Враждою". *Г. Я.*

[7]) „Т. е. существованіе ихъ не безпрерывно, не вѣчно" *Г. Я.*

[8]) Г. Я. читаетъ ἀκίνητον (поправка Bergk'а) вмѣсто ἀκίνητοι Дильса.

предѣлы [1]) своего повѣствованія, двоякое повѣдаю. Ибо то изъ многаго срастается единство, то, наоборотъ, изъ единаго прорастаетъ многое: огонь, и вода, и земля, и неизмѣримая высь воздуха, внѣ ихъ губительная Вражда, уравновѣшивающая каждую изъ нихъ [2]), а среди нихъ Любовь, равная въ длину и ширину [3]). Ее ты созерцай умомъ, а не сиди въ ослѣплѣніи. Она-то считается врожденною смертнымъ членамъ, благодаря ей у нихъ (т. е. *у людей*) являются дружелюбные помыслы, и совершаютъ они дружныя дѣла, прозывая ее Геѳозиной (*радостью*), а также Афродитой (*наслажденіемъ*). Ни одинъ смертный человѣкъ не позналъ, что она распространяется среди стихій; ты же внемли нелживому теченію моей рѣчи Всѣ онѣ (*т. е. стихіи*) равны и одновременны по происхожденію [4]), но одна выполняетъ одно назначеніе, другая—другое, и каждая обладаетъ особымъ свойствомъ, и поочередно господствуютъ онѣ въ круговращеніи времени [5]). Вѣдь къ нимъ ничто не прирождается и ничто (*изъ нихъ*) не прекращаетъ существованія [6]), такъ какъ, если бы онѣ безпрерывно уничтожались, то ихъ бы уже болѣе не было, да кромѣ того какая и откуда взявшаяся сила возрастила бы (*оскудѣвшую)* вселенную? Итакъ, онѣ остаются тѣми же самыми, но, проницая другъ друга, въ одномъ мѣстѣ становятся одной вещью, въ другомъ—другой, оставаясь вѣчно подобными (*сами себѣ, т. е. тождественными*).

18. *Плутархъ de Is. et Os. 48 p. 370 D* Эмпедоклъ же называетъ благодѣтельное начало часто „Дружбой“ и „Любовью“, а еще „достопочтенною Гармоніей“ (*B 122, 2*).

„Любовь“ (*Φιλίη*) [7]).

19. *Плутархъ de prim. frig. 16 p. 952 B* И вообще огонь обладаетъ способностью раздѣлять и разъединять, вода же свойствомъ соединять и удерживать, такъ какъ она вслѣдствіе своей влажности связываетъ и сплачиваетъ. Объ этомъ догадывался Эмпедоклъ, такъ какъ онъ постоянно

---

[1]) „Т. е. планъ“ *Г. Я.*

[2]) „Повсюду уравновѣшивающая ихъ“ Дильсъ, полагающій, что это лучше согласуется со ст. 20. Смыслъ разъясняетъ Г. Якубанисъ: „Вражда, раздѣливъ стихіи на четыре группы, удерживаетъ ихъ въ равновѣсіи, не давая имъ возможности смѣшаться между собою, къ чему собственно и стремится противоположная ей сила Любви, которая, пользуясь различіемъ въ вѣсѣ стихій, выводитъ ихъ изъ состоянія равновѣсія и обращаетъ въ безразличный Сферосъ“.

[3]) „Т. е. имѣющая длину равную ширинѣ, равная по всѣмъ направленіямъ или, иными словами, представляющая изъ себя шаръ“.. *Г. Я.*

[4]) „Т. е. одинаково вѣчны“ *Г. Я.* Дильсъ усматриваетъ здѣсь полемику противъ древнихъ іонійцевъ.

[5]) „... Мысль философа: говоря о господствѣ одной стихіи надъ другой, онъ просто имѣетъ въ виду ихъ поочередное преобладаніе въ отдѣльныхъ частяхъ мірозданія, а не во вселенной въ ея цѣломъ“ *Г. Я.*

[6]) Г. Я. переводитъ стихъ по коньектурѣ Stein'а.

[7]) См B 17, 20.

называетъ огонь „губительной Враждой“ (*В 17*, *19*), влагу же „липкой Любовью“ (*срв. В 34*).

„Могущественная Любовь“ *Э. Р.*; „Единящую Любовь“ *Г. Я.*; „Липкая Любовь“ *А. М.*

20. *Симплицій phys. 1124*, *9* А именно, и здѣсь Эмпедоклъ говоритъ, что Вражда и Любовь безъ очереди господствуютъ надъ людьми, рыбами, звѣрями и птицами, (*а именно*) онъ пишетъ слѣдующее:

(*Пер. Э. Радлова*) „(Разсмотри) эту чудную совокупность членовъ человѣка;
То дружбою соединены въ одно цѣлое [1])
Всѣ члены, составляя тѣло, и тогда цвѣтутъ высшею жизнью;
То напротивъ, мрачнымъ разногласіемъ раздѣленные,
Они блуждаютъ, каждый въ свою сторону, по границамъ жизни.
Подобное и для деревьевъ, и для рыбъ, живущихъ въ водѣ,
И для горныхъ животныхъ, и для крылатыхъ птицъ“.

(*Перев. Г. Якубаниса*) „Это [2]) замѣчательно обнаруживается въ совокупности смертныхъ членовъ [3]): всѣ составляющіе тѣло члены то Любовью соединяются въ одно цѣлое въ полномъ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ; то, наоборотъ, разъятые злымъ Раздоромъ, блуждаютъ порознь у поражаемыхъ прибоемъ береговъ житейскаго моря.—Одинаково (*происходитъ это*) у растеній, и у имѣющихъ водяные чертоги рыбъ, и у живущихъ въ горныхъ логовищахъ звѣрей, а также у пернатыхъ ладей (*птицъ*)“.

21. *Симплицій phys 159*, *13* (*послѣ В 17*) Сказавъ же еще больше другого, онъ затѣмъ указываетъ отличительную особенность каждаго изъ упомянутыхъ (*элементовъ*), (а именно) называетъ огонь „солнцемъ“ (*ст. 3*), воздухъ „сіяніемъ“ (*ст. 4*) и „небомъ“ (*22*, *2*), воду же „дождемъ“ (*5*) и „моремъ“ (*22, 2*). Говоритъ же онъ слѣдующимъ образомъ:

(Пер. Э. Радлова) „Итакъ, разсмотри свидѣтельство моихъ первыхъ рѣчей,
Не было ли въ предшествующихъ рѣчахъ чего-либо слабаго по формѣ
Касательно блестящаго на видъ солнца, во всѣхъ частяхъ раскаленнаго,
Безсмертнаго повсюду эѳира, омываемаго бѣлымъ блескомъ
(5) Дождя, мрачнаго и холоднаго среди другихъ,
И всего твердаго и тяжеловѣснаго, происходящаго изъ земли.
Въ ненависти они всѣ обезображены и разобщены,
Любовью же они соединяются взаимнымъ желаніемъ.
Ими образуется все, что было, есть или когда-либо будетъ,

---

[1]) Этотъ стихъ=В 17, 7
[2]) „Борьба Любви и Вражды“ *Г. Я.*
[3]) По тексту Fairbanks'а.

(10) Ими ростутъ деревья, мужчины и женщины,
Звѣри и птицы, и рыбы, которыхъ кормитъ вода [1]),
И долголѣтніе боги, носители почестей.
Всѣ они тожественны; создавая другъ друга,
Они являются въ различныхъ образахъ, ибо рожденіе измѣняетъ
ихъ".

(Перев. Г. Якубаниса) Итакъ, разсмотри свидѣтельства моихъ прежнихъ рѣчей, не произошло ли въ предшествующемъ *(повѣствованіи)* какого-либо уклоненія отъ основной мысли *(поэмы)*: вотъ—жаркое и блестящее во всѣхъ частяхъ солнце, и все открывающееся взору божественное [2]) *(пространство атмосферы)*, заливаемое яркимъ сіяніемъ, и темная и холодная во всѣхъ частяхъ дождевая влага; а изъ земли истекаютъ твердыя основанія вещей. Подъ воздѣйствіемъ Ненависти всѣ онѣ бываютъ надѣлены особымъ видомъ и разобщены другъ отъ друга, подъ владычествомъ же Любви соединяются взаимнымъ влеченіемъ. Ибо изъ нихъ *(стихій)* образуется все, что было, что есть и что будетъ, изъ нихъ произрастаютъ деревья, и мужи, и жены, звѣри и птицы, и населяющія воду рыбы, а также и долговѣчные, высочайшими почестями величаемые, боги: онѣ *(стихіи)* остаются тѣми же самыми, но, проницая другъ друга, являются въ различныхъ видахъ: настолько измѣняетъ ихъ смѣшеніе *(другъ съ другомъ)*".

22. *Симплицій phys. 160, 26* И на основаніи слѣдующихъ *(стиховъ)* кто-нибудь, пожалуй, можетъ думать, что онъ намекаетъ на двоякое устройство *(вещей)* *(цит. ст. 1—9)*. А именно, онъ показалъ, что и въ смертныхъ *(вещахъ)* *(3)* они *(элементы)* прилажены *(другъ къ другу)*, въ умопостигаемыхъ же *(вещахъ)* они еще болѣе соединены и.... *(цит. ст. 5)*. Также *(онъ показалъ)*, что даже если бы повсюду *(дѣло такъ обстояло)*, однако, умопостигаемый *(міръ)* уподобился Любви, чувственный же *(міръ)*, побѣжденный Враждою и еще болѣе раздѣленный въ *(своемъ)* зависящемъ отъ смѣшенія рожденіи, въ отпечатанныхъ *(7)* и образныхъ видахъ, происходящихъ отъ вражды *(срв. 9)* и непривычныхъ *(8)* къ взаимному соединенію, занялъ *(по отношенію къ Любви)* противодѣйствующую позицію. *Ѳеофрастъ de sens. 16 (А 86, см. стр. 169) цит. ст. 6—7.*

---

[1]) Стихи 10—12=В 23, 6—8.

[2]) Г. Якубанисъ оспариваетъ общепринятое мнѣніе, по которому подъ „божественнымъ" здѣсь разумѣются небесныя свѣтила, и полагаетъ, что здѣсь имѣется въ виду „безсмертная, божественная стихія,—воздухъ, какъ открывающееся взору необъятное небесное пространство". Однако, мы не считаемъ вопросъ рѣшеннымъ. Какъ видно изъ контекста Симплиція, Эмпедоклъ приводитъ здѣсь въ качествѣ *представителей* элементовъ *отдѣльныя вещи изъ нихъ*. Солнце же и луна, по ученію Эмпедокла, суть сгустившійся, остеклѣвшій воздухъ, который свѣтилъ отраженнымъ свѣтомъ, и потому къ нимъ весьма подходитъ наименованіе „божественныя *(вещи)*), заливаемыя яркимъ сіяніемъ".

(*Пер. Э. Радлова*) „Потому что все возникло въ связи со всѣми частями—

Огонь, и земля, и небо, и море,

Все, что теперь бродитъ межъ смертными вещами.

И подобно тому, какъ все, что допускаетъ большее смѣшеніе,

(5) Склонно къ взаимной любви, соединенное съ Афродитой,—

Враждебное удаляется другъ отъ друга, какъ можно дальше, не могущее быть смѣшаннымъ

Ни по своему происхожденію, ни по своему темпераменту, ни по выраженнымъ формамъ [1]),

Непривычное всякому соединенію, вполнѣ мрачное;
И самимъ ненавистью рожденнымъ тяжко это существо".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Потому что всѣ онѣ (*стихіи*),—и лучезарное солнце [2]), и земля и небо [3]), и море [4]),—дружны [5]) всѣми своими частями, какія только, отпрянувъ отъ нихъ, ни существуютъ въ тлѣнныхъ вещахъ [6]). Точно такъ же и всѣ тѣ (*разнородныя стихіи, а не только части одной и той же стихіи*), которыя болѣе способны къ смѣшенію (*между собою*), будучи уподоблены (*другъ другу*) Афродитой, одержимы взаимнымъ любовнымъ влеченіемъ. Наиболѣе же враждебныя наиболѣе и различаются между собою естественными свойствами, способами соединенія, а также и выраженными въ нихъ видами, будучи совершенно непривычны къ совокупленію и крайне безпомощны противъ внушеній Вражды, такъ какъ она (*-то и*) надѣлила ихъ такими свойствами [7]).

23. *Симплицій phys. 159, 27* И онъ предложилъ ясное доказательство того, что изъ нихъ (*В 21, 13*) возникаютъ различныя (*вещи*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Подобно тому какъ художники, раскрашивая священныя картины,

---

[1]) Г. Церетели перев. стихи 6—7: (Враждебныя начала) „наиболѣе удалены другъ отъ друга и родомъ, и смѣсью, и присущей имъ формой".

[2]) „Т. е. стихія—огонь" *Г. Я.*

[3]) „Не небесная твердь, но внутренность небеснаго купола, атмосфера, т. е. стихія —воздухъ", поясняетъ Г. Якубанисъ. Однако, и небесная твердь, по Эмпедоклу, есть тотъ же воздухъ (сгустившійся).

[4]) „Т. е. стихія—вода" *Г. Я.*

[5]) „Т. е. склонны къ любовному единенію" *Г. Я.*

[6]) „Т. е. какія только ни вошли въ составъ видимаго міра... Смыслъ: части одной и той же стихіи, въ какомъ бы состояніи онѣ ни находились,—слитыя ли въ однородную массу, или разсѣянныя въ безконечномъ разнообразіи чувственныхъ вещей,—всегда стремятся къ любовному единенію между собою" *Г. Я.*

[7]) Точнѣе „такъ какъ она дала имъ рожденіе". Какъ можно судить по употребленію термина „рожденія" и по контексту, въ какомъ цитуются стихи у Симплиція, во второй части отрывка имѣются въ виду не элементы (какъ полагаетъ Г. Якубанисъ) но тлѣнныя частныя вещи.

Люди многоопытные въ своемъ мудреномъ искусствѣ,
Берутъ въ руки краски различныхъ цвѣтовъ
И, смѣшивая ихъ соотвѣтственно—больше однѣхъ, меньше другихъ,—
Создаютъ изъ нихъ похожія на всѣ предметы изображенія,
Населяя ихъ деревьями, и мужчинами, и женщинами,
Звѣрьми, птицами, рыбами, которыхъ питаетъ вода,
И долголѣтними богами, носителями почестей [1].
Итакъ, не обманывай свой разумъ тѣмъ, что въ иномъ мѣстѣ
Существуетъ иной источникъ для смертныхъ предметовъ,
Сколько бы безчисленныхъ родовъ ихъ ни существовало;
Почитай все это вѣрнымъ, какъ будто ты слышалъ рѣчь божества.

(*Перев. Г. Якубаниса*) „Подобно тому какъ живописцы, раскрашивая священныя приношенія богамъ,—люди, глубокимъ умомъ основательно изучившіе искусство,—берутъ разноцвѣтныя краски и, смѣшавъ ихъ соотвѣтствующимъ образомъ—однѣхъ болѣе, другихъ менѣе, создаютъ изъ нихъ схожія со всѣми предметами изображенія, воспроизводя деревья, и мужей, и женъ, и звѣрей, и птицъ, и живущихъ въ водѣ рыбъ, а также и долговѣчныхъ, величаемыхъ высочайшими почестями, боговъ:— такъ да не одолѣетъ твоего ума заблужденіе, *(которое могло бы заставить тебя предполагать)*, будто есть гдѣ-либо какой-либо другой источникъ всего тлѣннаго, что только ни открывается взору въ несказанно-огромномъ количествѣ [2]), но убѣдись, что это онѣ (*стихіи*) [3]), внявъ божественному глаголу“.

Объяснительное примѣчаніе Г. Якубаниса къ послѣднему стиху „Кого нужно разумѣть подъ словомъ *θεοῦ*,—на этотъ счетъ среди ученыхъ царитъ полнѣйшее разногласіе. Bergk... видитъ въ этомъ *θεός* единаго, верховнаго бога (?), какъ конечный источникъ всего существующаго, а потому толкуетъ данный стихъ такъ, какъ будто понятіе *παρὰ θεοῦ* противополагается въ двухъ предыдущихъ стихахъ выраженію *ἄλλοθεν εἶναι θνητῶν... πηγήν*. Вслѣдствіе этого онъ выдѣляетъ въ своемъ текстѣ слова *θεοῦ πάρα* запятыми.—Другіе (Bidez...), относя ихъ къ самому поэту, видятъ въ этомъ стихѣ примѣръ безусловнаго аутоапоѳеоза, къ какому, по преданію, былъ такъ склоненъ Эмпедоклъ.—Третьи (Rohde, Psyche II, 182[2]) также находятъ здѣсь примѣръ самообожествленія, но относительнаго: поэтъ самъ не богъ, но вѣщаетъ истину, какъ богъ.—Наконецъ, четвертая группа ученыхъ (Karsten, Panzerbieter..., Mullach, Burnet, а также и Diels) читаетъ *θεοῦ* какъ *τῆς θεοῦ*, т. е. подразумѣваетъ подъ божествомъ Музу, ссылаясь на фрагм. 4, ст. 3; 5, ст. 2 и т. п. Я думаю, что ближе всего къ истинѣ послѣднее толкованіе, не нужно только проводить рѣзкой грани между

---

[1]) Стихи 6—8=B 21, 10—12.

[2]) „Т. е. всего вообще видимаго міра“ *Г. Я.*

[3]) „Т. е. убѣдись въ томъ, что единственный источникъ всего видимаго—въ стихіяхъ“ *Г. Я.*

самимъ поэтомъ и вдохновляющей его Музой: истина, въ которой хочетъ убѣдить своего друга Эмпедоклъ, не есть положительное откровеніе какой-либо реальной Музы, но и не есть также раціональное построеніе мыслителя; то, что ее изрекаетъ, есть, говоря современнымъ языкомъ, чистое наитіе, творческій экстазъ, въ которомъ творецъ-поэтъ и вдохновляющее его божество—взаимно неотдѣлимы, представляютъ какъ бы одно цѣлое.

24. *Плутархъ de defectu orac. 15 p. 418 C* Но, чтобы не показалось, что я, по выраженію Эмпедокла,

(*Пер. Э. Радлова*) „Связывая всегда различно различныя начала
Своихъ рѣчей и не (слѣдуя) въ своемъ разсужденіи одному пути“...

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Нагромождая одно заглавіе на другое, не доводить до конца одной стези повѣствованія“...

позвольте мнѣ надлежащимъ образомъ закончить раньше сказанное.

25. *Платонъ Gorg. 498 E* (*пер. Карпова*) „Выводи же теперь вмѣстѣ со мною, что слѣдуетъ изъ допущенныхъ нами положеній. Вѣдь даже дважды и трижды прекрасно говорить и разсуждать о прекрасномъ“. *Къ этому схоліи* (*изъ Лукилла*) Поговорка: „дважды и трижды прекрасное“, (*смыслъ которой тотъ*), что надлежитъ часто говорить о прекрасномъ. (*Эта*) поговорка происходитъ отъ стиха Эмпедокла [1]). А именно, онъ говоритъ:

(*Пер. Э. Радлова*) „Надо повторять дважды и трижды, что̀ того достойно“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Вѣдь, что нужно, и дважды хорошо повѣдать“...

26. *Симплицій phys. 33, 18* Немного же дальше (*послѣ ст. 21, 12*) онъ говоритъ:

(*Пер. Э. Радлова*) „Они господствуютъ поперемѣнно въ теченіе круга,
То исчезаютъ одинъ въ другомъ, то возрождаются въ роковомъ возвратѣ.
Они тожественны, проникая другъ друга [2]);
Они образуютъ людей и различныя племена животныхъ;
(5) То дружба соединяетъ ихъ въ одинъ порядокъ (космосъ),
То они разносятся въ разныя стороны губительною ненавистью,
Пока все соединенное вновь не окажется внизу (побѣжденнымъ).
Итакъ, поскольку одно привыкло рождаться изъ многихъ,
И вновь при распаденіи одного образуется многое,
(10) Постольку они возникаютъ и невѣчны;

---

[1]) Г. Дильсъ говоритъ по этому поводу: поговорка у Платона не взята у Эмпедокла, да и смыслъ ихъ различенъ.

[2]) Ст. 3=В 17, 29. Аристотель (phys. Θ 1. 250 b 11) ошибочно относитъ это къ Любви и Враждѣ, Симплицій (160, 14) правильно къ четыремъ элементамъ.

Но поскольку нѣтъ предѣла безпрерывному измѣненію,
Постольку они существуютъ всегда въ непрерывномъ кругѣ“... [1]).

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Поочередно господствуютъ онѣ (*стихіи*) въ круговращеніи (*вселенскаго*) цикла: то оскудѣваютъ [2]) онѣ одна за другой, то возрастаютъ [3]) въ роковомъ чередованіи. Ибо онѣ остаются тѣми же самыми, но, проницая другъ друга, становятся людьми [4]) и животными другихъ породъ, то силою Любви сходясь въ одно стройное цѣлое, то, наоборотъ, ненавистью Вражды несясь врозь другъ отъ друга, пока. сросшись въ единое вселенское цѣлое, не потеряются въ немъ.—Такимъ образомъ, поскольку единое неизмѣнно рождается изъ многаго, а изъ прорастанія единаго снова выдѣляется многое, постольку онѣ (*стихіи*) возникаютъ, и вѣкъ у нихъ нестойкій. Но поскольку безпрерывный переходъ изъ одного состоянія въ другое никогда не прекращается, постольку онѣ существуютъ всегда въ неизмѣнномъ кругѣ“.

27. *Плутархъ de fac. lun. 12 p. 926 D* Смотри, чтобы... тебѣ не припутать къ (*этимъ*) вещамъ Вражду Эмпедокла, еще же болѣе чтобы не двинуть на Природу древнихъ Титановъ и Гигантовъ и извѣстный миѳическій ужасный безпорядокъ и недостатокъ гармоніи при отсутствіи любви, (положивъ) отдѣльно все тяжелое и отдѣльно легкое.... (*цит. ст. 1—2*), какъ говоритъ Эмпедоклъ, ни земля не была причастна теплотѣ, ни вода воздуху, и (*вообще*) ничто изъ (*лежащаго*) внизу легкому, но начала вселенной (*были*) несмѣшанными, чуждыми любви и едиными [5])... до тѣхъ поръ пока не пришло къ природѣ вожделѣніе изъ врожденной мудрости Дружбы, Афродиты и Эроса, какъ говорятъ Эмпедоклъ, Парменидъ и Гезіодъ. *Симплицій phys. 1183, 28* Эвдемъ же принимаетъ неподвижность въ царствѣ Любви—Сферосѣ, послѣ того какъ все соединено... (*цит. ст. 1*), но, какъ онъ говоритъ (*цит. ст. 3 —4*).

(*Пер. Э. Радлова*) (*0*) [6]) Отдѣльно все тяжелое, отдѣльно все легкое (помѣстила ненависть),

(*1*) И тамъ не видать ни сіяющаго лика солнца [7]).
(*2*) Ни земли волосатаго тѣла, ни моря.
(*0*) [8]) Все было враждебно, безъ любви и безъ связи.

---

[1]) Ст. 8—12=B 17, 9—13.

[2]) „Качественно, не количественно“ *Г. Я.*

[3]) „Опять таки качественно или, точнѣе, съ точки зрѣнія преобладающаго воздѣйствія на другія стихіи“ *Г. Я.*

[4]) „Т. е. входятъ въ составъ человѣческихъ организмовъ и проч.“ *Г. Я.*

[5]) „Едиными“ здѣсь въ смыслѣ „уединенными“, „изолированными“: въ конечномъ пунктѣ міpового процесса всѣ элементы были обособлены, лишены всякой связи и полны отвращенія другъ къ другу.

[6]) Этотъ стихъ Г. Дильсъ вычеркиваетъ.

[7]) „Не видать тамъ быстрыхъ стрѣлъ солнца“ *Э. Р.*

[8]) И этотъ стихъ Г. Дильсъ вычеркиваетъ.

(*3*) Такъ въ плотной связью гармоніи держалась

(*4*) Круглая сфера, наслаждаясь своимъ совершеннымъ одиночествомъ [1]).

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Не видны тамъ ни быстрые члены [2]) Геліоса, ни косматая грудь [3]) земли, ни море: такъ подъ плотнымъ покровомъ Гармоніи утверждается округленный, гордый совершенной замкнутостью Сферосъ".

27a. *Плутархъ c. princip. philos. esse diss. 2* А именно, совершенствующій нравственно человѣка посредствомъ философіи вселяетъ въ него согласіе съ самимъ собой, удаляетъ отъ него самоосужденіе и наполняетъ его миромъ и самоудовлетворенностью.

„Ни раздора, ни непристойной борьбы (*нѣтъ*) въ (*его*) членахъ" [4]).

28. *Стобей Ecl. I 15, 2 ab; срв. 18 B 25* (*Пер. Э. Радлова*) „Но, ровная повсюду, совершенно безпредѣльная, образовалась

Круглая сфера, наслаждаясь своимъ совершеннымъ одиночествомъ". (*Пер. Г. Якубаниса*) Но (*то*) былъ отовсюду равный и вполнѣ безпредѣльный [5]), шаровидный, гордый своей совершенной замкнутостью [6]) Сферосъ.

29. *Ипполитъ Ref. VII 29 p. 247, 34* [7]) И о первообразѣ міра, (*а именно, о томъ*) каковъ онъ въ своемъ строеніи, (*созданномъ*) Любовью, онъ говоритъ какъ-то слѣдующимъ образомъ (*цит. ст. 1—3*). Такой прекраснѣйшій видъ міра, обладающій единствомъ, создаетъ Любовь изъ многихъ (*элементовъ*). Вражда же... исторгаетъ его изъ (*этого*) единства и дѣлаетъ множественнымъ. *Симплицій phys. 1124, 1* Любовь же, образующую Шаръ, который онъ именуетъ богомъ (B 31), какъ-то онъ называетъ также въ среднемъ родѣ: „оно было круглымъ" [7]).

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Потому что не поднимаются у него [8]) изъ спины двѣ вѣтви [9]) и (*нѣтъ у него*) ни ступней, ни проворныхъ колѣнъ, ни дѣтородныхъ частей, но онъ представляетъ изъ себя шаръ и былъ отовсюду равенъ себѣ самому.

30. *Аристотель Metaph. B 4. 1000 b 12* (*пер. Розанова-Первова*) Въ то же время Эмпедоклъ ничего не говоритъ о причинѣ самой перемѣны, кромѣ того, что это такъ уже по природѣ устроено:

„Но когда раздоръ напитался и выросъ великимъ въ членахъ,

---

[1]) Ст. 4=B 28, 2.

[2]) „Т. е. лучи" *Г. Я.*

[3]) Г. Якубанисъ остроумно возражаетъ противъ перевода Дильса и Фербэнкса („сила", „мощь").

[4]) Этотъ стихъ Эмпедокла открылъ Wilamowitz.

[5]) „Вполнѣ округленный" Дильсъ.

[6]) Стихи 1—2=B 134, 2—3.

[7]) „Была сфера" *Э. Р.* Есть ли это цитата B 29, 3, трудно сказать съ достовѣрностью.

[8]) „Космоса, вселенной" *Г. Я.*

[9]) „Т. е. двѣ руки" *Г. Я.*

Онъ быстро поднялся въ честь съ теченіемъ времени,

Которое прошло у нихъ, чередуясь, въ силу торжественной клятвы".

Симплицій phys. 1184, 12 О господствѣ Вражды говоритъ Эмпедоклъ также слѣдующее (*цит. ст. 1—3*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Но когда великая ненависть возросла во всѣхъ членахъ,

Когда она вознеслась въ почестяхъ съ теченіемъ времени,

Попеременно назначеннаго ей великой [1]) клятвою".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Но когда Вражда возрасла до большихъ размѣровъ въ (*божественныхъ*) членахъ (*шаровиднаго космоса*) и вознеслась къ почестямъ [2]) по истеченіи времени, какое поперемѣнно протекаетъ для нихъ [3]) по опредѣленію всеобъемлющей клятвы"...

31. *Симплицій phys. 1184, 2 (послѣ B 27, 4)* Когда же снова начала побѣждать Вражда, тогда опять возникаетъ движеніе въ Шарѣ.

(*Пер. Э. Радлова*) „Тогда вздрогнули [4]) послѣдовательно всѣ члены божества".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Ибо одинъ за другимъ вздрагивали члены божества"...

32. (*Аристотель*) *de lin. insecab. p. 972 b 29* Притомъ сочлененіе нѣкоторымъ образомъ состоитъ изъ частей. Поэтому и Эмпедоклъ сочинилъ † „Поэтому справедливо слѣдуетъ".

(*Пер. M. Rota*) „Сочлененіе всегда состоитъ изъ двухъ членовъ".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Сочлененіе связываетъ два (*члена*)"...

33. *Плутархъ de amic. multit. 5 p. 95 A* А именно, она (Любовь) собираетъ, соединяетъ и тѣсно связываетъ (*постояннымъ*) дружескимъ общеніемъ,

„Подобно тому, какъ сокъ сковываетъ и удерживаетъ. . (*пер. Э. Радлова*).

„Подобно тому какъ смоковничный сокъ свертываетъ и заставляетъ ссѣдаться бѣлое молоко"... (*пер. Г. Якубаниса*),

по выраженію Эмпедокла (дѣло въ томъ, что любовь стремится создать такое единство и сплоченность), множество же друзей раздѣляетъ.

34. *Аристотель Meteor. Δ 4. 381 b 31* А именно, влажное для сухого является причиной опредѣленія (его) и одно изъ нихъ другому служитъ какъ бы клеемъ, какъ сказалъ и Эмпедоклъ въ своей „Физикѣ".

(*Пер. Э. Радлова*) „Слѣпляя муку водою"...

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Склеивъ ячменную муку съ водою"...

---

[1]) Собственно: „широко распростертой" *А. М.*

[2]) „Т. е. получила возможность дѣйствовать, начала проявлять свою силу" *Г. Я.*

[3]) „Имѣются въ виду, конечно, Любовь и Вражда" *Г. Я.*

[4]) По другому рукописному чтенію „πολεμίζετο"=„стали враждовать".

35. *Симплицiй de caelo 528, 30* Даже если бы никогда не господствовала въ немъ (мiрѣ) Вражда, подобно тому какъ въ шарѣ Любовь, но, говорятъ, то и другое возникаетъ отъ (нихъ) обоихъ. И, пожалуй, вполнѣ возможно привести нѣкоторые изъ стиховъ Эмпедокла, открывающiе это (*цит. ст. 1—15*). *Онъ же phys. 32. 11* И раньше этихъ стиховъ (*B 98*) въ другихъ (*стихахъ*) онъ излагаетъ дѣятельность ихъ обѣихъ въ томъ же самомъ, говоря (*цит ст. 3 –17*). *Онъ же de caelo 587, 8* И какимъ образомъ, скажетъ, пожалуй, кто-нибудь, Аристотель говоритъ, что это бываетъ при (*господствѣ*) Дружбы, благодаря которой все становится единымъ, (какъ) говоритъ Эмпедоклъ (*цит. ст. 5*)? Итакъ, Эмпедоклъ никогда не говоритъ, что это было при господствѣ Любви, какъ думалъ Александръ, но (*это было*) тогда, когда Вражда еще не . (*цит. ст. 10—13*). *Аристотель Poet. 25 p. 1461 a 23 (пер. В. Аппельрота)* Другiя трудности (должно разрѣшать) посредствомъ постановки ударенiя... Иныя же посредствомъ разстановки знаковъ препинанiя, какъ слова Эмпедокла (*цит. ст. 14—15*):

„Смертнымъ вдругъ оказалось, что прежде было безсмертнымъ;
Чистое прежде, смѣшалось“.

Атеней X 423 F Θеофрастъ же въ сочиненiи „О пьянствѣ“ утверждаетъ, что смѣсь (*разныхъ напитковъ*) отличается большей крѣпостью, и приводитъ (при этомъ) слѣдующiе стихи Эмпедокла (*цит. ст. 14—15*). *Изъ того же самаго посредствующаго источника Плутархъ Quaest. conv. V 4, 1. 677 D* Поэтъ же Сосиклъ, упомянувъ изреченiе Эмпедокла, что во всеобщемъ измѣненiи дѣлается „цѣльнымъ то, что раньше было несмѣшаннымъ“; сказалъ, что цѣльнымъ у (*нашего*) мужа называется скорѣе хорошо смѣшанное, нежели не смѣшанное.

(*Пер. Э. Радлова*) „Но я вновь пойду по пути гимновъ,
По которому я раньше шелъ, прибавляя слѣдующую рѣчь къ
Сказанной. Когда ненависть спустилась на самый низъ бездны
Вихря, а въ центрѣ сферы стала любовь,
(5) Тогда все соединилось, чтобы быть однимъ цѣлымъ;
Не сразу, но сами собою въ различныхъ мѣстахъ образовались различныя соединенiя.
Изъ этихъ союзовъ родились безчисленные роды смертныхъ существъ[1]);
Но, въ противоположность соединенному, многое осталось разъединеннымъ;
А именно столько, сколько еще удержала вверху ненависть, ибо она не была отовсюду
Вполнѣ изгнана на крайнiй предѣлъ сферы,
Но часть ея членовъ еще оставалась, другая была уже изгнана;
На сколько она непрестанно удалялась, на столько постоянно слѣдовало
Безсмертное стремленiе доброжелательной и совершенной любви;

1) Ст. 7=ст. 16. Можетъ быть, на его мѣсто слѣдуетъ поставить B 36.

Тотчасъ возникли смертныя вещи, бывшія раньше безсмертными,

И смѣшанныя, которыя сначала были разрозненными, помѣнявшись путями.

Изъ этихъ союзовъ родились безчисленные роды смертныхъ существъ,

Снабженныхъ разнообразными формами, чудными на видъ".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Но я, вернувшись назадъ, пойду по тому пути пѣснопѣній, который раньше избралъ, извлекая одно разсужденіе изъ другого. Когда Вражда спустилась въ самую глубь пучины, а въ срединѣ вихря оказалась Любовь, тогда тамъ [1]) всѣ стихіи сходятся воедино, не вдругъ, но собираясь произвольно одна отсюда, другая оттуда. При этомъ изъ ихъ смѣшенія проистекаютъ безчисленные виды тлѣнныхъ созданій. Но, чередуясь со смѣшаннымъ [2]), многое пребываетъ несмѣшаннымъ, (*именно*) все то, что удерживаетъ еще остающаяся поверхъ [3]) Вражда. Ибо она еще [4]) не вполнѣ вся отступила къ крайнимъ предѣламъ круга, но частью оставалась, частью же вышла изъ (*успѣвшихъ уже сформироваться подъ воздѣйствіемъ Любви*) членовъ (*вселенной*). И насколько постоянно устремлялась она ко-внѣ, настолько постоянно наступало кроткое, божественное стремленіе безупречной Любви. И скоро стало рождаться въ тлѣнномъ видѣ то, чему раньше была присуща нетлѣнность, и въ смѣшанномъ видѣ то, что раньше было чуждо всякаго смѣшенія [5]), помѣнявшись путями [6]). А изъ ихъ смѣшенія проистекаютъ безчисленные виды тлѣнныхъ созданій, надѣленныхъ разнообразными формами: диво посмотрѣть!"

36. *Стобей ecl. I 10, 11 послѣ B 6 (цит. ниже приводимый стихъ). Аристотель Metaph. B 4. 1000 b 1 (пер. Розанова-Первова)* Если бы раздора не было, то „все было бы единымъ", какъ онъ говоритъ; а когда все сошлось, „тогда раздоръ стоялъ на самомъ концѣ" (*Возможно, что этотъ стихъ должно включить въ B 35 на мѣсто стиха 7, который равняется ст. 16 тамъ же).*

(*Пер. Э. Радлова*) „Когда они идутъ вмѣстѣ, ненависть отходитъ на самый край".

---

[1]) „Т. е. въ срединѣ, въ центрѣ вихря или, что́ то же, въ Любви" *Г. Я.*

[2]) „Смыслъ: оставшіяся несмѣшанными стихіи входятъ впослѣдствіи въ составъ смѣси, уступая свое мѣсто независимаго существованія другимъ стихіямъ, уже побывавшимъ въ составѣ конкретныхъ образованій, и наоборотъ—до безконечности" *Г. Я.*

[3]) „Т. е. на периферіи, въ противоположность центру, который заняла Любовь" *Г. Я.*

[4]) Г. Якубанисъ оставляетъ рукописное „*πα*́", не принимая поправки Дильса „*τᾶν*".

[5]) Г. Якубанисъ расходится здѣсь съ Дильсомъ (отдѣляющимъ запятой *πρίν* и *ἄκρητα*), и принимаетъ чтеніе Плутарха и Өеофраста у Атенея, которому слѣдуютъ также Муллахъ, Фербэнксъ, Бернетъ и Вилямовицъ.

[6]) „Т. е. въ противоположность прежнему состоянію" *Г. Я.*

(*Пер. Г. Якубаниса*) „И когда онѣ (*стихіи*) стали сходиться, Вражда стала отступать къ крайнимъ предѣламъ (*постепенно формирующейся сферы*)“.

37. *Аристотель de gen. et corr. B 6. 333 a 35* Однако, по Эмпедоклу не можетъ быть иного увеличенія, кромѣ какъ по способу прибавленія. А именно, огонь возрастаетъ отъ огня,

(Пер Э. Радлова) „... огонь увеличиваетъ огонь,

Земля увеличиваетъ свое тѣло, а эѳиръ—эѳиръ“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Земля возращаетъ свое тѣло, эѳиръ—эѳиръ“.

38. *Климентъ Strom. V 48* (*Пер. Э. Радлова*) „Итакъ, я тебѣ теперь скажу сперва о происхожденіи солнца,

И изъ чего образовалось все, что̀ мы теперь видимъ:

Земля, волнующееся море, влажный воздухъ,

Титанъ (солнце) и эѳиръ, облекающій все кругомъ.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Итакъ, скажемъ о (*тѣхъ*) первыхъ и одновременныхъ по происхожденію (*основахъ сущаго*), изъ которыхъ, очевидно, возникло все то, что мы теперь видимъ: земля, и волнующееся море, и влажный воздухъ, и облекающій все кругомъ Титанъ—эѳиръ [1]).

39. *Аристотель de caelo B 13. 294 a 21 (см. 11 A 47)*

(*Пер. Э. Радлова)* Если бы глубина земли была бы безпредѣльна и обширный эѳиръ,

Слѣдуя пустымъ словамъ, текущимъ

Изъ устъ столькихъ людей, видѣвшихъ только небольшую часть вселенной“...

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Если безпредѣльна глубина земли и безконечно-изобиленъ эѳиръ, какъ то гласятъ голословныя заявленія, вытекающія изъ многихъ устъ (*людей*), видѣвшихъ (*лишь*) незначительную часть вселенной“...

40. *Плутархъ de fac. in orb. lun. 2 p. 920 C* Такъ гдѣ-то и Эмпедоклъ въ весьма пріятныхъ выраженіяхъ указываетъ различіе ихъ обоихъ *(цит. ниже приводимый стихъ)*, назвавъ такимъ образомъ привлекательный, ясный и спокойный (*видъ)* ея.

Пер. Э. Радлова) „Солнце съ пронизывающими лучами, кроткая и веселая луна“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Острыя стрѣлы мечущее солнце и кроткая луна“ ..

41. *Аполлодоръ „О богахъ“ у Макробія и другихъ*

(*Пер. Э. Радлова*) „Но оно, вращаясь, пробѣгаетъ великое небо“.

(*Пер. Г. Якубаниса*). „Но оно (*солнце)*, собравшись [2]), обтекаетъ великое небо“...

---

[1]) По мнѣнію Г. Якубаниса, это—„четвертая стихія—огонь, питающій всѣ вообще небесныя свѣтила, облекающій и озаряющій дневную полусферу видимаго неба“.

[2]) „Т. е. сгустившись изъ отдѣльныхъ частицъ стихіи—огня“ *Г. Я.*

42. *Плутархъ de fac. in orbe lun. 16 p. 929 C* (Луна), говоритъ Демокритъ (*55 A 89 a*), становясь въ прямомъ направленіи (*отъ насъ*) къ свѣтящему *(солнцу)*, принимаетъ на себя *(свѣтъ)* и заслоняетъ солнце. Такимъ образомъ можно было бы ожидать, что она сама (будетъ) свѣтиться и отражать (свѣтъ) его. (*Однако на самомъ дѣлѣ*), ей далеко до этого. А именно, въ указанномъ случаѣ она часто и сама (по себѣ) бываетъ невидима и скрываетъ и затмеваетъ его (солнце)... какъ говоритъ Эмпедоклъ... *(цит. ниже приводимые стихи)*, какъ будто бы свѣтъ попалъ въ темноту и мракъ, а не въ другое свѣтило... Итакъ, остается ученіе Эмпедокла, что вслѣдствіе нѣкотораго отраженія свѣтовыхъ лучей солнца на луну исходитъ видимый нами свѣтъ отъ нея. Поэтому (*отъ нея)* къ намъ ни теплота, ни свѣтъ не приходятъ отъ (*соединеннаго*) горѣнія и смѣшенія свѣтовъ (*двухъ свѣтилъ*), какъ можно было бы ожидать, но (*дѣло происходитъ*) подобно тому, какъ звуки при отраженіи производятъ эхо, которое слабѣе (*самого*) звука..., „такъ свѣтъ солнца... (*цит B 43*)" имѣетъ болѣе слабое и темное обратное теченіе къ намъ вслѣдствіе отраженія освобождаемой (имъ) силы.

(*Пер. Э. Радлова*) „... она отражаетъ его лучи
Внизъ на землю и затмеваетъ столько земли,
Какова ширина блѣднолицей луны".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Она (*луна*) скрадываетъ у него (*солнца*) лучи, пока оно проходитъ подъ нею, и затмеваетъ столько земли, какова именно ширина свѣтлоокой луны".

43. *Филонъ de prov. II 70 съ армянскаго Aucher p. 92* Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не глупо полагаютъ, что свѣтильникъ луны заимствуетъ (свой) свѣтъ отъ солнца по *(божественному)* промыслу, между тѣмъ какъ онъ скорѣе на подобіе зеркала принимаетъ попадающій въ него образъ? Такъ, Эмпедоклъ (говоритъ): „Принимающій (*чужой*) свѣтъ большой и широкій лунный шаръ (=*B 43?*) тотчасъ же повернулся назадъ, чтобы быстро достигнуть неба". *Плутархъ (къ B 42) 929 E.*

(*Пер. Э. Радлова*) „Такъ свѣтъ, ударяющій въ широкій кругъ луны".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Такъ (*солнечный*) свѣтъ, ударяющійся о широкій кругъ луны"....

44. *Плутархъ de Pyth. or. 12 p. 400 B* Вы же насмѣхаетесь надъ утвержденіемъ Эмпедокла, что солнце, возникшее около земли (*срв. A 56, стр. 154*) вслѣдствіе отраженія небеснаго свѣта, затѣмъ (*цит. ниже приводимый стихъ*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Онъ отражаетъ Олимпъ безстрашнымъ лицомъ.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Оно (*солнце*) отражаетъ свѣтъ къ Олимпу [1]) безстрашнымъ ликомъ.

---

[1]) „Т. е. къ небу" *Г. Я.*

45. *Ахиллъ Js. 16 (срв. А 55)* [1]) (*Пер. Э. Радлова*) „Она съ заимствованнымъ свѣтомъ вращается вокругъ земли.

(*Пер. Г. Якубаниса*) Округленный заимствованный свѣтъ (*луны*) вращается вокругъ земли".

46. *Плутархъ de fac. in orbe lun. 9 p. 925 B Луна весьма удалена отъ неба*, съ землей нѣкоторымъ образомъ она соприкасается и вращается близко вокругъ нея... (*цит. ниже приводимый стихъ*), говоритъ Эмпедоклъ... А именно, часто она не перебрасываетъ свою тѣнь, (*лишь*) немного поднимаемую вслѣдствіе того, что освѣщающее (*ее солнце*) весьма велико (*по сравненію съ ней*), но, какъ кажется, она вращается настолько весьма близко къ землѣ, почти въ объятіяхъ послѣдней, что ею, хотя она не поднимаетъ (*своей тѣни*) [2]), загораживается относительно солнца это тѣнистое, земное, темное мѣсто, которое есть удѣлъ земли. Вслѣдствіе этого, полагаю, должно смѣло признавать, что луна находится въ предѣлахъ земли и затмевается горами ея.

(*Пер. Э. Радлова*) „Подобно колесу колесницы, держась близь границы земли" [3]).

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Вращается она (*луна вокругъ земли*), какъ втулка у колесницы, огибая высокій столбъ въ ристалищѣ".

47. *Anecd. Bekk. I 337, 13* (*Собраніе употребительныхъ старыхъ словъ*) ἀγής (святой): это слово удерживается благодаря сложному (*съ нимъ слову*) **εὐαγής** (святой) или **παναγής** (совершенно святой). Эмпедоклъ:

(*Пер. Э. Радлова*): „Она смотритъ съ противоположной стороны на божественный ликъ солнца".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Смотритъ она (*луна*) съ противолежащей стороны на священный кругъ (*своего*) владыки (*солнца*).

48. *Плутархъ Quaest. Platon. 3 p. 1006 F* Стрѣлки (*солнечныхъ*) часовъ, не переставляемые одновременно съ измѣненіями тѣни, но стоящіе неподвижно, служатъ измѣренію времени приблизительно такъ, какъ земля закрывается носящимся вокругъ нея солнцемъ; какъ сказалъ Эмпедоклъ:

(*Пер. Э. Радлова*) „Земля производитъ ночь, ставъ между свѣтомъ".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Ночь же земля производитъ, загораживая собою свѣтъ".

49. *Плутархъ Quaest. conv. VIII 3, 1 p. 720 E* А именно, будучи темнымъ, по Эмпедоклу, воздухъ

„Мрачной и слѣпой ночи"... (*Э. Р.*)

„Пустынной и слѣпоокой ночи"... (*Г. Я.*),

сколько остроты ощущенія отнимаетъ у глазъ, настолько взамѣнъ того усиливаетъ остроту слуха.

---

[1]) Срв. 18 В 14.

[2]) Читаю „**ὑπεραιρούσης**" вмѣсто „**ὑπεραίρουσα**".

[3]) Этотъ стихъ, можетъ быть, примыкалъ къ В 45.

50. *Цецъ Alleg. 0 83* Вотъ что говоритъ Эмпедоклъ или кто-либо другой:

„Ирида [1]) же несетъ съ моря вѣтеръ или тяжелую тучу“ (*Э. Радловъ*).

„Ирида несетъ съ моря вѣтеръ или сильный ливень“ (*Г. Якубанисъ*).

51. *Геродіанъ schematismi Hom. cod. Darmstadini in Sturzii Et. Gud. p. 745* **ἀνόπαια** (*значитъ*), по мнѣнію однихъ, незамѣтно (исчезать), по мнѣнію же нѣкоторыхъ, уноситься вверхъ. Эмпедоклъ (говоритъ) объ огнѣ (*цит. ниже приводимое выраженіе*) откуда также явствуетъ, что (*слово*) **ἀνόπαιον** средняго рода.

„(Огонь излился) поднявшись внезапно“ (*Э. Р.*)

„Быстро (*устремившись*) вверхъ“ (*Г. Я.*)

52. *Проклъ in Tim. II 8, 26 Diehl* И въ самомъ дѣлѣ, подъ землею находятся огненные потоки, какъ гдѣ-то говоритъ и Эмпедоклъ:

„Подъ водами горитъ много огней“ (*Э. Р.*).

„Подъ землею горитъ много огней“ (*Г. Я.*).

53. *Аристотель de gen. et corr. B 6. 334 a 1* А именно, Вражда раздѣляла, эѳиръ же былъ унесенъ вверхъ не Враждой, но то онъ говоритъ, что огонь уносится вверхъ какъ бы случайно (*цит. ниже приводимый стихъ*), то говоритъ, что въ силу своей природы, (*и, наконецъ*), онъ же говоритъ (*цит. B 54*). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ, что міръ находится въ одинаковомъ состояніи какъ при теперешнемъ (*преобладаніи*) Вражды, такъ и при прежнемъ (*преобладаніи*) Любви. Итакъ, что такое первый двигатель и причина движенія? *Phys. B 4. 196 a 19* Итакъ, или они не считали (*это*) нелѣпымъ, или, считая (*таковымъ*), несмотря на это иногда пользовались (*имъ*), подобно тому какъ Эмпедоклъ говоритъ, что не всегда воздухъ выдѣляется на самое высшее (мѣсто), но какъ случится. По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ въ своей космогоніи, что (*цит. ниже приводимый стихъ*).

„Потому что въ своемъ теченіи онъ находился то здѣсь, то тамъ“ (*Э. Р.*).

„Потому что въ то время онъ (*эѳиръ*) двигался именно такъ, но часто и иначе“ (*Г. Я.*).

54. *Аристотель de gen. et corr. B 7. 334 a 5 (къ B 53)*

„Но эѳиръ внѣдрился подъ землею длинными корнями“ (*Э. Р.*).

„Эѳиръ.... сталъ внѣдряться въ землю длинными корнями“... (*Г. Я.*).

55. *Аристотель Meteorol. B 3. 356 a 24 (см. A 25)*

„... море—испарина земли“ (*Э. Р.*).

„Море--потъ земли“... (*Г. Я.*)

---

[1]) Т. е. радуга.

56. *Hephaest. Ench. 1 p. 2, 13 Consbr*. Эмпедоклъ:

„Соль выдѣляется дѣйствіемъ солнечныхъ лучей" (*Э. Р.)*.

„Соль отвердѣла подъ дѣйствіемъ [1]) солнечныхъ лучей" (*Г. Я*).

57. *Симплицій de caelo 586, 29* Какимъ же образомъ показателемъ смѣшенія могла бы быть „голова безъ шеи" и прочее, высказываемое Эмпедокломъ (*цит. стихи 2—3*), и многое другое, что не можетъ служить примѣромъ смѣшенія? *Аристотель de caelo Г 2. 300 b 25* Еще, пожалуй, кто-нибудь задастъ и такой важный вопросъ, возможно ли или невозможно, чтобы нѣкоторыя (*части),* изъ которыхъ состоятъ образующіяся по природѣ тѣла, двигаясь безпорядочно, смѣшивались въ такія смѣси. Я разумѣю, напримѣръ, кости и мясо, которымъ Эмпедоклъ приписываетъ возникновеніе отъ Дружбы. А именно, онъ говоритъ (*цит. ст. 1—3).*

(*Пер. Э. Радлова)* „Такъ выросло множество головъ безъ шеи,
Блуждали голыя руки, лишенныя плечъ,
Двигались глаза, лишенные лба".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Такъ [2]) выросло много головъ безъ шей, скитались голыя руки, лишенныя плечъ, блуждали одинокія очи безъ лбовъ".

58. *Симплицій de caelo 587, 18* (*послѣ В 35, 13*) Итакъ, въ этомъ состояніи *(когда Вражда еще не совсѣмъ удалилась*) „бывшіе еще одночленными вслѣдствіе раздѣленія, (*совершеннаго)* Враждой, блуждали, стремясь къ взаимному смѣшенію".

„Блуждали одночленные органы"... (*Г. Якубанисъ*).

59. *Симплицій de caelo 587, 20 (послѣ В 58)* Онъ говоритъ: (*цит. ст. 1*), когда Дружба стала овладѣвать остаткомъ Вражды: *(цит. ст. 2—3*). Итакъ, Эмпедоклъ сказалъ, что тѣ *(члены возникли*) отъ Дружбы, но не въ то время, когда Дружба уже преобладала, но когда ей (*еще лишь*) предстояло достигнуть преобладанія, и она выводила на свѣтъ еще несмѣшанные и одночленные органы.

(Пер. Э. Радлова) „Но когда божественное тѣснѣе соединилось съ божественнымъ,

Они (члены) скрѣпились между собою, какъ кто съ кѣмъ повстрѣчался,

И къ множеству существующихъ безъ перерыва присоединились еще другіе".

(Пер. Г. Якубаниса) „Но когда тѣснѣе стало сплочиваться божество съ божествомъ [3]), то, съ одной стороны, тѣ [4]) члены начали случайно со-

---

[1]) „Соб.: подъ толчками" *Г. Я*.

[2]) Или „тамъ, на землѣ" *Г. Я*.

[3]) „Т. е. Любовь съ Враждою стали болѣе равномѣрно проявлять свою дѣятельность, между тѣмъ какъ раньше преобладала Вражда"... *Г. Я*.

[4]) „Т. е. существовавшіе уже порознь" *Г. Я*.

четаться между собою, какъ попало, съ другой же, — къ нимъ безпрерывно прирождались многіе другіе".

60. *Плутархъ adv. Colot. 28 p. 1123 B* Однако, эти и многія иныя (*существа*), болѣе необычныя, похожія на Эмпедокловыхъ чудовищъ, надъ которыми они смѣются,

„Съ подогнутыми ногами, съ неопредѣленными органами" (*Э. Р.*).

„Съ волочащимися ногами, съ нераздѣленными конечностями" (*Г. Я.*) и „быки съ человѣческой передней частью" (*B 61, 2*).

61. *Элій nat. anim. XVI 29* Физикъ Эмпедоклъ, говоря о необыкновенныхъ животныхъ, утверждаетъ, что какъ-то рождаются нѣкоторыя различныя тѣсно связанныя соединенія разнородныхъ по внѣшнему виду *(частей)*, сплетенныя въ единствѣ тѣла. Вотъ что онъ говоритъ (*цит. ст. 1—4). Симплицій phys. 371, 33* Такъ, Эмпедоклъ говоритъ, что во время господства Любви сперва возникли, какъ попало, части животныхъ, какъ, напримѣръ, головы, руки и ноги, затѣмъ онѣ сошлись (*цит. ст. 2*), очевидно, люди съ бычачьей передней частью, то-есть *(смѣсь)* быка и человѣка. И все то, что соединилось другъ съ другомъ такъ, что было въ состояніи сохраниться, стало животными и выжило вслѣдствіе взаимнаго восполненія того, что недоставало другому, (*а именно*), такъ какъ зубы раздѣляютъ и раздробляютъ пищу, желудокъ перевариваетъ (ее), печень же обращаетъ ее въ кровь. И голова человѣка, соединившись съ человѣческимъ тѣломъ, сохраняетъ все (*тѣло*), (*соединеніе же ея съ тѣломъ)* быка не образуетъ соотвѣтствія и (*все*) совершенно погибаетъ. И дѣйствительно, все, что не сошлось по соотвѣтственному соотношенію, погибло. *Аристотель phys. B 7. 198 b 29* Итакъ, гдѣ все *(случайно)* сошлось такъ, какъ если бы оно возникало для какой-нибудь цѣли, оно уцѣлѣло, такъ какъ само собой соединилось надлежащимъ образомъ. Все же, что (*соединилось)* не такимъ образомъ, погибло и погибаетъ, подобно тому какъ „быки съ человѣческой передней частью" у Эмпедокла.

(*Пер. Э. Радлова)* „Появилось много существъ съ двойными лицами и двойною грудью,

Рожденный быкомъ съ головой человѣка, и, наоборотъ,

Произошли рожденные людьми съ бычачьими головами, которые въ перемѣшку происходили отъ мужчинъ,

Или же отъ женщинъ, имѣющихъ нѣжные органы".

(*Пер. Г. Якубаниса)* „Стало рождаться много двуликихъ и двугрудыхъ существъ, изъ бычачьей породы съ человѣческимъ ликомъ и, наоборотъ, стали происходить человѣкорожденныя твари съ бычачьими головами; созданія смѣшанныя, частью изъ (*частей тѣла*) мужчинъ, частью

же женской природы, надѣленныя безплодными [1]) членами [2]).

62. *Симплицій phys. (къ Аристотелю a. O.) 381, 29* Эмпедоклъ во второй книгѣ „Физики“ передъ (изложеніемъ) образованія мужскихъ и женскихъ тѣлъ высказалъ слѣдующіе стихи:

(*Пер. Э. Радлова*) „Послушай теперь, какъ изъ мужчинъ и женщинъ плаксивыхъ
Произвелъ ночное племя выдѣлившійся огонь,
Это будетъ рѣчь не безцѣльная или легкомысленная
Сначала неясныя формы поднялись надъ землею,
Имѣя въ себѣ двоякую необходимость: воды и земли;
Ихъ извергалъ огонь, желавшій соединиться съ себѣ подобнымъ,
Но онѣ еще не имѣли красиваго соединенія членовъ,
Онѣ не имѣли ни голоса, ни присущаго мужчинамъ члена“.

(*Пер. Г. Якубаниса*). „Теперь же послушай о томъ, какъ огонь, выдѣляясь, вывелъ на свѣтъ скрывавшіеся въ ночи [3]) отпрыски многогорестныхъ мужей и женъ: это будетъ повѣствованіе, не чуждое нашей цѣли и не лишенное поучительности.—Сначала стали выходить изъ земли цѣльноприродныя [4]) созданія, заключавшія въ себѣ по равной части двухъ стихій: воды и теплаго воздуха [5]); ихъ выталкивалъ огонь, стремясь достигнуть себѣ подобнаго [6]), въ то время какъ они не обнаруживали еще [7]) ни привлекательнаго соединенія членовъ тѣла, ни голоса, ни присущаго мужчинамъ члена“.

Итакъ, между тѣмъ какъ Эмпедоклъ сказалъ это, онъ (*Аристотель*) обращаетъ вниманіе, что и самъ онъ (*Эмпедоклъ*), какъ кажется, утверждаетъ, что сѣмя возникло раньше животныхъ. „Цѣльноприродное раньше всего“, которое, сказано у него, было сѣмя, еще не обнаружившее „привлекательнаго соединенія членовъ“... Если же (это) было сѣмя, то мнѣ кажется удивительно подходящимъ наименованіе его „цѣльноприроднымъ“. Вѣдь цѣльноприроднымъ въ собственномъ смыслѣ есть то, что всецѣло само по себѣ является цѣлымъ; таковымъ именно является сѣмя, такъ какъ въ немъ еще не произошла дифференціація (*частей*). *Аристотель Phys. B 8. 199 b 7* Далѣе, сѣмя должно было возникнуть раньше всего; однако, не прямо животныя и „цѣльноприродное раньше всего“ были сѣменемъ. Притомъ же и въ растеніяхъ заключена цѣлевая причина,

---

[1]) Г. Якубанисъ слѣдуетъ рукописному „σκιεροῖς“, отвергая коньектуру Дильса „στείροις“ („скрытыми въ тѣни тѣла“). О безплодіи же ихъ, по мнѣнію Дильса, говорилось дальше.

[2]) „Т. е. неспособные къ рожденію андрогины“ *Г. Я.*

[3]) „Т. е. во мракѣ подъ землею“ *Г. Я.*

[4]) „Т. е. не раздѣленныя на полы“ *Г. Я.*

[5]) „Соб.: тепла, жары. Ср. фрагм. 73“ *Г. Я.*

[6]) „Т. е. соединиться съ себѣ подобной стихіей“ *Г. Я.*

[7]) „Т. е. у нихъ нельзя было различить, они не имѣли“ *Г. Я.*

дифференціація же (*частей у нихъ*) слабѣе. Итакъ, возникали ли и въ растительномъ (*царствѣ*), на подобіе „быковъ съ человѣческой передней частью“ *(В 61, 2)* подобнымъ образомъ и „виноградныя лозы, спереди похожія на маслину“ или нѣтъ? Вѣдь (это)—нелѣпость. Однако, во всякомъ случаѣ (это) должно было бы быть, если только (*такъ бываетъ*) въ животномъ царствѣ. *Срв. А 72.*

63. *Аристотель de gen. anim. А 18. 722 b 10* А именно, онъ (*Эмпедоклъ*) говоритъ, что въ самцѣ и самкѣ заключается какъ бы знакъ гостепріимства [1]), цѣлое же (*ребенка*) исходитъ отъ нихъ обоихъ.

„Но природа членовъ различна; часть отъ мужчинъ,
Часть отъ женщинъ“ (*Э. Р.*).

„Но природа членовъ (*зародыша-ребенка*) двусторонняя: одна сторона (*имѣетъ свое основаніе*) въ (*сѣмени*) мужчины, (*другая въ сѣмени женщины*)“ (*Г. Я.*).

64. *Плутархъ quaest. nat. 21. 917 С* Или совмѣстное воспитаніе и сожительство женскаго пола съ мужскимъ приводитъ на память любовныя наслажденія и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ (половое) влеченіе. Такъ относительно людей Эмпедоклъ сочинилъ (*стихъ*):

„Ихъ соединенныхъ охватило благодаря зрѣнію желаніе“ (*Э Р.*)

„А затѣмъ является и Поѳосъ [2]), заключающій чрезъ посредство зрѣнія брачныя узы“. (*Г. Я.*).

65. *Аристотель de gen. anim. А 17. 723 а 23* Если самка и самецъ различны въ зачатіи, какъ говоритъ Эмпедоклъ:

(*Пер. Э. Радлова*) „(Сѣмя), излитое въ чистое (мѣсто), производитъ мужчинъ, а женщинъ
Когда оно встрѣчаетъ холодъ“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „(*Сѣмя мужчины и женщины*) изливается въ очищенныя (*мѣсячнымъ очищеніемъ*) мѣста (*чрева*), при чемъ изъ того (*сѣмени*), которое встрѣчается (*въ чревѣ*) съ холодомъ [3]), происходятъ женщины, (*а изъ того, которое—съ тепломъ,—мужчины*).

66. *Схоліи къ Эврипиду Phoen. 18* „Не засѣвай борозду дѣтей“: Физикъ Эмпедоклъ, выражаясь аллегорически, говоритъ: „расколотыя углубленныя мѣста... Афродиты“, въ которыхъ происходитъ рожденіе дѣтей. Эврипидъ же, говоря то же, что и онъ, избѣгъ непристойнаго представленія и воспользовался приличными наименованіями и художественными метафорами, (а именно), онъ говоритъ о посѣвѣ и бороздѣ.

---

[1]) **Σύμβολον**=tessera hospitalitatis, знакъ гостепріимства, разламывавшійся на двѣ части, которыя сохранялись двумя лицами, чтобы впослѣдствіи узнать другъ друга.

[2]) „Желаніе любовной страсти“ *Г. Я.*

[3]) „Т. е. попадаетъ въ болѣе холодную часть чрева“ *Г. Я.*

„Раздвоенное убѣжище Афродиты“ (*Э. Р.*)
„Расколотыя нивы Афродиты“ (*Г. Я.*)

67. *Галенъ ad Hippocr. Epid. VI 48* Однако, (*мнѣніе*), что зачатіе самца происходитъ въ правой части матки, высказали и другіе изъ древнѣйшихъ мужей. А именно, Парменидъ сказалъ такъ (*цит. 18 В 17*). Эмпедоклъ же слѣдующимъ образомъ:

(Пер. Э. Радлова) „Мѣсто мужское въ части живота болѣе теплой,
Вотъ почему мужчины смуглы и болѣе крѣпки
И болѣе покрыты волосами (чѣмъ женщины).

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Самецъ зарождается въ болѣе теплой части чрева, и потому мужчины смуглы и болѣе мужественны и болѣе покрыты волосами, (*чѣмъ женщины*).

68. *Аристотель de gen. anim. Δ 8. 777 a 7* А именно, молоко есть кровь, пришедшая въ броженіе, но не испортившаяся. Эмпедоклъ же или неправильно думалъ или примѣнилъ неудачную метафору, сказавъ въ стихѣ о молокѣ:

„На десятый день восьмого мѣсяца появляется бѣлый сокъ“ (*Э. Р.*).
„На десятый день восьмого мѣсяца появляется выдѣленіе (*Г. Я.*).

69. *Проклъ in R. P. II 34, 25 Kroll.* И Эмпедоклъ знаетъ двоякое время рожденій (*въ 7 и 9 мѣсяцевъ по Проклу).*

Не поэтому ли и женщинъ онъ называетъ „двоякорождающими“? *Но срв. Аэцій V 18, 1* (*А 75, стр. 161*).

(*Пер. Г. Якубаниса)* „Двоякорождающія“.

Г. Якубанисъ вводитъ здѣсь поправку къ тексту Дильса. Послѣдній пишетъ: *δίγονοι (двоякорожденные), Г. Якубанисъ читаетъ:* **διγόνοι** (*двоякорождающія*). *Чтеніе Г. Якубаниса правильнѣе, такъ какъ Проклъ прямо говоритъ, что Эмпедоклъ называлъ этимъ именемъ женщинъ, а не дѣтей* (форма же „*διγόνους*“, на основаніи которой реконструируется слово фрагмента, одинаково образуется какъ отъ *δίγονοι*, такъ и отъ *διγόνοι*).

70. *Руфъ Ephes. d. nom. part. hom. 229 p. 166, 11 Daremb.* Зародышъ окружается оболочками, (изъ которыхъ) одна—тонкая и нѣжная. Ее Эмпедоклъ называетъ „чашей для крови“.

„Кровяная чаша“... (*Г. Я.*).

71. *Симплицій de caelo 529, 28*

(Пер. Э. Радлова) „Если ты еще не проникся достаточною вѣрою въ эти вещи,
Какимъ образомъ вода, земля, эѳиръ и солнце,
Смѣшиваясь въ такомъ числѣ, создали цвѣта и формы смертныхъ (вещей),
Которыя теперь рождаются отъ союза Афродиты.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Если же у тебя почему-либо нѣтъ (*еще*) твердой вѣры въ это, (*а именно въ то*), какъ изъ смѣшенія воды и земли, а также эѳира и солнца [1]) возникли столь разнообразные виды [2]) и цвѣта всѣхъ тлѣнныхъ созданій, какія только нынѣ рождаются подъ созидающимъ воздѣйствіемъ Афродиты"...

72. *Атеней VIII 334 В* Мнѣ извѣстно также, что всѣ рыбы вообще физикомъ Эмпедокломъ были названы „камасенами" въ слѣдующемъ (стихѣ):

„Какъ эти высокія деревья и морскія рыбы" (*Э. Р.*)

„Какъ (*возникли*) огромныя деревья и морскія рыбы [3])"...

73. *Симплицій de caelo 530, 5 (послѣ В 71) И немного спустя:*

(*Пер. Э. Радлова*) „Тогда Киприда въ продолженіе долгаго времени смачивала землю дождемъ

И, создавъ формы, закрѣпила ихъ быстрымъ огнемъ".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Какъ въ то время Киприда, оросивъ (*предварительно*) землю дождемъ и (*затѣмъ*) навѣвая (*на нее*) теплый воздухъ, подвергла ее (*наконецъ*) закаливающему воздѣйствію быстраго огня"...

74. *Плутархъ Quaest. conv. V 10, 4 p. 685 F* Изъ самихъ же животныхъ ни одного живущаго на землѣ или пернатаго, нельзя, пожалуй, назвать столь плодороднымъ, какъ всѣ морскія (животныя). Относительно этого и Эмпедоклъ сочинилъ стихъ:

„Провожая тупыя племена плодовитыхъ рыбъ" (*Э. Р.*)

Увлекая [4]) непонятливое племя многосѣмянныхъ рыбъ"... (*Г. Я.*)

75. *Симплицій de caelo 530, 8 (послѣ В 73, 2)*

(*Пер. Э. Радлова*) „(Глаза), внутренняя часть которыхъ плотна, а наружная рыхла:

Такое строеніе они получили искусствомъ Киприды".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Всѣ внутреннія части ихъ [5]) уплотнены, наружныя же—разрѣжены, встрѣтившись именно съ подобнымъ разрѣжающимъ началомъ подъ дланями Киприды"...

76. *Плутархъ quaest. conv. I 2, 5 p. 618 В* И ты видишь, что богъ, котораго Пиндаръ назвалъ „отличнѣйшимъ художникомъ", не повсюду

---

[1]) „Т. е. огня" *Г. Я.*

[2]) „Т. е. формы" *Г. Я.*

[3]) „**Καμασῆνες**—рѣдкое и неясное по составу слово" *Г. Я.*

[4]) По мнѣнію Дильса, Афродита; по мнѣнію другихъ, море. См. примѣчаніе Г. Якубаниса.

[5]) Г. Якубанисъ предлагаетъ скомбинировать эти два стиха съ фрагм. 73 и 76 и понимать подъ словомъ „ихъ" (**τῶν δ'**) „созданныя Кипридой изъ четырехъ стихій чувственныя вещи вообще, наружныя части которыхъ,—за рѣдкими исключеніями, намѣченными во фрагм. 76,—бываютъ менѣе плотны, чѣмъ внутреннія: довольно указать, для примѣра, на облекающую животный скелетъ мякоть, на кору деревьевъ и проч.".

помѣщаетъ огонь вверху и землю внизу, но сообразно всякій разъ съ съ потребностями тѣлъ. (*Цит. ниже приводимые стихи*), говоритъ Эмпедоклъ. *Онъ же de fac. i. orb. l. 14 p 927 F* И неправильнымъ (*было бы утверждать, что*) верхній огонь, который сіяетъ вокругъ глазъ, соотвѣтствуетъ природѣ, тотъ же (*огонь*), который находится въ желудкѣ и сердцѣ, противоестественъ, но (*напротивъ*) каждый (*огонь*) на своемъ мѣстѣ и соотвѣтствуетъ своему назначенію. (*Цит. ст. 2*)... и природу всякой устрицы, какъ говоритъ Эмпедоклъ, зная (*цит. ст. 3*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Это и въ тяжелыхъ скорлупахъ
Морскихъ раковинъ, и въ каменныхъ панцыряхъ черепахъ;
У нихъ ты увидишь землю, находящуюся поверхъ кожи".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Это [1]) можно наблюдать въ тяжелохребетныхъ скорлупахъ морскихъ животныхъ, особенно у улитокъ [2]) и у каменнопанцырныхъ черепахъ: тамъ ты увидишь, что земля [3]) находится поверхъ кожи.

77. 78. *Плутархъ Quaest. conv III 2, 2 p. 649 C* Эта вѣчная зелень и, какъ говоритъ Эмпедоклъ, „постоянство листвы" не можетъ быть отнесено на счетъ теплоты. Ибо и потеря листвы не есть дѣло холода... Итакъ, нѣкоторые полагаютъ, что листва сохраняется вслѣдствіе равномѣрности смѣси. Эмпедоклъ же считаетъ сверхъ того причиной нѣкоторую симметрію поръ, которыя правильно и равномѣрно пропускаютъ черезъ себя пищу, такъ что ея притекаетъ (*всегда*) въ достаточномъ количествѣ. *Θеофрастъ caus. plant. I 13, 2* Если бы безпрерывно воздухъ уподоблялся имъ (деревьямъ), то, можетъ быть, не показалось бы нелѣпымъ и то, что говорится у поэтовъ, какъ (*напримѣръ*) Эмпедоклъ говоритъ, что вѣчнозеленыя и постоянно приносящія плоды (*деревья*) цвѣтутъ (*цит. ст. 2*), предполагая нѣкоторое общее прекрасное смѣшеніе воздуха [4]).

(*Пер. Э. Радлова*) „Постоянно съ листвой и постоянно съ плодами цвѣли деревья
И весь годъ были покрыты излишкомъ плодовъ".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „(Деревья) вѣчнозеленыя изобилуютъ плодами круглый годъ вслѣдствіе благорастворенія воздуха".

По мнѣнію Г. Дильса этотъ фрагментъ принадлежитъ къ описанію золотого вѣка, возникшаго при міробразованіи.

---

[1]) „Уклоненіе отъ общаго правила, по которому наружныя части тлѣнныхъ созданій бываютъ менѣе плотны, чѣмъ внутреннія" *Г. Я.*

[2]) „Изъ раковинъ которыхъ выдѣлывались рожки для герольдовъ: отсюда названіе *κήρυκες*" *Г. Я.*

[3]) „Т. е. твердая наиболѣе плотная стихія" *Г. Я.*

[4]) Т. е. какъ бы вѣчную весну.

79. *Аристотель de gen. anim. A 23. 731 a 1* Въ растеніяхъ смѣшаны самыя силы и женскій полъ не отдѣленъ отъ мужского. Вслѣдствіе этого они и рождаютъ сами изъ самихъ себя и выпускаютъ изъ себя не потомство, но зачатый плодъ--такъ называемыя сѣмена. И это прекрасно высказываетъ Эмпедоклъ въ стихѣ (*цит. ниже приводимый стихъ*). А именно, яйцо есть зачатый плодъ, и изъ нѣкоторой (части) его возникаетъ животное, остальная же (часть) есть пища (*ему*), и (*точно такъ же*) изъ части сѣмени возникаетъ растеніе, остальная же (часть) служитъ пищей ростку и корню въ началѣ его развитія. *Θеофрастъ caus. plant. A 7, 1* Сѣмена же всѣхъ (вещей) заключаютъ въ самихъ себѣ нѣкоторую пищу, которая праизводится вмѣстѣ съ (*самимъ*) началомъ, подобно тому какъ въ яйцахъ Такимъ образомъ весьма хорошее выраженіе употребилъ Эмпедоклъ, говоря, что „большія деревья кладутъ яйца“. Дѣло въ томъ, что природа сѣмянъ почти одинакова съ яйцами.

„Такъ большія деревья приносятъ прежде оливъ какъ бы яйца“ *(Э. Р.)*.

„Такимъ образомъ, большія деревья (*какъ бы*) кладутъ яйца, и прежде всѣхъ маслина[1])“ (*Г. Я.*)

„Такъ кладутъ яйца, во-первыхъ, высокія оливковыя деревья“ (*Г. Дильсъ*).

80. *Плутархъ quaest. conv. V 8, 2 p. 683 D* Итакъ, это, какъ мы сказали, говорится справедливо. Эмпедоклъ сказалъ:

„Поэтому позднія гранаты и ихъ сочные плоды“ *(Э. Р.)*

„Почему и поздно созрѣвающія гранаты и самые цвѣтущіе изъ плодовъ—яблоки“ *(Г. Я.)*

„Вотъ почему (*такъ*) поздно созрѣваютъ гранаты и (*столь*) обильны сокомъ яблоки“.

(*Здѣсь*) эпитетъ, придаваемый гранатамъ, имѣетъ въ виду то, что плодъ (*ихъ*) созрѣваетъ, когда уже заканчивается поздняя осень и прекращаются жары. Ибо солнце не даетъ образоваться (*ихъ*) влагѣ, слабой и клейкой . . . На какомъ же основаніи этотъ мудрецъ могъ назвать яблоки „обильными сокомъ“, непонятно... (*слѣдуютъ B 148—150*). *3.* Итакъ, послѣ того какъ я это сказалъ, нѣкоторые грамматики сказали, что яблоки названы „обильными сокомъ“ по причинѣ своего цвѣтенія. А именно, они сильно цвѣтутъ и изобилуютъ цвѣтами, какъ говорятъ поэты (*цитуются Антимахъ и Аратъ*, Діонисъ Цвѣтущій). Итакъ, вслѣдствіе того, что яблоня наиболѣе отличается изобиліемъ плодовъ и (*сильнымъ*) цвѣтеніемъ, философъ назвалъ ее „обильной сокомъ“.

81. *Плутархъ Quaest. nat. 2 p. 912 C* Гніеніе дождевыхъ (*водъ*) показываетъ измѣнчивость (*ихъ*), ибо онѣ болѣе подвержены гніенію, не-

---

[1]) „Слѣдуетъ замѣтить, что масличное дерево, по миѳологическимъ традиціямъ, считалось первымъ и по времени и по значенію“ *Г. Я.*

жели (*воды*) рѣчныя и колодезныя. Броженіе же, повидимому, есть гніеніе, какъ свидѣтельствуетъ Эмпедоклъ въ (*слѣдующихъ*) словахъ (*цит. ниже приводимый стихъ*). *31 p. 919 C* Или вино по природѣ (*своей*) производитъ гніеніе, какъ говоритъ Эмпедоклъ „вино—вода, проникшая отъ коры и перебродившая въ деревѣ". *Аристотель Top. Δ 5. 127 a 17* Подобнымъ образомъ и вино не есть перебродившая вода, какъ утверждаетъ Эмпедоклъ... Ибо оно вовсе не вода.

„Вода. перебродившая въ деревѣ, становится виномъ подъ кожей" (*Э. Р.*)

„Вода, (*проникшая въ виноградную лозу не изъ земли чрезъ корни, но изъ влажнаго воздуха*) со стороны коры, перебродивъ въ деревѣ, становится виномъ".

82. *Аристотель Meteor. Δ 387 b 4*

(*Пер. Э. Радлова*) „Такъ волосы, листья, густыя перья птицъ,
Чешуя образуются на твердыхъ членахъ".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Волосы, и листья, и густыя перья птицъ, и чешуя на крѣпкихъ членахъ (*рыбъ*)—по своему происхожденію одно и то же".

83. *Плутархъ de fort. 3 p. 98 D* А именно, нѣкоторыя (*животныя*) вооружены рогами, зубами и жалами,

„А у ежей щетинится на спинѣ остроконечная грива" (*Г. Я.*)

„... и морскіе ежи,
Со спинами, покрытыми сплошь колючей щетиной" (*Э. Р.*)

84. *Аристотель de sens. 2 p. 437 b 23* Эмпедоклъ же, кажется, иногда полагаетъ, что видѣніе происходитъ вслѣдствіе исхожденія свѣта, какъ было сказано выше. По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ (*цит. ниже приводимые стихи 1—11*), иногда онъ утверждаетъ, что видѣніе происходитъ такимъ образомъ, иногда же (*объясняетъ его*) истеченіями отъ видимыхъ (*вещей*). *Александръ къ этому мѣсту p. 23, 8 Wendl.* И прежде всего онъ приводитъ (*въ качествѣ доказательства собственные*) стихи его, въ которыхъ тотъ высказываетъ мнѣніе, что свѣтъ есть огонь, который изливается и выбрасывается изъ глазъ, и благодаря ему-то происходитъ видѣніе. Дѣло въ томъ, что онъ въ своихъ стихахъ сравниваетъ выбрасываемый изъ (*органа*) зрѣнія свѣтъ со свѣтомъ, (*доставляемымъ*) посредствомъ фонарей. А именно, подобно тому какъ кто-либо, намѣреваясь путешествовать ночью, приготовивъ свѣтильникъ, помѣщаетъ его въ фонарь (ибо фонарь задерживаетъ и не пускаетъ внѣшнія дуновенія, тончайшее же *вещество* огня, которое именно и есть свѣтъ, пропускаетъ наружу), такъ, говоритъ онъ, и огонь, заключенный въ кожѣ, окруженъ тонкими оболочками, которыя задерживаютъ встрѣчающіяся имъ извнѣ разрушительныя для огня (*вещества*) и не позволяютъ имъ безпокоить глазъ, тончайшее же (*вещество*) огня пропускаютъ наружу. „Выдавливающими" же онъ можетъ называть фонари, пожалуй,

(*какъ*) отталкивающіе, оттого, что они отражаютъ дуновенія и защищаютъ окружаемый ими огонь. Или (*онъ можетъ называть ихъ*) „выдавливающими", (*какъ*) плотные и отражающіе дуновенія вслѣдствіе (*своей*) плотности. Огонь же (*онъ называетъ*) „тонкимъ" (*τοναόν*), такъ какъ онъ вслѣдствіе своей нѣжности растягивается и можетъ проходить черезъ плотныя (*тѣла*). „Къ порогу" же (значитъ) къ небу. (*Такъ*) Гомеръ: „Схвативши свергалъ съ (*небеснаго*) порога, пока тотъ безсильно не сваливался на землю" (*Иліада XV 23*) „Тонкими тканями онъ залилъ круглый глазъ" онъ сказалъ вмѣсто: „тонкими оболочками онъ окружилъ круглый глазъ", поэтически употребивъ относительно имени глаза (*слово*) „тканями" вмѣсто оболочекъ. Показавъ, что онъ въ вышеприведенныхъ стихахъ говоритъ это, (*Аристотель*) прибавляетъ: „иногда онъ утверждаетъ, что видѣніе происходитъ такимъ образомъ, иногда же (*объясняетъ его*) истеченіями отъ видимыхъ (*вещей*), (*говоря, что*) нѣкоторыя истеченія достигаютъ (*органа*) зрѣнія, (*и это случается*) всякій разъ, когда (*истеченія*) вслѣдствіе соразмѣрности приладились къ порамъ въ органѣ зрѣнія, (*въ этомъ случаѣ*) они проникаютъ внутрь и такимъ образомъ происходитъ видѣніе. Объ этомъ мнѣніи, какъ принадлежащемъ Эмпедоклу, упоминаетъ и Платонъ въ „Менонѣ" (*А 92, стр. 173*) и опредѣляетъ по (*этому*) ученію его цвѣтъ, (*какъ*) истеченіе отъ тѣлъ, соотвѣтствующее органу зрѣнія и воспринимаемое имъ. (*Срв. А 86, стр. 169*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Подобно тому какъ тотъ, кто, замысливъ путешествіе, приготовляетъ свѣтъ

Въ зимней ночи, свѣтъ блестящаго пламени,
Зажигая его въ защищенномъ отъ всякихъ вѣтровъ фонарѣ,
Который отталкиваетъ силу дующихъ вѣтровъ,
И пламя, истекая наружу, чѣмъ дальше онъ идетъ,
Тѣмъ далѣе освѣщаетъ дорогу неутомимыми лучами,—
Такъ предсуществующій огонь, заключенный въ оболочкѣ (глаза),
Наполняетъ тонкія перепонки круглаго зрачка,
Предохраняющія его отъ массы окружающей воды;
Огонь, изливаясь наружу, чѣмъ дальше онъ идетъ...".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Подобно тому какъ кто-либо, собираясь въ путешествіе въ бурную ночь, запасается фонаремъ, зажегши его у ярко горящаго огня,—факеломъ, отражающимъ разнообразные вѣтры, такъ какъ онъ разсѣиваетъ [1]) дыханіе бушующихъ вѣтровъ, свѣтъ же, вылетая наружу, поскольку онъ тоньше (*вѣтра*) [2]), начинаетъ проникать за порогъ [3]) неутомимыми лучами:—такъ въ то время [4]) первичный [5]) огонь,

[1]) „Т. е. не допускаетъ до пламени" *Г. Я.*

[2]) „Т. е. состоитъ изъ болѣе тонкихъ и удобоподвижныхъ частицъ, чѣмъ воздухъ" *Г. Я.*

[3]) „Т. е. освѣщать дорогу при выходѣ изъ дома" *Г. Я.*

[4]) „Т. е. при сотвореніи Кипридой организмовъ" *Г. Я.*

[5]) „Соб.: весьма древній, т. е. стихійный, элементарный, въ противоположность эмпирически данному огню первой части сравненія" *Г. Я.*

заключенный въ оболочкахъ и въ тонкихъ тканяхъ (*глаза*), которыя насквозь пробуравлены дивно устроенными воронками [1]), сталъ скрываться за круглымъ зрачкомъ [2]); и эти воронки стали удерживать обтекающую въ большомъ количествѣ воду, огонь же пропускать наружу, поскольку онъ тоньше"...

85. *Симплицій phys. 331, 3* И онъ утверждаетъ, что весьма многочисленныя части животныхъ возникли случайно; такое (*мнѣніе онъ высказываетъ*), когда говоритъ... (*цит. B 98, 1*) и опять.. (*ниже приводимый стихъ*) и въ другомъ мѣстѣ.. (*цит. B 75, 2*). И много такого рода свидѣтельствъ, пожалуй, найдется въ „Физикѣ" Эмпедокла. *Срв. A 86, стр. 165.*

„На долю (*скрывающагося въ глазу*) кроткаго пламени выпала (*лишь*) незначительная частичка земли" (*Г. Якубанисъ*).

„Кроткое милосердіе ненавидитъ невыносимую необходимость" (*Э. Радловъ*).

86. *Симплицій de caelo p. 529, 21 (послѣ B 35, 1—15)* Но, говоря и о возникновеніи этихъ тѣлесныхъ глазъ, онъ прибавилъ:

„Изъ нихъ божественная Афродита создала острые глаза" (*Э. Р.*)

„Изъ коихъ [3]) божественная Афродита создала неутомимыя очи"...

87. *Симплицій de caelo p. 529, 24 (послѣ B 86)* И немного спустя:

„Афродита, украшенная милыми связями" (*Э. Р.*).

„Афродита, снабдившая любовными связями" (*Г. Я.*).

88. *Аристотель poet. 21. 1458 a 4* Урѣзанное (*слово*), какъ, напримѣръ, *κρῖ* (*вм. κριθή мужской членъ*), *δῶ* (*вм. δῶμα домъ*) и... *ὄψ* (*вм. ὄψις зрѣніе*) (*цит. ниже приводимый стихъ*). *Страбонъ VIII p. 364 (изъ Аполлодора)* У Эмпедокла же (*цит. ниже приводимый стихъ*): „... *ὄψ*", зрѣніе.

„Оба глаза даютъ одно изображеніе" (*Э. Р*).

„Изъ обоихъ (*глазъ*) происходитъ одно зрѣніе" [4]) (*Г. Я.*).

89. *Плутархъ quaest. nat. 19 p. 916 D* Итакъ, смотри, согласно Эмпедоклу,

„Знай, что изъ всѣхъ существующихъ предметовъ истекаютъ токи" (*Э. Р*).

„Зная, что изъ всего, что только произошло [5]), истекаютъ токи"... (*Г. Я.*).

А именно, безпрерывно множество истеченій исходитъ не только отъ животныхъ, растеній, земли и моря, но и отъ камней, мѣди и же-

---

[1]) „Т. е. порами". *Г. Я.*

[2]) „Непереводимая игра словъ" *Г. Я.*

[3]) „Стихій" *Г. Я.*

[4]) „Т. е. оба глаза даютъ одно зрительное ощущеніе" *Г. Я.*

[5]) „Т. е. вообще изъ всего существующаго" *Г. Я.*

лѣза. И дѣйствительно, все уничтожается и погибло вслѣдствіе того, что всегда что-либо течетъ и уносится безпрестанно.

90. *Плутархъ quaest. conviv. IV 1, 3 p. 663 A* Или, въ самомъ дѣлѣ, природа воспринимаетъ соотвѣтственное *(себѣ)* изъ подобнаго и разнообразная пища, тотчасъ же выпуская изъ самой себя въ тѣло многія свойства, подаетъ каждой части полезное (*ей*). Такимъ образомъ дѣлается то, что говоритъ Эмпедоклъ (*цит. ниже приводимые стихи*). *Отсюда Макробій Sat. VII 5, 17* Мы же знаемъ, что подобное питается подобнымъ.. Что отдѣльныя (*вещи*) влекутъ къ себѣ подобное, свидѣтельствуетъ Эмпедоклъ, который говоритъ (*цит. ниже приводимые стихи*).

„Такъ сладкое ищетъ сладкаго, горькое стремится къ горькому,
Кислое къ кислому, и теплое распространяется въ тепломъ“ (*Э. Р.*).

„Такъ сладкое стало хвататься за сладкое, горькое устремилось на горькое, кислое набросилось на кислое, теплое стало совокупляться съ теплымъ“. (*Г. Я.*).

91. *Александръ Quaest. II 23 (см. выше стр. 173).*

„Вода легче смѣшивается съ виномъ, но съ масломъ
Она не хочетъ (смѣшиваться)“ (*Э. Р.*).

„(*Вода*) болѣе дружна съ виномъ, но съ масломъ она не хочетъ (*смѣшиваться*)“ (*Г. Я.*).

92. *Аристотель de gen. anim. B 8. 747 a 34 (объ апоріи*: Почему родъ муловъ безплоденъ, *срв. A 82*) Эмпедоклъ же выставляетъ въ качествѣ причины то, что смѣсь (*ихъ*) спермъ бываетъ плотной, (*хотя она состоитъ*) изъ нѣжнаго сѣмени обоихъ (*самца и самки).* А именно, (*у нихъ*) углубленія взаимно соотвѣтствуютъ плотнымъ (*частямъ*), изъ таковыхъ же нѣжныхъ (*веществъ*) возникаетъ твердое *(вещество)*, подобно смѣси мѣди съ оловомъ“; (*при этомъ*) что касается мѣди и олова, то онъ и причину указываетъ неправильно... и вообще въ своемъ объясненіи не исходитъ изъ очевиднаго. Ибо какимъ образомъ взаимно соотвѣтствующія углубленія и твердыя (*мѣста*) образуютъ смѣсь въ родѣ (*смѣси*) вина съ водой? (*срв. B 91*).

(*Пер. Г. Якубаниса*): „Мѣдь, смѣшанная съ оловомъ... (*Смѣсь*) вина и воды.. Поры [1]) и насты [2])“....

93. *Плутархъ de def. or. 41 p. 433 B* А именно, одни родственны и полезны однимъ, другія другимъ, какъ темно-синяя краска пурпуровой улитки и селитра зерна въ плодахъ, смѣшанная съ (*ней*), усиливаютъ [3]) кажется, окраску (*другъ друга*).

„Цвѣтъ багреца примѣшивается къ желтой жилочницѣ“ (*Э. Р.*).

---

[1]) „Отверстія, скважины“ *Г. Я.*

[2]) „Туго-набитыя, плотныя части тѣлъ, въ противоположность порамъ“ *Г. Я.*

[3]) Читаю *„αὔξειν“* вмѣсто *„ἄγειν“*.

„Къ полотну [1]) примѣшивается [2]) багрецъ свѣтлаго самбука“... (*Г. Я.*), какъ сказалъ Эмпедоклъ.

94. *Плутархъ quaest. nat. 39* [3]) Почему вода въ самой верхней части кажется бѣлой, въ глубинѣ же черной? Не потому ли, что глубина есть мать темнаго цвѣта, такъ какъ она ослабляетъ и уничтожаетъ лучи солнца, прежде чѣмъ они къ ней спустятся? Верхняя же сторона должна воспринимать въ себя блестящую бѣлизну свѣта, такъ какъ она находится подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ солнца. Съ этимъ самымъ (*объясненіемъ*) согласенъ и Эмпедоклъ:

„Черный цвѣтъ является также въ глубинѣ рѣкъ, въ тѣни,
Онъ виденъ также въ пещерахъ, наполненныхъ пропастями“ (*Э. Р.*).

„Черный цвѣтъ рѣки на днѣ происходитъ отъ тѣни и точно такъ же замѣчается онъ въ пещерообразныхъ гротахъ“ (*Г. Я.*).

95. *Симплицій de caelo 529, 26* (*послѣ В 87*) И указывая причину, почему одни лучше видятъ днемъ, другіе ночью (*срв. А 86, стр. 166*), онъ говоритъ:

„Когда сначала образовалась искусствомъ Киприды“ (*Э. Р.*).

„Когда они (*глаза*) впервые стали срастаться подъ дланями Киприды“... (*Г. Я.*).

96. *Симплицій phys. 300, 19* И въ самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, тѣла, кость и каждая изъ прочихъ (*вещей*) образуется по нѣкоторому числовому соотношенію (*элементовъ*). По крайней мѣрѣ, въ первой книгѣ „Физики“ онъ говоритъ (*цит. ниже приводимые стихи*) . . . , то-есть, отъ божественныхъ виновниковъ и болѣе всего отъ Любви или Гармоніи. А именно, онѣ (*кости*) сплачиваются связями ея. *Аристотель de anima А 5. 410 а 1* (*пер. В. Снегирева*) Дѣло въ томъ, что каждый предметъ состоитъ изъ стихій, соединенныхъ не какъ попало, а въ каждомъ онѣ находятся въ опредѣленномъ, цѣлесообразномъ соотношеніи и сочетаніи. Такъ самъ Эмпедоклъ говоритъ о костяхъ:

„Творящая земля—въ плавильныя печи своихъ обширныхъ нѣдръ
Положила двѣ восьмыхъ части прозрачнаго Нестида,

И четыре части стихіи Гефеста: изъ этого смѣшенія образовались бѣлыя кости“. *Перифразъ у Симплиція къ этому мѣсту 68, 5 Hayd.* „Пріятной“, то-есть, гармонической названа земля, какъ кубъ, согласно ученію пиѳагорейской школы. А именно, они называли кубъ гармоніей, такъ какъ онъ образуетъ гармоническую пропорцію вслѣдствіе того, что имѣетъ 12 сторонъ, 8 угловъ и 6 поверхностей. „Горнилами“ же (*называются*) и у поэта (*Гомера*) сосуды, въ которыхъ происходитъ соедине-

---

[1]) Такъ же, какъ Г. Якубанисъ, понимаетъ это слово Wyttenbach и Millerd.

[2]) „Т. е. полотно окрашивается въ . . .“ *Г. Я.*

[3]) Отрывокъ извѣстенъ лишь въ латинскомъ переводѣ Лонголія (Köln 1542): греческая рукопись, съ которой былъ сдѣланъ переводъ, повидимому, утеряна.

ніе смѣшиваемыхъ (*веществъ*): „стали дуть всѣ мѣхи въ двадцати горнилахъ“ (*Иліада XVIII 470*); ихъ онъ называлъ также „прекрасногрудыми“, такъ какъ они широки по причинѣ (*своей большой*) вмѣстимости. Для образованія костей онъ (*считаетъ нужнымъ*) участіе въ смѣси четырехъ частей огня, говоря, что онѣ (*кости*) имѣютъ весьма большую долю огня; (*такъ онъ полагаетъ*), можетъ быть, принимая во вниманіе (ихъ) сухой бѣлый цвѣтъ. (*Сверхъ того, для образованія костей онъ принимаетъ*) двѣ (*части*) земли, одну воздуха и одну воды; оба послѣднихъ (*элемента*) онъ называетъ „Нестисъ блескомъ“, Нестисъ (*онъ называетъ воздухъ и воду*) вслѣдствіе (*ихъ*) влажности отъ (*слова*) **νάειν**= течь, блескомъ же (*онъ называетъ ихъ)*, какъ прозрачныхъ. *Срв. А 78, стр. 162.*

(*Пер. Э. Радлова*) „Земля благодатная, образовавшаяся въ хорошихъ горнилахъ

Изъ восьми частей: двѣ взяла отъ прозрачной Нестиды
И четыре отъ Гефеста,—такъ образовались бѣлыя кости,
Божественно скрѣпленныя узами гармоніи“.

(Пер. Г. Якубаниса) „А благодатная земля въ (*своихъ*) широкогрудыхъ горнилахъ двѣ изъ восьми частей получила отъ свѣтлой Нестиды и четыре отъ Гефеста [1]); а изъ нихъ [2]) образовались бѣлыя кости, дивно сплоченныя связями Гармоніи“.

97. *Аристотель de part. anim. А 1 р. 640 а 18* Ибо рожденіе—ради сущности, а не сущность—ради рожденія. Поэтому-то Эмпедоклъ неправильно сказалъ, будто многое есть у животныхъ потому, что такъ случайно образовалось при происхожденіи (*ихъ*), какъ, напримѣръ, будто они имѣютъ такой „хребетъ“, потому что при случайномъ поворотѣ послѣдній изломался.

98. *Симплицій phys. 32, 3* Онъ называетъ огонь и Гефестомъ (*В 96, 3*) и солнцемъ (*21, 3 и др.*) и пламенемъ (*85)*, воду *(онъ называетъ*) дождемъ (*73, 1 и др.*), воздухъ же эѳиромъ (*100, 7 и др.)*. Итакъ, онъ говоритъ это во многихъ мѣстахъ и (*между прочимъ*) въ слѣдующихъ стихахъ (*цит. ниже приводимые стихи*). *Срв. Аэцій V 22* (*А 78, стр. 162*) *Тамъ же 33, 3* И онъ утверждаетъ, что весьма многочисленныя части животныхъ возникли случайно; такое (*мнѣніе онъ высказываетъ*), когда говоритъ (*цит. первый стихъ изъ ниже приводимыхъ*).

(*Пер. Э. Радлова)* „Тѣснѣе всего земля соединилась въ равныхъ частяхъ съ Гефестомъ,

И дождемъ и эѳиромъ,
Ставъ на якорь въ превосходныхъ гаваняхъ Киприды.
То въ немного большей, то въ немного меньшей пропорціи;

---

[1]) „Такимъ образомъ на долю самой земли остается двѣ части“ *Г. Я.*
[2]) „Изъ упомянутыхъ выше восьми частей всѣхъ стихій“ *Г. Я.*

Изъ нихъ образовалась кровь и остальные виды тѣла".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Земля же, ставъ на якорь въ превосходныхъ [1]) гаваняхъ Киприды, встрѣчается съ ними почти равными частями [2]) (*а именно*) съ Гефестомъ и дождемъ, а также съ ярко-блестящимъ эѳиромъ, то въ немного бо̀льшемъ количествѣ, (*чѣмъ остальныя стихіи*), то въ меньшемъ—(*соединяясь*) съ бо̀льшимъ количествомъ тѣхъ. Изъ нихъ происходитъ кровь и другіе виды плоти.

99. *Ѳеофрастъ de sens. 9* (*А 86, стр. 166*)
„Мясистая кость (въ ухѣ)" (*Э. Р.*).
„Колокольчикъ... Мясистый отростокъ" [3]) (*Г. Я.*).

100. *Аристотель de respir. 7 p. 473 a 15* Говоритъ о дыханіи и Эмпедоклъ, однако, онъ ничего не разъясняетъ ни относительно цѣли (*дыханія*), ни относительно того, дышатъ ли всѣ животныя или нѣтъ. И говоря о дыханіи черезъ „ноздри" (*ст. 4*), онъ думаетъ, что онъ говоритъ и о главномъ дыханіи... *473 b 1* Онъ говоритъ, что вдыханіе и выдыханіе возникаютъ вслѣдствіе того, что существуютъ нѣкоторыя жилы, въ которыхъ заключается кровь, однако, онѣ не наполнены кровью (*ст. 1*), но имѣютъ отверстія для внѣшняго воздуха, которыя меньше частицъ тѣла, но больше (*частицъ*) воздуха. Поэтому-то (*говоритъ онъ*), такъ какъ кровь по природѣ (*своей*) движется вверхъ и внизъ, когда она уносится внизъ, втекаетъ воздухъ и происходитъ вдыханіе, когда же она идетъ вверхъ, онъ (*воздухъ*) вытѣсняется вонъ и происходитъ выдыханіе, причемъ онъ сравниваетъ то, что происходитъ, съ водяными часами (*цит. ниже приводимые стихи*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Вотъ какъ всѣ (животныя) вдыхаютъ и выдыхаютъ: у всѣхъ животныхъ

Есть длинные кровеносные сосуды, проходящіе черезъ мускулы на поверхность тѣла,

И открывающіеся многочисленными мелкими отверстіями

На концѣ ноздрей такимъ образомъ, что кровь

Задерживается, эѳиръ же находитъ легкій доступъ;

Когда тамъ легкая кровь отливаетъ, кипящій эѳиръ вливается бурнымъ потокомъ

И затѣмъ выходитъ обратно, когда (кровь) приливаетъ; подобно дѣвочкѣ,

---

[1]) „*Τελείοις*"—непереводимый оттѣнокъ. Т. значитъ и „превосходный" и „завершающій что-либо", т. е. въ данномъ случаѣ—гавань Киприды, временно завершающая вѣчное движеніе стихіи" *Г. Я.*

[2]) „Т. е. въ равной пропорціи" *Г. Я.*

[3]) „*Σάρκινος ὄζος*.—служащій, очевидно, по представленію философа, язычкомъ колокольчика—уха: внѣшній звукъ, проникая въ ухо, приводитъ въ колебаніе язычокъ колокольчика, который, звеня, и вызываетъ ощущеніе звука" *Г. Я.*

Играющей водяными часами изъ блестящей мѣди,
Когда красивая рука положена на отверстіе трубки
И опущена въ текущую массу блестящей воды,
Тогда вода не проникаетъ въ сосудъ, ее задерживаетъ
Тяжесть воздуха, падающаго внутри на частыя отверстія,
Пока не наступитъ сильное теченіе (воздуха); тогда
При недостаткѣ воздуха входитъ необходимая вода.
Также, когда вода имѣется на глубинѣ мѣднаго сосуда,
Но отверстіе трубки закрыто рукой,
Воздухъ, давящій снаружи внутрь, задерживаетъ воду
При выходѣ изъ узкаго прохода, занимая края, пока не отнимутъ руку;
Тогда, напротивъ, дѣйствіемъ, противоположнымъ предыдущему,
Входитъ воздухъ и вытекаетъ полезная влага.
Подобно тому двигается по сосудамъ нѣжная кровь:
Когда она отливаетъ внутрь,
Тотчасъ же съ силой проникаетъ токъ воздуха быстрою волной,
Когда (кровь) возвращается, онъ на столько же выходитъ.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Вотъ какъ всѣ *(живыя существа)* вдыхаютъ и выдыхаютъ. У всѣхъ нихъ протянуты къ поверхности тѣла безкровныя *(сами по себѣ, но предназначенныя для кровообращенія)* трубки изъ плоти, а у ихъ устій [1]) наружные покровы кожи насквозь пробуравлены частыми отверстіями, такъ что кровь задерживается, эѳиру же открытъ удобный путь чрезъ *(эти)* проходы. Поэтому, всякій разъ какъ нѣжная кровь отливаетъ оттуда [2]), эѳиръ, клокоча (*отъ быстраго движенія*), врывается (*туда*) бѣшеными волнами; когда же кровь приливаетъ обратно, онъ снова выдыхается, подобно тому какъ (*это бываетъ*), когда дѣвочка играетъ водяными часами изъ блестящей мѣди: когда, положивъ отверстіе трубки на красивую ручку, она погружаетъ (*ихъ*) въ мягкую массу серебристой воды, то влага еще не входитъ въ сосудъ, но ее оттѣсняетъ тяжесть воздуха, падающая изнутри на частыя отверстія, пока она (*дѣвочка*) не откроетъ сжатаго потока [3]); а тогда, съ ослабленіемъ давленія воздуха, входитъ (*въ трубку*) опредѣленное количество воды. Точно такъ же, когда вода занимаетъ внутренность мѣднаго сосуда [4]), при чемъ проходное отверстіе его заграждено человѣческой рукой,—эѳиръ, стремясь [5]) снаружи внутрь, оттѣсняетъ влагу къ *(самому)* отверстію

---

[1]) „Т. е. у выходовъ, у отверстій этихъ трубокъ“ *Г. Я.*

[2]) „Отъ этихъ отверстій“ *Г. Я.*

[3]) „Т. е. заключеннаго въ трубкѣ столба воздуха“ *Г. Я.*

[4]) „Т. е. такого же, какъ описанный выше, продолговатаго цилиндра, съ однимъ сравнительно широкимъ отверстіемъ съ одной стороны и множествомъ мелкихъ отверстій —съ другой“ *Г. Я.*

[5]) „Т. е. производя давленіе“ *Г. Я.*

узкаго, производящаго шумъ прохода [1]), (*самъ*) занимая вершину [2]), пока (*дѣвочка*) не отпуститъ руки; тогда же, наоборотъ, въ противоположность тому, что (*произошло*) прежде [3]), съ проникновеніемъ воздуха (*во внутрь сосуда черезъ верхнее отверстіе)*, вытекаетъ опредѣленное количество воды.—Точно такъ же, всякій разъ какъ нѣжная, стремительно обращающаяся по членамъ кровь, отпрянувъ назадъ, отливаетъ внутрь, тотчасъ же бурной волной низвергается (*въ опорожнившіеся отчасти кровеносные сосуды*) токъ эѳира; когда же (*кровь*) приливаетъ обратно, онъ (*эѳиръ*) снова выдыхается назадъ въ равномъ количествѣ".

101. *Плутархъ de curios. 11 p. 520 E* И подобно тому какъ охотники не позволяютъ щенкамъ удаляться въ сторону и гоняться за любымъ запахомъ, но бьютъ ихъ плетками и удерживаютъ, оберегая ихъ органъ ощущенія свободнымъ и чистымъ для своего собственнаго дѣла, чтобы онъ сталъ болѣе воспріимчивымъ къ слѣдамъ (*цит. ниже приводимый стихъ 1* , такъ и т. д. *Онъ же quaest. nat. 23 p. 917 E* Воспринимаютъ ли собаки (*цит. ст. 1*), какъ говоритъ Эмпедоклъ, истеченія, которыя оставляютъ въ лѣсу звѣри; ихъ (эти *истеченія*) весной ослабляютъ и уничтожаютъ весьма многочисленные запахи растеній и кустарниковъ и т. д. *Александръ q. f. probl. III 102 (къ апоріи*: почему собаки не обоняютъ слѣдовъ издохшаго зайца) Итакъ, они ощущаютъ запахъ живого звѣря вслѣдствіе безпрестаннаго (исхожденія его); когда же (*животное*) издохло, истеченіе (отъ него) прекращается. А именно, оно не оставляетъ (*служащихъ причиной запаха истеченій*), (*цит. ст. 2*), какъ (*говоритъ)* Эмпедоклъ, ибо невозможно *(тогда)* отдѣляться запаху и верхнему слою тѣла, но вмѣстѣ со смертью (*животнаго*) наступаетъ конецъ и для нихъ *(издающихъ запахъ частицъ)* и для самого *запаха. Анонимный авторъ на Платона Theaet. 70, 48* Эмпедоклъ оставляетъ истеченія и говоритъ, что собаки выслѣживаютъ „частички звѣриныхъ членовъ". Это невозможно въ томъ случаѣ, когда (*приходится имѣть дѣло*) съ умирающими животными.

„Отыскивая носомъ логовище звѣрей" (*Э. Р.*).

„Отыскивая носомъ частички животныхъ членовъ... которыя оставлялъ отъ ногъ на сочномъ пастбищѣ (*олень или заяцъ)" (Г. Я.*).

102. *Ѳеофрастъ de sens. 22* (*см. А 86, стр. 171*)

„Во всемъ участвуютъ дыханіе и обоняніе" (*Э. Р.*).

„Такимъ образомъ дыханіе и обоняніе свойственно всѣмъ созданіямъ" (*Г. Я.*).

---

[1]) „Т. е. того конца клепсидры, черезъ который, обыкновенно, выливается по каплямъ наполняющая ее влага" *Г. Я.* Иначе Дильсъ.

[2]) „Т. е. образуя небольшой столбикъ между водой и поверхностью замыкающей отверстіе руки" *Г. Я.*

[3]) „Въ предыдущемъ опытѣ" *Г. Я.*

103. *Симплицій Phys. 331, 10* (Случай *Эмпедокла*) И много такого рода свидѣтельствъ можно найти въ „Физикѣ“ Эмпедокла, какъ, напримѣръ, и слѣдующій (*стихъ*):

„Такимъ образомъ все мыслитъ по волѣ судьбы“ (*Э. Р.*).

„Итакъ, все одарено разумомъ благодаря таковой волѣ Судьбы“ (*Г. Я.*)

104. *Симплицій Phys. 331 13* (*послѣ В 103*) И немного ниже:

„И поскольку мельчайшія части соединились въ своемъ движеніи“ (*Э. Р.*).

„И поскольку тончайшія (*частицы*) столкнулись въ своемъ паденіи...“ (*Г. Я.*).

105. *Порфирій de Styge у Стобея ecl. I 49. 53 p. 424, 14 W.* Эмпедоклъ же, кажется, говоритъ (*о сердцѣ*), какъ объ органѣ для стеченія крови (*цит. ниже приводимые стихи*). *Срв. А 84* (*стр. 165) и 86* (*стр. 167).*

(*Пер. Э. Радлова*) „. . . Питается въ бурныхъ волнахъ крови,
И отсюда происходитъ подвижная мысль человѣка,
Потому что мысль въ людяхъ — это кровь, омывающая сердце“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „(*Сердце*) живетъ въ волнахъ быстро обращающейся крови, и въ немъ (*находится то, что*) зовется, обыкновенно, у людей мыслью, потому что мысль у людей есть (*не что иное, какъ*) омывающая сердце кровь“.

106. *Аристотель de anima Г 4. 427 а 21* (*пер. В. Снегирева*) И древніе утверждаютъ, что размышлять и ощущать есть одно и то же. Такъ Эмпедоклъ сказалъ: „въ присутствіи предметовъ мудрость людей возрастаетъ“; и въ другомъ мѣстѣ: „отсюда проистекаетъ то, что они всегда могутъ размышлять о различныхъ предметахъ“ (*В 108*). *Metaph. Г 5. 1009 b 17* Эмпедоклъ говоритъ, что перемѣна въ (*нашемъ*) состояніи сопряжена съ перемѣной (*нашего*) образа мыслей (*цит. ниже приводимый стихъ*). И въ другомъ (*мѣстѣ*) онъ говоритъ, что (*цит. В 108*).

„Ибо человѣческій разумъ растетъ соотвѣтственно представляющемуся“ (*Э. Р.).*

„Потому что разумъ возрастаетъ у людей въ соотвѣтствіи съ предлежащимъ [1])“ (*Г. Я*).

107. *Өеофрастъ de sensu 10* (*А 86. стр. 167*).

(*Пер. Э. Радлова)* „Потому что ими соединены гармонично всѣ вещи,
Ими (люди) думаютъ, радуются или страдаютъ“.

(*Пер. Г. Якубаниса)* „Потому что изъ нихъ (*стихій*) все сплочено и слажено, и посредствомъ нихъ (*люди*) мыслятъ и наслаждаются и страдаютъ“.

---

[1]) „Т. е. въ соотвѣтствіи съ налично данною дѣйствительностью, сообразно съ расширеніемъ ихъ чувственнаго опыта“ *Г. Я.*

(*Пер. кн. С. Трубецкого*) „Такъ изъ нихъ все, что есть, слагается въ стройный порядокъ;

Ими же думаетъ все и чувствуетъ радость и скорби“.

108. *Аристотель Metaph. Г 5. 1009 b 18* (*срв. къ В 106*) И въ другомъ (*мѣстѣ*) онъ говоритъ. что (*цит. ниже приводимые стихи*). *de anima Г 3. 427 а 24* (*срв. къ В 106*) И въ другомъ мѣстѣ: (*цит. тѣ же стихи*) [1]). *Филопонъ къ этому мѣсту 486, 13* А именно, Эмпедоклъ, говоря о различіяхъ „сновидѣній“, утверждаетъ, что ночныя представленія возникаютъ изъ того, что дѣлалось днемъ. Это представленіе онъ называетъ „мышленіемъ“ въ слѣдующихъ стихахъ (*приводится та же самая цитата*). *Симплицій къ этому мѣсту 202, 30* И иного рода мысли овладѣваютъ (*ими*) въ сновидѣніяхъ и т. д.

„Насколько измѣняются люди, настолько всегда

И разумъ имъ представляетъ иныя мысли“ (*Э. Р.*).

„Насколько перерождаются люди (*за день, подъ вліяніемъ разнообразныхъ переживаній*), настолько же разнообразныя переживанія представляются всегда ихъ мышленію (*ночью, во время сна*)“ (*Г. Я.*).

109. *Аристотель de anima A 2. 404 b 8* (*пер. В. Снегирева*) Но тѣ, кои обращали вниманіе на процессъ познанія и ощущенія животныхъ, утверждаютъ, что душа относится къ началамъ: при этомъ одни изъ нихъ допускаютъ нѣсколько началъ, другіе —одно начало—саму душу. Такъ Эмпедоклъ представляетъ душу состоящею изъ всѣхъ стихій и каждую изъ нихъ почитаетъ душею. Онъ говоритъ:

„Землю землею, воду водою мы познаемъ,

Эѳиръ божественный знаемъ эѳиромъ и огнемъ разрушительный пламень,

Любовь любовью и раздоромъ печальный раздоръ“.

Аристотель Metaph. В 4. 1000 b 5 (*пер. Розанова-Первова*) А знаніе подобнаго (возможно) для подобнаго (только):

„Вѣдь землю (говоритъ онъ) мы способны видѣть землею, водою воду,

Эфиромъ божественный эфиръ, и огонь уничтожающій —огнемъ,

Любовь любовью, а раздоръ—печальнымъ раздоромъ“.

(*Пер. Э. Радлова*) „При посредствѣ земли мы видимъ землю, при посредствѣ воды—воду,

Посредствомъ эѳира—божественный эѳиръ, черезъ огонь—разрушительный огонь,

Любовью—любовь, и ненавистью- печальную ненависть“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Ибо землею [2]) познаемъ мы землю, водою

---

[1]) Здѣсь цитата у Аристотеля является неточной: очевидно, сдѣлана по памяти.

[2]) „Т. е. посредствомъ состоящихъ изъ земли тканей глаза“ *Г. Я.*

воду, эѳиромъ божественный эѳиръ, огнемъ же—губительный огонь, любовь—любовью и вражду пагубной враждою.

(*Пер. кн. С. Трубецкого*) „Землю землею мы зримъ, и воду мы видимъ водою;

Эѳиромъ небесный эѳиръ, огнемъ безпощадный огонь;
Видимъ любовью любовь, вражду же—враждой ненавистной".

110. *Ипполитъ ref. VII 29 p. 251 M* [1]). Приблизительно въ такомъ видѣ изображаетъ намъ философія Эмпедокла возникновеніе міра, гибель его и составъ, представляющій собою соединеніе добра и зла. Онъ говоритъ, что есть и нѣкая третья умопостигаемая сила, которую можно замѣтить и на основаніи вышеупомянутыхъ; а именно, онъ говоритъ какъ-то слѣдующимъ образомъ (*цит. ниже приводимые стихи 1—10*)... *30 p. 253* (*противъ Маркіона*) Ты незамѣтно учишь очищеніямъ Эмпедокла... Ты уничтожаешь Богомъ связанные браки, чтобы сохранить себѣ единое нераздѣльное дѣло любви. И въ самомъ дѣлѣ, бракъ, по Эмпедоклу, раздѣляетъ единое и дѣлаетъ его многимъ, какъ мы показали. *Тамъ же VI 12 p. 165 (послѣ B 109)* Ибо, говоритъ онъ (*Симонъ*), *Эмпедоклъ* полагалъ, что всѣ части огня какъ видимыя, такъ и невидимыя, обладаютъ мышленіемъ и причастны разуму *Секстъ adv. math. VIII 286* Эмпедоклъ держался еще болѣе страннаго взгляда, что все одарено разумомъ, и не только животныя, но и растенія; *(а именно)* онъ опредѣленно пишетъ (*цит. стихъ 10*).

(*Пер. Э. Радлова*) „Если представивъ себѣ все это ясно въ глубокомъ размышленіи,

Ты посвятишь этому свои мысли чистыя и прямыя,
То всѣ эти вещи будутъ тебѣ навсегда принадлежать,
И черезъ нихъ ты пріобрѣтешь еще многія другія, ибо онѣ выростаютъ
(5) Въ людяхъ, благодаря желанію, смотря по природѣ каждаго.
Но если ты погонишься, какъ это дѣлаютъ люди, за вещами посторонними,
Которыя влекутъ за собою для людей безчисленныя бѣды, удручающія заботами мысль [2]),
Ты покинешь внезапно жизнь въ теченіе времени,
Чтобы вернуться по собственному желанію къ твоему началу;
Потому что, знай, вездѣ есть мысль и часть необходимости".

---

[1]) Ипполитъ старался доказать, что ересь Маркіона является новой формой ученія Эмпедокла. Два принципа Маркіона—Добро и Зло Ипполитъ выводитъ изъ Эмпедоклова дуализма Любви и Вражды. Также онъ даетъ рядъ другихъ насильственныхъ сопоставленій Эмпедокла съ маркіонитами. Поэтому къ его изложенію системы Эмпедокла слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью.

[2]) Стихъ отчасти сходенъ съ B 2, 2.

(*Пер. Г. Якубаниса*) Потому что, если ты, укрѣпивъ ихъ [1]) въ глубинѣ сердца, благосклонно взглянешь на нихъ съ неподдѣльнымъ вниманіемъ, то, съ одной стороны, всо это [2]) будетъ, конечно, въ теченіе (*всей твоей*) жизни составлять твое неотъемлемое достояніе, съ другой же стороны ты пріобрѣтешь благодаря (*всему*) тому много другого [3]); ибо они [4]) взаимно возращаютъ другъ друга въ направленіи присущаго каждому изъ нихъ характера, сообразно съ тѣмъ или другимъ его происхожденіемъ [5]).- Если же ты такъ или иначе будешь добиваться стяжаній другого рода, которыя бываютъ для людей источникомъ безчисленныхъ сквернъ и которыя притупляютъ (*у нихъ*) пытливыя думы, то они [6]), несомнѣнно, вскорѣ съ теченіемъ времени покинутъ тебя, стремясь вернуться къ своему собственному роду [7]). Ибо знай, что во всемъ есть мысль и необходимая доля разумности [8]).

111. *Діогенъ VIII 59 (А 1, стр. 134) (приводитъ стихи 1—9) Климентъ Strom. VI 30 (см. А 14, стр. 141) (приводитъ стихи 3—5).*

(*Пер. Э. Радлова*) „Сколько ни есть лѣкарствъ, защита отъ болѣзней и старости,

Ты ихъ узнаешь, тебѣ одному открою я ихъ;

Ты будешь сдерживать силу неутомимыхъ вѣтровъ, которые на землѣ,

Подымаясь вихрями, опустошаютъ поля,

(5) И вновь, когда захочешь, ты вызовешь противный вѣтеръ;

Изъ мрачнаго дождя ты людямъ дашь благодатное ведро,

А въ лѣтнія жары ты вернешь дожди,

Питающіе травы, орошая ихъ, и дающіе хорошую жатву;

Ты вернешь изъ ада умершаго мужа“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Ты узна́ешь всѣ, какія только есть, цѣлебныя средства, предохраняющія отъ недуговъ и отъ старости, такъ какъ

---

[1]) „Преподанныя тебѣ въ поэмѣ теоретическія и вытекающія изъ нихъ практическія наставленія“ *Г. Я.*

[2]) „Т. е. вся преподанная тебѣ теоретическая и практическая мудрость, со всѣми вытекающими изъ нея внутренними и внѣшними благами и преимуществами, въ родѣ, напр., тѣхъ, какія перечисляются въ слѣдующемъ, 111 фрагментѣ“ *Г. Я.*

[3]) „Т. е. много новыхъ частныхъ познаній, а тѣмъ самымъ и множество новыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ благъ и преимуществъ“ *Г. Я.*

[4]) „Духовныя стяжанія, внутреннія пріобрѣтенія“ *Г. Я.*

[5]) „Т. е. сообразно съ тѣмъ, чѣмъ каждое изъ нихъ вызывается, что каждому изъ нихъ объективно соотвѣтствуетъ“... (*Г. Я.*).

[6]) „Эти преходящія, суетныя пріобрѣтенія“ *Г. Я.*

[7]) „Смыслъ: тлѣнныя блага, которыхъ, обыкновенно, добиваются люди, скоропреходящи, такъ какъ они ежеминутно готовы ускользнуть изъ рукъ, разложившись на тѣ первичные элементы, изъ соединенія которыхъ они возникли“ *Г. Я.*

[8]) „Т. е. предначертанная судьбою закономѣрность, роковая связь и послѣдовательность явленій, объективно-разумная причинность,—говоря современнымъ языкомъ“ *Г. Я.*

для одного только тебя сдѣлаю я все это. Будешь прекращать ярость неутомимыхъ вѣтровъ, которые, устремляясь на землю, губятъ (*своими*) порывами нивы; и опять, если пожелаешь, ты возбудишь (*ихъ*) вознаграждающее (*раньше причиненный вредъ*) дыханіе. Послѣ мрачнаго ненастья будешь доставлять людямъ благовременное вѣдро, а послѣ лѣтней засухи будешь доставлять питающіе деревья потоки (*дождя*), которые и прольются изъ (*небеснаго*) эѳира; а также будешь возвращать изъ Аида душу усопшаго человѣка".

«Очищенія»[1].

112. *Діогенъ VIII 62* (*А 1, стр. 134 и 54 А 1*) О томъ, что онъ былъ изъ (*города*) Агригента въ Сициліи, онъ самъ говоритъ въ началѣ „Очищеній" (*цит. ниже приводимые стихи*). *Діодоръ XIII 83 10. 12 приводитъ стихъ 3. Климентъ Strom. VI 30* (*послѣ В 111, 5*) Онъ говорилъ, что его сопровождаютъ одни изъ жажды прорицаній, другіе, пораженные тяжкими (*страданіями*), изъ (*желанія излечить*) болѣзнь желѣзо (!).

(*Пер. Э. Радлова*) „Друзья, обитающіе большой городъ бѣлокураго Агригента,

Обитайте Акрополь, ревностные къ добрымъ дѣламъ,

Чуткіе къ гостепріимству иностранцевъ, не знающіе зла.

Привѣтъ вамъ! Я уже для васъ болѣе не человѣкъ, а безсмертный богъ,

Я шествую среди всѣхъ, почтенный какъ это подобаетъ,

Опоясанный перевязями и зелеными вѣнками.

И входя въ ваши цвѣтущіе города,

Я принимаю почетъ отъ мужчинъ и женщинъ; они слѣдуютъ за мною

Тысячами, спрашивая о пути ко спасенію;

Одни, нуждающіеся въ предсказаніи, другіе въ излѣченіи разныхъ болѣзней

(Давно они тяжкими страданіями терзаемы)

Желаютъ услышать слова утѣшенія".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Друзья, вы, которые обитаете акрополь великаго града золотистаго Акраганта[2], (*вы*), пекущіеся о благихъ дѣлахъ, (*вы*), дающіе пріютъ почтеннымъ чужестранцамъ, (*вы*), невѣдающіе поро-

---

[1]) Здѣсь мы будемъ приводить также нѣкоторые фрагменты въ переводѣ Г. Гомперца изъ его книги „Жизнепониманіе греческихъ философовъ и идеалъ внутренней свободы" русск. перев. 1912.

[2]) „Т. е. золотистаго холма, на которомъ расположенъ Акрагасъ" *Г. Я.* Возможно также пониманіе: у желтыхъ волнъ *(рѣки)* Агригента.

ка,—привѣтъ вамъ! Я шествую среди васъ безсмертнымъ богомъ, а уже не смертнымъ (*человѣкомъ*), въ почетѣ у всѣхъ [1], какъ то̀ и надлежитъ, кругомъ увѣнчанный перевязями и зеленѣющими гирляндами. Когда я вмѣстѣ съ ними, мужами и женами, прибываю въ цвѣтущіе грады, меня окружаетъ благоговѣйное поклоненіе. И они несмѣтною толпою слѣдуютъ за мной, вопрошая, гдѣ стезя, (*ведущая*) къ пользѣ, одни—имѣя нужду въ прорицаніяхъ, другіе же стараются услышать цѣлительное отъ различныхъ недуговъ слово, подлинно долго терзаемые тяжкими страданіями.

(*Г. Гомперцъ р. п*) „На берегу свѣтлаго Акраганта, у подножія горы, на которой воздвигнутъ замокъ,

Въ могущественномъ городѣ, домогающемся превосходныхъ дѣлъ,

Свободномъ отъ всего дурного, гостепріимномъ пріютѣ для чужестранцевъ,

Друзья, привѣтствую я васъ, но уже не какъ человѣкъ; какъ безсмертное божество.

Чтитъ меня на моемъ пути по заслугамъ толпа спутниковъ:

Священныя повязки вьются вокругъ моей головы, и пышные вѣнки.

Когда вмѣстѣ съ этими своими спутниками вхожу я въ цвѣтущіе города,

Тамъ чтятъ меня мужчины и женщины; но слѣдуетъ за мною также
Множество людей, ища пути къ спасенію.
Одни вопрошаютъ меня о прорицаніяхъ, а другіе
Ждутъ отъ меня цѣлительнаго слова отъ всякаго рода недуговъ;
Ибо уже слишкомъ долго изнуряетъ ихъ ужасная немощь“.

113. *Секстъ adv. math. I 302* (*послѣ В 112, 5*)

(*Пер. Э. Радлова*) „Но къ чему мнѣ настаивать на этомъ?—точно великая важность,

Что я превосхожу смертныхъ и многострадальныхъ людей“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Однако къ чему я настаиваю на этомъ, точно я совершаю какое-то великое дѣло, если превосхожу смертныхъ людей, которымъ на каждомъ шагу грозитъ пагуба!“

(*Г. Гомперцъ р. п.*) „Однако, чего же хвалюся я тѣмъ, словно чѣмъ-то особеннымъ,

Что я выше смертныхъ людей, обреченныхъ на гибель“.

114. *Климентъ Strom. V 9.*

(*Пер. Э. Радлова*) „Друзья, я знаю, что истина въ словахъ,
Которыя я произнесу; но тяжело людямъ
И ненавистно внѣдреніе вѣры въ умы“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Друзья! я знаю, что истина лежитъ въ глаголахъ, которые я изреку: но вѣдь, во-истину, тяжело и труд-

---

[1] „Какъ видно изъ дальнѣйшаго (ст. 7—8), здѣсь нужно разумѣть окружающую философа толпу, которая выходитъ навстрѣчу ему изъ города“ *Г. Я.*

но [1]) бываетъ для людей внѣдреніе въ *(ихъ)* умъ (*какого-либо новаго, чуждаго имъ дотолѣ*) убѣжденія".

(*Г. Гомперцъ р. п.)* „Друзья, я не сомнѣваюсь: словамъ, что возвѣщаю я,

Присуща истина; но затруднительнымъ кажется это людямъ,

Разъ проникаетъ въ ихъ сердце бурный порывъ вѣры".

115 [2]). *Ипполитъ Ref. VIII 29 р. 249 М.* Вотъ что говоритъ Эмпедоклъ о своемъ собственномъ рожденіи (*цит. стихъ 13*), то-есть „богомъ" онъ называетъ единое и то единство его, въ которомъ онъ (*самъ*) находился, прежде чѣмъ былъ выдѣленъ (*оттуда)* Враждою и родился среди этихъ многихъ (*вещей*), устроенныхъ Враждою. А именно, Эмпедоклъ говоритъ: „Послушный неистовствующей Враждѣ", называя творца этого міра неистовствующимъ, безпорядочнымъ и измѣнчивымъ. Такъ вотъ каково осужденіе и судьба душъ, которыя Вражда вырываетъ отъ единаго, управляетъ (*ими*) и пріобрѣтаетъ (*ихъ для себя*); а именно, онъ говоритъ приблизительно слѣдующимъ образомъ (*цит. стихи 4—5*), называя души долговѣчными демонами, такъ какъ онѣ—безсмертны и живутъ долгіе вѣка. (*Цит. стихъ 6*), *(здѣсь)* блаженными онъ называетъ соединенныхъ Любовью изъ множества въ единство умопостигаемаго міра. Итакъ, онѣ (*души*), говоритъ, скитаются и... (*цит. стихи 7—8*) Онъ говоритъ, что превращенія и измѣненія въ (*разныя)* тѣла суть „тяжкіе пути" душъ. Вотъ что онъ говоритъ (*цит. стихъ 8*). А именно, души перемѣняютъ тѣло за тѣломъ, такъ какъ Вражда ихъ измѣняетъ, наказываетъ и не позволяетъ пребывать въ единомъ. Но всяческими наказаніями караются Враждою души, мѣняющія тѣло за тѣломъ. Онъ говоритъ (*цит. ст. 9—12).* Такова кара, которою наказываетъ творецъ, подобно какому-либо кузнецу, который измѣняетъ форму желѣза и изъ огня въ воду его погружаетъ. Ибо эѳиръ, изъ котораго въ море бросаетъ души творецъ, есть огонь, суша же—земля; слѣдовательно, онъ говоритъ „изъ воды въ землю, изъ земли же въ воздухъ"; таково значеніе словъ (*цит. стихи 10—12)* Итакъ, ненавистныя души .. соединяетъ Любовь нѣкая благая изъ сожалѣнія къ плачу ихъ и къ безпокойному и тяжкому созиданію неистовствующей Вражды... Вслѣдствіе такого-то устроенія этого раздѣленнаго на части міра пагубной Вражды, Эмпедоклъ требуетъ отъ своихъ учениковъ воздержанія (*отъ употребленія въ пищу*) всѣхъ одушевленныхъ (*существъ*). Ибо, говоритъ онъ, съѣдаемыя тѣла животныхъ суть жилища наказанныхъ душъ. И онъ предписываетъ слушателямъ таковыхъ ученій воздерживаться отъ связей съ женщиной, чтобы не помо-

---

[1]) „*Δύσζηλος*—соб.: затруднено завистью, подозрительностью. Въ переводѣ невозможно точно передать этотъ оттѣнокъ" *Г. Я.*

[2]) Знаменитый 115-ый фрагментъ, описывающій паденіе душъ и ихъ скитанія: нигдѣ онѣ не находятъ себѣ мѣста, вся природа гнушается ихъ и каждая изъ стихій (эѳиръ, море, земля, солнце) стремится освободиться отъ нихъ (см. ст. 9—12).

гать и не быть соучастниками въ дѣлахъ, которыя творитъ Вражда, разрушающая всегда дѣло Любви и раздѣляющая. Это, говоритъ Эмпедоклъ, есть величайшій законъ управленія вселенной; а именно, онъ говоритъ какъ-то слѣдующимъ образомъ (*цит. стихи 1—2*). называя „необходимостью“ превращеніе изъ единаго во многое по причинѣ Вражды и изъ многаго въ единое по Любви. Боговъ же. какъ онъ сказалъ, четыре смертныхъ: огонь, вода, земля и воздухъ, и два безсмертныхъ, нерожденныхъ, всегда враждебныхъ другъ другу—Вражда и Любовь. *Плутархъ de exil. 17 p. 607 C* Эмпедоклъ же въ началѣ своей философіи провозгласивъ (*цит. стихи 1. 3. 5. 6. 13*), доказываетъ не то, чтобы онъ самъ, но что всѣ мы *(начиная)* съ него самого—чужеземцы, гости и изгнанники... (Душа) находится въ изгнаніи и блуждаетъ, осужденная на скитаніе божественными рѣшеніями и законами. *Плотинъ Enn. IV 8, 1* Сказавъ, что для согрѣшающихъ душъ законъ—пасть въ здѣшній міръ, и что онъ самъ, ставъ „изгнанникомъ изъ (царства) боговъ“, приходитъ „послушный неистовствующей Враждѣ“, Эмпедоклъ открывалъ столько, сколько, полагаю, и Пиѳагоръ и послѣдователи его говорили въ формѣ загадокъ и о немъ (*самомъ*) и о многихъ другихъ. *См. 21 C 1.*

(*Пер. Э. Радлова)* „Существуетъ роковой законъ, древнее постановленіе боговъ,

Вѣчное, утвержденное великими клятвами:
Если кто-либо оскверняетъ свои члены преступнымъ убійствомъ,
Или осмѣлится нарушить клятву,
(5) (Какой-либо Демонъ, жизнь котораго продолжается вѣка),
Онъ будетъ бродить тридцать тысячъ лѣтъ вдали отъ счастливыхъ,
Принимая послѣдовательно всевозможные образы смертныхъ,
Перемѣняя скорбные пути жизни. .
Сила эѳира толкаетъ васъ въ море.
Море васъ извергаетъ на твердь земли, земля въ пламя
Неугасимаго солнца, а оно бросаетъ въ вихри эѳира,
Одинъ воспринимаетъ изъ другого, но всѣ ощущаютъ ужасъ...
Такъ и я теперь изгнанъ богами и блуждаю,
Покорный яростной ненависти“

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Существуетъ вѣщее слово Необходимости, древнее постановленіе боговъ, вѣчное, закрѣпленное всеобъемлющими клятвами: если кто грѣховно осквернитъ свои члены кровавымъ убійствомъ [1]) или, содѣлавъ преступленіе, поклянется ложною клятвой, (*кто-либо изъ тѣхъ*), которымъ выпала на долю долговѣчная жизнь въ обра-

---

[1]) „*Φόνωι αἵματος* —лучшее, на мой взглядъ, дополненіе безнадежно испорченнаго стиха, предложенное Stein'омъ и принятое Fairbanks'омъ“ *Г. Я.*

зѣ демоновъ [1])—тотъ [2]) трижды десять тысячъ временъ долженъ скитаться вдали отъ блаженныхъ, рождаясь время отъ времени въ различныхъ видахъ тлѣнныхъ созданій, мѣняя (*одинъ за другимъ)* тяжкіе пути жизни. Ибо ярость эѳира гонитъ его въ море, море извергаетъ на поверхность земли, земля—въ сіяніе яркаго солнца, а оно *(солнце)* бросаетъ въ вихри эѳира. Одинъ воспринимаетъ изъ другого [3]), но всѣ гнушаются (*великимъ грѣшникомъ).*—Къ числу ихъ [4]) принадлежу нынѣ и я, изгнанникъ боговъ и скиталецъ, довѣрившійся неистовой Враждѣ“.

(Г. Гомперцъ р. п.) „Таковъ приговоръ судьбы, непреходящее, древнее
Рѣшеніе боговъ, на которомъ ясно положена печать присяги:
Кто (изъ духовъ, получившихъ въ удѣлъ долгую жизнь)
Согрѣшаетъ, оскверняя убійствомъ члены свои,
(5) Или въ ссорѣ клянется клятвопреступною рѣчью;
Блуждаетъ трижды 10000 лѣтъ [5]), вдали отъ блаженныхъ,
Будетъ рождаться онъ во всѣхъ видахъ смертныхъ существъ,
Смѣняя съ теченіемъ временъ нестерпимыя мѣста жизни.
Ибо гонитъ его въ море эѳиръ, а море
Выбрасываетъ его въ сіяніе солнечнаго свѣта,
А солнце снова низвергаетъ его въ вихри эѳира.
Такъ повсюду гость онъ, но для всѣхъ онъ отвращеніе.
Такимъ же духомъ являюсь и я, бѣглецъ, блуждающій вдали отъ боговъ,
Ибо погруженъ я въ неистовства вражды“.

116. *Плутархъ Quaest. conv. IX 5 p. 745 C* Мнѣніе же Платона (*Rep. X 617 B)* нелѣпо, *(а именно)*, для *(управленія)* вѣчными и божественными вращеніями онъ вмѣсто Музъ помѣщаетъ Сиренъ, божествъ совсѣмъ не человѣколюбивыхъ и не годныхъ *(для вышеуказанной цѣли)*, Музъ же или вовсе оставляетъ (*въ сторонѣ*) или называетъ ихъ именами Мойръ и именуетъ дочерьми Необходимости. Вѣдь Необходимость

---

[1]) „Т. е. кто-либо изъ людей, которые, хотя и смертны, однако живутъ послѣ кончины въ образѣ демоновъ, правда—не вѣчно, но очень долго“ *Г. Я.*

[2]) Г. Якубанисъ не видитъ „достаточнаго основанія понимать вмѣстѣ съ Diels'омъ это *μὶν* какъ *αὐτοῖς* и сохранять поэтому въ началѣ слѣдующаго стиха текстъ Ипполита *φυομένους*, вм. естественно ожидаемаго *φυόμενον*“.

[3]) „Т. е. одна стихія изъ другой“ *Г. Я.*

[4]) „Такихъ падшихъ демоновъ“ *Г. Я.*

[5]) Что значитъ здѣсь у Эмпедокла *ὧρας*? Xylander полагаетъ, что Эмпедоклъ обозначаетъ этимъ словомъ *часы* дня; F. Sturz думаетъ—*мѣсяцы* (весь періодъ, по его мнѣнію, равенъ 30 человѣческимъ вѣкамъ, или 2500 лѣтъ), B. van d. Brink считаетъ *ὧρας* у Эмпедокла *временами года*, Mullach—*годами*, наконецъ, Karsten полагаетъ, что Эмпедоклъ употребляетъ терминъ *ὧρας неопредѣленно* вмѣсто названія опредѣленнаго промежутка времени.

чужда Музамъ, Музъ же касается богиня Убѣжденія, и, я полагаю, Муза народолюбива въ гораздо большей степени, чѣмъ „Харита“ Эмпедокла“.

(Пер. Г. Якубаниса) „Любовь [1]) ненавидитъ трудно-переносимую Необходимость“.

117. *Діогенъ VIII 77 (А 1 стр. 138)*

„Ибо я уже былъ и юношей, и дѣвицей,
И вѣткою, и птицей, а также нѣмою рыбою въ морѣ“ (*Э. Радловъ*).

„Ибо я уже былъ нѣкогда отрокомъ, и дѣвою, и кустомъ, и птицей, а также и нѣмою морскою рыбой“ (*Г. Якубанисъ*).

„Нѣкогда былъ я уже юношей и дѣвой, былъ кустомъ и птицей,
Былъ я также рыбой нѣмой, всплывающей изъ волнъ“ (*Г. Гомперцъ р. п.*).

118. *Климентъ Strom. III 14* Очевидно, съ нимъ (*Гераклитомъ, 12 В 20*) согласенъ и Эмпедоклъ, говорящій (*цит. ниже приводимый стихъ*). *Срв. Секстъ adv. math. XI 96* Но нѣкоторые изъ школы Эпикура (*? Гермархъ*) обыкновенно... говорятъ, что по природѣ и по врожденному (свойству) животное избѣгаетъ страданія, гонится же за удовольствіемъ. Дѣйствительно, при рожденіи, не будучи еще рабомъ мнѣнія, (*животное*) плачетъ и кричитъ, лишь только непривычная прохлада воздуха рѣзко обдаетъ его (*см. Лукрецій V 226*).

„Я плакалъ и рыдалъ, видя непривычную страну“ (*Э. Р.*)

„Я плакалъ и рыдалъ, узрѣвъ непривычную мнѣ область“ (*Г. Я.*)

„Невѣдомое мѣсто плачемъ и воплемъ привѣтствовалъ“ (*Г. Г. р. п.*)

119. *Климентъ Strom. IV 12* Наставляя, полагаю, и обличая (*цит стихъ 1*), какъ говоритъ Эмпедоклъ, онъ вращается среди смертныхъ такимъ образомъ покинувъ (*прежнее жилище*). *Плутархъ de exil. 17 p. 607 D (послѣ В 115, 1 слѣд.)* Или, подобно тому какъ на островѣ, имѣющемъ много мѣстъ, удобныхъ для пристани, „на подобіе устрицы“ какъ говоритъ Платонъ (*Федръ 250 С*), душа, привязавшись къ тѣлу осталась вслѣдствіе полнаго забвенія того (*цит. стихъ 1*)... (Душа) промѣнявъ небо и луну на землю и земную жизнь, не легко выноситъ и разстраивается, если здѣсь (*на землѣ*) немного перемѣнитъ мѣсто (*жительства*) одно за другимъ.

„Послѣ какого почета и какого великаго счастья
Я, несчастный, блуждаю по лугамъ смертныхъ“ (*Э. Р.*).

„Отъ какой чести и отъ сколь великаго блаженства (*свергнутъ я сюда, на землю, и обращаюсь среди смертныхъ*) (*Г. Я.*)

„Охъ, съ какой высоты, изъ какой полноты блаженства
Низринулся я на землю, дабы блуждать здѣсь среди людей“ (*Г. Г.*).

[1]) „*Χάρις*—соб.: милость, расположеніе, вм. обычной формы: *Φιλότης*“ *Г. Я.*

120. *Порфирій de antro nymph. 8 p. 61, 19 Nauck* А именно, у Эмпедокла душеводительныя силы говорятъ:

„Мы пришли въ этотъ скрытый вертепъ“ (*Э. Р.*)

„Пришли мы въ эту закрытую пещеру [1])...“ (*Г. Я.*).

121. *Гіероклъ ad c. aur. 24* Онъ возвращается и обратно получаетъ (*свое утраченное*) древнее свойство (*положеніе*), если убѣжитъ изъ земной области, „безотрадной обители“, какъ онъ говоритъ, „гдѣ. . . “ (*цит. стихъ 2*), куда попавшіе.. (*цит. стихъ 4*). Стремленіе же убѣгающаго изъ луга Пагубы [2]) направляется на лугъ Истины (*21 С 1*), оставивъ который вслѣдствіе стремительной потери крыльевъ, онъ входитъ въ земное тѣло, лишившись участія въ блаженной жизни (*21 В 158*). *Стихи 2—4 цитуются также Прокломъ.*

(*Пер. Э. Радлова*) „.... это безрадостное жилище...
Гдѣ убійство, злоба, и множество иныхъ золъ
(Жестокія болѣзни, заразы, тлѣнныя дѣла)
Обѣгаютъ темные луга несчастія“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „... Безотрадную область, гдѣ Убійство и Злоба и сонмы другихъ Бѣдъ, изнуряющіе недуги и язвы и тщетныя начинанія [3]) блуждаютъ во мракѣ надъ лугами Пагубы“.

(*Г Гомперцъ р. п.*) „(Земля) ... безрадостное мѣсто,
Гдѣ убійство и злоба и сонмы другихъ богинь смерти,
Изсушающая болѣзнь, тлѣніе и другія дѣла смерти
Движутся во мракѣ на нивѣ обольщенія“.

122. *Плутархъ de tranq. an. 15 p. 474 В* Но скорѣе, какъ (*говоритъ*) Эмпедоклъ, каждаго изъ насъ при рожденіи принимаютъ (*подъ свою власть*) и господствуютъ (*надъ нами*) нѣкія богини Судьбы и демоны двоякаго рода (*срв. В 120. 123*). (*Цит. ниже приводимые стихи*); такимъ образомъ, вслѣдствіе того что мы при рожденіи получили въ качествѣ привѣска сѣмена каждой изъ этихъ страстей и вслѣдствіе этого обладаемъ весьма разнородными (*задатками*), разумный человѣкъ желаетъ (*проявленія въ себѣ*) лучшихъ (задатковъ), но съ боязнью ожидаетъ также (*проявленія*) и иныхъ (задатковъ), пользуется же тѣми и другими, стараясь умѣрить ихъ чрезмѣрную (силу).

(*Пер. Э. Радлова*) „Тамъ находились земля и дальнозоркое солнце,
Кровавая война и съ величавымъ видомъ гармонія,
Красота и безобразіе, медленность и торопливость,
Милая искренность и съ мрачнымъ взглядомъ скрытность“.

---

[1]) „Соб.: подъ своды этой закрытой пещеры: такъ называетъ философъ подлунный міръ“ *Г. Я.*

[2]) Божество Ἄτη; какъ указываетъ Г. Якубанисъ, названіе ея лучше всего передается русскимъ словомъ „Пагуба“.

[3]) „Т. е. безплодные, не достигающіе цѣли труды и сопряженныя съ ними страданія“ *Г. Я.*

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Тамъ [1]) находились [2]): Хтонія и дальнозоркая Геліопа [3]), кровавая Борьба и степенная Гармонія, Красота и Безобразіе, Торопливость и Медлительность, милая Ясность и мрачноокая Непонятность“.

123. *Корнутъ epidrom. 17* Они (*титаны*) суть, пожалуй, (*олицетворенныя*) различія бытія. И дѣйствительно, въ физическомъ значеніи перечисляетъ (*ихъ*) Эмпедоклъ, указывая въ формѣ загадки разнообразіе бытія, (*цит. стихи 1—2*), а также Грязь, Молчаніе, Рѣчь и многіе другіе. Точно такъ же древними былъ названъ Іапетомъ разумъ, по которому возникли обладающія способностью говорить животныя и содѣлалась вся рѣчь, такъ какъ онъ (эразумъ)—есть нѣкое слово (*ἰαφετός*) (ибо *ἰά* значитъ звукъ) и т. д.

„Рожденіе и смерть, оцѣпененіе и бодрствованіе,
Движеніе и неподвижность, многовѣнчанное величіе
И смиреніе, божественное безмолвіе и пророческая рѣчь“ (*Э. Р.*).

„... Рожденіе и Смерть, Сонъ и Бодрствованіе, Движеніе и Неподвижность, многовѣнчанное Величіе и Низость, Молчаніе и знаменательный Гласъ“ (*Г. Я.*).

124. *Климентъ Strom. III 14 (послѣ В 125)* И опять (*цит. ниже приводимые стихи*). *Тимонъ fr. 10 Diels* Несчастные люди, весьма недостойные, скоты [4]), какъ, напримѣръ, (*цит. стихъ 2*).

„Увы! злополучное поколѣніе несчастныхъ смертныхъ,
Изъ какихъ ссоръ, изъ какихъ стенаній вы родились!“ (*Э. Р.*).

„Увы! о жалкій, о злополучный родъ смертныхъ: изъ какихъ распрей и воздыханій вы возникли!“ (*Г. Я.*).

„Горе тебѣ, жалкій родъ злосчастныхъ людей,
Возникшій изъ такой вражды и бѣдствія“ (*Г. Г.*).

125. *Климентъ Strom. III 14 (послѣ В 118)* „Одѣвъ ихъ землею,
Изъ живыхъ сдѣлала мертвыми, измѣнивъ ихъ видъ“ (*Э. Р.*).
„Изъ живыхъ стала дѣлать мертвецовъ [5]), измѣняя ихъ видъ“ (*Г. Я.*).

126. *Плутархъ de esu comm. 2. 3 p. 998 С* (*Возрожденіе къ новой жизни*) Природа измѣняетъ все и переселяетъ (*цит. ниже приводимый*

---

[1]) „Въ той мрачной области, въ той пещерѣ (фрагм. 120), куда попала душа философа, лишившись прежняго блаженства“ *Г. Я.*

[2]) „Далѣе слѣдуетъ попарное перечисленіе тѣхъ взаимно-противоположныхъ „душеводительныхъ силъ“, тѣхъ, говоря позднѣйшимъ языкомъ, добрыхъ и злыхъ геніевъ, которые сопровождаютъ душу въ ея печальномъ скитаніи по земной юдоли“ *Г. Я.*

[3]) „Т. е. земное божество, пригвождающее человѣка къ грубымъ, низменнымъ интересамъ дольняго существованія—съ одной стороны, и небесное, солнечное божество, поднимающее взоръ его горѣ—съ другой“ *Г. Я.*

[4]) *Γαστέρες* собственно „желудки“, какъ бранное слово, обозначаетъ людей, вся жизнь которыхъ сводится лишь къ отправленію физическихъ потребностей организма.

[5]) „Подразумѣвается, вѣроятно, смерть—*πότμος*“ *Г. Я.*

стихъ безъ упоминанія имени автора). Порфирій ap. Stob. Ecl. I 49, 60 Ибо опредѣленіе судьбы и природу самого переустроенія Эмпедоклъ назвалъ божествомъ, которое (*цит. ниже приводимый стихъ*) и перемѣняетъ одѣяніе душъ.

„Природа, облачивъ ихъ чуждою одеждой мускуловъ“ (*Э. Р*).
(*Природа*), облачающая (*людей*) чуждою одеждою плоти [1])“... (*Г. Я.*).
„Облекая ихъ въ одѣяніе чужихъ тѣлъ“ (*Г. Г.*).

127. *Элій nat. an. XII 7* Говоритъ также Эмпедоклъ, что наилучшее переселеніе (*души*) человѣка (*въ томъ случаѣ*), если жребій переведетъ ее въ животное,—стать львомъ. Если же въ растеніе, то (*наилучше сдѣлаться*) лавровымъ деревомъ. Вотъ что говоритъ Эмпедоклъ (*цит. ниже приводимые стихи*).

„Они [2]) между звѣрьми становятся львомъ, лежащимъ въ горахъ на землѣ,
Или же лаврами промежъ деревьевъ съ прекрасной листвою“ (*Э. Р.*).
„Они становятся горнологовищными, спящими на голой землѣ львами среди звѣрей и лаврами среди лѣпокудрыхъ деревьевъ“ (*Г. Я.*).
„Среди животныхъ горнымъ львомъ
Или лавромъ среди покрытыхъ богатою листвою деревьевъ“ (*Г. Г.*).

128. *Порфирій de abst. II 20* (*изъ Θеофраста de pietate*) Первоначальными изъ жертвоприношеній у многихъ (*народовъ*) были трезвыя (*жертвы безъ вина*). Трезвыя (*жертвоприношенія*)—тѣ, при которыхъ совершались возліянія воды, за ними послѣдовали жертвоприношенія съ возліяніемъ меда. Ибо этотъ влажный плодъ мы раньше всего взяли готовымъ у пчелъ. Затѣмъ (*возникли жертвоприношенія*) съ возліяніями изъ масла. Наконецъ, послѣдними (*появились*) позже возникшія (*жертвоприношенія*) съ возліяніемъ вина... *21* Это удостовѣряется не только треугольными столбами, составляющими принадлежность храмовъ Корибантовъ изъ Крита, представляющими какъ бы нѣкоторые списки (*составленные*) въ цѣляхъ (*сохраненія*) истины, но (*это засвидѣтельствовано*) и у Эмпедокла, который, обстоятельно разсказывая о жертвахъ и о теогоніи, показываетъ (*это*), говоря (*цит. стихи 1—3*) „... Киприда“, которая есть Любовь. (*Цит. стихи 4—7*), что и нынѣ еще сохраняется у нѣкоторыхъ, какъ бы нѣкоторые (*оставшіеся*) слѣды (*былой*) истины, (*цит. стихъ 8*). Ибо, я полагаю, такъ какъ любовь и родственное чувство владѣли всѣмъ, то никто ничего не убивалъ, считая остальныхъ животныхъ родственными (*себѣ*). Когда же Аресъ, Ужасъ, всяческая борьба и начало войнъ овладѣли (*вселенной*), тогда впервые никто ничего вообще изъ родственнаго (*себѣ*) не сталъ щадить. *27.* (*цит. стихи 8—10*).

---

[1]) „Рѣчь идетъ о метемпсихозѣ“ *Г. Я.*
[2]) Лучшія изъ осужденныхъ на земное скитаніе душъ. *А. М.*

(*Пер. Э. Радлова*) „И не былъ у нихъ богомъ ни Аресъ, ни Битва,
Ни царь Зевесъ, ни Хроносъ, ни Посейдонъ,
Но царица Киприда.
Ее они чтили благочестивыми украшеніями,
Изображеніями живыхъ существъ, искусно сдѣланными пахучими благовоніями,
Чистымъ мирромъ, куреніемъ пахучаго ладана,
Дѣлая возліянія желтаго меда на землю;
Не обагряли алтарь чистою кровью быковъ,
Но величайшимъ ужасомъ для людей было,
Исторгнувъ душу, поѣдать мирные члены".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „И не было у нихъ [1]) никакого бога Ареса, ни Кидема [2]), ни царя Зевса, ни Кроноса, ни Посейдона, но была только царица Киприда. Ее они умилостивляли благоговѣйными приношеніями [3]) живописными картинами, искусно приготовленными благовонными елеями жертвами изъ чистаго мура и благоухающаго ладана, дѣлая возліянія бураго меда на землю. Но (*ихъ*) алтарь не обагрялся чистою кровью быковъ; напротивъ, величайшей гнусностью считалось это среди людей,— исторгнувъ душу (*животныхъ*), пожирать (*ихъ*) крѣпкіе члены".

(*Г. Гомперцъ р. п.*) „Они не знали бога войны, ни бога смятенія,
Не знали Зевса владыку, ни Хроноса, ни Посейдона,
Царила одна Киприда.
Ее одаряли они изобильно пріятными приношеніями,
Искусно изготовленными изображеніями и благоуханными мазями,
Приносили прозрачную мирру, и воскурялся ѳиміамъ;
Выливали также на землю медъ золотистый.
Но никогда жертвенника не касалась чистая кровь убитыхъ быковъ,
А вотъ что почиталось величайшимъ проступкомъ у людей:
Уничтожить жизнь и ѣсть трепещущіе члены".

129. *Порфирій V. Pyth. 30* Онъ же (*Пиѳагоръ*) сама слышалъ гармонію вселенной, воспринимая всеобщую гармонію сферъ и движущихся въ нихъ свѣтилъ, которую мы не слышимъ вслѣдствіе малости (*нашей*) природы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Эмпедоклъ, который говоритъ о немъ (*цит. ниже приводимые стихи*). Ибо и въ зрѣніи, и въ слухѣ, и въ мышленіи Пиѳагора (*заключалась*) чрезвычайно большая (*сила*), *способность* усматривать каждую изъ существующихъ (*вещей*), сокровищница ума и въ высшей степени надлежащее проявленіе исключительной и болѣе точной по сравненію съ остальными (*людьми*) организаціи (*изъ*

---

[1]) „У людей золотого вѣка" *Г. Я.*

[2]) „*Κυδοιμός*—богъ смятенія битвы" *Г. Я.*

[3]) *Ἀγάλμασιν*—приношенія вообще, по преимуществу же скульптурныя" *Г. Я.*

Никомаха, какъ Ямвлихъ V. P. 15) Діогенъ VIII 54 цит. стихи 1—2 (срв. А 1, стр. 132).

(*Пер. Э. Радлова*) „Между ними былъ человѣкъ необычайнаго знанія,

Который пріобрѣлъ величайшія богатства

И обладалъ самыми разнообразными мудреными искусствами.

Къ чему бы онъ ни стремился своимъ умомъ,

Онъ легко открывалъ каждую существующую вещь

И (производилъ работу) десяти людей или двадцати поколѣній".

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Былъ среди нихъ * нѣкій мужъ необычайныхъ познаній, который во-истину пріобрѣлъ обширнѣйшее богатство разума, обладая въ самой высокой степени [1]) разнообразною мудростью. Ибо всякій разъ какъ онъ напрягалъ всю силу своего ума, онъ безъ труда созерцалъ отдѣльныя явленія всего существующаго даже за десять и за двадцать человѣческихъ поколѣній".

(*Г. Гомперцъ р. п.*) „Тогда жилъ нѣкій мужъ необычайнаго знанія,

Который достигъ величайшаго богатства ума,

И прежде всего былъ онъ учителемъ во всякой мудрости и искусствѣ.

Ибо, разъ только возбуждались всѣ его чувства,

Онъ легко узнавалъ изъ всѣхъ вещей каждую,

Какъ бы далеко ни находилась она, хотя бы на разстояніи десяти или двадцати поколѣній людей.

**Примѣчаніе.* О комъ здѣсь идетъ рѣчь? По Порфирію о Пиѳагорѣ, по Діогену Л., о Парменидѣ, по мнѣнію Дж. Бернета, объ Орфеѣ. Г. Якубанисъ предполагаетъ двоякую возможность: „или Эмпедоклъ вообще не имѣлъ въ виду никакой опредѣленной личности, а просто желалъ представить въ этомъ удивительномъ мужѣ миѳическій прототипъ себя самого, какъ мыслителя, пророка и нравоучителя; или, имѣя въ виду Пиѳагора и сознательно допуская оправдываемый легендарными сказаніями о самосскомъ мудрецѣ и вообще столь извинительный для поэта анахронизмъ, онъ переноситъ его въ тѣ отдаленныя времена, когда люди крѣпко еще держались любовныхъ завѣтовъ Киприды и, внимая высокой проповѣди нравоучителя, съ ужасомъ отвращались отъ мясной пищи". Г. Якубанисъ относитъ это время къ золотому вѣку.

130. *Схоліи Nic. Ther. 452 p. 36, 22* „Все было ласково и любезно людямъ:

И звѣри, и птицы; царила благосклонность" (*Э. Р.*)

„Всѣ твари были ручными и благорасположенными къ людямъ, какъ звѣри, такъ и птицы; и (*повсюду*) процвѣтало дружелюбіе" (*Г. Я.*)

---

[1]) Г. Якубанисъ здѣсь слѣдуетъ коньектурѣ Bergk'а.

„Кроткимъ было все: птицы и звѣри довѣрчиво и дружески
Подходили къ людямъ, и пылало пламя любви“ (*Г. Г.*).

131. *Ипполитъ Ref. VII 31 p. 254* А именно, Эмпедоклъ говоритъ, что есть міръ, устрояемый дурной Враждою и другой умопостигаемый (*міръ*), управляемый Любовью .. среднее же между (*этими*) различными началами—Справедливое слово, по которому раздѣленное Враждою соединяется и приспособляется къ единому по Любви. Называя это самое Справедливое слово, помогающее Любви, Музой, Эмпедоклъ и самъ призываетъ ее къ себѣ на помощь, (*а именно*), онъ говоритъ какъ-то слѣдующимъ образомъ:

„Если по поводу эфемерныхъ существъ, о безсмертная муза,
Ты благоволила недавно вдохновить мою мысль,
Помоги мнѣ, просящему теперь вновь, о Калліопа,
О счастливыхъ богахъ произнесть хорошее слово“. (*Э. Р.*).

„Если по поводу краткодневныхъ существъ [1]) ты, о безсмертная Муза, благоволила [2]) непрестанно пещись о нашихъ начинаніяхъ, то не покидай же меня, умоляю, и нынѣ, Калліопа, когда я готовлюсь повѣдать доброе слово о блаженныхъ богахъ“ *(Г. Я.)*.

132. *Климентъ Strom. V 140* „Счастливъ тотъ, который пріобрѣлъ богатство божественнаго ума,
Несчастливъ тотъ, кто о богахъ имѣетъ только темное понятіе“ (*Э. Р.*)

„Блаженъ, кто пріобрѣлъ богатство божественнаго разума, и жалокъ, кто довольствуется темнымъ понятіемъ о богахъ“ (*Г. Я*)

„Блаженъ, кто скопилъ себѣ сокровище божественнаго знанія;
Нищъ тотъ, кому въ удѣлъ досталось лишь смутное предположеніе о богахъ“ (*Г. Г.*).

133. *Климентъ Strom. V 82* Въ самомъ дѣлѣ, божество, говоритъ агригентинскій поэтъ,
„Недостижимо: мы не можемъ узрѣть его глазами
Или схватить руками; это было бы доступно лишь для той широкой проѣзжей дороги,
Какую увѣренность пролагаетъ обыкновенно въ сердца людей“ (*Г.Г*)

„Намъ не дано приблизиться къ нимъ, созерцать ихъ глазами,
Осязать ихъ руками, что́ представляетъ лучшій
Путь къ тому, чтобы убѣжденіе вошло въ сердце человѣка“ *(Э. Р.)*.

„Его (*божество*) нельзя приблизить къ себѣ и (*такимъ образомъ*) сдѣлать доступнымъ зрѣнію нашихъ очей, ни осязать руками, гдѣ соб-

---

[1]) „Т. е. пока шла рѣчь о краткодневныхъ существахъ. Перевожу по коньектурѣ Schneidewin'a (у Diels'a)—*τί σοι* вм. рукописнаго *τινός*“ *Г. Я.*

[2]) „*Ἔμιλεν*—восполняю по догадкѣ того же Schneidewin'a“ *Г. Я.*

ственно [1]) и пролегаетъ самый широкій и удобный путь для проникновенія убѣжденія въ сердца людей“ (*Г. Я.*).

134 [2]). *Аммоній de interpr. 249, 1, Busse* Вслѣдствіе этого и агригентинскій мудрецъ, побранивъ вымыслы, высказываемые у поэтовъ о богахъ, какъ о человѣкоподобныхъ (*существахъ*), сдѣлалъ особенное прибавленіе объ Аполлонѣ (*срв. А 1 § 57, стр. 133 и 23, стр. 144*), о которомъ у него было еще другое сочиненіе; подобнымъ же образомъ и о всякомъ божествѣ вообще онъ высказывается (*цит. ниже приводимые стихи*), посредствомъ слова „святой“, намекая на сверхразумную причину. *Стихи, весьма вѣроятно, примыкали непосредственно къ В 133.*

„Ибо оно (божество) не имѣетъ человѣческой головы, украшающей туловище,

И изъ спины не выходятъ двѣ руки,—
У него нѣтъ ни ногъ, ни быстрыхъ колѣнъ, ни волосатаго члена,
Онъ только духъ святой и чудесный (безпредѣльный),
Обѣгающій быстрою мыслью весь міръ“ (*Э. Р.*).

„Ибо оно (*божество*) не снабжено возвышающейся надъ (*остальными*) членами человѣческой головой, и (*у него*) не поднимаются изъ спины двѣ вѣтви, и нѣтъ у него ни ступней, ни проворныхъ колѣнъ, ни волосатыхъ частей, но оно лишь духъ святой и несказанный, обѣгающій быстрыми мыслями все мірозданіе“ (*Г. Я,*).

„Но голова не украшаетъ строенія человѣческихъ членовъ,
Не ниспадаютъ со спины парныя крылья;
Не имѣетъ онъ ни ноги, ни подвижнаго колѣна, ни покрытаго волосами полового члена:
— Святой, неизреченный духъ, онъ тотъ во-истину,
Кто быстрыми мыслями проносится по всему міру“ (*Г. Г.*).

135. *Аристотель rhet. А 13. 13 73 b 6* (*пер. Платоновой*) Есть нѣчто справедливое и несправедливое по природѣ, общее для всѣхъ, признаваемое таковымъ всѣми народами, если даже между ними нѣтъ никакой связи и никакого соглашенія относительно этого (*цитата изъ Антигоны ст. 450 слѣд.*). На такомъ же основаніи Эмпедоклъ запрещаетъ умерщвлять всякое живое существо. Такого рода поступокъ не можетъ казаться справедливымъ въ глазахъ однихъ и несправедливымъ въ глазахъ другихъ; „но этотъ законъ, обязательный для всѣхъ людей, имѣетъ силу на пространствѣ всего широкаго эѳира и неизмѣримой земли“. *Цицеронъ de r. p. 11, 19 (естественное право)* Пиѳагоръ и Эмпедоклъ объявляютъ, что основаніе права—одно для всѣхъ живыхъ существъ, и возвѣщаютъ, что неискупимыя наказанія угрожаютъ тѣмъ, кто совершилъ насиліе надъ животнымъ. *Секстъ IX 126* (*передъ В 136*; *изъ*

---

[1]) „*Ἧπερ*, т. е въ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеніяхъ“ *Г. Я.*

[2]) По мнѣнію Теодора Гомперца, Аполлона, о которомъ говорится во фр. 134, не слѣдуетъ ни отожествлять со всебожествомъ—Сферосомъ, ни ставить его надъ нимъ.

Посидоніева комментарія къ Тимею) Если даже справедливость и введена въ обращеніе людей другъ къ другу и къ богамъ, (*однако*), если боговъ нѣтъ, то и справедливости не было бы. *Срв. Ямвлихъ V. Pyth. 108* (*Пиѳагоръ*) предписалъ воздержаніе отъ (*употребленія въ пищу*) одушевленныхъ (существъ), такъ какъ желающіе поступать въ высшей степени справедливо не должны были, конечно, совершать какую-либо несправедливость по отношенію къ родственнымъ (*имъ*) животнымъ. Ибо какимъ образомъ могли бы они убѣдить другихъ поступать справедливо, будучи сами явно повинны въ хищности, несмотря на свое родство съ животными, которыя какъ бы связаны съ нами узами братства вслѣдствіе общности жизни, самихъ стихій и образуемой изъ послѣднихъ смѣси.

„(Нѣтъ ничего дозволеннаго однимъ, запрещеннаго другимъ),
Но положенъ общій законъ для всѣхъ подъ обширнымъ пространствомъ
Эѳира и безпредѣльнымъ сіяніемъ (свѣта)“ *(Э. Р.)*.

„Но этотъ всеобщій законъ простирается непрерывно по широковластвующему эѳиру и неизмѣримому свѣту [1])“ (*Г. Я.*).

„Но міровой законъ простирается черезъ даль эѳира,
Словно непрерывное сооруженіе въ безконечномъ сіяніи свѣта“ (*Г. Г.*)

136. *Секстъ IX 127* (*см. къ В 135*) Итакъ, послѣдователи Пиѳагора и Эмпедокла и множество прочихъ италійскихъ (*философовъ*) утверждаютъ, что у насъ есть нѣкоторая связь не только между собой и съ богами, но и съ неразумными животными. Ибо единое дыханіе проходитъ по всему міру, на подобіе души, и единитъ насъ съ ними (*животными*) (*срв. В 134, 5*). Поэтому-то убивая ихъ и питаясь мясомъ ихъ, мы будемъ поступать несправедливо и нечестиво, какъ истребляющіе родственныхъ *(себѣ существъ)*. По этой причинѣ эти философы увѣщевали воздерживаться (*отъ употребленія въ пищу)* одушевленныхъ (*существъ*) и говорили, что нечестиво поступаютъ люди „обагряя алтарь блаженныхъ теплой кровью убитыхъ (*животныхъ*)“, и Эмпедоклъ гдѣ-то говоритъ:

„Неужели вы не кончите страшныя убійства? Развѣ вы не видите,
Что въ своемъ безуміи вы пожираете одинъ другого?“ (*Э. Р.*).

„Неужели вы не прекратите ужаснаго кровопролитія? Неужели вы не замѣчаете, что въ безпечности ума вы пожираете другъ друга“ (*Г. Я.*)

„Почему же не отрекаетесь вы отъ вопіющаго убіенія? Развѣ вы еще не видите,
Какъ вы раздираете другъ друга, исполненные легкомыслія?“ (*Г. Г.*)

137. *Симплицій IX 129* (*послѣ В 136, 2*) и (*цит. стихи 1—6*) *Оригенъ c. Celsum V 49* (*весьма вѣроятно изъ Цельза*) Тѣ *(пиѳагорейцы)* вслѣдствіе (*вѣры*) въ вымыселъ о переселеніи души изъ одного тѣла въ другое воздерживаются отъ (*употребленія въ пищу*) одушевленныхъ (*существъ)* и нѣкто (*сказалъ*) *(цит. ст. 1—2)*.

---

[1]) „Т. е. по всей вообще вселенной“ *Г. Я.*

(*Пер. Э. Радлова)* „Отецъ, схвативъ сына, измѣнившаго образъ,
Убиваетъ его съ молитвой, великій безумецъ! Жертва кричитъ
И умоляетъ своего палача, а онъ не слушаетъ кричащаго,
Но убивъ его, приготовляетъ въ жилищѣ преступный пиръ.
Равнымъ образомъ сынъ, схвативъ отца, и дѣти мать,
И исторгнувъ жизнь, пожираютъ собственное мясо“.

(Пер. Г. Якубаниса) „Отецъ, схвативъ своего собственнаго сына, измѣнившаго (*лишь внѣшній*) образъ, закалываетъ его съ молитвою, великій безумецъ! Они приступаютъ съ мольбами [1]) къ палачу, но онъ, не внемля (*ихъ)* крикамъ, закалываетъ (*ихъ*) и готовитъ въ чертогахъ отвратительное пиршество. Точно такъ же сынъ, схвативъ отца, и дѣти —мать, исторгнувъ (*изъ нихъ)* душу, пожираютъ свою собственную [2]) плоть“.

(*Г. Гомперцъ р. п.*) „Но въ чужомъ обликѣ—и онъ молится еще въ своей глупости—
Убиваетъ отецъ собственнаго сына. А жертвы падаютъ,
Визжа, къ ногамъ жертвователя. Но онъ, глухой къ ихъ крику,
Продолжаетъ ихъ убивать и готовитъ дома себѣ ужасный обѣдъ.
Такъ точно: сынъ хватаетъ отца, дѣти—мать,
Вырываютъ сердце у нея и пожираютъ дорогіе члены“.

138. *Аристотель poet. 21 p. 1457 b 13* (*пер. В. Аппельрота*). Метафора есть перенесеніе необычнаго имени или съ рода на видъ, или съ вида на родъ, или съ вида на видъ, или по аналогіи... Съ вида же на видъ, напримѣръ, „вычерпавъ душу мечомъ“ и „отсѣкши несокрушимымъ мечомъ“, такъ какъ здѣсь „вычерпать“ въ смыслѣ „отсѣчь“, а „отсѣчь“ въ смыслѣ „вычерпать“, а оба (эти слова) значатъ „отнять“ что-нибудь.

„Мѣдью зачерпнувъ душу [3])“ *(Г. Я.)*.

139. *Порфирій de abst. II 31* Такъ какъ никто не безъ грѣха, то остается имъ (*лишь*) позже посредствомъ очищеній искупать прежнія вины, касающіяся пищи. Это было бы подобнымъ образомъ осуществлено, если бы мы, представивъ себѣ воочію ужасное (*преступленіе*), стали бы оплакивать его, повторяя слова Эмпедокла:

„Увы! отчего не уничтожилъ меня жестокій день раньше,
Чѣмъ познали мои губы преступную пищу“ *(Э. Р.)*

---

[1]) „θύοντος—необходимая поправка G. Hermann'а, вмѣсто рукописнаго θύοντες. —Diels слѣдуетъ коньектурѣ Wilamowitz'а θύοντας, которая, на мой взглядъ, даетъ худшій смыслъ: отецъ *самъ* приноситъ ужасную жертву, и къ нему-то и обращаютъ свои мольбы его злополучныя чада“ *Г. Я.*

[2]) „Т. е. близкую, родную“ *Г. Я.*

[3]) „Образъ становится понятнымъ, если припомнить, что душа, по Эмпедоклу, заключается въ крови“ *Г. Я.*

„О горе мнѣ, что не раньше уничтожилъ меня безжалостный день, чѣмъ рѣшились мои губы на дерзко-преступное дѣло (*мясной*) пищи!“ (*Г. Я.*)

„О, почему меня раньше не уничтожилъ уже жестокій день,

Прежде чѣмъ прикоснулся я своими губами къ грѣховной пищѣ“ (*Г. Г.*)

140. *Плутархъ Quaest. conv. III 1, 2 p. 646 D* И, какъ кажется, по Эмпедоклу, слѣдуетъ абсолютно воздерживаться отъ листьевъ не одного только лавра, но избѣгать и всѣхъ прочихъ деревьевъ *Предположительно*:

„Воздерживайтесь же отъ зеленыхъ листьевъ лавра‘ (*Э. Р.*)

„(*Слѣдуетъ*) совершенно воздерживаться отъ (*Фебовыхъ*) листьевъ лавра“ (*Г. Я.*).

„И совершенно воздерживайтесь отъ священныхъ листьевъ лавра!“ (*Г. Г.*)

141. *Геллій IV 11, 9* Кажется же, что причиной заблужденія относительно неяденія „бобовъ“ (*κνάμω*) было то, что въ стихотвореніи Эмпедокла, послѣдователя ученій Пиѳагора, находится слѣдующій стихъ (*цитата*). *10.* Ибо большинство полагали, что „бобами“ (*κνάμους*) (*здѣсь*) называется щелушной плодъ, согласно обычному употребленію этого слова. Но тѣ, кто тщательнѣе и съ бо́льшимъ знаніемъ обсуждали стихи Эмпедокла, говорятъ, что „бобы“ въ этомъ мѣстѣ означаютъ „шулятныя яйца“ и что они названы „бобами“ (*κνάμους*) по пиѳагорейскому обычаю иносказательно и символически, такъ какъ они являются причиною беременности (*τοῦ κυεῖν*) и подаютъ силу для рожденія людей; итакъ, Эмпедоклъ въ томъ стихѣ хотѣлъ удержать людей не отъ яденія бобковъ, но отъ нечистоты любовныхъ дѣлъ. *Дидимъ in Geopon. II 35, 8* Первымъ же сталъ воздерживаться отъ бобовъ Амфіарай вслѣдствіе (*даннаго ему*) въ сновидѣніяхъ предсказанія. Передаютъ также слѣдующія слова Орфея (*цит. ниже приводимый стихъ*). *Каллимахъ fr. 128* (*см. выше 4. 9 на стр. 73 первой части*). *Кратесъ* „Звѣри“ *fr. 17* удерживайте (*свои*) руки отъ (*прикосновенія къ*) намъ.

„Несчастные, несчастные! пусть ваши руки не касаются бобовъ“ (*Э. Р.*).

„Несчастные, о трижды несчастные, удаляйте (*ваши*) руки отъ бобовъ!“ (*Г. Я.*)

„Бѣдные, совершенно бѣдные, никогда не прикасайтесь къ бобамъ!“ (*Г. Г.*)

142. *Voll. Herc. N. 1012 col. 18* Ибо очевидно, что (*если чью-либо*) мудрость (*Каллимахъ epigr. 7. 3. 4; о фигурѣ ἀπὸ κοινοῦ*) глашатаи прокричатъ, (*то и*) Эллада прокричитъ. Одинъ, разумѣется, смыслъ (*того и другого*) выраженія. То же самое вышло и у Эмпедокла, когда говорится (*цитата*).

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Его [1]) не усладятъ [2]) ни крытые чертоги эгидодержавнаго Зевса, ни... чертогъ [3])“...

143. *Θеонъ Смирнскій p. 15, 7 Hill.* По этой самой причинѣ распространеніе политическихъ ученій, во-первыхъ, имѣетъ (*своимъ слѣдствіемъ*) нѣкоторое очищеніе, подобно совмѣстному съ дѣтства упражненію въ соотвѣтствующихъ наукахъ. Вѣдь Эмпедоклъ говоритъ, что слѣдуетъ омываться... (*цит. ниже приводимый стихъ*). *Аристотель poet. 21 p. 1457 b 13* (*B 138*).

„Черпая изъ пяти ключей
Слѣдуетъ очищаться...“ (*Э. Р.*)

(*Слѣдуетъ очищаться*), почерпнувъ въ несокрушимую мѣдь (*воды*) отъ пяти источниковъ“ (*Г. Я.*)

144. *Плутархъ de coh. ira 16 p. 464 B* Великимъ и божественнымъ считалъ я (*предписаніе*) Эмпедокла

„Воздерживаться отъ зла“ (*Э. Р*)
„Не вкушать отъ порока“ (*Г. Я.*)

145. *Климентъ Protr. 2, 27* Такимъ-то образомъ мы, бывшіе нѣкогда сыны беззаконія . . . стали сынами Бога. Для васъ же выступаетъ и вашъ агригентинскій поэтъ Эмпедоклъ:

„Но такъ какъ вы предаетесь тяжкой злости,
То никогда не освободите сердце отъ жгучихъ заботъ“ (*Э. Р.*)

„Итакъ, бѣснуясь отъ пагубныхъ пороковъ, вы никогда не облегчите душу отъ жестокихъ скорбей“ (*Г. Я.*)

„Поэтому, по-истинѣ: пока вы утопаете въ тяжкихъ грѣхахъ,
Вы никогда не снимете со своей души ужаснаго бѣдствія“ (*Г. Г.*)

146. *Климентъ Strom. IV 150* Также Эмпедоклъ говоритъ, что души мудрецовъ становятся богами, (*а именно*), онъ пишетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ:

(*Пер. Э. Радлова*) „Подъ конецъ гадатели, и поэты, и медики,
И вожди появляются у земныхъ людей,
Оттуда они возносятся до почестей боговъ.
Раздѣляютъ жилище и столъ съ другими безсмертными,
Освобожденные отъ людскихъ заботъ, року не подчиненные, безсмертные“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „А подъ конецъ бываютъ они у живущихъ на землѣ людей прорицателями, пѣвцами гимновъ [4]), врачами и вождями, откуда (*они уже*) возносятся до величаемыхъ высочайшими почестями боговъ“.

---

[1]) Вѣроятно, нечестивца, проливающаго кровь животныхъ“ *Г. Я.*

[2]) „Т. е. не примутъ, закрыты для него“ *Г. Я.*

[3]) „Второй стихъ безнадежно испорченъ“ *Г. Я.*

[4]) „Т. е. поэтами вообще“ *Г. Я.*

(Г. Гомперцъ р. п.) „А, наконецъ, у обитающихъ на землѣ людей
Онѣ (души) становятся прорицателями и пѣвцами гимновъ и врачами и царями,
Затѣмъ возносятся онѣ къ богамъ, и почесть станетъ ихъ удѣломъ“.

147. *Климентъ Strom. V 122* Если бы мы жили праведно и справедливо, то (*мы были бы*) счастливыми въ здѣшнемъ (мірѣ), еще болѣе блаженными по отшествіи изъ этого (міра), пользовались бы не какимъ-либо временнымъ счастіемъ, но были бы въ состояніи вѣчно наслаждаться покоемъ; *(цит. ниже приводимые стихи)*, говоритъ философская поэзія Эмпедокла. *Можетъ быть, стихи примыкаютъ къ B 146.*

(Пер. Г. Якубаниса) „Сожительствуя и сотрапезничая съ другими безсмертными, свободные отъ человѣческихъ скорбей, не вѣдающіе злой смерти [1]), безстрадальные“...

(Г. Г.) „Онѣ являются членами семьи и трапезы другихъ безсмертныхъ,
Свободныя отъ человѣческихъ бѣдствій, отъ которыхъ онѣ навсегда освободились“.

148. 149. 150. *Плутархъ Quaest. conviv. V 8, 2 p. 683 E (послѣ B 80)* И особенно этотъ мужъ (*Эмпедоклъ*) не имѣетъ обыкновенія украшать вещи прекраснѣйшими эпитетами ради хорошаго слога, но каждый (*эпитетъ*) у него является характеристическимъ признакомъ нѣкоторой сущности или силы (*той вещи, къ которой приложенъ этотъ эпитетъ*). Такъ, напримѣръ, объемлющее душу тѣло (*онъ называетъ*) „закрывающею смертныхъ землей“, воздухъ „тучегонителемъ“ и печень „многокровной“.

(Пер. Г Якубаниса) „(*Эмпедоклъ называетъ тѣло*) облекающею смертныхъ землею. . ., (*воздухъ*) тучесобирателемъ . . . , (*а*) печень полнокровною“.

(Фр. 150 въ пер. Э. Радлова) „печень, наполненная кровью“.

151. *Плутархъ Amat. 13 p. 756 E* Ибо ее (Афродиту) жизнедательницей Эмпедоклъ, плодородной же Софоклъ весьма достойнымъ и надлежащимъ образомъ назвали.

„Хлѣбодательная“ *(Г. Я.)*

152. *Аристотель poet. 21. 1457 b 22 (пер. В. Аппельрота)* Чтó старость для жизни, то и вечеръ для дня; поэтому можно назвать вечеръ „старостью дня“, а старость—вечеромъ жизни, или, какъ Эмпедоклъ, закатомъ жизни. *Иначе понимаетъ конецъ этого отрывка Г. Дильсъ:* „Вечеръ—старость дня“. Подобная метафора встрѣчается у Эмпедокла.

---

[1]) „Ἀπόκηροι—коньектура Scaliger'a, вм. рукописнаго ἀπόκληροι: души-демоны, уподобляясь богамъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, должны обладать также и относительнымъ безсмертіемъ этихъ послѣднихъ“ *Г. Я.*

153. *Гезихій* (*слово*) *βαυβώ*: кормилица Деметры; значитъ также желудокъ, какъ у Эмпедокла.

„Брюхо“... (*Г. Я.*).

153a. *Өеонъ Смирнскій р. 104, 1 Н.* Вѣдь зародышъ, повидимому, вырастаетъ „въ семь седмицъ“, какъ въ формѣ загадки говоритъ Эмпедоклъ въ „Очищеніяхъ“. *Срв. А 38.*

(*Пер. Г. Якубаниса*) „(*Зародышъ развивается до степени наружнаго сходства съ будущимъ живымъ существомъ*) въ теченіе семи недѣль“...

Сомнительные фрагменты.

154. *Плутархъ de esu carn. I 2 p. 993 C* (*можетъ быть, изъ Посидонія*) Или, пожалуй, всякій скажетъ, что у тѣхъ, которые первыми приступили къ мясоядепію, причиной этого было затруднительное положеніе. А именно, они пришли къ этому не вслѣдствіе своей причастности къ беззаконнымъ вожделѣніямъ и не вслѣдствіе дерзостнаго впаденія въ чуждыя (*ихъ природѣ*) противоестественныя удовольствія при избыткѣ необходимаго (*для жизни*). Но, если бы они въ настоящее время получили сознаніе и способность рѣчи, то они сказали бы: „О вы, блаженные и боголюбезные, нынѣ живущіе (*люди*), вы наслаждаетесь выпавшимъ вамъ на долю вѣкомъ жизни и обладаете доставшимся вамъ въ удѣлъ обиліемъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыя произрастаютъ для васъ и созрѣваютъ, (это) столь великое богатство. (получаемое) съ земли, сколь много возможно получать удовольствій отъ растительнаго (міра). Возможно вамъ и, не дѣлаясь нечестивыми, жить въ роскоши. Намъ же выпала самая печальная и самая ужасная часть времени для жизни, такъ какъ отъ самаго рожденія мы попали въ непреодолимо трудное положеніе. (*А именно въ то время*) еще небо и свѣтила скрывалъ воздухъ, находившійся во власти темной, трудно-раздѣляемой влаги, огня и ураганныхъ вѣтровъ. „Солнце еще не заняло опредѣленнаго мѣста и не имѣло (еще неблуждающаго, постояннаго бѣга, оно не раздѣляло (*еще*) (утреннюю) зарю и закатъ, и, во-вторыхъ, оно (*солнце*) не начало еще совершать кругового движенія и поворачиваться обратно вмѣстѣ съ производящими плоды, розами увѣнчанными Временами Года, земля же (*въ то время еще*) была насильственно подчинена“ безпорядочнымъ истокамъ рѣкъ, въ значительной своей части была безформенной вслѣдствіе (*образовавшихся*) болотъ и была пустынной по причинѣ глубокой грязи, безплодныхъ кустарниковъ и лѣсовъ. Для произведенія же садовыхъ плодовъ не было вовсе ни техническаго орудія, ни изобрѣтательности знанія. Голодъ же не давалъ времени и посѣвъ тогда (*еще*) не ожидалъ ежегодныхъ жаркихъ временъ. Что удивительнаго, если мы противъ (законовъ) природы воспользовались мясомъ животныхъ, когда употреблялся въ пищу илъ, „по-

жиралась древесная кора“ и счастіемъ было „найти произрастающій пырейникъ или флеоса [1])“ какой-либо-корень? Отвѣдавъ же и вкусивъ желудя, они отъ радости заплясали вокругъ нѣкотораго дуба, называя его дубомъ—жизнедателемъ и матерью—кормилицей. Итакъ, жившіе въ то время узнали это веселіе, все же прочее (*для нихъ*) было преисполнено страстнаго вожделѣнія и печали [2]). Васъ же, нынѣ живущихъ (*людей*), у которыхъ такое изобиліе необходимаго, какое безуміе и что̀ за страсть увлекаетъ къ оскверненію убійствомъ?

(*Пер Г. Якубаниса*) „.... (*Солнце*) стало правильно заходить, а затѣмъ снова совершать свой круговой путь, наполнивъ его [3]) плодоносными, увѣнчанными раскрывающимися почками (*растеній*), Временами года; земля же не знала мѣры.....“.

154a *Плутархъ de esu carn. II 1 p. 996 E* И выпили кикеонъ (*напитокъ*) взаимной любви, какъ сынъ Кирки,

„смѣшивающій скорби, печали, обманы и рыданія“.

154b. — -- *II 4 p. 998 A* Итакъ, кто тѣ, которые позже это узнали?

„Тѣ, кто первые сдѣлали изъ мѣди злодѣйскій ножъ для разбоя на большой дорогѣ, они же первые стали употреблять въ пищу обрабатывающихъ землю воловъ“.

154c. *Свида см. слово αὐτίκα.*

По поводу (*дѣлъ*) прямо съ самаго начала обѣщающихъ хорошій конецъ (*говорится*) пословица:

„И у растеній немедленно обнаруживается, которыя (*изъ нихъ*) принесутъ плоды“.

154d. Т. Гомперцъ находитъ нѣсколько Эмпедокловыхъ выраженій у Аристотеля *Top. Z 2. 140 a 3* (Wien. Sitz. Ber. 152, 1, 14), Возраженіе Дильса см. въ примѣчаніи на стр. 280--281. Выраженія, о которыхъ идетъ рѣчь:

„Осѣненное бровями“=глазъ.

„Причиняющее укусомъ гніеніе“=ядовитый паукъ.

„Рожденный костьми“=мозгъ въ костяхъ.

Неподлинные фрагменты.

155. *Діогенъ VIII 43* У нихъ (*у Пиѳагора и Ѳеано*) былъ сынъ Телавгъ, который сталъ преемникомъ отца и, согласно нѣкоторымъ, былъ

[1]) Водяное растеніе.

[2]) Т. е. ихъ страстное вожделѣніе не находило себѣ удовлетворенія.

[3]) „Т. е. свой путь—δρόμον или, что то же, время этого пути, т. е. годъ“ *Г. Я.*

учителемъ Эмпедокла. И дѣйствительно, Гиппоботъ передаетъ (*слѣдующія*) слова Эмпедокла.

„Телавгъ, славный сынъ Θеано и Пиθагора!“ (*Г. Я.*).

156. *Діогенъ VIII 60 послѣ В 1* (*А 1, стр. 134*) Впрочемъ, на него онъ сочинилъ еще (*слѣдующую*) эпиграмму (*цит. ниже приводимые стихи*). *Антологія VII 508 съ заглавіемъ* „Симонида“.

(*Пер. Э. Радлова*) „Гела родила Павзанія врача, вскормила его, прозваннаго

Сыномъ Анхита, внука Эскулапа,
Который многихъ мужей, пораженныхъ тяжкими болѣзнями,
Отвратилъ отъ жилища Персефоны“.

(*Пер Г. Якубаниса*) „Отечественная Гела вскормила врача, по прозванію Павзанія, сына Анхита, мужа изъ рода Асклепія, который (*Павзаній*) многихъ удручаемыхъ тяжкими немощами мужей отвратилъ отъ сокровенныхъ чертоговъ Персефоны“.

157. *Діогенъ VIII 65* (*А 1*) *см. нашъ переводъ и примѣчаніе на стр. 135.*

(*Пер. Э. Радлова*) „Большой курганъ скрываетъ великаго врача Акрона изъ Акраганта,

Сынъ великаго отца (гражданина) величайшаго отечества“.

(*Пер. Г. Якубаниса*) „Лучшаго врача Акрагантинца Акрона, (*сына*) лучшаго отца [1]), скрываетъ высокій курганъ въ высочайшей отчизнѣ“.

158. *Гіероклъ in aur. c. 24* (*послѣ приведенія 21 В 121*) Стремленіе же убѣгающаго изъ луга Пагубы направляется на лугъ Истины, оставивъ который вслѣдствіе стремительной потери крыльевъ, онъ входитъ въ земное тѣло, въ блаженной „жизни лишившись участія“.

„Лишенный жизни...“ *Г. Я.*

159. *Аристотель de gener. et corr. A 8 p. 325 b 19* У Эмпедокла же очевидно, что (*все*) остальное за исключеніемъ элементовъ имѣетъ возникновеніе и гибель, но какимъ образомъ „нагромождающаяся величина“ ихъ (*элементовъ*) самихъ возникаетъ и уничтожается, неясно...

„Скученная масса“ (*Э. Р.*)

„Скученная величина“... (*Г. Я.*).

160. J. A. Cramer въ третьемъ томѣ своего сочиненія: „Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium, 1836, на стр. 158—203 издалъ 29 писемъ анонимнаго византійскаго грамматика и полигистора XII вѣка. Письма эти—самаго разнообразнаго содержанія; изъ нихъ восемнадцатое (стр. 184) содержитъ рядъ цитатъ изъ Эмпедокла, въ томъ

---

[1]) „*Πατρὸς ἄκρου*—Mullach; или: сына отца Акра—*πατρὸς Ἄκρου*—Diels“ *Г. Я.*

числѣ 6 новыхъ стиховъ. Послѣдніе стихи извлекъ Г. Штейнъ (H. Stein. Zu Empedokles въ „Philologus" XV, 1860, стр. 143) и включилъ ихъ въ свое изданіе Эмпедокла. На основаніи изслѣдованія языка стиховъ Г. Дильсъ (Diels. Studia Empedoclea, въ „Hermes" XV, 1880, стр 177) пришелъ къ твердому убѣжденію („certissimum est"), что эти стихи не принадлежатъ Эмпедоклу и вообще древности. но сочинены самимъ эпистолографомъ. Въ статьѣ „Michael Italikos" (помѣщенной въ Byzantinische Zeitschrift, IV Bd., I Heft, 1895) M. Treu доказываетъ, что авторомъ этихъ писемъ былъ не Михаилъ Пселлъ (какъ думали Boissonade и A. Jahn), но Михаилъ Италійскій, епископъ Филиппополя.

161. О такъ называемой „Сферѣ Эмпедокла", изд. F. Wiek (diss. Gryph. 1897), см. E. Maass. *Commentariorum in Aratum reliquiae* 1848, стр. 154—171 и A. Elter. *Analecta Graeca* Bonn 1899, стр. 41. Это астрономическое сочиненіе ошибочно приписалъ Эмпедоклу Димитрій Триклиній.

С. Подражаніе.

1. Платонъ Phaedr. 248 B слѣд. (срв. B 115) (Пер. проф Карпова): Отчего это великое стремленіе видѣть поле истины, гдѣ она находится? Оттого, что приличная пища благороднѣйшей части души добывается только съ той пажити, и природа пера, облегчающая душу, питается только тою пищею. Да таково и опредѣленіе Адрастеи, что, слѣдуя по стопамъ бога и отчасти видя истину, душа до другого кругообращенія остается безопасною, и если всегда можетъ дѣлать то же, то вредъ никогда къ ней не приражается. Напротивъ, когда, не имѣя силы слѣдовать за богомъ, она ничего не видитъ и, подвергшись какому нибудь бѣдствію, помрачается забвеніемъ и зломъ, такъ-что отяжелѣваетъ и, отяжелѣвъ, роняетъ перья и падаетъ на землю; тогда опять законъ—при первомъ рожденіи не поселять ея ни въ какую животную природу, но много созерцавшую вводить въ зародышъ человѣка, имѣющаго быть или философомъ, или любителемъ прекраснаго, или какимъ музыкантомъ, или эротикомъ, вторую за тѣмъ —въ будущаго законнаго государя, либо въ военачальника, либо въ правителя; третью—въ политика, въ домостроителя, или въ промышленника; четвертую—въ трудолюбиваго гимнастика, либо въ будущаго врачевателя тѣла; пятую—въ человѣка, имѣющаго вести жизнь прорицателя, или посвященнаго; шестая будетъ прилична поэту, или иному мимику, седьмая—художнику, либо земледѣльцу; осьмая—софисту, или народному льстецу; девятая—тиранну. И во всѣхъ этихъ состояніяхъ,—живя праведно, она получаетъ лучшую участь, а неправедно,—худшую. Но въ состояніе, изъ котораго вышла, каждая возвратится не прежде, какъ чрезъ десять тысячъ лѣтъ; потому что до того времени

не окрылится, —развѣ то будетъ душа человѣка, безъ хитрости философствующаго, или философски любящаго. Такія души, если онѣ трижды сряду избирали одну и ту же жизнь, въ третьемъ, тысячелѣтнемъ кругооборотѣ наконецъ окрыляются и въ трехтысячномъ году отходятъ; прочія же, совершивъ первый періодъ, являются на судъ и, по приговору суда, однѣ изъ нихъ, сошедши въ подземныя жилища, получаютъ тамъ наказаніе, а другія возводятся судомъ на нѣкое небесное мѣсто и живутъ примѣнительно къ тому, какъ жили въ образѣ человѣка. Въ тысячномъ же году, тѣ и другія отправляются для полученія и избранія второй жизни, и—избираютъ, какую каждая хочетъ. Тогда человѣческая душа переходитъ и въ жизнь животнаго, а изъ животнаго, бывшая нѣкогда человѣческою,—опять въ человѣка.

2. Синезій de provid. 1 (66, 1213 A Mign.) Лежитъ у Ѳемиды законъ, возвѣщающій душамъ, что всякая изъ нихъ, которая, вступивъ на берегъ сущаго, соблюдетъ свою природу и пребудетъ незапятнанной, та тѣмъ же самымъ путемъ обратно будетъ освобождена и изольется въ свой источникъ, подобно тому какъ и другія (души) изъ иной партіи, лишившись нѣкоторымъ образомъ (своей) природы, вошли для жительства въ сродныя (имъ) пещеры (*цит. B 121, 2—4*).

Печатается

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ

„ДОСОКРАТИКОВЪ".

(Пифагорейцы, Анаксагоръ и др.).

ГОТОВИТСЯ къ ПЕЧАТИ

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСКЪ

„Досократиковъ".

